

Jezik, prijevod i međukulturna komunikacija: Zbornik radova II. Međunarodne znanstvene konferencije: 17. - 19. listopada 2024., Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Pula, Hrvatska

Mikulaco, Irena

Edited book / Urednička knjiga

Publication status / Verzija rada: **published version / objavljena izdavačeva verzija**

Publication year / Godina izdavanja: **2026**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:137:315031>

Rights / Prava: [Imenovanje-Nekomercijalno-Bez prerada 3.0](#) / [Attribution-NonCommercial-NoDerivs 3.0](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2026-04-07**

Repository / Repozitorij:

[Digital Repository Juraj Dobrila University of Pula / Digitalni repozitorij Sveučilišta Jurja Dobrile u Puli](#)

Filozofski fakultet u Puli

ZBORNİK RADOVA

II. MEĐUNARODNE ZNANSTVENE KONFERENCIJE

*JEZİK, PRIJEVOD I
MEĐUKULTURNA KOMUNIKACIJA*

PROCEEDINGS

OF THE 2nd INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE

*LANGUAGE, TRANSLATION AND
INTERCULTURAL COMMUNICATION*

Urednica / Editor

Irena Mikulaco

Pula, 2026.

Filozofski fakultet u Puli

ZBORNİK RADOVA

II. MEĐUNARODNE ZNANSTVENE KONFERENCIJE

***JEZIK, PRIJEVOD I
MEĐUKULTURNA KOMUNIKACIJA***

PROCEEDINGS

OF THE 2nd INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE

***LANGUAGE, TRANSLATION AND
INTERCULTURAL COMMUNICATION***

Urednica / Editor

Irena Mikulaco

Pula, 2026.

**Zbornik radova II. Međunarodne znanstvene konferencije *Jezik, prijevod i međukulturna komunikacija*
17. – 19. listopada 2024., Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Pula, Hrvatska**

**Proceedings of the 2nd International Scientific Conference *Language, Translation and Intercultural Communication*
October 17 – 19, 2024, Juraj Dobrila University of Pula, Pula, Croatia**

Izdavač / Publisher

Sveučilište Jurja Dobrile u Puli / Juraj Dobrila University of Pula
Zagrebačka 30, 52100 Pula, Hrvatska / Croatia

Za izdavača / For Publisher

Marinko Škare, rektor / rector

Urednica / Editor

Irena Mikulaco

Recenzenti / Reviewers

prof. dr. sc. Emma Arhangelska
izv. prof. dr. sc. Andrea Grominová

Lektura i korektura / Language-editing and Proofreading

Emma Arhangelska, ruski jezik / Russian language
Matea Glavinić, hrvatski jezik / Croatian language
Natallia Kabiak, engleski jezik / English language

Grafičko oblikovanje i prijelom / Graphic cover design and layout

Slaven Legović

Zbornik radova je objavljen na temelju Odluke Odbora za izdavačku djelatnost Sveučilišta Jurja Dobrile u Puli, KLASA: 611-04/26-01/03, URBROJ: 143-01-15-26-1 od 18. ožujka 2026. godine.

The Proceedings was published based on the Decision of the Committee for Publishing Activities of Juraj Dobrila University of Pula, CLASS: 611-04/26-01/03, REG. NUMBER: 143-01-15-26-1 of March 18, 2026.

Online pdf izdanje / online pdf issue

ISBN

978-953-377-101-4

Sva prava su pridržana. Nijedan dio ovog zbornika ne smije se reproducirati ili prenositi u bilo kojem obliku ili na bilo koji način, bio on elektronički ili mehanički, uključujući fotokopiranje i snimanje na digitalne medije, kao i objavljivanje na Internetu, osim ako nema pisanih dozvola vlasnika autorskih prava. Radovi su citirani u autorskom izdanju. Urednica ne snosi odgovornost za autorstvo i sadržaj.
© Irena Mikulaco, 2026.

All rights reserved. No part of this proceedings volume may be reproduced or transmitted in any form or by any means, whether electronic or mechanical, including photocopying and recording on digital media, as well as publishing on the Internet, without the prior written permission of the copyright holder. The papers are cited in their original authorial form. The editor assumes no responsibility for authorship or content.

Zbornik radova II. Međunarodne znanstvene konferencije

Jezik, prijevod i međukulturna komunikacija / Urednica Irena Mikulaco

Izdavač: Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Hrvatska
Pula, 2026. – 314 str.

Proceedings of the 2nd International Scientific Conference

Language, Translation and Intercultural Communication / Editor Irena Mikulaco

Publisher: Juraj Dobrila University of Pula, Croatia
Pula, 2026 – 314 p.

Ovaj zbornik radova rezultat je Druge međunarodne znanstvene konferencije „Jezik, prijevod i međukulturna komunikacija“. Svoj doprinos zborniku dalo je 40 autora. Zbornik se sastoji od 30 znanstvenih i stručnih radova te jedne recenzije. Radovi su raspoređeni u četiri poglavlja koja tematski pripadaju području humanističkih znanosti i predstavljaju rezultate istraživanja iz područja lingvistike, terminologije, traduktologije, interkulturalne komunikacije, povijesti i teorije književnosti u slavističkome svijetu te metodike bavljenja stranim jezikom u digitalnom prostoru.

Zbornik je namijenjen stručnjacima iz humanističkih znanosti, prije svega filozofima, slavistima (znanstvenicima, nastavnicima, studentima diplomskih i poslijediplomskih studija) u Hrvatskoj i izvan nje. Zbornik je također namijenjen svima, koje zanima suvremena lingvistika, koji se bave proučavanjem i podučavanjem slavenskih jezika i književnosti, prijevodom te interkulturalnom komunikacijom.

These Proceedings are the result of the Second International Scientific Conference “Language, Translation and Intercultural Communication.” A total of 40 authors contributed to the volume. The proceedings consist of 30 scientific and professional papers and one review. The papers are organized into four chapters, thematically situated within the field of the humanities, and present research results in linguistics, terminology, translation studies, intercultural communication, the history and theory of literature in the Slavic world, and the methodology of foreign language teaching in the digital environment. The proceedings are intended for experts in the humanities, primarily philologists and Slavists (researchers, teachers, and graduate and postgraduate students) in Croatia and abroad. They are also intended for anyone interested in contemporary linguistics, engaged in the study and teaching of Slavic languages and literatures, translation, and intercultural communication.

Recenzenti radova u zborniku / Proceedings Reviewers

prof. dr. sc. Emma Arhangel'ska, Baltic International Academy, Riga (Latvian Republic), prof. dr. sc. Rafaela Božić, University of Zadar (Croatia), izv. prof. dr. sc. Tatiana Chapligina prof. dr. sc. Irina Borisovna Fedotova, Pyatigorsk State University (Russia), doc. dr. sc. Lukáš Gajarský, Faculty of Arts, University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava (Slovakia), doc. dr. sc. Olga Iermachkova, Faculty of Arts, University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava (Slovakia), izv. prof. dr. sc. Kinga Kowalewska, Adam Mickiewicz University, Poznań (Poland), doc. dr. sc. Korolkova Anzhelika V., Moscow State Pedagogical University (Russia), izv. prof. dr. sc. Amela Ljevo-Ovčina, University of Sarajevo (Bosnia and Herzegovina), doc. dr. sc. Elena Maleeva, University of Applied Sciences BFI Vienna (Austria), doc. dr. sc. Daniel Mikulaco, Juraj Dobrila University of Pula (Croatia), dr. sc. Irena Mikulaco, v. pred. Juraj Dobrila University of Pula (Croatia), prof. dr. sc. Bartosz Osiewicz, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu (Poland), prof. dr. sc. Alexey Ovcharenko, Patrice Lumumba University (RUDN University), Moscow (Russia), prof. dr. sc. Marina Radčenko, University of Zadar (Croatia), prof. dr. sc. Razumovskaya Veronica, Siberian Federal University (Russian Federation), prof. dr. sc. Natalija Vidmarović

Organizacijski odbor konferencije / Conference Organizing Committee

Irena Mikulaco, Ph.D., General Chair, Head of the Foreign Languages sub-department, Faculty of Humanities, Juraj Dobrila University of Pula, President of the Croatian Association of Teachers of Russian Language and Literature
Lina Pliško, Ph.D., Dean of the Faculty of Humanities, Juraj Dobrila University of Pula
Dario Kukuljan, IT and technical support, Juraj Dobrila University of Pula
Rafaela Božić, Ph.D., University of Zadar, HAPRYAL
Marina Radčenko, Ph.D., University of Zadar, HAPRYAL
Natalija Vidmarović, Ph.D., HAPRYAL

Organizing Committee

E-mail: ffpu-symposiumpula@unipu.hr

Contact Person: Dr. sc. Irena Mikulaco, Ph.D., General Chair

CONFERENCE WEBSITE: 2. Međunarodna znanstvena konferencija “Jezik, prijevod i međukulturna komunikacija” - Jezik, prijevod i međukulturna komunikacija (unipu.hr)

Hrvatski znanstveni odbor / Croatian Scientific Committee

Lina Pliško, Ph.D., Dean of the Faculty of Humanities, Juraj Dobrila University of Pula
Irena Mikulaco, Ph.D., Faculty of Humanities, Juraj Dobrila University of Pula, HAPRYAL
Rafaela Božić, Ph.D., University of Zadar, HAPRYAL
Sandra Hadžihalilović, Ph.D., University of Zadar, HAPRYAL
Marina Radčenko, Ph.D., University of Zadar, HAPRYAL
Natalija Vidmarović, Ph.D., HAPRYAL
Jasmina Vojvodić, Ph.D., University of Zagreb, HAPRYAL

Međunarodni znanstveni odbor / International Scientific Committee

Arkhangelska Emma, Ph.D., Latvian Republic
Baltic International Academy, Riga
Gajarski Lukaš, Ph.D., Slovakia
Faculty of Arts, University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava
Guzman Tirado Rafael, Ph.D., Spain
Member of MAPRYAL Presidium, University of Granada, Granada
Grominova Andrea, Ph.D., Slovakia
Faculty of Arts, University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava
Kozdra Michał, Ph.D., Poland
Faculty of Applied Linguistics, University of Warsaw, Warsaw
Ljevo Ovčina Amela, Ph.D., Bosnia and Hercegovina
Faculty of Philosophy, University of Sarajevo
Kalezić-Radonjić Svetlana, Ph.D., Montenegro
Faculty of Philology, University of Montenegro
Maleeva Elena, Ph.D., Austria
Faculty of Applied Sciences, Vienna
Pencheva Antonia, Ph.D., Bulgaria
Head of the Department of Foreign Languages and Applied Linguistics, Faculty of National and World Economy, Member of
MAPRYAL Presidium, President of the Bulgarian Association of Teachers of Russian Language and Literature, Sofia

SADRŽAJ / CONTENT

LINGVISTIKA

LINGUISTICS

ЛИНГВИСТИКА

Mladen Hraste, Ana Mršić Zdilar, Lea Hraste

Poredbeno vaterpolsko nazivlje na hrvatskom i engleskom jeziku 7

Короткова Ольги Николаевна

Национально-культурная специфика фрейма «приглашение» 17

Квапил Роман

Текст как основа моделирования языковой картины мира 25

Amela Ljevo-Ovčina

Jerofejevljeva slika i naličje Rusije u knjizi *Bog X. Priče o ljubavi* kroz metajezičke komentare 35

Ольга Макаровска

Текстовая картина мира в шепотках знахарки Марьи Быковой (на примере заговоров от внезапной боли) 45

Маркова Елена Михайловна

Влияние английского языка на современный русский язык 65

Рацибурская Лариса Викторовна

Новообразования в современных российских медиа 73

Радченко Марина Васильевна

Компрессивные способы словообразования в современном русском языке 79

Улична Мартина

Частица «бы» («бу») в русском и словацком языках с точки зрения взаимовлияния в процессе овладения иностранным языком 85

Уразбекова Алина Айжарыковна

Современный русский язык в интернет-пространстве: актуальные электронные комментарии к YouTube-каналам общественно-политической направленности 93

PRIJEVOD I MEĐUKULTURNA KOMUNIKACIJA

TRANSLATION AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

ПЕРЕВОД И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Арсениев Светослав Валентинов

О некоторых особенностях перевода на болгарский язык воспоминаний Ф.М. Депрерадовича о русско-турецкой войне 1877-1878 гг. 103

Федотова Ирина Борисовна	
К вопросу о речевом портрете современного человека	113
Marina Glavaš, Maria Rugo	
Interkulturalna kompetencija u audiovizualnom prevođenju na primjeru hrvatskoga i talijanskoga jezika.....	119
Anna Kozłowska	
On the ethics in literary communication	131
Anita Lemić Stagličić	
Razvoj jezika i izazovi prevođenja u jeziku struke	141
Andrea Pavlović, Irena Mikulaco	
Ekvivalencija u prijevodu hrvatskih i ruskih frazema	151
Пенчева Антония Ивановна	
Англо-русские терминологические соответствия процесса первичного публичного размещения акций (IPO)	161
Силвия Петкова	
Подходы к переводу русских эмоционально-оценочных формул на болгарский язык.....	167
Олджай Тюркан	
Русская литература в Турции: к истории перевода	179
SLAVENSKE KNJIŽEVNE TRADICIJE SLAVIC LITERARY TRADITIONS СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ	
Mateusz Jaworski	
Мотив дороги в новейшей русской прозе (Владимир Сорокин, Виктор Пелевин).....	189
Ланин Борис Александрович	
Память и State of Exception в русской дистопии	197
Овчаренко Алексей Юрьевич, Шапринская Елизавета Андреевна	
Разработка алгоритма по исследованию звуковой стороны поэзии О.Э. Мандельштама	207
Погорелова Ирина Юрьевна	
Реставрация исторической действительности в современной русской литературе	219
Dušanka Popović	
Nikola Lopičić i crnogorska realistička pripovijetka između dva svjetska rata...225	
Разумовская Вероника Адольфовна	
Виктор Астафьев как культурный инсайдер и его тексты в полисистеме мировой литературы	235

Александр Распопов

Становление жанра поэтического репортажа в творчестве

Дмитрия Строчева.....243

Шульженко Вячеслав Иванович, Сумская Марина Юрьевна

«Антология литературы народов Северного Кавказа» как образец

межкультурного взаимодействия на Юго-Востоке Европы257

**METODIKA NASTAVE STRANIH JEZIKA U DIGITALNOM PROSTORU
METHODS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN THE DIGITAL SPACE
МЕТОДИКА И ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В
ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Rafaela Božić, Vanda Božić

**Edukativni potencijal primjene videoigara temeljenih na književnim
klasicima u nastavi stranih jezika (na primjeru ruskoga jezika i videoigre**

„Zločin i kazna. Tko je podmetnuo Raskoljnikovu“).....267

Ivana Grabar, Izidora Radek, Pia Orešković

Učestalost i navike korištenja stručne literature na engleskom

jeziku među studentima.....277

Natallia Kabiak

Современные короткометражные фильмы на уроке РКИ (на примере

учебного пособия *Learn Russian through Contemporary Short Film*)291

RECENZIJA

BOOK REVIEW

РЕЦЕНЗИЯ

Новикова Виктория Викторовна

Рецензия на учебные пособия «Любимые советские фильмы

на уроке РКИ» и «Learn Russian through Contemporary Short Film»,

автор Н. В. Кабьяк.....301

PROSLOV

Ovaj zbornik radova predstavlja rezultate Druge međunarodne znanstvene konferencije „Jezik, prijevod i međukulturna komunikacija“, održane od 17. do 19. listopada 2024. godine u Puli, na Filozofskom fakultetu Sveučilišta Jurja Dobrile u Puli. Organizatorica konferencije bila je dr. sc. Irena Mikulaco, v. pred., voditeljica Katedre za strane jezike Filozofskog fakulteta u Puli. Konferencija je organizirana u okviru institucijskoga projekta Irene Mikulaco „Jezik prava i poslovna komunikacija“ (ffpu-05-2021-3; <https://www.croris.hr/projekti/projekt/7706>).

Konferencija je bila organizirana uz podršku Hrvatskoga društva nastavnika ruskoga jezika i književnosti – HAPRYAL, Baltijske međunarodne akademije iz Rige (Latvija) i Sveučilišta svetih Ćirila i Metoda iz Trnave (Slovačka), a provedena je u poslovnom centru Coworking Pula zahvaljujući potpori Istarske županije. Rad konferencije odvijao se u hibridnom obliku (uživo i online), paralelno u dvije dvorane, u 16 sekcija s usmenim izlaganjima. Osim rada u sekcijama, upriličene su tri prezentacije knjiga i časopisa Filozofskog fakulteta u Puli – 21. broja časopisa „Tabula“, posvećenog 200. godišnjici rođenja F. M. Dostojevskog.

Većina sudionika sudjelovala je uživo. Konferencija je okupila 110 sudionika iz Europe, Australije, Kanade, SAD-a, Južne Amerike i Azije. Najviše je sudjelovalo europskih slavista iz Poljske, Slovačke, Bugarske, Crne Gore, Bosne i Hercegovine, ali sudionici su bili i iz Turske, Brazila, Irske, Italije i Rusije te velik broj sudionika bio je s hrvatskih sveučilišta i iz hrvatskih gradova (Zagreb, Zadar, Varaždin, Split, Rijeka, Gospić, Bjelovar, Hvar...).

Cilj konferencije bio je predstaviti teorijska i primijenjena istraživanja iz glavnih tematskih područja konferencije, a to su jezik, prijevod, književnost i metodika učenja stranih jezika. Službeni jezici konferencije su svi slavenski jezici i engleski jezik. Izlaganja su bila na hrvatskom, ruskom, engleskom i ukrajinskom jeziku te je prije početka konferencije objavljena i Knjiga sažetaka u e-izdanju. Organizacijski odbor dao je priliku i studentima da izlažu svoje radove i istraživanja te da se uključe u rad konferencije.

Među sudionicima bili su dekani, urednici časopisa u bazi SCOPUS, profesori koji predaju na prestižnim svjetskim sveučilištima. Konferencija je protekla na visokoj znanstvenoj razini, sudionici su ostvarili kontakte i potaknuta je daljnja međunarodna suradnja, razrada novih znanstvenih projekata i stvorena su nova prijateljstva, a Sveučilište Jurja Dobrile i Filozofski fakultet u Puli pokazali su se kao odlični domaćini.

Osim službenog i radnog dijela programa, sudionici su imali priliku za umrežavanje i druženje, a za sudionike je bio organiziran i popratni kulturni program. Na kraju prvog dana konferencije bilo je organizirano druženje i domjenak, a na kraju drugoga dana konferencije zahvaljujući Turističkoj zajednici Grada Pule i Arheološkom muzeju, sudionici konferencije posjetili su Arenu i naučili o povijesti Pule i njezinim znamenitostima. Trećega dana konferencije bilo je organizirano neformalno druženje na izletu po Istri. Oduševljeni sudionici uživali su u ljepotama Rovinja, u morskome krajoliku i unutrašnjoj, čarobnoj Istri punoj legendi i priča. Vidjeli su Hum, prošli Alejom glagoljaša i rasplesali se uz Fabrisa iz Plesne škole by Fabris u konobi „Doma“ te probali istarske delicije. Sudionici konferencije su izjavili da je konferencija bila „fantastična“, čak „najbolja u životu“ te da s nestrpljenjem čekaju iduću konferenciju, koju organizatori planiraju u jesen 2026.

Zbornik predstavlja nastavak i rezultat projekta „Jezik prava i poslovna komunikacija“ (LLBC) (ffpu-1-2024-3, <https://www.croris.hr/projekti/projekt/15848>). Suradnici na projektu su profesori iz Hrvatske, Bugarske, Latvije, Poljske i Slovačke. Ovaj zbornik okuplja 40 autora iz različitih akademskih sredina, a sadrži 30 znanstvenih i stručnih radova te jednu recenziju. Radovi su raspoređeni u četiri tematska poglavlja: *Lingvistika, Prijevod i međukulturna komunikacija, Slavenske književne tradicije te Metodika nastave stranih jezika u digitalnom prostoru*. Autori ovoga zbornika pristupaju jezičnim, književnim i prevoditeljskim pojavama iz raznovrsnih teorijskih i metodoloških perspektiva. Oni pokazuju kako suvremena lingvistika, traduktologija, terminologija i interkulturalna komunikacija ne prestaju biti dinamična i produktivna područja istraživanja, kako na slavističkim studijima tako i u širem humanističkom kontekstu. Posebnu vrijednost ovom zborniku daju analize mogućnosti učenja i

poučavanja jezika u digitalnom okruženju, što dodatno potvrđuje aktualnost i primjenjivost rezultata predstavljenih istraživanja. Svi radovi prošli su dvostruku slijepu recenziju.

Zbornik je namijenjen ponajprije stručnjacima iz humanističkih znanosti – filolozima i slavistima, znanstvenicima, nastavnicima te studentima diplomskih i poslijediplomskih studija u Hrvatskoj i inozemstvu, ali i svima koje zanimaju suvremena lingvistika, slavenski jezici i književnosti, prijevod te međukulturna komunikacija. Nadamo se da će radovi okupljeni u ovom izdanju potaknuti daljnje dijaloge, suradnju i nova istraživanja u prostoru susreta jezika i kultura.

Ovim putem zahvaljujem svim autorima na vrijednim znanstvenim doprinosima, kao i recenzentima i lektorima na njihovoj stručnosti i uloženom trudu. Posebnu zahvalnost upućujem institucijama i partnerima koji su podržali održavanje konferencije i objavljivanje ovoga zbornika. Vjerujem da će objavljeni radovi pronaći svoje čitatelje te potaknuti nova istraživanja i daljnju međunarodnu znanstvenu suradnju.

S poštovanjem,
dr. sc. Irena Mikulaco, v. pred.
urednica
*šefica katedre za strane jezika Filozofskog fakulteta
Sveučilišta Jurja Dobrile u Puli,
predsjednica Hrvatskoga društva nastavnika ruskoga jezika i književnosti*

PROLOGUE

These Proceedings present the results of the Second International Scientific Conference “Language, Translation and Intercultural Communication” held from October 17 to 19, 2024 in Pula, at the Faculty of Humanities at the Juraj Dobrila University in Pula. The conference was organized within the framework of the institutional project “Legal Language and Business Communication” – ffp-05-2021-3, <https://www.croris.hr/projekti/projekt/7706> (project leader and general chair of the conference organizing committee is Dr.sc. Irena Mikulaco, Ph.D.), comprising professors from Croatia, Poland, Bulgaria and Slovakia. The Conference Organizers were the Subdepartment of Foreign Languages of the Faculty of Humanities in Pula with the support of the Croatian Association of Teachers of Russian Language and Literature, the Baltic International Academy from Riga (Latvia), and the University of Saints Cyril and Methodius from Trnava (Slovakia).

The conference was held at the Coworking Pula business center with the support of the Istrian County. The conference activities took place in a hybrid format (in person and online), running in parallel in two halls, across 16 sections featuring oral presentations. In addition to the sectional sessions, three books and journal presentations from the Faculty of Humanities in Pula were organized, including the 21st issue of the journal *Tabula*, dedicated to the 200th anniversary of the birth of F. M. Dostoevsky.

Most participants attended in person. The conference brought together 110 participants from Europe, Australia, Canada, the United States, South America, and Asia. Most of the participants were European Slavists from Poland, Slovakia, Bulgaria, Montenegro, and Bosnia and Herzegovina; however, participants also came from Turkey, Brazil, Ireland, Italy, and Russia. Many participants were affiliated with Croatian universities and came from cities across Croatia (Zagreb, Zadar, Varaždin, Split, Rijeka, Gospić, Bjelovar, Hvar, etc.).

The aim of the conference was to present theoretical and applied research in the main thematic areas relevant to the conference, namely language, translation, literature, and the methodology of foreign language learning. The official languages of the conference were all Slavic languages and English. Presentations were delivered in Croatian, Russian, English, and Ukrainian and an electronic edition of the Book of Abstracts was published prior to the start of the conference. The Organizing Committee also provided students with the opportunity to present their papers and research and to participate actively in the conference.

Among the participants were deans, editors of journals indexed in the SCOPUS database and professors teaching at prestigious universities worldwide. The conference was conducted at a high scientific level; participants established professional contacts, further international cooperation was encouraged, new research projects were initiated, and new friendships were formed. The Juraj Dobrila University of Pula and the Faculty of Humanities in Pula proved to be excellent hosts.

In addition to the official and working parts of the program, participants had opportunities for networking and socializing, and a cultural accompanying program was also organized. At the end of the first day of the conference, a social gathering and reception were held. At the end of the second day, thanks to the Pula Tourist Board and the Archaeological Museum, conference participants visited the Arena and learned about the history of Pula and its landmarks. On the third day of the conference, an informal social gathering was organized in the form of an excursion around Istria.

Delighted participants enjoyed the beauty of Rovinj, the coastal scenery and the magical inland of Istria, rich in legends and stories. They visited Hum, walked along the Glagolitic Alley, danced to the music of Fabris from the “by Fabris” Dance School at the “Doma” tavern, and sampled Istrian delicacies. Conference participants stated that the conference was “fantastic,” even “the best of their lives,” and that they are eagerly looking forward to the next conference, which the organizers are planning for autumn 2026.

The proceedings represent a continuation and outcome of the project “Legal Language and Business Communication” – (LLBC) – ffp-1-2024-3, <https://www.croris.hr/projekti/projekt/15848>). Project collaborators include professors from Croatia, Bulgaria, Latvia, Poland, and Slovakia. This volume brings together 40 authors from diverse academic backgrounds and contains 30 scientific and professional papers as well as one review of two books. The papers are organized into four thematic sections:

Linguistics; Translation and Intercultural Communication; Slavic Literary Traditions; and the Methodology of Foreign Language Teaching in the Digital Environment. The authors approach linguistic, literary and translation-related phenomena from a wide range of theoretical and methodological perspectives. They demonstrate that contemporary linguistics, translation studies, terminology and intercultural communication remain dynamic and productive fields of research, both within Slavic studies and in the broader humanities context. Particular value has been added to this volume by analyses of the possibilities of language learning and teaching in digital environments, further confirming the relevance and practical applicability of the research results presented. All papers underwent double-blind peer review.

These Conference Proceedings are primarily intended for specialists in the humanities –philologists and Slavists, researchers, teachers, and graduate and postgraduate students in Croatia and abroad – but also for anyone interested in contemporary linguistics, Slavic languages and literatures, translation, and intercultural communication. We hope that the works collected in this edition will stimulate further dialogue, collaboration and new research at the intersection of language and culture.

I would like to take this opportunity to thank all the authors for their valuable scholarly contributions, as well as the reviewers and editors for their expertise and dedication. Special thanks go to the institutions and partners who supported the organization of the conference and the publication of these Proceedings. I trust that the published works will find their readers and inspire new research and continued international scholarly collaboration.

Sincerely,

dr. sc. Irena Mikulaco, Ph.D.

Editor-in-chief

*Head of the Foreign Languages subdepartment at the
Faculty of Humanities, Juraj Dobrila University of Pula,*

*President of the Croatian Association of Teachers of Russian
Language and Literature*

LINGVISTIKA

LINGUISTICS

ЛИНГВИСТИКА

Stručni rad/Professional paper

UDK 811.163.42'373:397.253

811.111'373:397.253

Mladen Hraste

Prirodoslovno-matematički fakultet u Splitu

mhaste@pmfst.hr

Ana Mršić Zdilar

Prirodoslovno-matematički fakultet u Splitu

amrsiczdi@pmfst.hr

Lea Hraste

Kineziološki fakultet u Splitu

lea.hraste2004@gmail.com

POREDBENO VATERPOLSKO NAZIVLJE NA HRVATSKOM I ENGLSKOM JEZIKU

SAŽETAK

Rad se bavi komparativnom terminologijom vaterpola na hrvatskome i engleskome jeziku. Istražuje jezične nijanse koje karakteriziraju vokabular ovoga sporta. Vaterpolo, timski sport s korijenima u različitim dijelovima svijeta, koristi jedinstven skup termina koji odražavaju njegovu stratešku i fizičku prirodu. U hrvatskome jeziku, termin „vaterpolo“ izravna je posuđenica iz engleskoga jezika, što zorno prikazuje međujezičnu razmjenu svojstvenu sportskoj terminologiji. Tijekom svoga 155-godišnjeg razvoja, vaterpolo se razvijao u smislu tehnike i taktike. Pregledavajući relevantnu literaturu, naišli smo na nedosljednosti, pa čak i odsutnost određenih komparativnih termina, posebice u taktičkoj terminologiji. Dinamika unaprjeđenja igre nije uvijek pratila terminološke odrednice pojedinih segmenata igre. Cilj je rada identificirati i objasniti postojeće tehničko-taktičke elemente u engleskome i hrvatskome jeziku, uključujući terminologiju koja uključuje igračke pozicije i najvažnije elemente igre, što se može percipirati kao leksikografski doprinos predmetnome polju. U ovome se radu naglašava važnost razumijevanja vaterpolske terminologije za igrače, trenere i navijače kako bi se omogućila bolja komunikacija i razumijevanje između različitih jezičnih sredina. Uspoređujući terminologiju koja se koristi u Hrvatskoj i zemljama engleskoga govornog područja, ovaj rad nudi uvid u lokalizaciju vaterpolske terminologije i njezin širi utjecaj na jezičnu i kulturnu integraciju unutar sportske zajednice.

Ključne riječi: međujezična razmjena, lokalizacija, posuđenice, terminologija, vaterpolo

Comparative water polo terminology in Croatian and English

ABSTRACT

The paper deals with the comparative terminology of water polo in Croatian and English. It explores the linguistic nuances that characterise the vocabulary of the sport. Water polo, a team sport with roots in different parts of the world, uses a unique set of terms that reflect its strategic and physical nature. In Croatian, the term for water polo is “vaterpolo”, a direct loanword from English, illustrating the cross-linguistic exchange typical of sports terminology. Throughout its 155-year development, water polo has evolved in terms of technique and tactics. Reviewing the relevant literature, we encountered inconsistencies and even the absence of certain comparative terms, particularly in tactical terminology. The dynamics of the game’s improvement did not always follow the terminological designations of the individual segments of the game. The paper aims to identify and explain the existing technical-tactical elements in English and Croatian, including terminology that includes playing positions and the most important elements of the game, which may be perceived as a lexicographic contribution to the field. The research emphasises the importance of understanding the water polo terminology for players, coaches and supporters to enable better communication and understanding across different linguistic backgrounds. By comparing the terminologies used in Croatia and in English-speaking countries, this study offers insights into the localisation of water polo terminology and its broader impact on linguistic and cultural integration within the sports community.

Keywords: cross-linguistic exchange, localisation, loanwords, terminology, water polo

1. UVOD

Interakcija između jezika i sporta fascinantno je i složeno područje, posebice kada se proučava kompleksni vokabular koji se razvio oko vodenih disciplina poput vaterpola. Kako se sport razvijao i širio diljem svijeta, potreba za preciznim prevođenjem i prenošenjem specijalizirane terminologije između hrvatskoga i engleskoga jezika postala je sve važnija, kako za olakšavanje međunarodnoga natjecanja, tako i za poticanje međukulturalnoga razumijevanja.

U središtu ovoga izazova leži spoznaja da značenje pojmova povezanih sa sportom može značajno varirati ovisno o diskurzivnom kontekstu i poznavanju terminologije (Janin i Portine 2017: 1). Primjer toga nalazimo u domeni vaterpola, gdje riječi i fraze mogu imati različite konotacije za igrače, trenere, komentatore i navijače s obzirom na njihovo temeljno jezično znanje o predmetnom polju.

Radi boljega snalaženja u ovoj višejezičnoj domeni korisno je razmotriti povijesno podrijetlo i svjetsku rasprostranjenost vaterpola koji su oblikovali evoluciju njegove terminologije (Smoliakova i Makharadze 2019: 83). Korijeni igre sežu od sredine 19. stoljeća, kada se igra pojavila kao kombinacija plivačkih vještina i strateške timske igre (Dimitrić i sur. 2022: 1). Kako je sport dobivao na popularnosti, posebno u Europi, postala je očita potreba za uspostavljanjem standardiziranih pravila i nomenklature, što je početkom 20. stoljeća dovelo do službenoga priznanja vaterpola i kodifikacije njegove terminologije (Smoliakova i Makharadze 2019: 83).

Danas se vaterpolo igra diljem svijeta, a reprezentacije i međunarodna natjecanja služe kao platforme za razmjenu i prevođenje specijaliziranoga vokabulara. Ova dinamična razmjena rezultirala je bogatim spektrom jezičnih prilagodbi jer se pojmovi posuđuju, prilagođavaju i reinterpetiraju u različitim kulturnim i jezičnim kontekstima. Prevođenje vaterpolske terminologije između hrvatskoga i engleskoga jezika predstavlja jedinstvene izazove jer navedeni jezici imaju različite gramatičke strukture i leksičke konvencije, ali i odražavaju različite povijesne i kulturne utjecaje na sport. Na primjer, sam izraz „vaterpolo“ lingvistički je hibrid, pri čemu „polo“ potječe od vulkanizirane indijske gumene lopte koja se koristila u ranim igrama, dok prefiks „water – voda“ označava vodeno okruženje sporta (Smoliakova i Makharadze 2019: 84).

Isto tako, tehnički i taktički aspekti igre, kao što su obrambene formacije, napadačka strategija i specijalizirana oprema, često imaju nijansirane ekvivalente ili čak nemaju izravne prijevode između dva jezika. Snalaženje u tim jezičnim složenostima zahtijeva duboko razumijevanje sporta i kulturnoga konteksta u kojem su se terminologije razvile te višestruki pristup, oslanjajući se na duboko razumijevanje povijesti sporta i evoluirajuće prirode sportske terminologije.

Prepoznavanjem jedinstvenih izazova i prihvaćanjem bogatstva višejezičnoga vaterpolskog vokabulara, prevoditelji i znanstvenici mogu igrati ključnu ulogu u premošćivanju jezičnih i kulturnih podjela, olakšavanju međunarodne razmjene i jačanju globalnoga uvažavanja ovoga dinamičnog vodenog sporta. Prema Lumezi (2019: 75), „prevoditeljima stručnih tekstova od ključne je važnosti i suradnja sa stručnjacima iz područja u kojemu prevode, pogotovo u situaciji kad pouzdani tekstualni resursi ne nude jednoznačno rješenje problema“, zbog čega je u ovom radu od iznimne važnosti bila suradnja prevoditelja i struke.

2. POVIJEST VATERPOLA

Vaterpolo je fizički zahtjevan i izrazito dinamičan sport koji se u svojim najranijim oblicima igrao u jezerima i rijekama u Škotskoj. Ideja je bila uvelike povezana s konceptom ragbija jer su igrači nastojali osvojiti bodove za svoju momčad noseći lopte dvjema rukama preko protivničke strane i stavlajući je na podlogu. Danas se igra u bazenu, s ciljem postizanja golova bacanjem lopte u mrežu protivničke momčadi. Sport se s vremenom značajno razvio, a pravila i igra prošli su kroz brojne transformacije kako bi se poboljšala atraktivnost igre i izazov za igrače. Vaterpolo je timski sport s bogatom poviješću, koji je nadišao geografske granice i osvojio publiku diljem svijeta. Iako se tradicionalno igra pretežno na europskom kontinentu, njegova popularnost stalno raste u drugim regijama, posebno u SAD-u i Australiji, a njegovu važnost nesporno potvrđuje činjenica da je postao dio olimpijskoga programa od svoga uključivanja u druge moderne Olimpijske igre 1900. godine (Dimitrić i sur. 2022: 1). Vaterpolo

je kroz povijest doživio značajne promjene pravila, a svaka je utjecala na prirodu igre. Razdoblje od 1869. do 1907. obilježeno je traganjem za identitetom i usustavljenjem pravila (Hraste i sur. 2013: 18). Rani stadiji igre omogućili su značajan tjelesni kontakt, uključujući držanje i ronjenje pod vodom. S vremenom su se pravila modificirala kako bi se smanjila brutalnost i naglasila vještina i timski rad.

3. VATERPOLO U HRVATSKOJ

Hrvatska, sa svojom prekrasnom jadranskom obalom i bogatom pomorskom baštinom, već je dugo uporište vaterpolske igre. Hrvatska kao nacija dosljedno proizvodi vaterpoliste svjetske klase, a njezina reprezentacija dominantna je sila na međunarodnoj sceni.

Vaterpolo je fizički zahtjevan i tehnički složen sport koji zahtijeva jedinstven skup vještina i fizičkih atributa (Kondrič i sur. 2012). Igrači moraju posjedovati iznimne plivačke sposobnosti, mišićnu snagu i taktičku svijest kako bi se istaknuli u igri. Uspjeh Hrvatske u vaterpolu može se pripisati kombinaciji čimbenika, uključujući prirodni afinitet zemlje prema vodenim sportovima, dobro razvijenu infrastrukturu za trening i snažnu tradiciju izvrsnosti u sportu.

Prema Kondrič i sur. (2012: 161), jedan od ključnih čimbenika koji pridonose dominaciji Hrvatske u vaterpolu jest naglasak zemlje na razvoju mladih. Zemlja ima dobro uspostavljenu mrežu vaterpolskih klubova koji njeguju i odgajaju mlade talente od rane dobi. Njihovi se programi usredotočuju na razvoj tehničkih, taktičkih i fizičkih vještina potrebnih za natjecanje na najvišoj razini. Nadalje, hrvatska reprezentacija ima bogatu povijest uspjeha, s obzirom na to da je osvojila brojne međunarodne turnire, uključujući Olimpijske igre, Svjetska prvenstva i Europska prvenstva.

Fizički su zahtjevi vaterpola značajni, a igrači moraju posjedovati jedinstvenu mješavinu atletskih sposobnosti. Studija koju su proveli Gardašević i sur. (2021) o sastavu tijela vaterpolista U18 u jugoistočnoj Europi otkrila je da vrhunski igrači pokazuju različite antropometrijske karakteristike, uključujući veću nemasnu tjelesnu masu i niži postotak tjelesne masti u usporedbi s općom populacijom. To sugerira da su trenažni režimi i tjelesna priprema hrvatskih vaterpolista prilagođeni specifičnim zahtjevima sporta. Iako je hrvatski vaterpolski uspjeh dobro dokumentiran, strast zemlje prema sportu proteže se i izvan reprezentacije. Popularnost lige i prisutnost timova visokoga kalibra pridonijeli su rastu i razvoju sporta na lokalnoj razini, osiguravajući stalan priljev talenata za reprezentaciju. Strast i predanost hrvatskih vaterpolskih entuzijasta bili su ključni u rastu i razvoju sporta, a obalni gradovi i otoci u zemlji služe kao epicentar nacionalne vaterpolske kulture. Dostupnost prirodnih vodenih resursa, u kombinaciji s jakom plivačkom tradicijom zemlje, pružila je idealno okruženje za razvoj vaterpola.

Pregledom relevantne literature na hrvatskome jeziku naišli smo na nekonzistentnost i/ili čak nepostojanje određenih termina poglavito u taktičkoj terminologiji. Dinamika usavršavanja igre nije uvijek terminološki dobro popratila nazivlja pojedinih segmenata igre. S obzirom na značajan razvoj i izmjene u taktičkim i tehničkim elementima igre, stvorila se potreba za usustavljanjem vaterpolske terminologije. Rad je, stoga, napravljen na podlozi dvojezične knjige *Vaterpolo* autora prof. dr. sc. Mladena Hraste u kojoj se navodi vaterpolska terminologija na engleskome i hrvatskome jeziku kao plod njegova dugogodišnjeg iskustva aktivnoga igrača i trenera u vaterpolu, kao i znanstvenika u predmetnome polju.

Ovaj rad trebao bi dati doprinos usustavljanju prijevoda vaterpolske terminologije na hrvatskome jeziku, što bi u konačnici koristilo ne samo stručnjacima i igračima koji se bave vaterpolom, jezičarima i novinarima, već i svim entuzijastima i laicima koji aktivno prate vaterpolo.

4. ZNAČAJ PREVOĐENJA U SPORTU

Jedan od ključnih aspekata prevođenja vaterpolske terminologije jest potreba da se premosti jaz između stručnoga žargona koji koriste stručnjaci i općenitijega razumijevanja laičke publike. Za učinkovito prevođenje sportskih pojmova ključno je dati jasna i koncizna objašnjenja koja obuhvaćaju bit pojmova, a istovremeno ih čine dostupnima široj publici. To može uključivati usporedbe s poznatijim sportovima ili pružanje dodatnoga konteksta kako bi se čitatelju pomoglo da razumije značenje

terminologije unutar širega okvira igre. Područje sporta značajno se razvilo tijekom godina, uvođenjem novih disciplina, napretkom postojećih i pojavom specijaliziranih terminologija koje su postale ključne za učinkovitu komunikaciju među sportašima, trenerima, komentatorima i entuzijastima. Jedan od ključnih izazova u razvoju sportskih rječnika i glosara je nedostatak jasnoće i dosljednosti u terminologiji (Baker i sur. 2023: 2). Raznolika priroda sporta, brzi tempo tehnološkoga napretka i globalizacija industrije doveli su do širenja pojmova i koncepata, često s preklapajućim ili dvosmislenim značenjima. Ovaj nedostatak standardizacije može stvoriti zbunjenost i ometati učinkovitu komunikaciju, zbog čega je ključno da se istraživači i praktičari pozabave tim problemom. Ovladavanje specijaliziranim sportskim vokabularom uključuje više od pukoga stjecanja jezičnih vještina; također zahtijeva temeljito poznavanje temeljnih koncepata, strategija i praksi koje oblikuju različite discipline (Vorobel i sur. 2023: 437).

Još jedno važno razmatranje pri prevođenju vaterpolske terminologije jest potreba da se uzme u obzir globalni doseg sporta i različito kulturno i jezično podrijetlo njegovih sudionika. Vaterpolo se igra u zemljama diljem svijeta i svaka ima svoju jedinstvenu jezičnu tradiciju i kulturološke nijanse. Učinkovit prijevod mora uzeti u obzir te čimbenike, osiguravajući da terminologija nije samo točna već i kulturno relevantna i lako razumljiva igračima, trenerima i gledateljima iz različitih sredina.

Stoga, prijevod vaterpolske terminologije složen je i višestruk zadatak koji zahtijeva duboko razumijevanje sporta, njegove evolucije i različitih kulturnih i jezičnih konteksta u kojima se igra. Premošćivanjem jaza između tehničkoga žargona i pristupačnoga jezika te priznavanjem globalne prirode sporta, prevoditelji mogu odigrati ključnu ulogu u promicanju rasta i razumijevanja vaterpola na međunarodnoj razini.

Leksikografija, praksa sastavljanja i stvaranja rječnika, ima presudnu ulogu u području sporta jer omogućuje učinkovitu komunikaciju, razumijevanje i očuvanje jedinstvene terminologije i žargona povezanih s različitim sportskim disciplinama. Semantičko grupiranje vokabulara koji se koristi u sportskim izvješćima iznimno je važno jer ne samo da olakšava jasnu i točnu komunikaciju već odražava nijansirane odnose između koncepata i radnji unutar sportske domene.

Razvoj specijaliziranih sportskih vokabulara dinamičan je proces jer se stalno pojavljuju novi pojmovi i izrazi koji opisuju razvijajuće tehnike, strategije i opremu koja se koristi u različitim sportovima. Leksikografi igraju ključnu ulogu u bilježenju tih jezičnih evolucija, osiguravajući da jezik koji se koristi u sportskim izvješćima, analizama i komunikaciji s navijačima ostane ažuran i precizan.

U konačnici, važnost je leksikografije u sportu nesporna jer ona služi kao most između tehničke, specijalizirane prirode sportskih aktivnosti i razumijevanja šire javnosti o tim aktivnostima.

5. POREDBENO NAZIVLJE NA HRVATSKOME I ENGLESKOME JEZIKU

Analiza vaterpolskoga nazivlja u hrvatskome i engleskome jeziku otkriva kako sličnosti tako i razlike. Sličnosti se mogu pripisati zajedničkom podrijetlu i međunarodnoj prirodi sporta, dok razlike mogu odražavati kulturne i jezične nijanse svakoga jezika. Proučavanje vaterpolske terminologije na hrvatskome i engleskome jeziku daje uvid u jezične i kulturološke čimbenike koji oblikuju leksik ovoga sporta. Terminologija je, radi preglednosti, kategorizirana prema igračkim pozicijama, tehničkim elementima kretanja, tehničkim elementima manipulacije loptom, tehničkim elementima obrane, tehničkim elementima golmana, tehničkim elementima vaterpolskoga hrvanja te taktičkim elementima u vaterpolu.

Kako je vidljivo iz prikazanih dvojezičnih stupaca u nastavku, pojedini su termini prevedeni doslovnim prevedenicama ili kalkovima, primjerice *wing* – krilo, *stopping* – zaustavljanje, *basic shot* – osnovni šut, *upper arm grip* – hvat iznad lakta, *one-handed grip* – jednoručni hvat. Neki su termini prevedeni posuđivanjem ili preuzimanjem (u nekim slučajevima direktnim preuzimanjem, a u nekima prilagođavanjem hrvatskoj morfologiji), primjerice, *start* – start, *crawl* – kraul, *butterfly* – baterflaj, *goalie* – golman, *feinting* – fintiranje. Pojedini su termini prevedeni novotvorenicama ili neologizmima¹, primjerice *back-hand shot* – šrauba, *sweep shot* – vijak, *push shot* – švedska, *t-shot* – špric, *eggbeater*

1 Ivir (2002: 125) još ih naziva i leksičkim inovacijama jer se radi o stvaranju novih riječi.

– vaterpolski bicikl, dok su ostali termini prevedeni omisijom ili izostavljanjem, primjerice *stopping and controlling the ball* – zaustavljanje lopte, *active man down with shifting from one side to another* – igrač manje – preskok, *group counterattack 2:1* – kontranapad 2 na 1, *collective counterattack 6:5* – kontranapad 6 na 5 te svi termini koji sadrže izraz *system*.

Pozicije, odnosno uloge u igri

wing	krilo
perimeter	vanjski
centre-forward; two-meter player	centar; sidrun
centre-defender; two-meter defender	bek
goalkeeper; goalie	golman

Tehnički elementi kretanja u vaterpolu

crawl	kraul
backstroke	leđno
breaststroke	prsno
butterfly	baterflaj
mixed swimming style	kombinirani način plivanja; mješovito
diving	ronjenje
eggbeater	vaterpolski bicikl
scissors kick	vaterpolske škare
lifting from the water	podizanje iz vode
jump	iskok iz vode
start	start
stopping	zaustavljanje
repositioning of the body in water	premještanje tijela u vodi
feinting	fintiranje

Tehnički elementi manipulacije loptom u vaterpolu

lifting the ball from underneath	podizanje lopte pothvatom
lifting the ball from underneath after tipping the ball from the top	podizanje lopte pothvatom s prethodnim odbijanjem lopte o vodu
lifting the ball with gripped fingers	podizanje lopte stiskom prstiju
lifting the ball from above by twisting the ball	podizanje lopte nathvatom (okretanjem šake)
lifting the ball from above (pushing the ball against the water)	podizanje lopte nathvatom (potiskivanjem lopte o vodu)
lifting the ball with the grip of the hand and forearm	podizanje lopte zahvatom šake i podlaktice; kliješta

stopping and controlling the ball	zaustavljanje i kontrola lopte
catching the ball	hvatanje lopte
ball transfer from one place to another	prijenos lopte u mjestu s jednoga mjesta na drugo
dribbling the ball	vođenje lopte
basic shot	osnovni šut
basic shot from movement	osnovni šut iz kretanja
basic shot after popping up the ball	osnovni šut s prethodnim podbacivanjem lopte
basic shot with a previous turn of the body	osnovni šut s prethodnim okretom tijela
backhand shot	šrauba
backhand shot from movement	šrauba iz kretanja
backhand shot after catching a dry pass	šrauba iz prethodno uhvaćene lopte u zraku
wrist only backhand shot	šrauba iz zgloba šake
layout shot	šutiranje s leđa
sweep shot	vijak
sweep shot by rolling the body	vijak s okretom tijela
wrist sweep shot	vijak iz zgloba šake
push shot; screw shot	švedska
the pop-up shot; t-shot	špric
deflection shot	prijenos

Tehnički elementi obrane u vaterpolu

stealing the ball by interception	oduzimanje lopte presijecanjem
face to face quick reaction towards the ball	oduzimanje lopte startom na loptu
stealing the ball by sinking the hand of the attacker holding the top of the ball	oduzimanje lopte potapanjem ruke napadača koji drži loptu na vodi ili ruci
shot blocking	blokiranje lopte
defensive assistance	pomaganje u obrani
level of defensive pressure	razina pritiska u obrani

Tehnički elementi golmana u vaterpolu

catching the ball	hvatanje lopte
stopping and controlling the ball	zaustavljanje lopte
ball recovery	amortizacija lopte
tipping the ball (rejection)	izbacivanje (odbijanje) lopte
saving a lob shot	obrana paraboličnih šutova
passing skills	bacanje lopte

Tehnički elementi vaterpolskog hrvanja

one-handed grip	jednoručni hvat
two-handed grip	obuhvat
body grip	hvat naslanjanjem
fork grip	viljuškasti hvat
swimsuit-grabbing	hvat za gaćice
wrist grip	hvat iznad šake
upper arm grip	hvat iznad lakta
shoulder grip	hvat za rame
palm grip and forearm grip	hvat dlanom i podlakticom
forearm and upper arm grip	hvat podlakticom i nadlakticom
entire arm grip	hvat cijelom rukom

Taktički elementi u vaterpolu

system of "shallow" zone defence	plitka zona
system of "deep" zone defence	duboka zona
system of "M" zone defence	M zona
press defence at 8 meters from the goal	presing na osam metara
press defence on the defensive half of the pool	presing na obrambenoj polovici
press defence across the whole court	presing na cijelom terenu
"tight" press defence	„čvrsti“ presing
"Japanese" pressing	japanski presing
system of the combined zone defence to one player	kombinirana zona na jednog igrača
system of the combined zone defence to two players	kombinirana zona na dva igrača
system of the combined zone defence to three players	kombinirana zona na tri igrača
system of the combined zone defence to four players	kombinirana zona na četiri igrača
individual counterattack, known as 1:0	individualni kontranapad 1 na 0
group counterattack 2:1	kontranapad 2 na 1
group counterattack 3:2	kontranapad 3 na 2
group counterattack 4:3	kontranapad 4 na 3
group counterattack 5:4	kontranapad 5 na 4
collective counterattack 6:5	kontranapad 6 na 5
man up 4-2	igrač više 4-2
man up 3-3	igrač više 3-3

active man down with shifting from one side to another	igrač manje – preskok
semi active man down with block and occasional shifting	igrač manje – povučeno s blokom
passive and deep man down with blocks only	igrač manje – kućica
system of positional offence with one centre-forward	pozicijski napad s jednim sidrunom
system of positional offence with two centre-forwards	pozicijski napad s dva sidruna
system of positional offence without a centre-forward	pozicijski napad bez sidruna

6. ZAKLJUČAK

U svim se jezicima javlja potreba za novim riječima kad je potrebno imenovati nove pojmove ili predmete jer se tada stvaraju praznine u vokabularu toga jezika. Te se praznine „popunjavaju” posuđivanjem ili prevođenjem termina sa stranoga jezika.

Prijevod vaterpolske terminologije složen je zadatak koji zahtijeva temeljito razumijevanje sporta, njegove evolucije i različitih kulturnih i jezičnih konteksta u kojima se igra. Usporedbom terminologije koja se koristi u Hrvatskoj i zemljama engleskoga govornog područja, ovaj rad nudi uvid u lokalizaciju vaterpolske terminologije i njezin širi utjecaj na jezičnu i kulturnu integraciju unutar sportske zajednice te pruža vrijedan doprinos usustavljanju vaterpolske terminologije.

LITERATURA

- Baker, J., Gayman, A. i Johnston, K. (2023). Lifespan models of athlete development: What have we learned from previous attempts? [Review of Lifespan models of athlete development: What have we learned from previous attempts?]. *Frontiers in Sports and Active Living*, 5. Frontiers Media, pp. 1-5. <https://doi.org/10.3389/fspor.2023.1179767>
- Dimitrić, G., Kontić, D., Veršić, Š., Šćepanović, T. i Zenić, N. (2022). *Validity of the Swimming Capacities and Anthropometric Indices in Predicting the Long-Term Success of Male Water Polo Players: A Position-Specific Prospective Analysis over a Ten-Year Period*. Multidisciplinary Digital Publishing Institute, 19(8), pp. 1-13. <https://doi.org/10.3390/ijerph19084463>
- Gardašević, J., Bjelica, D., Bajramović, I., Mašanović, B. i Popo, A. (2021). *Differences in Body Composition between Water Polo Players (U18) of the Southeast Europe Top Clubs*. Chilean Society of Anatomy, 39(2), pp. 430-435. <https://doi.org/10.4067/s0717-95022021000200430>
- Hraste, M. (2021). *Vaterpolo = Water Polo*. Split: Kineziološki fakultet Sveučilišta u Splitu, (monografija)
- Hraste, M., Bebić, M. i Rudić, R. (2013). Where is today's Water Polo Heading? An Analysis of the Stages of Development of the Game of Water Polo. *Naše more*, 60(1-2), pp. 17-22.
- Ivir, V. (2002). Translation of Culture and Culture of Translation. *Studia Romanica et Anglica Zagrabienisa*, 47-48 (-), 117-126. <https://hrcak.srce.hr/21000>
- Janin, J.-L. i Portine, H. (2017). A conceptual ontology in the water domain of knowledge to bridge the lexical semantics of stratified discursive strata. In *Proceedings of Language, Ontology, Terminology and Knowledge Structures Workshop (LOTKS 2017)*, Montpellier, France. Association for Computational Linguistics, pp. 1-10. <https://aclanthology.org/W17-7003.pdf>
- Lumezi, M. L. (2019). Challenges of translating tourism-related terminology: Acta Turistica – some illustrative examples. In *Acta Turistica*, Vol. 31, Issue 1, pp. 69-94. <https://doi.org/10.22598/at/2019.31.1.69>
- Kondrič, M., Uljević, O., Gabrilo, G., Kontić, D. i Sekulić, D. (2012). *General Anthropometric and Specific Physical Fitness Profile of High-Level Junior Water Polo Players*. De Gruyter Open, 32(2012), pp. 157-165. <https://doi.org/10.2478/v10078-012-0032-6>
- Smoliakova, I. D. i Makharadze, H. T. (2019). *Historical origins and worldwide distribution of water polo*. *Black Sea Research Institute of Economics and Innovation*, 19(2), pp. 83-86. <https://app.amanote.com/v4.1.10/research/notetaking?resourceId=Soqkz3MBKQvf0BhiGW4y>
- Vorobel, M., Kalymon, Y. i Yurko, N. (2023). Features of studying English language for students in physical education and sports. In *ГПААЛь НАУКИ*, Issue 24, pp. 435-440. <https://doi.org/10.36074/grail-of-science.17.02.2023.079>

Izvorni znanstveni rad/Original scientific paper
UDK 811.161.1'243:395.6(470:570)

Короткова Ольги Николаевна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия
korolga@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРЕЙМА «ПРИГЛАШЕНИЕ»

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена описанию этикетного фрейма «приглашение», включающего определенные стереотипы поведения, речевые формулы, невербальные средства общения. Автор анализирует виды приглашения, средства их выражения в русском языке, а также описывает, как принимают и как отказываются от приглашения в русской и китайской лингвокультурах.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, речевой этикет, приглашение

The frame “Invitation” as a mirror of national culture

ABSTRACT

This article studies the frame “Invitation” as a part of national culture. This frame includes norms of behaviour, speech etiquette and non-verbal means of communication. The author describes the types of invitations in Russian and Chinese cultures and compares responses to invitations in different cultures.

Keywords: Russian as a foreign language, Russian etiquette, speech etiquette, invitation

Обучение современному этикету общения занимает важное место в практике преподавания русского языка как иностранного. Этикет можно представить как систему фреймов, каждый из которых реализуется в конкретных ситуациях общения. Этикетный фрейм содержит следующие составляющие: 1) правила поведения, принятые в данной культуре в определенных ситуациях общения, 2) речевой этикет – систему «устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения <...> соответственно их социальным ролям в официальной и неофициальной обстановке» (Формановская 1990: 413), 3) невербальные средства общения: позы, жесты, взгляд, мимика, дистанция общения. Цель данной статьи – показать, как взаимодействуют эти три составляющие во фрейме «приглашение».

Фрейм «приглашение» является универсальным этикетным знаком, ведь в каждой культуре люди, общаясь, приглашают друг друга в ресторан, в гости, в театр, на выставку или просто на прогулку. Но вместе с тем в каждой культуре данный фрейм обладает определенной спецификой. И родная культура оказывает существенное влияние на процесс общения, проходящий в рамках другой культуры. Фрейм «приглашение» включает в себя знания о том, что необходимо делать и говорить, когда нужно пригласить кого-либо куда-либо и как следует реагировать на приглашение, как принято принимать приглашение и как от него можно отказаться, какие языковые средства при этом используют. Рассмотрим, как реализуется фрейм «приглашение» в русской лингвокультуре.

Прежде всего следует различать истинное и ложное приглашение. Они имеют разные коммуникативные намерения и разные прагматические функции. Истинные приглашения «совершаются исходя из реального намерения говорящего продолжить общение», а ложные приглашения служат для «демонстрации расположенности, симпатии по отношению к собеседнику» (Щелчкова 2015: 10). Иными словами, ложные приглашения не являются собственно приглашениями, они выполняют фатическую, т.е. этикетную функцию. Они не предполагают никаких дальнейших действий, они говорят лишь о том, что адресант вежлив и с симпатией относится к адресату. Отсутствие ложного приглашения при прощании, например, является нулевым этикетным знаком, который адресат воспринимает как нежелание адресанта с ним встречаться.

Как отличить истинное приглашение от ложного? В русском языке есть формальные показатели, которые позволяют это сделать. Для истинного приглашения характерно особое построение диалога. Сначала адресант выясняет, свободен ли адресат в определенный день, уточняет его планы, а затем уже следует приглашение. Называется конкретный день и час, при необходимости сообщается адрес. В формулировке самого приглашения будет присутствовать глагол приглашать: приглашаю тебя/Вас, я хочу/хотел бы пригласить тебя/Вас:

- *Лена, какие у тебя планы на субботу?*
- *Определенных планов нет. А что?*
- *В Москве сейчас проходит выставка Шагала. Хочу пригласить тебя.*
- *С удовольствием пойду. Шагал – мой любимый художник.*
- *Прекрасно! Я уж и билеты взял. Давай встретимся в шесть около входа в музей.*
- *Договорились.*

Если приглашают в гости, то используют глагол приходить, а не заглянуть или заходить:

- *Ян, где ты будешь встречать Новый год?*
- *Пока не знаю.*

1 Подробнее о роли фреймов в лингводидактике, о составляющих этикетных фреймов см: (Одинцова 2010; Короткова 2013, 2015).

- Приходи к нам. У нас собирается замечательная компания.
- Спасибо за приглашение, приду.
- Отлично. Ждем тебя **31 декабря в девять вечера. Запиши адрес.**

Ложное приглашение часто употребляется при прощании, когда один из уходящих предлагает встретиться вновь. Формальным показателем ложного приглашения является слово как-нибудь, а также отсутствие указания на время и место встречи:

- Ребята, как я рада была всех увидеть. Не будем теряться. Давайте встретимся как-нибудь.
- Да, конечно. Давайте как-нибудь встретимся. Посидим, поговорим.

В данной ситуации все друг друга поняли, никто ни с кем встречаться не будет, но говорящие показали, что они вежливые люди и относятся с симпатией друг к другу.

Ложное приглашение является обязательным и в момент провода гостей:

- Спасибо, что пришли. Будете в наших краях, заходите. Будем очень рады.
- Нет уж теперь ваша очередь. Загляните к нам как-нибудь вечером.

Глаголы заглянуть, заходить, слово как-нибудь, отсутствие указания на точное время говорят о том, что состоялся обмен этикетными фразами, которые необходимо произнести в данной ситуации. Это ложное приглашение. Ответ адресата, включающий и слово как-нибудь, и глагол заглянуть, говорит о том, что намерения адресанта ему понятны.

Именно ложное приглашение вызывает у иностранных учащихся трудности. Побывав в гостях у своих русских друзей и услышав принятые при прощании этикетные фразы, иностранный студент понимает их буквально и пребывает в некотором замешательстве: он не знает, когда ему прийти в гости в следующий раз. В этой ситуации проявляется не только незнание русского этикета, но и влияние родной культуры. Так, в некоторых западных культурах вежливость выражается только в благодарности, что гости пришли (Спасибо, что пришли). В китайской культуре отсутствие указания на точное время приглашения (маркер ложного приглашения в русской культуре) является нормой. В Китае важно, на какую трапезу приглашают: на обед или на ужин. Если на обед, то он начинается в 12 часов, если на ужин, то гостей ждут между пятью и шестью вечера.

Еще одной трудностью при обучении русскому этикету общения является необходимость различать собственно приглашение и предложение совершить совместное действие. Есть формальные показатели, которые характерны для предложения совершить совместное действие. Они выделены в примерах:

- а) - Тань, давно не виделись. **Пошли** в кафе.
- **Пошли.**
- б) - Лен, ну хватит сидеть весь день у телевизора. **Пойдем погуляем.**
- **Пойдем.**
- в) - **Давай сходим** в ботанический сад. Там розы расцвели.
- **Давай.** Прекрасная идея!
- г) - Что-то мы дома засиделись. А **не поехать ли** нам на дачу?
- А почему бы и нет. Зимой там тоже хорошо. **Давай поедem.** / **Поехали.**

Отличие приглашения от предложения совершить совместное действие проявляется в стереотипах поведения, характерных для данной ситуации. Если это приглашение, то его инициатор оплачивает все сам. В этом случае билеты в театр, ужин в ресторане воспринимаются приглашенной стороной как подарок. Если же это предложение совершить совместное действие, то в данной ситуации каждый платит за себя. Такое поведение созвучно западной культуре, но не характерно для восточной, где обычно платит тот, кто предложил совершить действие (предполагается, что в следующий раз будет платить его знакомый).

Фрейм «приглашение» включает в себя не только само приглашение, но и ответ на него. Следует отметить, что реакция на приглашение и на предложение совершить совместное действие похожи. В ответе выражены или согласие принять приглашение или отказ от приглашения. Рассмотрим оба случая.

1. Согласие принять приглашение.

а) Адресат сразу принимает приглашение и подтверждает свое намерение (это выражается словами: с удовольствием приду, охотно пойду с тобой):

- *Вера, если на завтра у тебя нет более интересных планов, то хочу пригласить тебя в консерваторию. Мацуев играет Рахманинова.*

- *Ой, с удовольствием пойду.*

В ответ на предложение к совместному действию согласие может быть выражено и более сдержано:

- *Давай сегодня никуда не пойдём. Пообедаем в нашей столовой?*

- *Давай. Я не против.*

б) Адресат, принимая приглашение, эмоционально оценивает его:

- *Ты не хочешь немножко отдохнуть? Приглашаю тебя на чашечку кофе.*

- *Отличная идея! Заодно и обсудим наши планы на выходные.*

в) Адресат выражает благодарность:

- *Наташа, завтра вечером я буду печь пирог. Приходи к пяти часам.*

- *Спасибо.*

Очень часто два или три вида выражения согласия употребляются в одной реплике:

- *Катюша, мы давно не виделись. Приглашаю тебя к нам на дачу. Приезжай в субботу, часам к десяти.*

- *Ой, Вера, спасибо за приглашение. С удовольствием приеду. Как это замечательно – побыть на воздухе, пообщаться и провести вместе весь день!*

Все три вида согласия принять приглашение, по нашим наблюдениям, характерны для многих культур. Однако в некоторых культурах есть еще один вид согласия. Он выражен в форме извинения за хлопоты, которые могут возникнуть с приходом гостя. Такой вид согласия распространен, например, в китайской культуре:

- *Приходи к нам на обед в субботу.*

- *Извини, что причину тебе неудобство и доставлю много хлопот.*

Русский, приглашающий к себе китайца, не сразу понимает, принимает ли тот его приглашение или нет. А вот для китайца здесь понятно абсолютно все: приглашение на обед, значит его ждут в 12 часов, извинение за причиненные неудобства – одна из типичных форм выражения согласия. Да, он знает, во сколько прийти и придет. Приглашение принято.

2. Отказ от приглашения.

Отказ от приглашения – это переход от кооперативного общения к конфликтному. Чтобы этого избежать, чтобы получивший отказ человек не потерял лицо, важно знать, на каком этапе ведения диалога можно отказать, не обидев приглашающего. Такой момент есть и важно его не упустить. Диалог в русской культуре не начинается с приглашения. Сначала узнают о планах на определенный день. И это предвестник последующего приглашения. Задача преподавателя – научить студентов не только услышать этот вопрос, но и понять его этикетный смысл, потому что избежать всех неприятностей отказа можно именно здесь и сейчас. Адресату следует просто ответить, что в этот день он будет занят, и тогда приглашение не прозвучит. В противном случае придется прибегнуть к отказу, который может быть прямым или косвенным.

а) Прямой отказ от приглашения возможен только между очень близкими людьми. Но даже в этом случае следует извиниться, выразить сожаление и объяснить причину отказа, можно предложить перенести мероприятие на другой день:

- *Валя, хочу пригласить тебя завтра в кино. В «Октябре» идет новый французский фильм «Вкус любви».*

- *Антон, извини, к сожалению, завтра не могу. Обещала маме помочь убрать квартиру. Может быть, сходим на следующей неделе?*

б) Косвенный отказ выражен имплицитно. Он может быть сделан в форме встречного приглашения:

- *Слушай, Оль, давно не виделась. Приходи вечерком, часам к семи. Поговорим, чайку попьем.*

- *А давай лучше ты ко мне. Я только что вернулась из Парижа. Привезла вкуснейший сыр. Угощу тебя. И расскажу, как съездила.*

Косвенный отказ проявляется и в просьбе перенести мероприятие на неопределенное время. При этом важно проявить интерес к приглашению, дать высокую оценку возникшей идее. Такой ответ характерен и для выражения отказа совершить совместное действие:

- *Света, пойдём вечером в клуб. Хочется немного расслабиться после трудовой недели.*

- *Прекрасная идея! Но давай как-нибудь в другой раз. Мне нужно заканчивать курсовую. Так что я вечером буду сидеть в библиотеке.*

Реализация фрейма «приглашение» в реальных ситуациях общения сопровождается невербальными средствами. Из всего многообразия этих средств отметим улыбку, дистанцию общения, взгляд. Улыбка в момент приглашения характерна для многих культур. Она может быть сдержанной, как в русской и китайской культурах, или широкой и открытой, как в американской культуре. Обращает на себя внимание дистанция общения. Самая большая личная зона общения у американцев. Они все время пытаются отойти на шаг, если попадают в зону дискомфорта, общаясь с русскими, китайцами, японцами или испанцами, в культуре которых дистанция общения между коммуникантами значительно меньше. А представители этих культур, наоборот, стараются подойти чуть ближе, разговаривая с американцами, таким образом преодолевая некомфортное расстояние между собеседниками. Можно говорить об этикете взгляда. Китайские студенты избегают прямого контакта глаз, а представители других культур, наоборот, к нему стремятся. Все эти особенности

невербального поведения отражаются при реализации любого фрейма, в том числе и фрейма «приглашение».

Таким образом, фрейм «приглашение», знакомый всем культурам, отражает специфику каждой из них. Это специфика проявляется и в определенных стереотипах поведения, и в речевых этикетных формулах, и в невербальных средствах. Чтобы предупредить появление коммуникативных сбоев, важно разработать систему упражнений, которая знакомит учащихся с этикетом общения, принятым в России. В качестве примера рассмотрим некоторые задания из учебного пособия «Загадай желание», в котором уделяется большое внимание обучению этикету в целом и особенно речевому этикету (Короткова, Одинцова 2024). Все задания, связанные с речевым этикетом, помогают сформировать у учащихся навыки речевого поведения в разных ситуациях общения. Задания, предлагаемые учащимся, разделены на три группы:

- задания, предполагающие проведение компаративного культурологического анализа, основанного на принципах идентификации и дифференциации;
- задания, направленные на то, чтобы элиминировать этикетные ошибки, вызванные незнанием правил речевого этикета, социально-ролевых аспектов коммуникации;
- задания, предлагающие учащимся определить этикетные ошибки, допущенные героями книги.

Задания первой группы строятся на небольших по объему текстах, прочитав которые студент получает представление о том, что нужно делать и что говорить в определенных этикетных ситуациях. Вопросы, заданные после прочтения текста, помогают учащимся сравнить, что принято делать в данных ситуациях в русской и в их родных культурах.

Задания второй группы направлены на усвоение речевого этикета. Задания третьей группы ставят своей целью выявить этикетную ошибку в действиях героя книги Джона и исправить ее. Приведем некоторые примеры заданий, которые относятся ко второй и третьей группам.

Задание 1.

Прочитайте диалоги. Определите истинное и ложное приглашение. Подчеркните слова и словосочетания, подтверждающие вашу точку зрения.

- *Александр Петрович, вы не заглянете к нам как-нибудь вечером?*

- *Конечно, обязательно, как-нибудь при случае. Мы еще созвонимся.*

<...>

Задание 2.

Дополните диалоги. Используйте слова и словосочетания из задания 1.

Мы так редко видимся. _____ вечером.

_____. *Мы еще созвонимся.*

<...>

Задание 3.

Составьте диалоги и разыграйте их.

- *Вы прощаетесь с подругой, которую давно не видели.*

- *Вы провожаете гостей.*

- Вы приглашаете друзей на день рождения.
- Вы предлагаете подруге сходить вместе в театр.

<...>

Задание 4.

Джон уже месяц живет в Москве, но в сложные ситуации он попадает часто. Прочитайте, что он рассказал своему другу Николаю.

Коля ты представляешь, я вчера был в гостях у своего давнего друга. Так хорошо посидели, поговорили, вспомнили годы учебы. Смотрю, а время уже позднее. Ну, думаю, пора уходить. Но мне не разрешают, просят, чтобы я остался. Я дважды пытался уйти и дважды не мог это сделать. Наконец мне разрешили, и я пошел одеваться. Конечно, я поблагодарил друга и его жену за приглашение. Они были рады, что мне понравилось у них, и пригласили меня еще раз. Я тоже обрадовался, что меня пригласили. Но только они не сказали, когда приходить. Как ты думаешь, что мне делать? Может, позвонить им и спросить?

- 4.1. Почему Джон подумал, что ему не разрешали уйти домой. Как вы думаете, что говорили его друзья? Как должен был Джон реагировать на их слова?
- 4.2. Как вы думаете, какой совет даст Джону Николай?
- 4.3. Как должен был вести себя Джон по правилам русского этикета?

Выполнив всю цепочку заданий, студенты-иностранцы не только получают достаточно полное представление о правилах поведения, принятых в России, русском речевом этикете, но и учатся действовать в реальных ситуациях общения.

Таким образом, теория фреймов оказалась продуктивной в обучении этикету общения. Описывая любой этикетный фрейм, мы даем иностранному студенту представление о том, как вести себя в той или иной ситуации и что говорить, учим относиться с пониманием к другой культуре. Все это дает возможность избегать коммуникативных сбоев и способствует лучшему взаимопониманию представителей различных культур.

ЛИТЕРАТУРА

Короткова, О.Н. Некоторые особенности обучения современному этикету общения / О.Н. Короткова // *Слово. Грамматика. Речь: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ.* – М.: 2013. – Вып XIV. – С. 172-181.

Короткова, О.Н. К проблеме определения национально-культурной специфики этикетных фреймов. / О.Н. Короткова // *Слово. Грамматика. Речь: Материалы VI научно-практической конференции «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного».* Москва, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 26-28 ноября 2015 г. – М.: 2015. – Вып XVI. – С. 308-311.

Короткова, О.Н., Одинцова, И.В. *Загадай желание. Пособие по развитию речи для изучающих русский язык* / О.Н. Короткова, И.В. Одинцова. – СПб.: Златоуст, 2024. – 222 с.

Одинцова, И.В. «Коммуникативная ситуация» и «фрейм» как педагогические категории / И.В. Одинцова // *Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы.* – М., 2010. – С. 617.

Формановская, Н.И. *Употребление речевого этикета* / Н.И. Формановская // *Лингвистический энциклопедический словарь.* – М., 1984. – С. 413.

Щелчкова Е.Б. *Функционально-прагматические особенности речевого жанра «приглашение» в американской и русской коммуникативных культурах: автореф. дис. ...канд. фил. наук* / Е.Б. Щелчкова. – М.: РУДН, 2015. – 22 с.

Izvorni znanstveni rad/Original scientific paper
UDK 81'243:802.82

Квапил Роман

Экономический университет в Братиславе
Факультет прикладных языков, Словакия
roman.kvapil@euba.sk

ТЕКСТ КАК ОСНОВА МОДЕЛИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

АННОТАЦИЯ

Антропоцентрическая парадигма исследования взаимоотношений языка и мышления личности, как субъекта контекстуальной схемы, является основой для моделирования целенаправленного текста в конкретном языке, который предлагается читателям-иностранцам в любом контексте и с конкретным предназначением. В предлагаемой статье приводится один тип текста для иностранцев с культурологически моделированными элементами. Мы предполагаем, что тексты с культурными элементами в рамках тестирования по иностранному языку будут более привлекательными и читаемыми для участников тестирования, чем тексты, имеющие пустынный, только внеконтекстуальный и ничем неинтересный коммуникативный характер.

Ключевые слова: языковая картина мира, лингвистика, контекстуальная схема, текст

Text as the basis for modelling the linguistic picture of the world

ABSTRACT

This article interests itself in the anthropocentric paradigm for studying the relationship between language and the thinking of an individual, as a subject of a contextual scheme. This, it is explained, is the basis for modelling a targeted text in a specific language, which is offered to foreign readers in any context and with a specific purpose. This article analyzes one type of text for foreigners with culturally modelled elements. We assume that texts with cultural elements within the framework of foreign language testing will be more attractive and readable for test participants than texts that have a deserted, only non-contextual and uninteresting communicative character.

Keywords: linguistic picture of the world, linguistics, contextual diagram, text

1. ИЗБРАННЫЕ ВЗГЛЯДЫ СЛОВАЦКИХ И РУССКИХ ЛИНГВИСТОВ НА ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ «ТЕКСТ»

В своей статье о теории текста мы будем опираться на избранные статьи словацких и русских лингвистов. Эта тема до сих пор не подвергалась детальному анализу. Существует множество исследований, посвященных теории текста. Однако мы выбираем из них только те теории, которые показались нам интересными и вдохновляющими для целей нашего исследования.

Словацкий лингвист Ян Галло в своем исследовании дает системный взгляд на текст в целом. Автор в своих размышлениях исходит не только с теоретического, но и дотеоретического периода становления теории текста. Он отмечает, что вопрос о том, что такое текст, задавался лингвистами с момента зарождения лингвистики текста (Gallo 2013). Однозначного ответа, то есть четкого определения текста, которое было бы принято всеми, не существует. Примечательно, что в дотеоретическом представлении, в смысле обычного пользовательского языка, ответ на этот вопрос не вызывает затруднений. Практически каждый пользователь языка способен привести пример того, что он считает текстом: интервью, объявление, роман, научную статью, стихотворение, телефонный разговор и т.д. В практическом смысле проблема того, что такое текст, не существует. С научной точки зрения ответ на этот вопрос зависит от теоретических позиций исследователя и поэтому не может быть однозначным.

В лингвистике текста и учении о тексте к понятию «текст» по словам Галло обычно относятся следующие характеристики: знаковость, информативность, интенциональность, связность, когерентность, экспрессивность, структурированность, относительная ограниченность и связность, коммуникативная завершенность, прагматическая и коммуникативная приемлемость, контекстуальная расположенность, стилистическая и функциональная формообразование (Gallo 2013: 5-6).

Что касается определения самого текста, то их сейчас десятки. Чем больше и глубже изучается этот продукт речевой деятельности, тем более точными становятся определения. Иногда текст понимается как процесс речи, иногда – как результат процесса. В «Справочнике по грамматике чешского языка» (*Příruční mluvnické češtiny* (2012: 652) под текстом понимаются «сложные и связные языковые единицы, с помощью которых говорящий реализует различные коммуникативные цели». Это понимание также отражено в определении, приведенном в «Энциклопедическом словаре чешского языка».

10-11 сентября 1981 года в Земплинской Шираве состоялась конференция, впервые в этой стране специально посвященная взаимоотношениям между текстом и стилем, стилистическим аспектам текста, а также взаимоотношениям между теорией текста и стилистикой. Организатором конференции выступила кафедра словацкого языка педагогического факультета Университета имени П. Й. Шафарика в Прешове; её инициатива оказалась очень полезной, поскольку конференция наглядно продемонстрировала чрезвычайно разнообразие подходов к этим вопросам с точки зрения теории, методологии и материала, а также настоятельную необходимость попытаться в будущем хотя бы унифицировать некоторые основные предпосылки и более однородно рассматривать всю широкую проблемную область.

В докладах более общей направленности появился ряд понятий текста и стиля и определений этих понятий (количество которых в современном языкознании продолжает расти до непереносимости). Напр. Я. Сабол (Sabol 1981: 42-58) сосредоточатся на семиотическую и аксиологическую стороны текста, на текст как знак (или «суперзнак», «супразнак»). В ряде других работ доминировал акцент на прагматическом аспекте текста и его важности именно для интеграции современных теорий текста и стилистики (напр. Mistrík 1981: 57-62). Наиболее часто цитируемой работой была монография Л.А. Киселевой по прагмалингвистике текста (Киселева, 1978), в которой она выделила языковые функции, информационные подсистемы и функциональные языковые поля – интеллектуально информативные и прагматичные.

Э. Байзикова в своей работе специально остановилась на отдельных типах языковых прагм. Концепция Киселева нашла отражение и в докладе Я. Горецкого о прагмалингвистической структуре текста, который также дал необычный обзор уровней и единиц в тексте: единицей

высшего ноематического уровня является предложение, за которым следует стратегический уровень, единицами являются отдельные процедуры общения, затем тематико-прагматический уровень, где применяется актантно-прагматическая структура, и, наконец, поверхностный уровень с синтаксическим и лексическим компонентом.

Учитывая динамику отношений между содержанием и формой, Я. Финдра (Findra 2004: 126) определяет текст как *«линейную единицу, которая представляет собой функциональную последовательность (связку) содержательно-тематических и языково-композиционных компонентов и элементов»*. Функциональная взаимосвязь содержательных и формальных единиц текста проявляется в их горизонтально-вертикальной связанности (обусловленности, зависимости). В горизонтальном направлении это, с одной стороны, взаимная связанность содержательно-тематических сегментов, а с другой – взаимопреemptственность и взаимосвязанность языково-композиционных средств. На вертикальной оси – функциональные отношения между глубинной и поверхностной структурой текста: внешняя организация текста служит его внутренней организации. На внешнем, поверхностном уровне текста ситуация отражается в его глубинной подпочве, в т.н. внутренней структурированности (организации).

В русской лингвистической школе многие отечественные лингвисты (Н.С. Валгина 2003; И.Р. Гальперин 2006; З.Я. Тураева 1986 и др.), а также методисты (Н.В. Барышников 1999; Т.Г. Гокжаева 2005; Т.А. Дакукина 2004; Н.Л. Ушакова 2010; Ю.В. Чичерина 2009 и др.) также указывают, что термин «текст» не имеет четкого определения. Ряд исследователей-лингвистов (И.Р. Гальперин, Д. Э., Розенталь, З.Я. Тураева и др.) придерживались мнения, что текст может существовать только в письменном виде. Понятие текст противопоставлялось устной речи. Широко известно следующее определение И.Р. Гальперина: *«Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку»* (Гальперин 2008: 18).

С точки зрения современных характеристик текста, его принято рассматривать как коммуникативную единицу, существующую как в устной, так и в письменной форме. Валгина указывает, что иногда под текстом понимается *«осмысленная последовательность любых знаков, любая форма коммуникации, в том числе обряд, танец, ритуал и т.п.»* (Валгина 2003: 9).

Хосаинова в своей работе выделяет следующие признаки текста: 1) смысловая завершенность, 2) системность, структурированность и связность, 3) индивидуальность, 4) коммуникативность, 5) социальная обусловленность (Хосаинова 2015: 133-135).

2. ТЕКСТ КАК ОСНОВА МОДЕЛИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Текст, как основа моделирования языковой картины мира, представляет собой сложный концепт, который требует рассмотрения с разных сторон.

Когнитивный подход. С точки зрения когнитивного подхода текст является инструментом познания. В нём отражается наше восприятие и понимание мира. Анализ текста позволяет нам выявить концепты, лежащие в основе языковой картины мира. Понять её помогают нам лингвистические маркеры, как лексика, грамматика, стилистические приёмы и другие лингвистические особенности текста. К методам когнитивного анализа принадлежат когнитивная лингвистика, например фреймовый анализ, метонимический анализ и когнитивные метафоры. Когнитивный подход к исследованию текста представляет собой чрезвычайно важную и актуальную проблему современной лингвистики. Гальперин утверждает, что это можно объяснить тем, что текст является еще более важным объектом лингвистики, чем единицы других уровней и систем, по причине того, что он заведомо не является теоретическим конструктом. Согласно широко распространенной точке зрения, лингвистика могла бы избавиться от многих своих заблуждений, если бы исследовала реально зафиксированные образцы текстов (Гальперин 2007: 18-30).

Дискурсивный подход. Дискурсивный подход предполагает социальный контекст, в рамках которого текст создаётся в определённом социальном контексте и отражает ценности и нормы его автора. Кроме социального контекста предполагается и интертекстуальность, вследствие которой текст связан с другими текстами, созданными в той же культуре или жанре. К методам дискурсивного подхода к изучению текста принадлежат различные дискурсивные стратегии, напр. риторические приёмы или манипулирование информацией. По словам Короткевича (2023: 443) «дискурсивный подход основан на восприятии текста с точки зрения экстралингвистических аспектов: прагматики, (этно)психологии, социолингвистики, культуры».

Культурный подход. Язык тесно связан с культурой и языковая картина мира отражает культурные особенности народа. К методам культурного подхода принадлежит сравнительный анализ, с помощью которой из текстов разных культур можно выявить универсальные и культурно-специфические элементы языковой картины мира. Примером такого подхода к тексту, и не только к тексту, является напр. словацкая культуроведческая школы вокруг Эвы Колларовой, которая является основоположником тенденций, основанных на идеях, что в обучении не только русскому языку как иностранному не хватает один подход – коммуникативный, поскольку язык является главным образом средством и содержание обучения должно быть основано на культурных ценностях (смотри более Kollárová 2014: 36-45).

Прагматический подход. Прагматический подход исходит из поставленной цели коммуникации, т. е. текст создаётся с определённой целью, например информировать, убеждать, развлекать. Текст должен быть интерпретирован в контексте коммуникации, учитывая знания и цели её участников. Интерес к прагматическим исследованиям в современной лингвистике возник, в первую очередь, в связи с осмыслением интегративного коммуникативно-деятельностного подхода к языку. Комарова утверждает, что «междисциплинарная интеграция методик, приемов и процедур, используемых для изучения употребления языка говорящими в процессе коммуникации в единстве с прагматическими свойствами языковых единиц в связи с ситуацией общения для достижения успешности коммуникации и регулирования коммуникативного (речевого) поведения людей с целью координации с все усложняющейся человеческой деятельностью» (Комарова 2013: 68).

Понимание текста как основы моделирования языковой картины мира является междисциплинарной задачей, которая требует комплексного подхода, учитывающего когнитивные, дискурсивные, культурные и прагматические аспекты языка. Важно отметить, что не существует единого «правильного» способа интерпретации текста. Интерпретация текста всегда зависит от знаний, опыта и целей читателя. Текст может иметь тысячи интерпретаций, и разные читатели могут по-разному понимать его языковую картину мира.

Сам текст по себе не имеет никакого значения, если он не имеет конкретных воспринимателей. Нас интересует познание, какими параметрами должен обладать текст, который является компонентом теста, как инструмента измерения когнитивных характеристик тестируемых в рамках письменного экзамена. Сама концепция измерения когнитивных характеристик личности пугает, но в настоящее время эта тенденция приобрела абсолютно массовый характер. Текст как готовая единица в этом контексте направлена конкретному воспринимателю. Очень важным является факт, будет ли эта готовая единица представлять собой смоделированную языковую картину мира, смысл которой должен тестируемый правильно раскрыть, чтобы хорошо ответить на сформированные тестовые вопросы (задания). В наших предыдущих статьях мы уделяли внимание т.н. культурам, как элементам текста, на основе которых текст становится изображением картины ценностей конкретной нации.

Необходимо понимать разборчивость и понимание текста с нескольких точек зрения. Здесь мы имеем в виду внутрпредложение, междпредложение и контекстуальные контексты по отношению к представленной в тексте информации (известной или неизвестной). Речь идет прежде всего о трех измерениях понимания: субъективности, относительности и целостности. Понимание носит субъективный (конструктивный) характер, т.е. уровень понимания зависит не только от информации в тексте и способа ее подачи, но основывается на индивидуальном опыте, человеческом знании и умственных предположениях; иными словами, человек конструирует

свою версию содержания и смысла текста через призму личного опыта и знания (см. далее Tomengová 2012). Также не следует забывать об относительности понимания, а это значит, что текст может быть для воспринимателя понятным или непонятным в разной степени.

Калчева и Колева (2011: 175-176) утверждают, что собственная культура, не иностранная, объединяет людей, охраняет их национальную специфику. Но с другой стороны родная культура отделяет как барьер от других народностей и культурных идентичностей. Тогда весь мир организуется в оппозиционном ряду – я не я свой чужой, что создает предпосылки для конфликта культур. Поэтому основной задачей изучения иностранных языков является не только языковые знания, а и культурологические, отражающие специфику менталитета другого народа. Основное противоречие в этом процессе заключается в том, что, с одной стороны, функционирует сознание собственной, национальной идентичности, а с другой, – общее, универсальное.

С точки зрения воспринимателя в процессе его тестирования основная задача текста – не только активировать, но и выбрать для него правильный вид деятельности по треугольнику таксономии Блума (Bloom 1956) вверх ногами и попробовать опираться не на знание, понимание и использование, а на анализ, синтез и оценку. Буйняк и Борисова утверждают, что *«при этом надо понимать и всегда держать в голове тот факт, что мы обучаем поколение»* [...] (Буйняк, Борисова 2019: 121-122). Такая точка зрения исходит из глобального понимания образовательного процесса в целом и основывается на философии иноязычного образования путём культуроведческого направления. По словам Буйняка и Борисовой (Буйняк, Борисова 2020: 70) *«пусковым механизмом взаимопонимания в педагогическом процессе должен быть диалог культур, как основополагающая составляющая. Прямо в процессе обучения у учащихся возникает способность коммуницировать, познавать менталитет народа; развивается эмпатия, а значит и толерантность к другой культуре»*. Словесность отражает и формирует духовный мир человека, его нравственность, его интеллект, его умелость. Тексты, предлагаемые тестируемым субъектам, в этом смысле должны отражать принцип «диалога культур», значит – тот же самый принцип, которым пользуемся и в самом процессе обучения, т. е. до этапа тестирования.

3. ТЕКСТЫ ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ ХОРОШЕГО ТЕСТА

К признакам хорошего текста принадлежат: аутентичность, привлекательность, стимулированность, однозначность интерпретации, иллюстрированность.

Аутентичность. Аутентичность текстов проявляется реальностью его источника, которыми могут быть напр. новости, статьи, блоги рекламы, инструкции, диалоги и т.д. Кроме того важен и факт разнообразия жанров, чтобы охватить широкий спектр лексики, грамматики а речевых навыков, которые являются предметом педагогического измерения.

Привлекательность. Принцип привлекательности заключается в подборе или построении таких текстов, которые будут по содержанию и тематике интересны воспринимателям. Их актуальность должна отражать современную жизнь. Добавление к текстам юмора и анекдотического характера могут тексты сделать более привлекательными.

Стимулированность. Принцип стимулированности основан на употреблении разнообразной в текстах лексики, включая как общеупотребительные, так и термины и фразеологизмы. Кроме лексики стимулом могут быть и различные грамматические структуры, изучаемые на данном уровне (A1, A2, B1, B2).

Неоднозначная интерпретируемость. Тексты с возможностью неоднозначной интерпретацией предполагают побуждение учащихся к критическому мышлению и анализу в них предоставленной информации. Критическое мышление таким способом открывает путь к дискуссии и обмену мнениями.

Опираясь на выше упомянутые мнения Колларовой, Буйняка и Борисовой (словацкая культурологическая школа) о культуроведческом направлении процесса обучения иностранным языкам (и тем самым и построении текстов с таким направлением), возникает серьёзный

вопрос: могут быть ли тексты с культурами использованы в тестах по иностранным языкам? Мы согласны с мнением словацкой школы в том, что тексты, предлагаемые (и тестированным) субъектам должны отражать принцип «диалога культур», значит – тот же самый принцип, которым пользуемся и в самом процессе обучения, поскольку текст должен приносить своим читателям не пустые факты, а информацию, которая является носителем культурных познавательных элементов. Чем больше культурных элементов в тексте, тем богаче будет являться языковая картина мира субъекта.

4. ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕКСТА С ЭЛЕМЕНТАМИ КУЛЬТУРОСФЕРЫ

Текст: ЭСТЕР ШИМЕРОВА-МАРТИНЧЕКОВА – ПЕРВАЯ ЛЕДИ СЛОВАЦКОЙ СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ XX ВЕКА

Эстер Мартинчекова Шимерова (1909 – 2005) — словацкий художник. Она родилась 23 января 1909 года в Братиславе в конце Австро-Венгерской монархии (до 3 ноября 1918 года). Во время Первой мировой войны она училась в словацкой гимназии. Она училась живописи в Париже. В 1918 году была основана Чехословацкая Республика. В 1932 году прошла ее первая выставка картин в столице Чехословакии – Праге. Через год она вышла замуж за очаровательного чешского врача Франтишека Шимера. После распада первой Чехословацкой Республики (1939) в начале Второй мировой войны было создано Словацкое государство военного времени (1939 – 1945). Влюбленная пара переезжает жить в чешский город Пльзень. Франтишек Шимер помогал чехословацким пилотам из Англии во время Второй мировой войны. Немцы поймали его и приговорили к смертной казни. Потрясенный художник вернулся в Братиславу в 1945 году после Второй мировой войны. В 1947 году она вышла замуж за словацкого адвоката Мартина Мартинчека. Он был галантным человеком, мудрым юристом и интересным фотографом. У нее была студия на сегодняшней Американской площади в Братиславе, недалеко от нынешней языковой школы на улице Вазовова. После коммунистического переворота (февраль 1948) установился тоталитарный режим. Муж не мог работать адвокатом в Братиславе. В 1951 году они отправились из Братиславы на север Словакии. Там он работал деревенским рабочим. В 1954 году они уехали в город Липтовский Микулаш. В 1966 году художник получил национальную премию в области искусства и культуры. Она всю жизнь любила парижскую школу. Она часто бывала в Париже. В 2001 году она получила медаль Французской Республики в области культуры и литературы. Она умерла в 2005 году в Липтовском Микулаше. Ей было 96 лет (Милан Буйняк, автор обработанного текста в рамках теста А2, июнь 2024 г.).

На материале выше приведённого текста нас будут интересовать его элементы на трёх уровнях – горизонтальном, вертикальном и диагональном.

Под горизонтальностью текста мы понимаем первый уровень текста – это сумма всех перечисленных элементов информации, расположенных в тексте синтагматически, т. е. линейным способом. Горизонтальность текста (линейность) проявляется наличием субъектов, объектов и явлений, изображаемой в тексте действительности. В избранном тексте такими элементами являются следующие: *Эстер Мартинчекова Шимерова, Чехословацкая Республика, Австро-Венгерская монархия, Первая мировая война, Словацкое государство, Вторая мировая война, Прага, Франтишек Шимер, коммунистический переворот, Мартин Мартинчек, Американская площадь в Братиславе, Языковая школа в Братиславе, Вазовова улица, Липтовский Микулаш*

Под вертикальностью текста мы понимаем второй уровень текста – это сумма всех перечисленных элементов информации, расположенных в тексте парадигматически и развивающих элементы первого уровня, с которыми они тесно связаны. Вертикальность текста проявляется наличием всех характеристик субъектов, объектов и явлений, изображаемой в тексте действительности. В избранном тексте такими являются следующие: *родилась 1909, словацкий художник, вышла замуж, влюблённая пара, распад Чехословацкой Республики, он помогал чехословацким пилотам, немцы поймали его, очаровательный чешский врач, они*

приговорили его к смертной казни, работал деревенским рабочим, получил национальную премию, получила медаль Французской Республики в области культуры и литературы, умерла в 2005.

Таблица 1 Элементы текста

Горизонтальный уровень	→ → →		
	Эстер Мартинчекова Шимерова	Франтишек Шимер	Мартин Мартинчек
Вертикальный уровень	Родилась в 1909	Приговорён к смертной казни.	Интересный фотограф.
↓	Умерла в 2005.	очаровательный	Мудрый юрист.
↓	Вышла замуж.	Чешский врач.	Деревенский рабочий.
↓	Словацкий художник	Помогал чехословацким пилотам	Галантный человек.
	Получила медаль Французской Республики.		Не мог работать адвокатом в Братиславе.

Под диагональностью текста мы понимаем наличие в тексте (культурного) микроконтекста, который возникает как сумма горизонтальных и вертикальных элементов текста. Чем больше в тексте горизонтальных элементов и чем более парадигмально они развиты, тем богаче будет контекстуальная схема текста.

Текст о Эстер Шимеровой-Мартинчек был очень тщательно выбран в качестве текста для чтения с пониманием в рамках тестирования СКИ (уровень А2) (словацкий какиностранный) русскоговорящих студентов в словацкой аудитории. Теоретические взгляды словацкой культуроведческой школы на обучение русского языка как иностранного не касаются только русского языка. Философия этой школы основана на убеждении, что язык в обучении является средством, а содержанием должны быть национальные ценности, передаваемые учащимся посредством конкретного языка. Поэтому подбор текстов для предназначенной цели (ознакомительное чтение, детальное чтение, проверяющее чтение в рамках тестирования) считается важным шагом к подготовке любого образовательного процесса на любом языковом уровне.

Картинка 1 Эстер Шимерова-Мартинчек. Доступно по: <https://artcapital.sk/autori/simerova-martincekova-ester>

Эстер Шимерова-Мартинчек – одна из выдающихся представителей словацкого искусства XX века. Ее работы чрезвычайно сложны в художественном отношении. Она отличалась от большинства художников своего поколения по двум основным признакам. Она родилась в городе, в материально обеспеченной семье, а всё своё обучение живописи прошла в знаменитых парижских школах. Исключительная живописная подготовка и исключительный талант сделали Эстер Шимерову-Мартинчек легендой живописи с достойным титулом «первой леди» словацкого искусства. Уже во время учёбы в Париже она создала несколько значительных работ, которые сегодня в основном находятся в коллекции Словацкой национальной галереи (Šedivé zátišie, Šachová kompozícia, Prístav v Dieppe, Zátišie, Kvarteto, Hrozno // «Серый натюрморт», «Шахматная композиция», «Порт в Дьеппе», «Натюрморт», «Квартет», «Виноград» и т. д.). В 1930-е годы она создала и другие исключительные работы: Vtáci nad horami, Zátišie s lastúrou, Plachetnice // «Птицы над горами», «Натюрморт с ракушкой», «Парусники» и др. Период протектората, сначала в Пльзене, а затем в Праге, был очень трудным для Шимеровой-Мартинчек. Но и там она создала выдающиеся произведения, такие как «Голова греческой монеты» и «Голова варвара». У неё были все предпосылки, чтобы утвердиться на пражской художественной сцене, но она решила вернуться в Словакию. В первой половине 1950-х годов Шимерова-Мартинчек, под влиянием политического и общественного давления, отказалась от масляной живописи и зарабатывала на жизнь заказными работами. Позже она писала природу Липтова, сначала в деталях (деревья, лес и ручьи), позже в абстрактном плане.

Чтение текста об Эстер Шимеровой-Мартинчек предлагает субъектам относительно полную часть контекста искусства и культуры словацкого культурного контекста. Читатели-иностранцы (русскоговорящие) не просто читают бессмысленную информацию о Словакии без контекста, а через язык на уровне A2 могут понять, в чем суть образования и обучения иностранному языку. Даже если бы они это не осознавали, влияние контекста сохраняется и после прочитанного текста. Текст об Эстер Шимеровой-Мартинчек перешёл осмысленной переработкой по лексическому и грамматическому составу в рамках определённого языкового уровня (A2).

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тексты, насыщенные культурологическими элементами, несут в себе глубокий смысл и выполняют множество важных функций. Они являются не просто набором слов, а своеобразными мостами, соединяющими нас с прошлым, настоящим и будущим, с другими культурами и самими собой. Литература, музыка, кино и другие виды искусства, пронизанные культурологическими элементами, помогают сохранить традиции, обычаи, мифы и легенды народов. Они передают знания о прошлом, формируют национальную идентичность, позволяют погрузиться в атмосферу определенной эпохи, понять мотивы поступков героев, оценить их ценности и мировоззрение. Это помогает лучше осознать современные реалии и их истоки.

Тексты с культурологическими элементами способствуют взаимопониманию между представителями разных культур. Они позволяют преодолеть языковые и ментальные барьеры, расширить кругозор и толерантность. Чтение таких текстов обогащает внутренний мир читателей и формируют ценностные ориентиры, расширяют кругозор, и, в конечном итоге, доставляют эстетическое удовольствие, вызывают эмоции, вдохновляют на творчество.

ЛИТЕРАТУРА

- Bajžíková, E. (1998). *Textová lingvistika*. 1. vyd. – Bratislava.
- Bloom, B. (1956). *Taxonomy of educational objectives*. – New York.
- Findra, J. (2004). *Štylistika slovenčiny*. – Martin.
- Gallo, J. (2013). Text. Textovosť. Kritériá textovosti. In: *Jazyk a kultúra*, 13, S. 1 - 6.
- Karlík, P., Nekula, M., Pleskalová, J. (2002). *Encyklopedický slovník češtiny*. 1. vydání. – Praha.
- Karlík, P., Nekula, M., Rusínová, Z. (2012). *Příruční mluvnice češtiny*. 2. vydání opravené (reprint). – Praha, S. 657 – 669.
- Kollárová, E. *Hovory o kulturologickom smerovaní cudzojazyčnej edukácie*. – Bratislava, 2014. – S. 36 – 45.
- Mistrík, J. (1981). Semiotika a sémantika textu. In: *Jazykovedné štúdie*. № 16. – S. 57 – 62.
- Ondruš, Š., Sabol, J. (1981). *Úvod do štúdia jazykov*. Bratislava, S. 42 – 58.
- Tomengová, A. (2012). *Aktívne učenie sa žiakov – stratégie a metódy*. – Bratislava, MPC.
- Буйняк, М., Борисова, Е. (2019). Моя мастерская и шагаловский феномен. In: *Русский язык в центре Европы*, № 19. – С. 121 – 122.
- Буйняк, М., Борисова, Е. (2020). Философия иноязычного образования. Картина, которая не только иллюстрирует. In: *Lingua et vita*. № 18. – С. 70.
- Валгина, Н. С. (2003). *Теория текста*. Москва, – С. 9.
- Гальперин, И. Р. (2007). *Текст как объект лингвистического исследования*. Москва.
- Киселева, Л. А. (1978). *Вопросы теории речевого воздействия*. Ленинград.
- Калчева, К., Колева, А. (2011). Взаимодействие языка и культуры – полноценное условие для реализации межкультурного образования. In: *Успехи современного естествознания*. № 8. – С. 175 – 176.
- Комарова, З. И. (2013). Коммуникативно-прагматическая парадигма в дисциплинарно-методологическом пространстве современной лингвистики. In: *Вестник челябинского государственного университета*. Челябинск, №1 (292). Филология. Искусствоведение. – вып. 73. – С. 66 – 71.
- Короткевич, И. И. (2023). *Дискурсивный подход в текстах по РКИ*. – Минск, Белорусский государственный университет. – С. 443.
- Хосаинова, О. С. (2015). *Понятие «текст» в лингвистике и методике обучения иностранным языкам*. – Москва.

Izvorni znanstveni rad/Original scientific paper

UDK 821.161.1'1:32

Amela Ljevo-Ovčina

Univerzitet u Sarajevu – Filozofski fakultet, Bosna i Hercegovina

amela.ljevo-ovcina@ff.unsa.ba

JEROFEJEVLJEVA SLIKA I NALIČJE RUSIJE U KNJIZI *BOG X. PRIČE O LJUBAVI KROZ METAJEZIČKE KOMENTARE*

SAŽETAK

U radu su analizirani refleksivi ili metajezički komentari i njihove funkcije u knjizi Viktora Jerofejeva *Bog X. Priče o ljubavi*. Veliki broj refleksija u ovom djelu odnosi se na rusko društvo u dvama političkim sistemima – socijalizmu (komunizmu) i kapitalizmu. Istraživanje je pokazalo da se najveći broj primjera refleksiva odnosi na metajezičku reakciju na riječi. Refleksivi u djelu *Bog X* sadrže različite metajezičke informacije, a s obzirom na njihovu prirodu, u radu su izdvojene najčešće i najvažnije njihove funkcije: objašnjenja određenih pojava i realija, karakterizacija likova i društvenih grupa, koja se u nekim primjerima povezuje s postupkom etimologizacije riječi te funkcija intertekstualnosti. U analiziranom djelu objašnjenja riječi i drugih jezičkih jedinica i pojava najčešće sadrže vrednovanja a ne nepristrasne komentare.

Ključne riječi: refleksiv, metajezički komentar, komunizam, kapitalizam, intertekstualnost, karakterizacija likova, vrednovanje

Yerofeyev's image and the reverse side of Russia in the book *God X. Tales of Love through metalinguistic commentary*

ABSTRACT

The paper analyzes reflexive or meta-linguistic comments and their functions in Viktor Yerofeyev's book *God X. Tales of Love*. A large number of reflections in this work refer to those related to Russian society in two political systems – socialism (communism) and capitalism. The research illustrates that the largest number of examples of reflexives refers to the meta-linguistic reaction to words. Reflexives in the book *God X* contain different meta-linguistic information and, considering their nature, the paper singles out the most common and important functions of reflexives here: explanations of certain phenomena and realities, characterization of characters and social groups. In some examples this is connected to the etymology of words and the function of intertextuality. In the analyzed work, explanations of words and other linguistic units and phenomena usually contain evaluations rather than impartial comments.

Keywords: reflexive, meta-linguistic commentary, communism, capitalism, intertextuality, character characterization, evaluation

1. UVOD

Metajezičkim komentarima pisci u književni tekst unose razmišljanja o jeziku i govoru koja mogu imati formu kratkih zapažanja pa do razrađenih kratkih tekstova. S obzirom na brojnost refleksiva, za ovo istraživanje izabrana je knjiga *Bog X. priče o ljubavi* (Бог X. рассказы о любви) Viktora Jerofejeva. U ovom radu su kao primjeri metajezičke refleksije razmatrane jezičke jedinice, karakteristike izgovora, jezičke komunikacije i sl. Cilj rada je analizirati funkcije refleksiva, tj. metajezičkih komentara u ovom djelu koje se odnose na sovjetsko društvo i period savremene Rusije zasnovane na kakvoj-takvoj tržišnoj ekonomiji. Istraživanje će ukazati na određene jezičke i konceptualne stereotipe, njihovo prevazilaženje ali i moguće stvaranje nekih novih. Za opis metajezičkog materijala korištena je metoda interpretativne analize, tj. komentiranje i generaliziranje takvih iskaza. Važno je naglasiti da je predmet ove analize knjiga koju je napisao filolog te su njegova metajezička vrednovanja u korelaciji s njegovim stručnim filološkim znanjem, međutim, u ovom radu se njegov pogled na jezik u knjizi *Bog X* analizira kao refleksivna svijest govornika jezika a ne stručnjaka. U svakom slučaju istraživanja ovakvih iskaza na primjeru književnih djela mogu biti korisna u leksikografskoj praksi.

Primjeri metajezičkih komentara u djelu javljaju se u vidu grafičkog isticanja (navodnicima) riječi ili dijelova teksta koji govore likovi, a u nekim primjerima oni uključuju nekoliko rečenica ili dijaloge pa sve do forme posebnog kratkog teksta (npr. o sudbini vulgarizama *Последние судороги русского мама*). Pitanje granica metajezičkog konteksta usko je povezano s pitanjem strukturne metajezičkog iskaza, tj. nije moguće uvijek odrediti granice refleksiva. Pod uvjetom da refleksiv čini samostalnu temu unutar teksta, eksplicirajući je u metaoperatoru, njegov se početak lako identificira. Donja granica može biti zamagljena ili isprekidana, ona se stapa u strukturu osnovnog teksta (Ростова 2000: 64). Stoga će u radu biti navođeni primjeri refleksiva koji uključuju i malo širi kontekst (ne samo primjer refleksiva), tj. dijelove teksta koji su važni za razumijevanje jezičke jedinice koja je predmet komentiranja.

Predmet metajezičkog komentara u knjizi *Bog X* često je kolokvijalna leksika, žargonizmi, vulgarizmi i općenito leksika koja je predmet estetskog ili etičkog vrednovanja.

„Треснул рационалистический образ человека, созданный русским марксизмом. Новый формировался спонтанно, независимо от государственной идеологии. Поколение Агаты научилось себя «позиционировать» – коренное слово современной русской самоидентификации. Позиционирование сделало это поколение вехой местной жизни. До этого русский человек плохо знал, кто он и зачем.“ (Ерофеев 2002: 108)

Termin *refleksiv* upotrebljava se u značenju kako ga definira Шумарина (2011). U skladu s lingvističkom tradicijom, kako piše Шумарина, termin *metajezička refleksija* označava dvije međusobno povezane pojave. Prvo, ona se odnosi na metajezičku svijest – objašnjenje neke jezičke činjenice ili jezika. Njen sadržaj predstavlja metajezičko vrednovanje, tj. pripisivanje jezičkom predmetu osobine ili ocjene. Metalingvističko vrednovanje predstavlja značenje (sadržaj) metajezičkog komentara i može biti ili verbaliziran ili implicitan. Drugo, ovaj termin označava verbalni oblik takvih vrednovanja u vidu metajezičnih konteksta. Refleksivi ili metajezički komentari u književnom tekstu su jezički dijelovi izdvojeni na osnovu semantike i koji imaju tipičnu semantičku strukturu i određeni repertoar metoda izraženih u određenom obliku (v. više u Шумарина 2011: 71).

Kao što je već navedeno, refleksivi mogu biti eksplicitni i implicitni. Implicitni refleksivi nemaju verbalno izražen komentar, refleksija se izražava navodnicima, kurzivom i drugim načinima grafičkog isticanja. Međutim, u djelu su zastupljeni i primjeri kada Jerofejev karakteristike jezika likova grafički ističe navodnicima a zatim ih objašnjava ili interpretira.

Vrijeme kada Jerofejev¹ piše *Bog X* obilježavaju procesi demokratizacije i liberalizacije koji se aktivno razvijaju u Rusiji te pružaju prostor za otkrivanje komunikacijskog potencijala govornika. S druge strane, ukidanje zabrana i državne cenzure dovelo je do spuštanja ljestvice normi standardnog jezika u korištenju jezičkih sredstava, od štampe i televizijskih emisija do književnosti. U upotrebi je bio ruski koji se do tada nije smatrao uzornim. Komunikacijsku situaciju konstituiraju prvenstveno izvanjezički faktori, tj. promjena društvenih i ekonomskih modela u Rusiji u posljednjim desetljećima 20. stoljeća, koji određuju uvjete komunikacije i oblikovanja teksta. Intenzivni procesi u političkom i ekonomskom životu Rusije, povezani s promjenom odnosa prema jeziku, prepoznatljivi su u metajezičkim komentarima V. Jerofejeva.

Jerofejevljeva knjiga *Bog X. priče o ljubavi* (Бог X. рассказы о любви) objavljena je 2002. a njome autor, objašnjavajući ideju, najavljuje i neminovnost globalnih promjena. On tematizira važna pitanja za rusko društvo, od Carske Rusije, sovjetskog socijalizma pa do kapitalizma savremene Rusije. U knjizi *Bog X* Jerofejev prikazuje sovjetsko društvo s neodrživim postavkama za koje kao takvo nije bilo spasa. U kratkim pričama, esejima i skicama upotrebom različitih leksičkih slojeva: žargonskom, npr. iz žargona kamiondžija: Женька – распашонка,² omladinskog žargona i sl., upotrebom nestandardne leksike, Jerofejev se suprotstavlja hipermoralizmu sovjetskog doba, propagira slobodu izražavanja bez ideološke i jezičke cenzure.

Kada se govori o metajezičkim iskazima, treba podsjetiti da je R. Jakobson izdvojio metajezičku funkciju kao jednu od šest osnovnih funkcija jezika (Якобсон 1975). Nemoguće je zaobići poznate riječi M. M. Bahtina o metalingvističkoj komponenti ljudskog mišljenja koje podrazumijeva misli o mislima, doživljuje o doživljajima, riječi o riječima, tekstove o tekstovima (Бахтин 1986: 297). M. M. Bahtin je isticao da govor likova, tj. jezik kao takav nije samo sredstvo nego i predmet opisivanja. Upravo je u tome vidio razliku između književnosti i drugih umjetnosti. Radovi koji se bave metatekstualnošću uglavnom se osvrću na članak A. Vježbice „Metatekst u tekstu“ (1978: 402–424), u kojem su opisane različite jezičke jedinice kojima se tumači komentar govornika u tekstu. Također, niz je savremenih istraživanja koja se bave ovim temama. Najčešće se u centru pažnje lingvisti nalaze iskazi vezani za upotrebu leksičkih jedinica. Tako metajezički komentar vezan za upotrebu određene leksičke jedinice I. T. Vepreva naziva refleksivom³ (2005: 76). Drugi lingvisti upotrebljavaju druge termine koji su uglavnom analogni terminu refleksiv, npr. *метаязыковые высказывания* (Булыгина, Шмелев 2000), *метатекст* (Ростова 2000), *контекст-мнение* (Лукьянова 1986). Niz je radova u kojima se u odnosu na jezičku refleksiju upotrebljava upravo termin refleksiv među kojima su Шейгал 2000; Шмелева 1999; Кормилицына 2000; Васильев 2000; i drugi (v. više o tome u Vepreva 2005: 77).

Refleksivima, tj. osnovnom jedinicom proučavanja metajezičkog diskursa, Vepreva smatra relativno završene metajezičke iskaze koji sadrže komentar uz upotrijebljenu riječ ili izraz (2005: 8). Tip refleksiva koji podrazumijeva komentiranje riječi ili njenu upotrebu u određenom kontekstu, uz navođenje neke informacije o njoj, Vepreva (2014: 31) naziva *metajezičkim komentarom* (метаязыковой комментарий); on je po svojoj prirodi epistemološki i popunjava informacijski fond adresata. Dakle, u ovom slučaju radi se o osnovnom komentiranju. Drugi tip refleksiva u kojima je izražen odnos prema

1 Viktor Jerofejev u književnosti se javlja sredinom 80-ih godina polazeći od tradicionalnih realističkih formi da bi se kasnije fokusirao uglavnom na destruktivne porive ljudskog ponašanja. Postaje poznat 1973. objavljivanjem eseja o djelu M. de Sadea u časopisu *Književna pitanja* (Вопросы литературы). Zajedno s Dmitrijem Prigovom i Vladimirom Sorokinom osniva udruženje ЁПС, koje je bilo nova pojava u odnosu na sovjetsku i antisovjetsku književnost. U antologiji nove ruske proze „Ruski cvjetovi zla“ (Русские цветы зла) okuplja tzv. alternativnu literaturu koju karakteriziraju skepticizam i estetika šokantnosti. Najpoznatije djelo ovog postmodernističkog pisca je *Život s idiotom* (Жизнь с идиотом), prema kojem je Alfred Schnittke napisao operu „Ruska ljepotica“ (Русская красавица). Poznati su i njegovi naslovi: „Posljednji sud“ (Страшный суд), „Pet rijeka života“ (Пять рек жизни), „Raskoš“ (Роскошь) i „Dobri Staljin“ (Хороший Сталин) i *Bog X. priče o ljubavi* (Бог X. рассказы о любви).

2 Prikolica kamiona sa zavjesama ili prikolica s bočnim vratima.

3 Prednost termina *refleksiv* je u njegovoj kratkoći – njime se određuje specifična vrsta iskaza na osnovu njegovog sadržaja kao posebnog predmeta proučavanja i njegove podložnosti upravo jezičkoj analizi sa stajališta semantike, strukture i funkcije. Osim jednostavnosti i pogodnosti termina *refleksiv* Vepreva (2014: 7) ukazuje i na neke njegove nedostatke. Prije svega, refleksiv nije novi termin u lingvistici. On se upotrebljava u gramatici za označavanje koreferencijalnosti i njeno izražavanje, naprimjer, zamjenica i povratnih glagola. S obzirom na povećan interes lingvisti za metajezičnu aktivnost govornika ipak se ustaljuje pojam jezičke refleksije.

riječi Вепрева (2014: 31) vidi kao aksiološke iskaze s dominiranjem racionalne ili emocionalne reakcije, usmjerene na vlastiti odnos prema riječi, ali usmjerene i na mišljenje adresata. Ovaj tip metaiskaza koji imaju funkciju vrednovanja u odnosu na osnovna komentiranja (Вепрева 2014: 31) naziva *metajezičkom interpretacijom* (метаязыковая интерпретация) budući da govornik, osim eksplicitnih jezičkih informacija ponuđenih u tekstu, verbalizira i interpretativno, ili dublje razumijevanje leksičke jedinice, što je moguće kada se jezičke informacije nadovezuju na psihološke, društvene, moralne-etičke i sl. (Кобозева, Лауфер 1994: 64). Termin *metajezička interpretacija* na sličan način definiraju Кухаренко (1979: 83) i Нахратова (1990: 9), v. više u Вепрева (2014: 31–32).

U nastavku rada analizirani su primjeri refleksiva o riječima te pojedinačni primjeri koji se odnose na parole i esej o vulgarizmima u savremenom ruskom jeziku. S obzirom na važnost riječi u jezičkom i konceptualnom sistemu, najveći dio primjera odnosi se upravo na metajezičku reakciju na riječi. Refleksivi u djelu *Bog X* sadrže različite metajezičke informacije a s obzirom na njihovu prirodu, u radu su izdvojene njihove najvažnije funkcije: objašnjenja određenih pojava i realija, karakterizacija likova i društvenih grupa, koja se u nekim primjerima povezuje s postupkom etimologizacije riječi te funkcija intertekstualnosti.

2. OBJAŠNENJA POJAVA I REALIJA

Pisac u narednom metajezičkom komentaru odbacuje uobičajeno mišljenje da je izdaja domovine teža i pogubnija od prevare supružnika:

„Но понятно, что *измена* – это не только про ватрушки. *Измена* – одно из самых сильных русских слов, оно пахнет кровью, уничтожением или, по крайней мере, рукоприкладством.

„*Измена родине* – строго говоря, метафора. Некоторые думают, что дело легче обстоит с *супружескими изменами* – здесь вроде все ясно.“ (Ерофеев 2002: 61)

Reflesivom o dvjema riječima istog korijena u ruskom jeziku: *обмен* и *измена* (razmjena i prevara) Jerofejev određuje suštinu promjena 90-ih.

„*Обмен и измена* – *однокоренные слова*. Это не так очевидно, как смена витрин, автомобильный бум, уличная проституция, рекламные растяжки, но меняет московскую жизнь радикально, а иным разбивает жизнь вдребезги. Идет перераспределение тендерных ролей, половой переполох: нарождается невиданное сословие русских женщин – самостоятельных, самодельных, самоходных установок. Женщина-самоход появилась куда стремительнее, чем была опознана российским мужским сознанием, недогадливым и патриархальным, с откровенно «мачистской» подкоркой. Короче, возник новый образ Наташи Ростовской“ (Ерофеев 2002: 103).

U narednom jezičkom komentaru razmatraju se različiti konteksti upotrebe i razlike u nijansama značenja sljedećih riječi: *сочувствие* (saosjećanje), *соболезнование* (sućut) i *сострадание* (samilost).

„*Сочувствие* – это состояние личности, которая может мобилизоваться и прийти на помощь в беде, или, если случилась трагедия, помочь тем, кто стоит вокруг гроба. Кстати, о словах: не мертвое правительственное «соболезнование» и не стопудовое, церковное «*сострадание*», а «*сочувствие*» нужно людям.“ (Ерофеев 2002: 61)

Refleksija na francusku riječ *l'amour* iz enciklopedijskog rječnika koja se početkom 20. stoljeća povezivala isključivo s Bogom i domovinom da bi tokom 20. st. ljubav promijenila pravac širenja značenja:

„В авторитетном французском энциклопедическом словаре «Лярусс», выпущенном в начале XX века, слово *l'amour* ассоциируется исключительно с Богом и родиной, о других формах любви просто не говорится, видимо, как о недостойных и мелких предметах, а также, положим, из лицемерия. Весь XX век свелся к тому, что любовь изменила свое русло. На то есть причины. Мир обезбожился. Патриотизм был подчинен грубой идеологии. Любовь к женщине стала любовью с большой буквы и приняла характер монополии, возвелась и выродилась в зависимость.“ (Ерофеев 2002: 33)

Metajezičkim komentarom kolokvijalne riječi s pejorativnim značenjem *показуха* (lažno prikazivanje) opisan je moral sovjetskog društva:

„Между верхним платьем и нижним бельем проходила граница социальной стыдливости. Офицерский мундир с орденами принадлежал обществу, трусы офицера, его частным дело, могли быть дырявыми – общество строилось на «показухе». Мы жили по принципу: что невидно, то неважно, – и белье было элементом всеобщего вранья. В России тело всегда было под подозрением. Его рассматривали как духовный позор.“ (Ерофеев 2002: 51)

Upotrebom žargonske riječi *коннектил* od engl. *connect* ona dobija dodatne semantičke asocijacije u opisu odnosa likova prema komunizmu, ali i prema savremenoj stvarnosti:

„Когда я сказал, что коммунизм не «коннектил» с человеческой природой, она, подумав, кивнула. В беспамятстве ее сверстников есть резон – это отрыв от истории как страдания. Если поколение Агаты еще можно было развернуть в коммунизм, то Женькино просто не знает, как там, в коммунизме, полагается себя вести, в какую очередь становиться. (...) Они обе не отрицают достижений Запада, но искать мудрость будут скорее всего на Востоке.“ (Ерофеев 2002: 109)

Metajezičkom komentarom sintagme *смышленная мандавошка* (oštroumna stidna uš; *мандавошка* umanjena riječi *мандавоха*) predstavljena je Agatina težnja za uspjehom:

„Мечта Агаты – состояться. Первичный импульс – открытие понятия успех, который впервые с начала XX века стал восприниматься с положительным знаком. «Смышленная мандавошка», как ее прозвали обиженные ею недоброжелатели, Агата готова быть бесчеловечной и пошла бы по трупам, если это понадобится для успеха. (Ерофеев 2002: 108)

Pisac tematizira norme standardnog jezika i nestandardne riječi.⁴ Tako piše i o jezički nestandardnoj sintagmi: *нижнее белье* opisujući rublje kao metaforu sovjetskog društva u kojem je potiskivana tjelesnost simbolizirala njegovu beživotnost.

„Судя по советской живописи и кино белье эстетически было неприличнее голого тела. Более того, для пожилого человека сам разговор о «нижнем белье» вызывает отвращение – это словосочетание лингвистически ненормативно. На нем (как следствие заношенности белья) как будто отпечатались следы телесных испражнений. Моя мама передернулась, узнав, что я был на выставке нижнего белья.“ (Ерофеев 2002: 51–52)

Naglašavajući nenormativnost navedene sintagme kao i njeno značenje pisac se referira na stručnu literaturu, na sovjetski enciklopedijski rječnik iz kojeg citira definiciju rublja, koja, kako on ocjenjuje, potpuno precizno pokazuje aseksualan i pljesniv sovjetski stav prema donjem rublju:

«Б. должно хорошо впитывать кожные выделения (пот и сало), а также предохранять кожу от внешнего загрязнения и механич. раздражения более грубой верхней одежды...», – пишет советский энциклопедический словарь, с предельной точностью фиксируя советское отношение к Б.: асексуальное, затхлое (неслучайны слова «пот и сало», которые могли бы стать названием этнического русского романа по контрапункту с польским «огнем и мечом») и по-армейски физиологическое (из области «живая сила противника»). (Ерофеев 2002: 51–52)

Pored toga što imaju funkciju karakterizacije likova, žargonizmi, vulgarizmi i psovke dio su Jerofejevljevog idiostila. U metajezičkom iskazu u vidu kratkog teksta Jerofejev piše o statusu vulgarizama u ruskom jeziku. Osvrćući se na njihovu upotrebu u francuskoj književnosti i jeziku te u engleskom, pisac predviđa neutralizaciju njihove snižene ekspresivnosti i u ruskom:

„В России тело всегда было под подозрением. Его рассматривали как духовный позор. Оно годилось скорее для наказания, пыток, унижения, нежели для эротики, красоты и воспевания. И русский мат – мощный бунт тела против такого бесправного положения. Тело нашло язык для метафорической оценки подлого мира, который его забивал.“ (Ерофеев 2002: 59)

4 U programskom članku „*Ruski cvjetovi zla*“ (Русские цветы зла) Jerofejev piše o predstavnicima književne generacije kojoj je i sam pripadao a u koju ubraja Sorokina, Peljevina i neke pisce iz starije generacije kao što su Šalamov i drugi. Njih objedinjuje isti odnos prema *tiraniji dobra*, koju smatraju nametnutom odzgor, zatim odnos prema moraliziranju, kao i prema bilo kojem obliku patetičnosti. Generacija ruskih postmodernističkih pisaca sovjetsku je vlast smatrala totalitarnom, ali im nisu bili bliski ni njihovi prethodnici, pisci koji su se javili 60-ih godina. U djelima prethodne generacije nije bila zastupljena tema tjelesnosti i seksualnosti, a bila im je strana i ljudska fiziologija. U potpunosti je različit odnos pisaca ovih dviju generacija i prema nestandardnoj leksici. Razlikovali su se i po svom odnosu prema ruskoj kulturi i ruskom jeziku.

3. JEZIČKA KARAKTERIZACIJA LIKOVA

U djelu su zabilježeni reflektivni u funkciji karakterizacije likova, uključujući izgovor, tempo ili ton govora i intonaciju. Međutim, i brojni primjeri karakterizacije likova zapravo su u funkciji Jerofejevljevog opisa društva.

Npr.: izgovor naziva *Советский Союз*:

„Мы идем по Смоленской площади мимо МИДа. – Это здание, – говорит Женька, – для меня похоже на Советский Союз. Таким я его себе представляю. Она выговаривает «Советский Союз» с некоторым трудом, как иностранное словосочетание.“ (Ерофеев 2002: 109)

Refleksiv – opis energičnog izgovora ruske riječi *деньги* 'novac':

„Если энергично произносить русское слово «деньги», обнажаются все зубы, появляется волчий оскал. Это я заметил у своей бывшей любовницы в то время, когда она стала бывшей. Мы сидели во французской кофейне на Триумфальной и при большом наплыве воскресной публики, макая жирные круассаны в «кафе о лэ», распилили нашу любовь на вложенные в сожителство средства. Много не показалось.“ (Ерофеев 2002: 102)

I Agata i Ženjka su progresivne, ali se njihovi karakteri razlikuju. To se ogleda i u njihovom jeziku. Za razliku od Agate, Ženjka koristi žargonske riječi (*депрессняк*), vulgarizme i psovke:

„Женька считает, что в России много «лишних слов» и сердится, когда я говорю «длинно». Ей претят «депрессняк» – положения, из которых нет выхода, то есть именно то, чем славится интеллигенция, и фуршетная халява, услада прожорливых журналистов.“ (Ерофеев 2002: 105) „Ее любимое слово – «тема». Жизнь Женьки – разноцветная расточка тем. Ее любимая тема – старые советские фотоаппараты. Новые бренды ей «до пизды». Она не боится мата. Сленгом пользуется по обстоятельствам: то густо, то пусто.“ (Ерофеев 2002: 103) „Когда Женька ругается, она предпочитает «фак!» русскому «блядь!». Но свои и мои гениталии она называет чисто матерными словами. Если моя «бывшая» Агата дергалась от слова «ебля», то Женька предпочитает его удачному эвфемизму «трах», филологической гордости моей генерации. В Женькином поколении мат отомрет как запретная самостоятельная тема.“ (Ерофеев 2002: 105)

Osim verbalnih, zabilježen je i niz metajezičkih zapažanja o neverbalnoj komunikaciji likova, npr.: opis geometrije pokreta i mimike:

„С «Киевом» образца 1979 года через плечо, с прерывистой геометрией жестов, смешливой мимикой, она идет через лес в Бухте Радости к пляжу. Спотыкаясь о корни, подружки едва поспевают. Купаться! Она – через голову длинное платье без рукавов. Загорелая, в воду. Переглянувшись, подружки не следуют ее примеру. – Странно, – пристыжено сказала одна из них, киноактриса. – Такое красивое тело, что она не производит впечатление голой женщины.“ (Ерофеев 2002: 103)

Postupak etimologizacije u narednom primjeru u funkciji je samoironije i ironije, uključujući opis gubljenja jačine značenja prezimena *Ерофеев* u ruskom i nemilozvučnom kombinacijom „fe“, koje zvuči kao „fu“, i opisa piščevog odnosa prema svom prezimenjaku, također poznatom piscu:

Ерофеев – слово двух основных греческих корней. Имеет отношение к любви (Эрос) и к Богу (одного корня с теологией, теософией, теодицеей). В русской транскрипции: Боголюбов. Но Боголюбов фонетически классом выше Ерофеева. В Боголюбове есть известное благородство; Ерофеев – плебейская фамилия, легко переходящая в дешевые кликухи: Ерофей. Ерофа. Ерошка – почти дразнилки, и, конечно, в название подзаборной водки «Ерофеич» (ее любили обыгрывать в советской юмористике).

Фамилия богата греческим значением, но на русской почве какая-то стертая, неяркая, с малопривлекательным звуко сочетанием «фе» – типа «фу»! Ее часто путают. Сделать из такой фамилии нечто твердое, определенное – большая сложность. Если делаешь, если получается – однофамилец особенно раздражает, вторгается на твою территорию. Естественная реакция – гнать его вон. Он спутывает карты, он забирает то, что ты сделал, живет на твой счет. Короче, ужас, преодолеть который можно только через осознание своего удела. С однофамильцем «мы» не бывает. (Ерофеев 2002: 42)

4. FUNKCIJA INTERTEKSTUALNOSTI

Osobitost knjige *Bog X* Viktora Jerofejeva ogleda se u korelaciji refleksiva s intertekstom, aluzijama na sadržaj djela ruske i svjetske književnosti, značenjski često motiviranih ironijom. Zanimljivo je da odgovornost za pravac razvoja ruskog društva kroz stoljeća Jerofejev pripisuje i ruskim piscima, npr. o potenciranju ideje o mudrosti naroda i njegovim posljedicama, o pojavi Rasputina i sl. U narednim primjerima pisac karakterizira određene pojmove i pojave citatima iz djela, imenima pisaca, onomastičkim metaforama i poređenjima, npr.:

„Мы все вышли не из гоголевской шинели, а из позора нижнего белья. Каждому есть что рассказать.“ (Ерофеев 2002: 50) „Еще не нашелся *Достоевский*, чтобы описать вечный женский страх, связанный с ним: вот-вот лопнет резинка трусов, расстегнется лифчик, спустятся чулки. В сущности, мы и были колоссом со спущенными чулками.“ (Ерофеев 2002: 50) „И будь я Львом Толстым компьютерных дней, то написал бы «Войну и мир» не о нашествии Наполеона на Москву, а о захвате ее провинциальными ордами. Москва горит от них, как от пожара“ (Ерофеев 2002: 102) „Лучше всего, сразу разворачивайся и уходи. Расставаться надо кратко, в один монолог, как в модном романе Харуки Мураками «Охота на овец», который она так любит, но ты станешь многословным, как *Достоевский* в «Братьях Карамазовых». Степень ее интереса к тебе сильно упадет, почти до нуля.“ (Ерофеев 2002: 36)

Jedan od primjera intertekstualnosti je i poznata Lenjinova parola *искусство принадлежит народу* (umjetnost pripada narodu), koja, kako to vidi Jerofejev, povezuje suštinu komunizma i tržišne ekonomije. Pisac ironično određuje masovnu kulturu, posebno dodatak „kulturni“, koji on grafički naglašava navodnicima.

„Ленинский лозунг «искусство принадлежит народу» – рыночный лозунг. Идеалом культуры для рынка стала маскультура, то есть его «культурный» придаток. Рынок породил маскультуру⁵ во всем ее великолепии. Он поощряет культуру развлечения, а человеческая глупость охотно впитывает ее.“ (Ерофеев 2002: 73)

U metajezičkom komentaru o *Moskvi* kao Trećem Rimu, tj. refleksiji o Moskovskoj Rusiji kao historijskoj nasljednici Rimske i Bizantske Imperije, Jerofejev se referira na teoriju pskovskog monaha Filoteja o značaju glavnog grada ruske države kao političkog i crkvenog centra. Filotejeve riječi u izvornom obliku na crkvenoslavenskom jeziku izgovara Jerofejev lik – Katja: «*Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти*», – *шепнула мне Катя*.⁶ (Ерофеев 2002: 14)

U knjizi *Bog X. priče o ljubavi* Jerofejev rasvjetljava sociološke i psihološke aspekte života pojedinaca u dvama različitim sistemima – u razdoblju Sovjetskog Saveza i njegovog neuspješnog nastojanja da dostigne izmašta komunizam te savremene Rusije s nekom makar kontroliranom tržišnom ekonomijom. Jerofejev ironizira moralne norme sovjetskog društva i zauzima se za slobodu izražavanja bez ikakve ideološke i jezičke cenzure.

Knjiga govori i o ljubavi u različitim oblicima koji se ponekad prepoznaju i u metaforama. Likovi dviju žena imaju važnu ulogu u razvijanju teme odnosa prema životu i etičnosti. Tako i promjenu odnosa prema tjelesnosti u društvu Jerofejev pokazuje kroz lik Agate, kojoj su 90-e bile težak izazov, i Ženjke, koja odrasta u ideološki već novom sistemu a sredina, tj. klima i geografija prostora prividno oblikuju njihove karaktere. Problematiziranje općepoznatih mjesta ruske historije, književnosti, posebno Jerofejevljevo obračunavanje s totalitarizmom i megalomanijom često prati ironija, sarkazam, pa i groteska. Piščev stil je spoj fikcije isprepletene sa stvarnošću, alegorija, ironija, podsmijeh i autoironija, posebno gdje piše o situaciji kada su ga zamijenili s njegovim prezimenjakom Venediktom Jerofeevom.

5 Razumijevajući izazove borbe protiv masovne kulture i izražavajući sumnju u mogućnost njenog dokidanja, jer fućka se njoj na prezir, nemoguće ju je zabraniti – zavapit će o slobodi samoizražavanja i pozivati se na ustav, Jerofejev zaključuje: „Тем не менее, маскультуре надо указать на ее подлое место. С ней лучше не церемониться. Дуракам надо сказать, что они – дураки“ (Ерофеев 2002: 74).

6 Собственные слова старца Филофея по наиболее аутентичному тексту бесспорно подлинного Послания к государеву дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюре-Мунехину: «Да веси, христолюбче и боголюбче, яко вся христианская царства приидоша в конецъ и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, то есть Ромейское царство. Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти» (Documenti I 1993: 147).

5. ZAKLJUČAK

U radu su analizirani refleksivi, tj. metajezički komentari i njihove funkcije u knjizi Viktora Jerofejeva *Bog X. priče o ljubavi*. Istraživanje je pokazalo da se najveći broj primjera refleksiva odnosi upravo na metajezičku reakciju na riječi a razlog za to leži u važnosti riječi u jezičkom i konceptualnom sistemu. U ovom djelu brojne takve reakcije odnose se na rusko društvo u dvama političkim sistemima – socijalizmu (komunizmu) i kapitalizmu. Refleksivi u *Bogu X* sadrže različite metajezičke informacije a s obzirom na njihovu prirodu, u radu su izdvojene njihove najvažnije funkcije: objašnjenja određenih pojava i realija, karakterizacija likova i društvenih grupa, koja se u nekim slučajevima povezuje s postupkom etimologizacije riječi te funkcija intertekstualnosti.

Pored toga što služe za karakterizaciju likova, refleksivi su elementi teksta koji se odnose na percipiranje jezika i njegovog funkcioniranja te su dio konstruiranja samog teksta. Analiza je pokazala da se radi o metajezičkim komentarima koji su u ulozi vrednovanja a ne s nepristrasnim analizama jezičkih jedinica i pojava na koje se one odnose. U Jerofejevljevoj slici Sovjetskog Saveza vidi se nelagoda, odsustvo spontanosti u doživljaju tijela i neslobodne ličnosti u totalitarnom društvu, tako da je zastupljenost nestandardne leksike, tzv. sniženih elemenata, pokazatelj otpora prema neslobodi tijela i neslobodi govora. Dakle, ležeran odnos prema normama standardnog jezika, upotreba i metajezičko komentiranje nestandardne leksike izraz je vrednovanja različitih pojava, ali i njegovog nastojanja da piše precizno jednostavnim jezikom svakodnevne komunikacije.

U ovom djelu očigledan je autorov kritički i ironičan odnos prema komunizmu. Jerofejev opisuje destruktivan utjecaj ideologije komunizma na pojedinca i društvo, međutim, on pokazuje i negativne strane kapitalizma koji pojedinca gdjekad usmjerava na vlastiti svijet i usko viđenje stvarnosti uopće te čvrsto ukorjenjivanje masovne kulture i njenu podmuklost.

IZVOR

Ерофеев, Виктор Владимирович: *Бог X. рассказы о любви* (электронная библиотека TheLib.Ru)

LITERATURA

Бахтин, М. М. (1986). Эстетика словесного творчества. Москва. Искусство

Вежбицка, А. (1978). Метатекст в тексте. Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. Вып. 8. Москва. Прогресс

Вебрева, И. Т. (2014) *Метаязыковой привкус эпохи, Избранные работы последнего десятилетия*. Saarbrücken. Palmarium Academic Publishing

Вебрева И. Т. (2005). Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. (Золотая коллекция). Москва. ОЛМА-ПРЕСС

Даль В. И. (2001). *Толковый словарь русского языка: Современ. версия*. Москва. ЭКСМО-Пресс. Российская государственная библиотека (РГБ)

Кобозева И. М. (2000). *Лингвистическая семантика* [Учеб. пособие]; МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва. Эдиториал УРСС

Ковалев Г. Ф. (2021). Русский мат как часть национального достояния //

Российский гуманитарный журнал. Том 10. №3. Санкт-Петербург. Издательство Социально-гуманитарное знание

Кормилицына М. А. (2000). Рефлективы в речевой коммуникации // *Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр.* С. 20–25. Саратов. Изд-во Саратов. ун-та.

L'idea di Roma a Mosca. Secoli XV-XVI. Fonti per la storia del pensiero sociale russo. Идея Рима в Москве. XV-XVI века. Источники по истории русской общественной мысли. «Da Roma alla Terza Roma». (1993). Documenti I, Рим (https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsyplin/ulozhennaja-gramota-1589-g/#0_4)

Ростова А. Н. (2000). Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (На материале рус. говоров Сибири). Кемеров. гос. ун-т. Томск : Изд-во Томск. ун-та

Словарь молодёжного слэнга (<https://slovar-molodezhnogo-slenga.slovaronline.com/1827-%D0%B4%D0%B5%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%BD%D1%8F%D0%BA>)

Словарь синонимов Абрамова: (https://gufo.me/dict/synonyms_abramov/%D1%81%D1%82%D1%8B%D0%B4)

Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения (2001).

Под ред. Г. Н. Складневской. Москва. Астрель : АСТ

Шмелева Т. В. (1993). *Ключевые слова текущего момента*. № 1. С. 33–41. Киев. Collegium

Шумарина М. Р. (2011). *Язык в зеркале художественного текста (метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): монография*. Москва. Флинта: Наука

Якобсон Р. О. (1975). Лингвистика и поэтика // *Структурализм: «за» и «против»: Сборник статей*. Москва. Прог

Izvorni znanstveni rad/Original scientific paper

UDK 811.161.1:392

Ольга Макаровска

Университет им. Адама Мицкевича в Познани, Польша

olga.makarowska@amu.edu.pl

ТЕКСТОВАЯ КАРТИНА МИРА В ШЕПОТКАХ ЗНАХАРКИ МАРЬИ БЫКОВОЙ (НА ПРИМЕРЕ ЗАГОВОРОВ ОТ ВНЕЗАПНОЙ БОЛИ)

АННОТАЦИЯ

Автор первой статьи, посвященной шептаниям и опубликованной в 1878 году, русский филолог Петр Ивашенко отметил, что они совершенно не изучены. Показательно, что по прошествии почти ста пятидесяти лет эта разновидность заговоров остается мало исследованной как часть обряда. В связи с этим основная цель рассмотрения шепотков связана с установлением особенностей текстовой картины мира (ТКМ) в шептаниях Марьи Быковой. ТКМ понимается как мир смыслов текста, „обволакивающие” составляющие воображенной или воссозданной действительности. В статье выявляются структура ТКМ шепотков, ее компоненты, а также анализируется языковая картина текста, то есть часть ТКМ, объективизирующая в языковых данных. Рассматривается ее лингвистический пласт, охватывающий лексико-семантический, грамматический, синтаксический и пр. аспекты. Анализируется также прагматический контекст обряда и выявляются связи между ним и ТКМ. Исследовательский материал представляет собой все шепотки от внезапной боли; методы исследования – анализ, описание, группировка и моделирование (в рамках этнолингвистического подхода). Исследование шепотков показало, что ТКМ не является однородной, охватывая несколько разных картин мира, выраженных с помощью языковых средств, не всегда непонятных современному адресату.

Ключевые слова: шепотки, обряд, текстовая картина мира, языковая картина текста, прагматической контекст

The textual image of the world in the whispers of the folk healer Marya Bykova (on the example of whispers against sudden pain)

ABSTRACT

Russian philologist Peter Ivaschenko was the first author to publish an article on whispers in 1878. He noted that this was at the time an unstudied field. Almost one hundred and fifty years later, this type of spell remains poorly researched as part of the ritual. In this regard, the main purpose of studying whispers relates to examining the attributes of the textual image of the world in the whispers of Marya Bykova. The textual image of the world is defined as the world of the textual significations which ‘envelope’ the elements of the imagined or recreated of its reality. The article reveals both whispers’ components and structure of the textual image of the world while analyzing the linguistic image of the text as an inherent part of the textual image of the world. The analysis of the linguistic layer covers lexico-semantic, grammatical, syntactic and other aspects. The pragmatic context of the ritual is also analysed and the links between it and the textual

image of the world are identified. The research focuses on sudden pain-healing whispers, mainly utilizing an ethnolinguistic approach while using analysis, description, grouping and modelling as research methods. The study of whispers has shown that the textual image of the world is not homogeneous, encompassing several different images of the world expressed through linguistic means, not always incomprehensible to the modern addressee.

Keywords: whispers, ritual, the textual image of the world, linguistic picture of the text, pragmatic context

1. ВВЕДЕНИЕ

Первое определение шептаний касается исключительно лечебных заговоров: «Шептанье (...) является словесно-обрядным врачующим орудием в устах избранных лиц, владеющих им» (Иващенко 1878: 314). В XX веке установлено, что шептальная речь применяется при произнесении защитных (оберегов) и созидающих заговоров, т. е. создающих 'что-то из ничего'¹ (Engelking 1991: 77). Однако именно лечебные заговоры остаются в центре внимания ученых, изучающих их поэтику, сюжеты и мотивы, мифопоэтическую нумерологию, структурно-композиционные, прагматические и лексические особенности и мн. др. Активно анализируются отображенные в заговорах картины мира: языковая, религиозная, народная, мифическая, фольклорная, магическая и пр. Однако текстовая картина мира (ТКМ) в шептаниях еще не рассматривалась, хотя она все чаще исследуется этнолингвистами на материале разных текстов; исключение составляет наша неопубликованная статья «Исследование текстовой картины мира в рамках этнолингвистического подхода (на материале шепотка Марьи Быковой от нервных болезней)».

Причина, возможно, в толковании ТКМ, близком пониманию языковой картины мира см. (Шурупова 2013: 213; Kajtoch 2008: 14), что вызывает обоснованные сомнения в необходимости замены одного понятия другим. При этом не учитывается, что ТКМ не тождественна ни совокупности каких-либо картин мира и ни одной, отдельно взятой, из них.

Итак, главная задача работы – выявление особенностей ТКМ в шептаниях от внезапной боли и ее связей с прагматическим контекстом обряда. С этой целью нужно рассмотреть специфику ТКМ избранных заговоров и прагматического контекста с помощью алгоритма, созданного для исследования ТКМ лечебных заговоров (как текста и как части обряда) и опробованного на примере шепотка *От неврозов и навязчивых страхов* (Быкова 2010: 63) в статье «Исследование текстовой картины мира...». Исследовательский материал составляют 11 шептаний от внезапной боли, изданных в 2010 году журналисткой Марией Алексеевной Быковой с одобрения целительницы Марии Петровны Быковой, проживавшей в селе Горелово. Исследования проводятся в рамках этнолингвистического подхода с использованием таких методов, как анализ, описание, группировка и моделирование.

Теоретическую базу составляют концепция дальнего и ближнего видения Х. Ортеги-и-Гассета, теория заговоров и описание их структуры В. Аникина, концепция прагматической интерпретации заговоров С. Толстой; концепция обряда Н. Толстого; классификация заговорных сюжетов В. Кляуса.

2. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Шепоток/шептанье, в расширенном смысле, – вербальный текст определенного жанра (заговор, наговор, приговор, молитва, заклинание, оберег и др.), считающийся магическим и требующий особой техники проговаривания слов; в узком, – это заговор, читаемый с помощью нашептывания. Заговор – «вербальный, считающийся магическим текст, призванный произвести появление чего-то, защитить избранный объект воздействия, вызвать его исчезновение, изменение или восстановление, который произносится определенным образом в соответствующей конситуации и может сопровождаться действием с привлечением предметов или без них»². Под конситуацией имеются в виду обстоятельства применения определенного заговора, характерные для конкретного случая.

1 Перевод наш – О. М.

2 Наше определение сформулировано на основании дефиниций В. Аникина (2004: 61) и А. Топоркова (1995: 185) и приведено в статье «Исследование текстовой картины мира...».

Текстовая картина мира заговорного текста или совокупности текстов в нашем понимании есть оязыковленное³ смысловое пространство, вбирающее одну или несколько разновидностей вербализованных составляющих (образы, символы, (анти)стереотипы, концепты и пр.) в любой комбинации и пропорции, которые (не) образуют другие картины мира (ценностную, цветовую и др.)⁴. Постоянным компонентом ТКМ является языковая картина текста (ЯКТ), т. е. совокупность всех вербальных знаков.

Обряд толкуем как сопровождение заговора (до, во время и после его осуществления), выступающее в активной и статичной форме. Первая базируется на акциональном компоненте, подразумевающим совершение действий (в т. ч. пение, игру на музыкальных инструментах/предметах типа миски, танец, чтение молитвы и др.) в установленном/-ых порядке, пространстве и временных рамках. Вторая на компоненте: а) неакциональном, охватывающим проксемику в статическом обнаружении – расположение предметов и/или лиц, а также позы и положение тела пациента/заговаривателя (сидя, лежа, стоя); б) информационном (густика, атрибуты, наряд, аксессуары и пр., см. ниже).

Прагматический контекст обряда есть совокупность избранных обязательных элементов (не) акционального и информационного компонентов и условий (время, место, порядок действий), сопряженных с конкретным заговором/-ами.

3. Особенности ТКМ шепотков от внезапной боли

При рассмотрении ТКМ шепотков принимаем перспективу видения Х. Ортеги-и-Гассета (1991: 188), воспринимая ее метафорически: «...ближнее и дальнее видение (...) не столь зависят от метрических факторов, сколько представляют собой два различных типа зрения». То есть, ближнее видение предполагает сосредоточенность исследователя на деталях ТКМ одного шепотка; дальнее – на общих и отличных чертах фрагмента действительности, представленной в нескольких текстах. Ценность удаленности в том, что «видимое пространство становится однородным; ранее один предмет был выделен, а остальное лишь смутно вырисовывалось; отныне все подчинено оптической демократии» (Ортега-и-Гассет 1991: 189). Такая оптика позволяет: а) соединить отдельные шепотки в клиповый текст, являющийся сочетанием «небольших по объему», завершающих «в смысловом плане» поли- и/или монокодовых текстов, «объединенных общей тематикой» (Makarowska 2020: 138); б) проанализировать ТКМ полученного клипового текста – нетрадиционного (мозаичного), но единого целого.

Из алгоритма анализа ТКМ исключены сводные фасетная, концептуальная и фреймовая модели, поскольку, во-первых, их разработка более обоснована в перспективе ближнего видения. Во-вторых, для составления сводных моделей нужно создать все три вида моделей для каждого шепотка, что невозможно ввиду несовпадения доминант-концептов всех заговоров при наличии общей цели, а также узкого статейного формата настоящей работы. Элементы алгоритма представлены в том же порядке, что и в статье «Исследование текстовой картины мира...».

Характеристика шепотков: количество – 11; отнесенность – лечебные заговоры от внезапной боли; функции – временное устранение боли (10 шепотков), усиление лечебных свойств лекарства (1 заговор); цель всех шептаний – помощь при внезапной боли; доминант-концепт 10 заговоров – устранение боли, шепотка *Над обезболивающим* лекарством – усиление целебного действия любого болеутоляющего средства (Быкова 2012: 124, 126).

Особенности: 8 шепотков содержат имена и названия христианских персонажей, атрибутов (крест, распятие, риза), действий (креститься, помолиться). Объем всех шепотков – от 20 до 176 слов.

3 Оязыковление – процесс и результат применения языка как «особого рода» преобразователя, выполняющего «переработку заданных смыслов в соответствующие им тексты и заданных текстов в соответствующие им смыслы» (Мельчук 1999: 9).

4 Примером отсутствия картин мира, кроме текстовой, а также наличия только концептов и отсутствия образов, символом и пр. элементов является заговор на почтовый ящик: «Бумага моя заклета, не вором положена, не вором взята. Аминь» (Степанова 2017: 100).

Композиционно-структурное построение шептаний весьма разнообразно:

Таблица 1. Композиционная структура заговоров.

Заговор	[1]	[2]	[3]	[4]	[5]	[6]
	Молитвенное вступление	Зачин	Эпическая часть	Императив	Закрепка	Зааминивание
От резкой боли в ушах	—	—	—	+	+	+
От зубной боли	+	—	—	+	—	++
При лечении зубов	—	—	—	+	—	—
От боли в животе	+	—	+	—	—	—
От колотья (резкой колющей боли)	—	—	—	+	+	—
Над обезболивающим лекарством	—	—	—	+	—	+
От любой боли на березу	+	+	+	+	—	++
От любой резкой боли	—	+	+	+	—	+
От головной боли-1	—	—	—	+	—	+
От головной боли-2	—	—	—	+	+	+
При боли в сердце	+	—	—	+	+	+

Примечание. Знак «++» означает, что зааминивание встречается в начале и конце заговора.

Источник: собственная разработка – О. М.

В шепотке *От боли в животе* отсутствует императивная часть, несмотря на то, что она «основная композиционная часть в заговоре» (Аникин 2004: 76) и иногда единственная, как в шептании *При лечении зубов*: «Дуб дубов, червяк зубов, не точи и не грызи у рабы Божьей (имярек) зуб, а точи и грызи сухой дуб» (Быкова 2012: 125).

Ни один шепоток не содержит все традиционные элементы структуры заговора. Наиболее полная композиция у самого длинного *Заговора от любой боли на березу*:

1. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. [6] Аминь. Силюю Креста Твоего благослови, Господи.
2. Выйду, благословясь, пойду, перекрестясь, поутру рано на Троицу Святую в рощу зеленую. Умоюсь утренней росой, утрюсь вечерней травой, ризой Божьей нетленной, пойду на окиян-море.
3. На окиян-море есть остров белый. На том острове белом стоит белая береза, растет дуб медный. Из-под белой березы, из-под дуба медного выходит царь. В руках держит калену стрелу лукову. Состреливает царь с раба (имярек) болезнь с его тела, с крови, с печени, с семидесяти семи жилок, с семидесяти семи прожилок, с семидесяти семи суставов, на пни, на колоды, на зыбучие болота. Вокруг меня железный тын от земли до неба, от востока до запада, замкнутый тын булатными воротами. У булатных ворот калена стрела состреливает с раба (имярек) болезнь с его тела, с крови, с печени, с ретивого сердца, с семидесяти семи жилок, с семидесяти семи прожилок, с семидесяти семи суставов.

4. Иди, болезнь, на мхи, на болота, где люди не ходят, куры не поют, солнце не светит. Не сам вас выгоняю, выгоняет Господь Бог, все Ангелы-Архангелы.

5. Аминь, Аминь. Аминь (Быкова, 2012, 127–128)

4. ТКМ КАК СОВОКУПНОСТЬ ЧАСТНЫХ КАРТИН МИРА

Ядром каждой частной картины мира как компонента сводной заговорной ТКМ является определенная категория (действительность, время, пространство, флора, фауна, цвет, символ, ценность, персонаж, сюжет, персона), по-разному детализируемая в заговорах.

Картина действительности клипового заговорного текста сочетает реальные и воображенные элементы, напоминая карту-мозаику, на каждом «пазле» которой изображено определенное место: 1) территория с расположенными на ней лесом, горой и долиной; 2) золотое море, на котором стоят золотое древо с золотыми птицами и бел-камень; 3) зеленая роща; 4) остров на окиян-море, где растут медный дуб и белая береза; 5) мхи, т. е. болото, поросшее мхом (СРНГ, т. 18: 308), и болота, находящиеся вдали от золотого моря и окияна-моря; 6) неопределенная пустынная зона, «куда крылатая птица не залетает, и удалый молодец на коне не заезжает» и «где люди не ходят, куры не поют, солнце не светит» (Быкова 2012: 127, 128). Если кур, петух (СРЯ, т. 8: 134), считался в русской культуре «великой птицей», к которой не может подступиться нечистая сила (СД, т. 1: 108), то место, где «куры не поют», должно быть гиблым.

Нечеткая картина окружения ориентирована на воображение, а не воссоздание конкретного фрагмента, хотя и наполнена реальными предметами, явлениями:

- рукотворными, дающими защиту (дом, дубовый крест, железный тын с булатными воротами) и возможность нападать/обороняться (корабль, палица, острый ножик, стрела);
- (не)одушевленными природными (куры, трава, земля, небо, солнце, сухой дуб, гром, молния, червяк, камни).

Цветовая картина скромная, т. к. лишь 3 шепотка содержат прямые колоративы:

Таблица 2. Колоративы в шепотках.

ЗАГОВОР	ЦВЕТ	ПРЕДМЕТЫ
От боли в животе	золотой	море, корабль, дерево, птицы
	белый	бел-камень
От любой боли на березу	белый	остров, береза
	зеленый	роща
	медный	дуб
От колотья (резкой колющей боли)	белый	кость, тельце
	черный	мясо

Источник: собственная разработка – О. М.

В шепотке *От боли в животе* употребляется прилагательное *красная* (девица) со значением *красивая, прекрасная* (СРНГ, т. 15: 189), в отличие от прилагательного *медный*, означающего не металл, а цвет (СРЯ, т. 9: 65). Наиболее частотный колоратив – белый, встречающийся в трех шептаниях.

В *пространственную картину*, частично созвучную картине действительности, входят разные виды пространства, образующие оппозиционные пары:

Таблица 3. Виды пространства в шепотках.

ВИД ПРОСТРАНСТВА	РЕАЛИЗАЦИЯ В ШЕПОТКАХ
необозримое	золотое море, окиян-море, мхи и болота, неопределенная пустынная зона, небеса, морская глубина
условно обозримое	остров на окиян-море, долина, гора
открытое	золотое море, окиян-море, мхи и болота, неопределенная пустынная зона, долина, гора, остров на окиян-море, небеса
закрытое	роща, лес, морская глубина
доступное	гора, долина, земля
недоступное	золотое море, окиян-море, мхи и болота, неопределенная пустынная зона, остров на окиян-море, небеса, морская глубина
определенное безымянное	мхи и болота, долина, гора, роща, лес, небеса
неопределенное безымянное	золотое море, окиян-море, неопределенная пустынная зона, остров на окиян-море, морская глубина

Источник: собственная разработка – О. М.

Морское пространство включает морскую глубину, лесное – тропинку, небесное – солнце, окружающее – землю и небо, а также восток и запад как ориентиры.

С картиной действительности и пространственной картиной коррелирует *картина флоры и фауны*, во-первых, воображенческая, т. е. золото древо, дуб медный, бел-камень, золоты птицы с железными носами и когтями. Во-вторых, реальная – дуб, пни, белая береза, трава, червяк, крылатая птица, конь, куры.

Временная картина представлена в 5 шепотках и связана с избавлением от боли навсегда («ныне и присно и) во веки веков», «отныне и довеку» и с непоявлением ее в конкретное время «ни в день, ни в ночь, ни в утреню зарю, ни в вечерню, ни на нову, ни на ветху и ни на перекрою месяцу» (Быкова 2012: 125, 126, 130). В шепотке *От любой боли на березу* говорится об обрядовых действиях, производимых «поутру рано» (Быкова 2012: 127).

Характер *ценностной картины* исключительно интерпретативный – оказание помощи при неожиданной боли не оценимо.

Символьная картина касается прежде всего природных явлений, предметов, локусов и существ, причем в текстах встречаются отдельные символы или сочетание нескольких символов. Например, дуб и береза в *Заговоре от любой боли на березу* обладают целебными свойствами, а соединение мужского (дуб) и женского (береза) начал призваны усилить лечебное воздействие на пациента (СД, т. 1: 156, 159; СД, т. 2: 145). Золотое древо в *Заговоре от боли в животе* соединяет в себе два символа, то есть здоровья и помощи в излечении (СД, т. 2: 354, 65). Золотые птицы с железными носами и когтями обеспечивают излечение, т. к. золотой цвет – символ здоровья и крепости, птицы на золотом древе – чистоты (святости), железо/железный – силы и здоровья (СД, т. 2: 198-199; СД, т. 4: 345).

Роща – культовое место, куда приходили лечиться (СД, т. 2: 67), поэтому утереться в зеленой роще травой означает один из способов лечения, ибо трава есть «средство народной медицины» (СД, т. 5: 303). Камень-локус, на котором «сидит красная девица с палицею железною» в *Заговоре от боли в животе*, символизирует «крепость и нерушимость»; камень-предмет использовался «в магических приемах наделения здоровьем» (СД, т. 2: 450).

Гром (орудие) и молния (оружие) Бога, в шепотке *Над обезболивающим лекарством* (СД, т. 1: 558; СД, т. 3: 280) трактуются как эффективное средство против болезней: «Святые ангелы-архангелы, спустите мне гром и моланью; отбивайте (...) уроки и призоры, щипоты и ломоты».

Червяк относится к нечистым животным, наносящим вред здоровью человека (СД, т. 5: 503-504).

Среди частей тела (кость, печень, суставы, жилки и прожилки) только кровь является символом жизни (СД, т. 2: 672), а среди христианских атрибутов (риза, распятие) лишь крест есть «главный символ христианства» (СД, т. 2: 651). В заговорах встречается железо, дающее человеку здоровье, ножик, применяющийся в лечебной магии и стрела, орудие, отгоняющее что-то негативное (СД, т. 2: 198; СД, т. 3: 429; СД, т. 5: 182).

Золотой цвет, как упоминалось, обозначает здоровье и крепость; белый – нечто здоровое и живое; зеленый – свежесть, живительную силу; медный – быть крепким (СД, т. 2: 354; СД, т. 1: 151-152; СД, т. 2: 308; СД, т. 3: 245). Колоратив *черный* в словосочетании *черное мясо*, предположительно, не символизирует несчастье или что-то негативное (СД, т. 5: 513), а обозначает мясо без жира (Добродомов, электр. ресурс).

Таким образом, в символьной картине единственно червяк не вписывается в круг символов, связанных со здоровьем и целительством.

С символьной картиной коррелирует *нумерологическая*, представленная в шепотке *От боли в животе* числами 30 и 70. Важно, что «число часто обозначает не реальное количество объектов, а только нечто символически значимое» (Топоров 2002: 81). В этих числах главной является цифра 3, обеспечивающая «успех дела», и 7, рассматриваемое в народной медицине как магическое (СД, т. 5: 545). Упоминание их в заговоре гарантирует успех в избавлении от болезни: «...на золоте корабле едет тридцать царей и семьдесят цариц, помогают рабу Божию (имярек) от усостей». В шептании *От любой боли на березу* болезнь изгоняется «с семидесяти семи жилок, с семидесяти семи прожилок, с семидесяти суставов». Число 77, возможно, эквивалентное местоимению *все*, относится к явно инкорпорированным цифрам, как и 33 (Топоров 2002: 81).

*Персоносфера*⁵ отсутствует в шепотке *При лечении зубов*; а в *Заговоре от колотья* представлена только персона Я-заговаривателя:

Секу, отсекаю, рублю, перерубаю, секу, рублю колотье острым ножиком. Как брусочек исчезает от укладу, от булату, от железа, так исчезни и иссохни, родимое колотье, в белой кости, в черном мясе, в белом тельце отныне и довеку (Быкова 2012: 126).

В семи заговорах Я-заговариватель и Он-пациент четко разграничены, например «Иисус Христос Ника, Святый отче Ларионе, изцели раба Божия (имярек), избави его от трясовицы» (*От головной боли*). В шепотках же *От любой резкой боли* (1) и *Над обезболивающим лекарством* (2), при общем разделении персон на Я-заговаривателя и Он-пациента, встречается фрагмент с одной двойственной персоной, в которой Я и Он отождествляются:

1. «Господу поклонюсь, о своем здравьи-силе помолюсь: О Премилосердый Боже (...) призри благоутробно на раба Твоего (имярек)».
2. «Святые ангелы-архангелы, спустите мне гром и моланью; отбивайте и отстреливайте от раба Божия (имярек) уроки и призоры...».

5 Под персоносферой понимаем главных участников заговоров – пациента и заговаривателя. Персональная картина охватывает всех упоминаемых реальных и легендарных персонажей: религиозных, фольклорных, литературных, исторических.

Персонажная картина включает следующие сферы:

Таблица 4. Персонажные сферы и миры.

СФЕРА, МИР	РОЛЬ ПЕРСОНАЖА	ПЕРСОНАЖИ
небесная верхний мир	тот, к кому обращаются за помощью	Иисус Христос, Бог, Богородица, «нераздельная Троица», св. Николай, апостолы Петр и Павел, Ангелы-Архангелы, в т. ч. Михаил и Гавриила, покровитель стоматологов Антипа, преподобный Ларион, при жизни занимающийся врачеванием
земная неординарная человеческий мир	тот, кто помогает небесным силам побороть болезнь, иногда с оружием в руках	«девица с палицею», царь с каленой стрелой, цари, царицы
	тот, кто исцелен Господом и служит Ему	«теща Петрова»
земная ординарная человеческий мир	нулевая, персонажи только упоминаются	«болота, где люди не ходят», «куда (...) удалый молодец на коне не заезжает»
верхняя пространственная	помощник небесных сил	золотые птицы
нижняя пространственная подземный мир	вредитель, причина болезни	червяк
амбивалентная, связанная с «тем» и «этим» светом	нулевая, персонажи только упоминаются	крылатая птица, конь, куры

Источник: собственная разработка – О. М.

Заговорная сюжетно-образная сфера неоднородна – среди шепотков группы А (белых заговоров), по В. Кляусу (1997: 8), находится шепоток *При лечении зубов* группы В (черный заговор), а также *Заговор от боли в животе*, содержащий четыре сюжета, в т. ч. один из группы В. Сюжет шепотка *От резкой боли в ушах* относится к сюжетной группе А16 условно, т. к. в сюжетах, выделенных В. Кляусом (1997: 8–10), представление своего желания, воли отсутствует.

Таблица 5. Принадлежность шепотков к сюжетным группам.

Заговор	Сюжетная группа	Реализация
При лечении зубов	В2 «требуют»	требование к червяку, чтоб не точил и не грыз зуб
От боли в животе	А4 «выдирают»	золотые птицы выдирают болезнь
	А1 «забирают»	золотые птицы волокут болезнь прочь от пациента
	А6 «бьют»	красная девица бьет болезнь железной палицей
	В3 «гонят»	красная девица прогоняет болезнь прочь от пациента

От любой боли на березу	A6 «стреляют»	царь состреливает каленой стрелой болезнь с тела пациента
От резкой боли в ушах	условно A16 «повелевают»	выражается желание, чтобы не болело ухо
От колотья (резкой колющей боли)	A5 «рубят. секут. изрубают»	заговариватель рубит, отсекает колотье от тела пациента
От зубной боли	A8 «молят»	заговариватель молит силы небесные об избавлении от болезни
Над обезболивающим лекарством		
От любой резкой боли		
От головной боли-1		
От головной боли-2		
При боли в сердце		

Источник: собственная разработка с опорой на (Кляус 1997: 8–10).

Образы болезни, персонажей и их действия не раскрываются, а лишь называются, перечисляются или описываются.

5. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА ТЕКСТА

Приемами диалогизации в заговорах служат побуждение к действию и обращения, хотя в шепотке *От резкой боли в ушах* отсутствует побуждение (просьба, приказ, требование) и обращение, а в *От боли в животе* побуждение.

В заговорах *От колотья* и *От любой резкой боли* обращение к небесным силам размещено в середине текста. Шепоток *При лечении зубов* начинается с обращения к червяку (причине болезни); остальные семь заговоров – к силам высшим, что их роднит с молитвенными текстами.

Молитвенная семантика не введена в текст шепотка *От колотья*; в остальных заговорах представлена выражением *раб Божий*, фразами (*ныне и присно и во веки веков, во имя Отца и Сына и Святаго Духа*, встречающимися в 5 заговорах, а также зааминиванием (кроме *При лечении зубов* и *От боли в животе*). При этом значение слова *аминь* в заговорах и молитвах разное: в первом случае говорит об уничтожении болезни (СД, т. 1: 105); во втором означает «„да будет так”, „истинно”, „подлинно”, „да”» (Маркелл, 2004: 4).

Наряду со стилистически нейтральной заговоры включают лексику: устаревшую *древо, житие, яко, кур, перекрои, здравие, стамово, иже, ломово* и др.; высокопарную *вовечи*; церковнославянскую *сподоби, риза*; традиционно-народную *целитель*; разговорную *колеть, встречное, поперечное*; народно-поэтическую *окиян-море, бел-камень*.

В заговорах сталкиваемся также со словами, значение которых: а) не установлено, хотя слова зафиксированы в словарях именно как компонент заговорного текста – наречие *споево* (СРНГ, т. 40: 192); б) диссонирует с контекстом, например *стамово* означает *вертикально* (СРНГ, т. 41: 41); *ломово – поперечное* (СРНГ, т. 17: 122), ср.:

Как у мертвого мертвеца колют руки и ноги (...), так бы колели (имярек) уроки и призоры (...) *встречное и поперечное, стамово и ломово, нутренно, споево, заочно и жилинно (Заговор над обезболивающим лекарством)*

Названия болезней или состояний приводятся в заговорах не часто, но иногда даже с синонимами:

Таблица 6. Названия болезней и состояний.

НАЗВАНИЕ	ЗНАЧЕНИЕ	СИНОНИМЫ
щемо́та	щемящие боли	
зубная ломота	зубная боль, болезнь	зубная болезнь
усови	колотье в спине	
колотье	колющая боль	
уроки	болезнь от сглаза	призоры
призоры	болезнь от сглаза, порчи	уроки
щипоты	щиплющие боли	
ломоты	ревматизм, подагра; болезни	
потяготы	потягивание с зевотой	
позевоты	зевота	
ветроносное язво	ветряная оспа (предположительно)	
притки	внезапная болезнь, болезнь от сглаза, порчи, «болезнь, передаваемая прикосновением»*	
немо́шь	болезнь, слабость	хворь, боли
боли	болезнь, болезни	хворь, немо́шь
хворь	болезнь	немо́шь, боли
трясовица	лихорадка, малярия или истерия в виде судорожных припадков	
болезнь сердешная	болезнь сердца	

Источники: собственная разработка с опорой на: *Будур 2008: 106–108; СРНГ, т. 38: 16–17, 33; СРНГ, т. 47: 330; СРНГ, т. 45: 192; СДЯ, т. VI: 582; СДЯ, т. V: 302; СРЯ, вып. 7: 253; СРЯ, вып. 8. 1981; СРНГ, т. 13: 326; Даль, т. 3: 5, 373; Меркулова, электр. ресурс.

В доступных источниках *потяготы* и *позевоты* не отмечены как недуг или болезненное состояние. Однако поговорка *Потягота да позевота со свету сживут* (Даль, т. 3: 373) наводит на мысль о несоответствии значения этих слов, указанных в словарях, их истинному значению. Если учесть, что глагол *зевать* постепенно обретает значение «болезнь в результате злого умысла вообще» (Меркулова, электр. ресурс), то *позевота* тоже могла бы употребляться в этом смысле. Допущение, что лексема *потягота* образована от слова *пот*, показывает возможную семантическую близость с кимрским словом «roeth „горячий”» и с литовскими «rġākaitas „пот”, kaitulys „тепло”: kaitinu, kaitinti „нагревать”, kaisti, kaistù „нагреваться»» (Фасмер, т. III: 342–343). Иначе говоря, *потягота* может означать горячку или лихорадку.

В источниках не указан недуг *ветроносное язво*, могущее означать ветряную оспу, ибо *язво* – рана, нарыв, нагноение (Даль, т. 4: 694–695), *ветроносный* – «распространяющийся как поветрие» (СРНГ, т. 4: 204).

Предназначение шепотков иногда расходится с теми болезнями, которые упоминаются в тексте (см. таблицу 6): в шепотке *От головной боли* заговариватель просит избавить пациента от трясовицы, а в *От боли в животе* – от усоев.

Для заговоров характерны традиционные фольклорные эпитеты (*золотое море, белая кость, удалый молодец, ретивое сердце, красная девица, белая береза* и др.), а также повторы, встречающиеся при: 1) троекратном зааминивании; 2) сравнении-пожелании «У того креста не болело, не щипело и уха не вертело, и так бы у раба Божия (имярек) не болело, не щипело и уха не вертело» (*От резкой боли в ушах*); 3) указании на локус, например пятикратный повтор «есть море золото, на золоте море...» в *Заговоре от боли в животе*; 4) перечислении действий (2 раза говорится «секу, рублю» в *Заговоре от колотья*); 5) перечислении симптомов и болезней, см. *Заговор над обезболивающим лекарством*.

Сравнение связано с пожеланием избавиться от недуга (см. выше *Заговор над обезболивающим лекарством*). Тавтологию *мертвый мертвец* находим в одном заговоре.

Императивная часть шепотков представлена в виде просьбы сакральным персонажам, скажем, «Антипа спаситель (...) исцели» (*Заговор от зубной боли*), или приказа, отданного (причине) болезни: «Червяк зубов, не точи и не грызи у рабы Божьей (имярек) зуб» (*При лечении зубов*).

Из синтаксических особенностей в заговорах отмечаем инверсию, например «На том острове белом стоит белая береза, растет дуб медный (...) состреливает царь с раба (имярек) болезнь», и, редко, неполные предложения: «Вокруг меня [стоит] железный тын» (в скобках – опущенное слово).

Грамматические отличительные черты заговоров связаны с использованием слова *еси* как формы 2 лица настоящего глагола *быти*, с наличием вокативов (*отче Ларионе, Николае, Иисусе Христе, Сыне Божий, Владыко Господи, Боже, Святой Душе*), а также с частым употреблением краткой формы прилагательного, в т. ч. в разных падежах, например *ни в утреню зарю (...) ни на нову, ни на ветху, на золоте море золото древо, держит калену стрелу лукову*.

Отголоски древнерусского, церковно- и старославянского языков⁶ находим в окончаниях:

- прилагательного *Божий* в родительном падеже (*раба Божия*);
- причастий и прилагательных родительного падежа *-аго* – *раба одержимаго, Святаго Духа, поклоншаго главу*;
- прилагательных именительного падежа единственного числа *-ый* вместо *-ой* типа *святой Николае, удалый молодец*;
- прилагательных и местоимений именительного падежа множественного числа *силы телесныя, всякия языки*;
- глаголов и существительных *избави, на небеси, во гробех, от булату*;
- в существительных и прилагательных женского рода творительного падежа *-ою, -ею*, т. е. *болезнею, силою, с палицею железною*.

Ввиду употребления устаревших слов и грамматических форм фрагменты некоторых заговоров могут быть не поняты современным реципиентом, ср.:

...святый Николае (...) залучает от раба Божия (имярек) усови аду в челюсти (*Заговор от боли в животе*).

Боже великий Иисусе Христе, иже разреших еси по твоем воскресении и суть были во гробех от всех век, да разрешиши от грех и болезнь раба Божия (имярек) сердешную (*Заговор от боли в сердце*).

6. ПРАГМАТИКА ИЗБРАННЫХ ШЕПОТКОВ

Все заговоры сопровождаются комментариями, помогающими правильно провести обряд и не навредить больному. Однако частью обряда является 9 шепотков; вне его остаются *Заговор от зубной боли, При лечении зубов* и *Над обезболивающим лекарством*. Основное замечание знахарки касается временного характера действия заговора и необходимости обратиться за профессиональной медицинской помощью (Быкова 2012: 124).

⁶ Поскольку мы не специализируемся на изучении этих языков, ограничимся данным утверждением.

6.1. АКЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ОБРЯДА

Охватывает действия: а) знахаря без предметов (поставить больного в угол, крестить живот) и с предметами (действия ножом, березовыми ветками, запись заговора на папиросной бумаге, смачивание наговоренной водой больных мест); б) пациента – выпить наговоренную воду (в т. ч. мелкими глотками), обрызгивать ею больное место, приложить к нему бумагу с записанным заговором, повторять про себя шепоток во время лечения зубов, париться наговоренными березовыми ветками или класть их «у изголовья кровати, листьями набивать подушки» (Быкова 2012: 128).

В комментариях иногда указываются время произнесения заговора («в любое время», перед приемом лекарства, «на свежие березовые ветки»), условие (за спиной или над макушкой больного), подготовка атрибутов (на сложенные горкой ветки положить крест, воду налить в чашку) и предварительные действия – перед шептанием трижды прочитать молитву «Отче наш».

Совместное участие в обряде обычно разделяет Я-заговаривателя от Он-пациента в шепотках (об исключениях см. описание персоносферы).

Обряд как оказание скорой помощи реализуется в соответствии с сокращенной схемой действия: *подготовка* происходит непосредственно перед его началом (вода не настаивается, а сразу наливается в чашку, березовые ветки складываются горкой); *совершение* обычно ограничивается чтением заговора (редко молитвы) и действиями знахаря (не всегда); действия больного и знахаря как *завершение* встречается лишь в 4 шепотках.

6.2. НЕАКЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ОБРЯДА

Проксемика в статическом обнаружении

На размещение знахаря рядом с пациентом косвенно указывают действия знахаря – обведение кончиком ножа больного места, шептание над макушкой/за спиной нуждающегося.

6.3. ИНФОРМАЦИОННЫЙ КОМПОНЕНТ

Хронемика в статичном обнаружении

Представлена только в комментарии к *Наговору от головной боли* – через 3 часа выпить наговоренную воду и обрызгать «себе голову от лба к затылку».

Густика – натуральная, т. е. вкус лечебных отваров и таблеток (при заговоре над лекарством) или чистой воды в остальных случаях.

Предметы (атрибуты) – острый нож, чашка для воды, папиросная бумага для записи шепотка, березовые ветки, крест, некипяченая водопроводная/оттаявшая «после заморозки» вода.

Другие элементы обряда (ольфактика, гармония внешних форм, т. е. соединение объемных и плоских форм, эстетика типа сочетания цветов, артефактика, напр., одежда и др.) в ситуации быстрого снятия внезапной боли, видимо, не имеют особого значения.

Сравнение ТКМ и прагматического контекста показывает:

1. два совпадения относительно предметов, указанных в тексте и используемых в обряде. Так в *Заговоре от колотья* упоминается острый ножик, которым знахарь обводит и крестит больное место, а затем окунает в чашку с водой; а в *Заговоре от любой боли на березу* – крест, который кладется на березовые ветки перед началом заговорного действия;
2. разные способы изгнания недуга. Например, в обрядах это заговор (лишь один раз в сочетании с молитвой) и действия знахаря (иногда больного) с (не)использованием предметов. В шепотках – привлечение высших сил, их орудий (гром, молния); помощь персонажей (девицы с палицей, птиц с железными клювами и когтями, состреливающий

болезнь царь, помогающие от усоей тридцать царей, семьдесят цариц); воздействие словом на причину недуга (приказ червяку); действия знахаря («секу, отсекаю, рублю, перерубаю, секу, рублю колотье острым ножиком» в *Заговоре от колотья*);

3. почти полное расхождение обрядовой и текстовой действительности (частично совпадает в *Заговоре от колотья*);
4. что, успех в обряде гарантирует заговор и действия целителя, а в ТКМ заминивание (в 8 шепотках);
5. что элементами, объединяющими текст заговора и обряд, являются участники (больной-раб Божий, заговариватель) и общая цель, т. е. избавление пациента от боли. Сочетание христианского (осенение крестом больного места, чтение молитвы) с языческим (нашептывание заговора) прослеживается в обрядах от боли в животе, от колотья и головной боли.

Наблюдаются также расхождения между сводной ТКМ и содержанием прагматического контекста, представленного в комментариях:

Таблица 7. Особенности содержания ТКМ шепотков и комментариев.

ТКМ ШЕПОТКОВ	ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
КАРТИНА РЕАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	
- воображенческая	связана напрямую с: - любым временем суток - предметами (вода, чашка, ножик, лекарства, березовые ветки, крест, папиросная бумага)
ЦВЕТОВАЯ КАРТИНА	
- состоит из прямых колоративов (белый, золотой, зеленый, медный, черный)	—————
ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КАРТИНА	
представляет разные виды природного пространства, в т. ч. воображенческого – золотое море (см. <i>Таблицу 3</i>)	угол помещения
ВРЕМЕННАЯ КАРТИНА	
- время неопределенно-долгое, т. е. «отныне и довеку» - время конкретизированное «ни в день, ни в ночь, ни в утреню зарю, ни в вечерню, ни на нову, ни на ветху и ни на перекрою месяцу»	время неопределенно-ограниченное – любое время суток
ЦЕННОСТНАЯ КАРТИНА	
интерпретативного характера, т. к. избавление от внезапной боли бесценно	
СИМВОЛЬНАЯ КАРТИНА	
совпадает только символика ножа, способного отсекаль недуг, а также, частично, магическая лечебная сила цифры 3 (перед <i>Наговором от головной боли</i> трижды читается «Отче наш»)	

вода не вошла в описание символической картины, т. к. косвенно представлена упоминанием о море и росе	вода – традиционное лечебно-магическое средство для обмывания больного (места), питья (СД, т. 4: 419) и запивания лекарства
ПЕРСОНОСФЕРА	
упомянутые: - названный больной – пассивный участник (11 шепотков) - анонимный Я-заговариватель (4 шепота)	в обрядах больной – лицо: - присутствующее (в 10 шепотках) - присутствующее и читающее заговор (1 шепоток) - присутствующее и участвующее в действии (обмазывает/сбрызгивает водой больное место, пьет ее, прикладывает бумагу с написанным шептанием к больному месту – 4 шепотка)
ПЕРСОНАЖНАЯ КАРТИНА	
персонажи, указанные в <i>Таблице 4</i>	—————
СЮЖЕТНАЯ СФЕРА	
неоднородный спектр сюжетов (см. <i>Таблицу 5</i>) связан с изгнанием недуга или мольбы об этом	сюжет касается изгнания болезни с помощью заговора или заговора при поддержке молитвы, действий (ножом, знамение крестом), предметов (крест на березовых ветках) и лечения наговоренной водой

Источник: собственная разработка – О. М.

При реализации обряда будут меняться пространство, больной, в шепотке при лечении зубов – заговариватель. Неизменным в обряде останется заговор как ядро магической практики и свидетельство веры в магические возможности слова его участников.

7. РЕЗУЛЬТАТЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Неоднородность сводной ТКМ заговорных текстов от внезапной боли знахарки Марьи Быковой изначально обусловлена характером их (заговоров) совокупности как клипового текста – единства автономных элементов. Проведенный анализ выявил амбивалентность ТКМ, о чем свидетельствует сосуществование в ней контрастных (диссонансных) элементов, как то:

- устранение боли и усиление лечебных свойств лекарства;
- отсутствие и наличие христианских персонажей, атрибутов и действий;
- наличие компонентов пространства и персонажных сфер/миров, образующих оппозиционные пары;
- разъединение и объединение Я-заговаривателя и Он-пациента;
- сочетание: конкретного и неопределенно-долгого временных периодов; мужского и женского начал (дуб и береза; царь со стрелой и девица с палицей, 30 царей и 70 цариц); рукотворных и природных (не)одушевленных предметов; карающей и исцеляющей функции орудий высших сил (гром и молния); а также языческого и христианского начала (исключение – текст *Заговора от колотья*, хотя христианское присутствует в обряде, когда нужно перекрестить ножом больное место);
- принадлежность шепотков к сюжетным группам белой и черной магии.

Сказанное относится и к ЯКТ, отличающейся:

- наличием и отсутствием приемов диалогизации, молитвенной семантики, инверсии, неполных предложений;

- обращением и к высшим силам, и к причине болезни;
- сочетанием противоположных интенций (просьба и приказ), а также лексики, принадлежащей к разным стилистическим пластам, т. е. устаревшей и актуальной, высокопарной, разговорной и нейтральной, церковнославянской, народно-поэтической и традиционно-народной;
- наличием слов, чье значение (не) понятно или (не) установлено, а также следов влияния древнерусского, церковно- и старославянского языков.

Рассмотрение прагматики заговоров выявило, во-первых, магическую самодостаточность шепотков – осуществление магического внеобрядового воздействия на пациента с помощью лишь одного заговорного слова.

Во-вторых, раскрыло рациональность проведения самих обрядов, обусловленную необходимостью быстрого снятия боли, что выражается в: необязательном использовании подручных средств (6 обрядов) и их скромном наборе; замене долгой подготовки к обряду несколькими действиями; предоставлении возможности пациенту самостоятельно себе помочь (нашептывание заговора при лечении зубов); незамедлительном применении наговоренных предметов; круглосуточном оказании магической помощи и минимизации необходимых условий ее реализации; ограниченности действий участников; почти полном отказе от чтения молитвы перед шептанием.

В-третьих, показало подчиненность всех элементов (не)вербальных пластов обряда общей цели, что способствует объединению содержания прагматического контекста и ТКМ, несмотря на их расхождения.

Внеобрядность некоторых шепотков меняет перспективу видения их позиции на линии *заговор – обряд* (что позволяет говорить и о заговоре в обряде, и об обряде в заговоре), как и возможность, данная пациенту, воспроизводить заговор без участия знахаря. Поэтому их общая модель отображает данную специфику (квадратные скобки указывают на возможность отсутствия заговаривающего):

	ЗАГОВОР ↙ ↘	
ВНЕ ОБРЯДА ↓		КАК ЧАСТЬ ОБРЯДА ↓
[ЗАГОВАРИВАТЕЛЬ «] ПАЦИЕНТ		ЗАГОВАРИВАТЕЛЬ « ПАЦИЕНТ

Рис. 1. Модель соотношения на линиях *заговор – обряд, заговариватель– пациент*. Источник: собственная разработка – О. М.

Общая модель ТКМ всех шепотков отражает группы элементов: а) нейтральных, т. е. категорий (время, пространство, символ и др.); б) консонансных, объединенных конкретным признаком, например христианские персонажи, атрибуты, действия; в) диссонансных, точнее, носителей противоположных признаков типа женского и мужского начала, воображенческое – реальное (птицы *золотые – крылатые*).

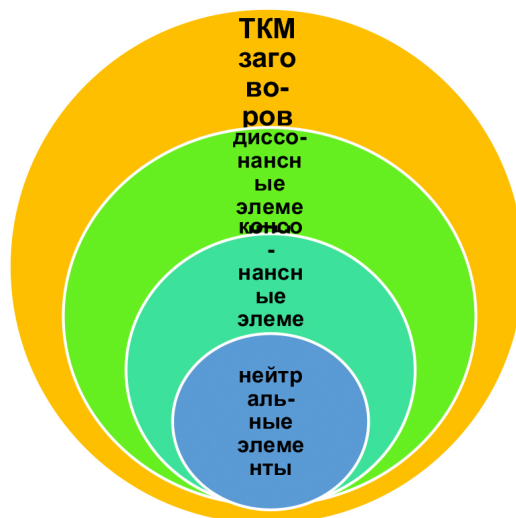

Рис. 2. Модель ТКМ заговоров от внезапной боли. Источник: собственная разработка – О. М.

Важно, что все элементы соединяются, образуя мозаичное целое, поэтому сводная ТКМ шептаний носит микшированный⁷ характер, как и ее компонент – ЯКТ. Главным признаком последней тоже является неоднородность ее составляющих, а также связь с заговорной традицией, проявляющейся в ряде неизменных лексических, синтаксических и грамматических особенностей.

Комплексный анализ и сравнение ТКМ с прагматическим контекстом, показали, что связь между ними носит прежде всего не содержательный (общие элементы, например предметы, действия, персонажи и пр.), а целевой характер (снять боль). Это обусловлено ориентированностью реальных участников именно на результат: *избавить* от боли пациента, правильно совершая обряд и/или прочитав заговор; *избавиться* от нее, правильно принимая помощь, т. е. выполняя указания знахаря.

Таким образом, исследование ТКМ заговоров с учетом прагматического контекста демонстрируют такие типы ее совмещения с обрядом, как нулевой при полном несовпадении элементов ТКМ и обряда или при отсутствии последнего, частичный целеполагающе-содержательный при наличии одного и более общих элементов. В заключение следует заметить, что ведущую (иногда – единственную) роль в магическом воздействии на больного или лекарственные средства играет именно заговор, а не обряд. Более того, их текстовые картины мира могут сосуществовать параллельно, только соприкоснуться или частично совпадать, что обуславливает уникальный характер их корреляции, особенно в свете неотъемлемости заговора от его прагматического контекста.

⁷ *Микшированный* означает совмещение, «перемешанность» элементов (Вежновец 2007: 439), но не их слияние, соединение в одну массу.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин, В. *Русское устное народное творчество*. / В. Аникин. – Москва: Высшая школа, 2004. – 735 с.
- Будур, Н. В. *Повседневная жизнь колдунов и знахарей в России XVIII-XIX веков*. / Н. В. Будур. – Москва: «Молодая гвардия», 2008. – 415 с.
- Быкова, М. *Шепот-шепоток. Как просить, чтобы дано было*. / М. Быкова. – Москва: Астрель, 2010. – 154 с.
- Быкова, М. *Шепот-шепоток. На здоровье крепкое всем, от мала до велика*. / М. Быкова. – Москва: Астрель, 2012. – 159 с.
- Вежновец, Е. Н. *Постмодернистский империализм*. / Е. Н. Вежновец. // Новейший философский словарь. Постмодернизм / под ред. А. А. Грицанова. Минск: Современный литератор, 2007. – С. 439.
- Даль, В. Толковый словарь живаго великорускаго языка. Том 3. / В. Даль. – С.-Петербург – Москва: Издание книгопродавца- типографа М. О. Вольфа, 1882. – 578 с.
- Даль, В. Толковый словарь живаго великорускаго языка. Том 4. / В. Даль. – С.-Петербург – Москва: Издание книгопродавца- типографа М. О. Вольфа, 1882. – 704 с.
- Иващенко, П. С. Следы языческих верований в южно-русских шептаньях. / П. С. Иващенко // *Труды третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года*. – 1878. – Т. 1. – С. 313–326.
- Кляус, В. Л. *Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян*. / В. Л. Кляус. – Москва: «Наследие», 1997. – 464 с.
- Маркелл. *Краткий церковнославянский словарь*. / Маркелл. – Русская Слава, уезд Тульча: Издание Славской епархии по благословению его Высокопреосвященнейшаго архиепископа Флавиана, 2004. – 43 с.
- Мельчук, И. А. *Опыт теорий лингвистических моделей «Смысл « текст»*. Семантика, синтаксис / И. А. Мельчук. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 346 с.
- Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. *Философия культуры*. / Х. Ортега-и-Гассет. – Москва: Искусство, 1991. – 588 с.
- Степанова, Н. *Практическая магия*. / Н. Степанова. – Москва: РИПОЛ Компаний, 2017. – 186 с.
- Топорков, А. Заговор. / А. Топорков. *Славянская мифология. Энциклопедический словарь* / под ред. В. Петрухина, Т. Агапкиной, Л. Виноградовой, С. Толстой. Москва: Эллис Лак, 1995. – С. 185–186.
- Топоров, В. Н. *Числовой код в заговорах по материалам сборника Л. Н. Майкова «Великорусские заклинания» (часть первая)*. / Топоров, В. Н. // Заговорный текст. Генезис и структура. Материалы круглого стола. Москва: Институт славяноведения РАН, 2002. – С. 70–90.
- Фасмер, М. *Этимологический словарь русского языка. В четырех томах*. Том III. / М. Фасмер. – Москва: «Прогресс», 1987. – 832 с.
- Шурупова, О. С. Текстовая и сверткстовая картины мира как объект филологического изучения. / О. С. Шурупова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2013. – № 3 (21). – Часть 2. – С. 213–215.
- Engelking, A. *Rytuwały słowne w kulturze ludowej*. / A. Engelking // *Język a kultura. Funkcje języka i wupowiedzi*. – 1991. – Т. 4. – С. 75–85.
- Kajtoch, W. *Językowe obrazy świata i człowieka*. / W. Kajtoch. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2008. – 343 с.

Makarowska, O. Клиповые мемные тексты. Часть 1. Иконоидные тексты. / O. Makarowska // *Acta Polono-Ruthenica*. – 2020. – Т. 1. – № XXV. – S. 135–148.

Электронные источники

Добродомов, И.Г. Держать в черном теле. [Электронный ресурс] // Название сайта: [сайт]. [GenLing.ru: Общее языкознание]. URL: <http://genling.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st028.shtml> (дата обращения: 14.10.2024).

Меркулова, В. А. Народные названия болезней, I (На материале русского языка). [Электронный ресурс] // Название сайта: [сайт]. [Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН]. URL: https://ruslang.ru/etymology_1967 (дата обращения: 14.10.2024).

Источники и принятые сокращения

СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь. / Ред. Н. И. Толстой, том 1. М. 1995; том 2. М. 1999; том 3. М. 2004; том 4. М. 2009; том 5. М. 2012.

СДЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). / Ред. Р. И. Аванесов, ред. И. С. Улаханов, том V. М. 2002; том VI. М. 2000.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. / Ред. Ф. П. Филин, ред. Ф. П. Сороколетов, вып. 4. Л. 1969; вып. 13. Л. 1977; вып. 15. Л. 1979; вып. 17. Л. 1981; вып. 18. Л. 1982; вып. 38. СПб. 2004; вып. 40. СПб. 2006; вып. 41. СПб. 2007; вып. 45. СПб. 2012; вып. 47. СПб. 2014.

СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ред. Ф. П. Филин, вып. 7. М. 1980; вып. 8. М. 1981; вып. 9. М. 1982.

Izvorni znanstveni rad/Original scientific paper
UDK 811.161.1'373.45:811.111

Маркова Елена Михайловна

Российский государственный университет
им. А. Н. Косыгина, Россия;
Экономический университет в г. Братиславе, Словакия
elena-m-m@mail.ru

ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

АННОТАЦИЯ

В докладе речь идет о проявлениях воздействия английского языка на современный русский язык. Глобальное влияние английского языка на другие языки, в том числе и на русский, проявляется не только в многочисленных заимствованиях, но и в других активных процессах, происходящих в современном русском языке. К ним относится использование англоязычных суффиксов и суффиксоидов, активизация компрессивного словообразования, выражающегося в разного рода стяжениях, усечениях (клиппингах), универбации; проявлениях конверсии как одном из самых популярных способов английского словопроизводства; семантическая конденсация. Констатируются не только отрицательные аспекты такого взаимодействия: ослабление славянского звучания, уменьшение доли традиционных способов деривации, стирание стилистических границ, демократизация языка, но и положительные стороны этого влияния, в частности, такие как: языковая конвергенция; расширение границ когнитивного освоения мира, увеличение синонимических возможностей языка; вербализация эмоционально-оценочного отношения к номинируемым явлениям. Адаптация англоязычных заимствований (фонетическая, грамматическая, деривационная, лексическая, стилистическая) свидетельствует об активном включении новых элементов в систему русского языка.

Ключевые слова: русский язык, английский язык, заимствованная лексика, деривация, адаптация

The influence of English on modern Russian language

ABSTRACT

The report presents examples of the influence of the English language on modern Russian language. The global influence of the English language on other languages, including Russian, is manifested not only in numerous borrowings, but also in other active processes occurring in the modern Russian language. These include the use of English-language suffixes and suffixoids, the activation of compressive word formation, expressed in various kinds of contractions, truncations (clippings), univerbation; manifestations of conversion as one of the most popular methods of English word production; semantic condensation. Not only the negative aspects of such interaction are stated, including the weakening of the Slavic sound, the reduction in the share of traditional methods of derivation, the erasing of stylistic boundaries, the democratization of the language, but also the positive aspects of this influence, in particular, such as:

linguistic convergence; expanding the boundaries of cognitive development of the world, increasing the synonymous capabilities of the language; verbalization of emotional and evaluative attitude towards nominated phenomena. Adaptation of English borrowings (phonetic, grammatical, lexical, stylistic) indicates the inclusion of new elements in the Russian language system.

Keywords: Russian language, English language, borrowed vocabulary, derivation, adaptation

Влияние английского языка на другие мировые, в том числе славянские, языки, которое можно назвать глобальным, проявляется разными способами: в виде прямых заимствований, в калькировании, в том числе семантическом, во влиянии англоязычных словообразовательных моделей и экспорте способов деривации: конверсии, универбации, семантической конденсации. Результатом этого воздействия является появление новых форм, вовлеченных в мультилингвальные связи, общая конвергентность словообразовательных тенденций в разных языках, подчинённость единым процессам интернационализации их лексиконов, языковой глобализации и унификации.

Отмечая причастность русского языка к общемировой тенденции интернационализации лексиконов, нельзя не отметить, что русский язык при этом отражает «русский взгляд на вещи» (Активные процессы... 2022: 70), в результате чего происходит пересмотр семантики и оценочных возможностей иноязычных слов как знаков «чужих» ценностей или инокультурных концептов, осуществляется, по выражению Т. Б. Радбиля, «культурная апроприация заимствований», «аккультурация иноязычных элементов» (Активные процессы... 2022: 70; 83). Любой язык всегда является ареной взаимодействия и противостояния «своего» и «чужого», и «чужое» нередко подвергается изменениям в условиях новой языковой системы принимающего языка, неизбежно ассимилируется с его словообразовательными, грамматическими, лексико-семантическими, стилистическими особенностями, системой культурных ценностей и представлений, языковой картиной мира носителей этого языка (Маркова, Григорянова 2016). Это в полной мере относится и к англоязычным заимствованиям в русском языке: они встраиваются в лексико-грамматическую систему русского языка, приспосабливаются к исконно русским моделям языковой концептуализации действительности, ценностным приоритетам и коммуникативно-прагматическим установкам его носителей.

Механизмы «культурной апроприации заимствований» (Т. Б. Радбиль) различны: это использование собственных словообразовательных формантов, создание сложных слов на основе заимствованной основы, использование типично русских словообразовательных моделей, присвоение новообразованию русских категориальных характеристик, обретение ими новых синтагматических возможностей, создание целых словообразовательных гнезд на основе заимствования, использование иноязычного слова в качестве префиксоида или суффиксоида, семантическое переосмысление, разного рода семантические трансформации (сужение, расширение значения), приобретение эмоционально-оценочного компонента, а иногда и целого шлейфа разного рода коннотаций, нередко сопровождающих вхождение иноязычного элемента в русскую культурную среду.

Освоение иноязычного элемента в условиях иной (русской) культурной традиции сопровождается приобретением новых фонетических, орфоэпических, орфографических, словообразовательных, лексических, грамматических, семантических, стилистических признаков, которые характеризуют ее как единицу иной языковой системы. Например, слово **вайб** (от англ. *vibe* 'атмосфера') получило не только лексико-грамматические характеристики абстрактного имени существительного мужского рода, но и синтагматические связи с прилагательными: «Летний **вайб**»; «Осенний **вайб**». Субстантив **маст-хэв/ мастхэв** 'вещь, которую нужно обязательно иметь' (от англ. *mast have* 'должен иметь') получил все признаки имени существительного: род, число, способность изменяться по падежам («10 самых модных зимних **маст-хэвов**, которые сделают твой образ самым стильным») (Маркова 2023: 378).

Иноязычные вкрапления в нашу речь оказываются национально специфичными не только по форме, но и по смыслу: семантически смещаются по сравнению с языком-источником, отражают «русский» взгляд на мир. Их семантическое своеобразие зачастую обусловлено тем, что, ассимилируясь с лексико-грамматической системой русского языка как языка-реципиента, они неизбежно вступают с его элементами в системные отношения. Обрастая синтагматическими и парадигматическими связями, слова с иноязычными корнями получают новые по сравнению с языком-источником смысловые компоненты. В последнее время в молодежном сленге многих языков, включая русский язык, появился глагол, образованный от англ. *job* 'работать' – рус. *джобать* (нем. *jobben* наряду с исконным *arbeiten*) (Seresova 2020).

Он проник в разговорную речь из компьютерного языка и первоначально значил 'работать за компьютером' или 'работать' (о компьютере) («Мой компьютер не *джобает*»). Впоследствии он расширил свое значение в русском языке и стал обозначать процесс работы, но с выраженным аксиологическим компонентом: не просто 'работать', но 'работать напряженно, прикладывая усилия' (Напр.: «Могу только в воскресенье, все остальное время *джобаю*»; «Я весь день *джобал*, теперь хочу отдохнуть» и т. п.).

В русском интернет-общении заимствования нередко меняет свою семантику: сужают (в связи с сужением сферы функционирования, специализацией) или расширяют ее (путем приобретения новых значений, смыслового обобщения). Исследование некодифицированной речи свидетельствует в большинстве случаев о **сужении** значений английских корней в связи со **специализацией** и **закреплением за определённой сферой общения в русском узусе**. Это подтверждают отмеченные в современном молодёжном жаргоне глаголы *дефейсить* (от англ. *deface* 'изменить внешний вид') 'сменить вид страницы, фото' (в интернете, профиле, чате); *лукать* (от англ. *to look* 'смотреть') в русском языке получил семантику 'смотреть в интернете'; *токать* (от англ. *to talk* 'разговаривать') в русском молодёжном сленге 'разговаривать, общаться по интернету, в чате, в блоге' и т. п.

Иногда семантика русского глагольного деривата лишь ассоциативно связана со значением английского источника, как, например, в случае с глаголом *спойлерить* (от англ. *to spoil* 'наносить вред, портить'). Этот глагол, образованный на русской почве при помощи суффикса *-и-* от агента *спойлер* (букв. 'вредитель') известен в значении 'раскрывать содержание книги, фильма и т. д. человеку, который ещё не познакомился с этим произведением' (таким образом нанося вред его собственному будущему впечатлению).

Характерной чертой семантики заимствованных лексем в условиях русского языка нашего времени (первой четверти XXI вв) нередко является наличие коннотативного компонента, выражающего разного рода эмоционально-оценочные наращения. Так, остаются популярными у носителей русского языка *-инговые* существительные, но нередко они не только связаны с обозначением терминов в той или иной области (как это демонстрировал поток подобных дериватов в конце XX – начале XXI вв), но номинируют какие-либо злободневные явления жизни, а также отражают отношение к ним говорящих. Совсем недавно появилось в общении слово *квишинг* — форма *фишинга*, при которой мошенники используют QR-коды для обмана пользователей и кражи их конфиденциальных данных. Или магазины *секонд хенд* стали заменять *шеринг-сервисом* (ранее был известен и популярен у нас только *каршеринг*). Актуальна данная модель и для образований аксиологически насыщенных неодериватов от имен собственных, напр., *шольцинг* – переносное обозначение благих намерений, которые не выполняются. В данном случае мы имеем дело с заимствованием не корневой, а суффиксальной морфемы, что ведет к расширению арсенала деривационных средств русского языка.

Неодериваты на базе англоязычных слов последнего времени демонстрируют и изменение словообразовательного статуса морфем в русском языке. Здесь наблюдается не только ставший популярным процесс возникновения аффиксов из самостоятельных лексических единиц, приводящий к возникновению суффиксоидов и префиксоидов типа *бизнес*, *арт*, *супер* и т. п., но и обратное преобразование суффиксальной морфемы в корневую, напр., в случае с глаголом *шипперить / шиперить*, популярным в молодёжной среде, в котором в качестве корневой морфемы используется английская морфема *ship*, возникшая на основе соответствующего суффикса и указывающая на отношения (*friendship* 'дружба', *relationship* 'отношения' и т. п.): *shipper / shipper* – 'человек, следящий за чьими-либо отношениями', откуда *шипперить* – 'быть поклонником, следить за развитием отношений двух людей, выставляющих их напоказ в интернете' (напр.: «Я вас уже *шипперю*» - комментарий под перепиской-спором двух пользователей). Глаголы *оффнуть*, *заоффнуться* **содержат в своей структуре корень, образованный** от английского постфикса *off* («*Оффни свет!*» «*Заоффнись!* – 'выключись, заткнись'). Процесс ассимиляции неодеривата сопровождается и оформлением его связей с другими лексическими единицами новой языковой системы, он обростает синтагматическими связями и отношениями, приобретает соответствующую его семантике валентность.

Англоязычное влияние проявляется и в активизации такого явления, как компрессия современной русской речи (Маркова 2023; Черчук 2023; Vožděchová 2017 и др.). В усилении названной тенденции велика роль английского языка, который тяготеет к лаконичности. «Для английского языка лаконичные, однослоговые лексические единицы, так называемые „four-letter words“, считаются исторически естественными... В силу этой структурной особенности английского языка многочисленные заимствованные из других языков лексические единицы подвергаются процессу усечения, ассимилируясь к однослововой структуре английского слова» (Ищенко 2020: 97). Английский язык с его лаконичностью, короткими односложными словами, небогатым набором деривационных возможностей, тенденцией многократного использования одной формы в разных функциях воздействует на другие языки в плане внедрения в них не только своих лексем, но и способов их производства. Популярные в английском языке способы словопроизводства: конверсия, универбация, семантическая конденсация – становятся все более актуальными и в русском языке.

Англицизмы используются не только для номинации нового явления, но и для замены более длинного или составного славянского наименования на более компактное заимствованное. Многие исследователи констатируют, что одна из основных функций заимствований в наши дни – компрессивная (напр., Нещименко 2000; Черчук 2023; Vožděchová 2017). Так, активно используются в наши дни в русском разговорном дискурсе заимствования *хайп* вместо *шумиха*, *повышенное внимание к чему-л.*; *кринж* для выражения усиленного чувства стыда, *кринжовый* ‘очень стыдный’, *кэш* ‘наличные деньги’, *патч* ‘пластинка с различным наполнением для кожи вокруг глаз’, *онлайн* ‘дистанционно’, *дедлайн* ‘крайний срок’, *фрилансер* ‘человек, работающий свободно, из дома’, *кежуэл* ‘повседневный стиль одежды’, *фудкорт* ‘зона питания в торговом центре’, *фреш* ‘свежевыжатый сок’, *стартап* ‘только что запущенный проект’ и др.

Популярны в молодежной среде такие краткие и выразительные номинации, как *чил* ‘отдых’ (наряду с глаголом *чилить* ‘отдыхать’), *пранк* ‘розыгрыш’, *пруф* ‘доказательство’, *войс* ‘голосовое сообщение’, *фри* ‘свободный’, рус. *бро* (сокращение от англ. *brother* ‘брат’) – русифицированный американский жаргонизм, эквивалентный русскому ‘братан’, ‘друг’, и др. Некоторые из перечисленных единиц молодежного жаргона перешли в общеупотребительную лексику, встречаются в медиа-сфере, в бытовой сфере и проч. Много компактных слов заимствуется с целью номинации новых явлений в сфере моды, одежды во всех языках, напр., *свитшот* ‘спортивный свитер с круглым вырезом, без молнии и карманов’, *худи* ‘толстовка с капюшоном’, рус. *лонгслив* ‘футболка с длинным рукавом’ и др. Подобные номинации также выполняют компрессивную функцию, т. к. в короткой однословной форме объективируют характерные для номинируемого вида одежды особенности.

В числе компрессивных явлений, связанных с воздействием англоязычного словообразования, следует рассматривать и универбацию – процесс формального и семантического стяжения словосочетания в однословное наименование, сопровождаемое в русском языке суффиксацией типа **удаленка** (удаленная работа), **беспилотник** (от *беспилотное устройство*), **населенник** (от *населенный пункт*) и др.

Если говорить о продуктивности современных способов словопроизводства, то в английском интернет-сленге наиболее частотными способами неодеривации считаются аффиксация, словосложение и конверсия. В русском интернет-общении, по мнению его исследователей, также преобладают случаи аффиксации и словосложения, однако недооценивается, на наш взгляд, влияние конверсии как продуктивного способа деривации в английском языке на русское словопроизводство (типа англ. *to catch* ‘ловить; хватать’ – *a catch* ‘поймка; добыча, улов’, *to turn* ‘поворачиваться’ – *a turn* ‘поворот’ и т.п.) (Маркова 2023: 379).

В русском языке конверсия больше известна как морфолого-синтаксический способ словообразования, или переход из одной в части речи в другую. Исходя из традиционного ее понимания в отечественной лингвистике и относя к ее разновидностям только субстантивацию (типа *ванная*, *гостиная*, *булочная*) или адвербиализацию, исследователи отрицают наличие случаев конверсии в русском языке. Однако, учитывая не только формальные, но и семантические моменты словообразования, вышеприведенные примеры скорее являют собой примеры

универбации (формального и семантического стяжения словосочетания в однословное наименование) (ванная ← ванная комната), а образование пар типа рус. спам 'рассылка рекламных писем' – спамить 'рассылать рекламные письма', флуд 'малосодержательное объемное сообщение' – флудить 'писать большое сообщение не по теме', пост 'текст на электронных ресурсах' – постить 'размещать текст на электронных ресурсах', хейт 'проявление ненависти к творчеству или деятельности кого-л.' – хейтить 'проявлять ненависть', джоб 'работа' – джобать 'работать' и т.п. спровоцировано воздействием конверсивного способа словопроизводства (с соответствующим оформлением глагольной лексемы по законам русского словообразования). Однако, если «для современного английского языка характерен способ образования существительных путем конверсии из глагола с послелогом типа *a start-up* 'запуск проекта' (из *to start up* 'появляться, запускать')» (Малинина 2011: 21–23), то в русском языке конечное звено английской деривационной цепочки – имя существительное – становится начальным звеном для образования соотносительного глагола: стартап → стартапить (Маркова 2023: 380).

Не только все убыстряющийся темп жизни и современные скорости, требующие сокращения речевых единиц, но и влияние английского языка несомненно и в распространении такого речевого явления, как *клиппинги* – усечения (от англ. *clipping* 'отсечение, обрезание'): *exam* вместо *examination*, *doc* вместо *doctor*, *info* вместо *information*, *bro* вместо *brother*, *foto* вместо *fotografie* и т. п. В русле этой тенденции широко распространены в русском речевом пространстве сокращенные субстантивы: рус. профи (← профессионал), комп (← компьютер), коммент (← комментарий), игнор (← игнорирование), контрнаступ (← контрнаступление), ревак (← ревакцинация), рега (← регистрация), варик (← вариант), диста (← дистанционное обучение) и т.п. (Николина 2021). В русской интернет- и чат-коммуникации активно функционируют и собственные сокращения: *мне нра* (вместо *мне нравится*), *Спсб* (вместо *спасибо*), *прив* (от *привет*), *спок* (от *спокойной ночи*) (примеры: Иванова, Клушина 2021: 374).

В активизации семантического словообразования, или семантической конденсации (т. е. вторичного использования языкового знака в другом, переосмысленном, значении), также можно отметить влияние английского языка, который предпочитает обходиться без использования деривационных средств в силу их ограниченного состава. Так, новое значение приобрело в период пандемии коронавируса существительное *бустер* 'дополнительная доза вакцины'.

Проанализированный речевой материал, взятый из живой разговорной речи, языка интернета и СМИ, демонстрирует глобальное влияние английского языка на русский, которое проявляется не только в прямых заимствованиях, компактных и лаконичных, отвечающих потребностям современных коммуникантов в кратких и семантически емких номинациях. Воздействие английского языка проявляется также в использовании англоязычных суффиксов и суффиксоидов, активизации компрессивных явлений и компрессивного словообразования (в разного рода стяжениях, усечениях (клиппингах), универбации); проникновении конверсии как одного из самых популярных способов английского словопроизводства; усилении семантической конденсации. Многие сетуют по поводу засилья интернациональной лексики в русском языке. Однако есть значительная часть лингвистов, которые не видят в этом угрозы русскому языку, потери его национальной самобытности и оригинальности, а, напротив, рассматривают способность «переработать» иноязычные слова как признак его витальности и способности к развитию.

В разные исторические периоды русский язык испытывал влияние того или иного языка, он принадлежит к языкам, легко адаптирующим иноязычные элементы, при этом он остался русским языком с его специфическими средствами и деривационными моделями. Перемелет он и современный наплыв англицизмов, переживет влияние на его словообразовательную систему со стороны английского языка, расширив свой синонимический арсенал, обогатив систему словообразования, разнообразив возможности инкорпорирования аксиологических значений в смысловую структуру слов.

ЛИТЕРАТУРА

Активные процессы в современном русском языке новейшего периода: Учебное пособие / под ред. Т. Б. Радбиля. – Москва:ФЛИНТА, 2022. – 232 с.

Иванова, М.В., Клушина, Н.И. Русский язык в современном интернет-пространстве: динамические процессы и тенденции развития // *Русистика*. – 2021. – Т. 19. – № 4. – С. 367–382. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-367-382>

Ищенко, И.Г. Компрессивное словообразование в современном английском языке // *Вестник АмГУ*. – 2020. – № 90. – С. 96–100.

Малинина, И.А. Конверсионное образование новых лексических единиц // *Молодой ученый*. – 2011. – Т. 2. – № 10. – С. 21–23.

Маркова, Е. М. Компрессия языковой формы в современной русской речи // *Russian Language Studies. Русистика*. – 2024. – Vol.22. – No. 3. – С. 348–360 [http://journals.rudn.ru/russian language studies](http://journals.rudn.ru/russian-language-studies) DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-361-372

Маркова, Е.М., Григорянова, Т. *Динамические аспекты лексики современных славянских языков*. Врно: Tribun EU, 2016. – 187 с.

Нещименко, Г.П. Словообразование разговорного языка в свете тенденции языковой экономии (на материале русского и чешского языков) // *Wortbildung : interaktiv im Sprachsystem: Materialien der 3. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim internationalen Slawistenkomitee. Innsbruck, 2000*. – С. 253–270.

Николина, Н.А. Типы дериватов-усечений в современной русской речи // *Русский язык в школе*. 2021. № 3. С. 69–74. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-3-69-74>

Черчук, О.И. *Заемствования в современном чешском языке* : дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2023. – 227 с.

Шмидт, Е.С. Новые заимствования как элементы лексики русского языка: системный аспект // *Вестник Томского государственного университета*. – 2023. – № 494. – С. 53–59. <https://doi.org/10.17223/15617793/494/6>

Bozděchová, I. Anglicismy v českém lexiku // *Nový encyklopedický slovník češtiny* / P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová. 2017. URL : <https://www.czechency.org/slovník/ANGLICISMY%20V%20ČESKÉM%20LEXIKU>

Seresova, K. *Jobben oder arbeiten? Anglizismen ein bisschen anders*. Hamburg: Verlag Dr. Kovac, 2020. – 115 p.

Izvorni znanstveni rad/Original scientific paper
UDK 811.161.1'373.43:654.191

Рацибурская Лариса Викторовна

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия
racib@yandex.ru

НОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МЕДИА

АННОТАЦИЯ

В статье на материале медийных текстов современных российских СМИ рассматриваются новообразования с точки зрения реализации экспрессивно-оценочной функции. В результате исследования выявлены такие факторы оценочности, как степень стандартности словообразовательной структуры и условия контекста. Оценочность новообразований стандартной словообразовательной структуры создаётся благодаря оценочности и семантике аффиксов и мотивирующих слов. Экспрессивно-оценочные свойства новообразований нестандартной словообразовательной структуры могут быть обусловлены неузвальными способами словообразования. Экспрессивно-оценочные новообразования способствуют реализации воздействующей функции медиатекстов.

Ключевые слова: медиа, новообразования, словообразовательная структура, экспрессивно-оценочная функция

Neologisms in modern Russian media in articles, based on the material of media texts of modern Russian media

ABSTRACT

Neologisms are considered from the point of view of the implementation of their expressive and evaluative functions. The author identifies such evaluation factors as the degree of standardization of the word-building structure and context conditions as a result of the study. The ability for neologisms to be evaluated with a standard word-building structure is created due to the semantics of affixes and motivating words. The expressive and evaluative properties of neologisms with a non-standard word-building structure may be due to non-standard ways of word building. Expressive and evaluative neologisms contribute to the realization of the actuating function of media texts.

Keywords: media, neoplasms, word-formation structure, expressive and evaluative function

Современные медиатексты отличаются повышенной экспрессией, оценочностью, речевой раскрепощенностью, языкотворческими экспериментами. Раскрепощенность как один из ярких показателей современного речевого поведения коммуникантов способствует активизации процессов словотворчества в медийной речи, приводит к появлению большого количества новообразований, которые являются средством экспрессивизации и оценочности текстов СМИ.

Характер оценочности новообразований зависит прежде всего от степени стандартности их структуры. В новообразованиях стандартной словообразовательной структуры оценочность может быть связана с оценочностью и семантикой аффиксов. Так, новообразования с суффиксом *-щ(а)* обозначают «явление, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом (преимущественно с неодобрительной оценкой)» (Лопатин, Улуханов 2016: 700): *Лучше хотя бы предполагать, чем обернется для нас **трамповщина**, чем оказаться неготовыми к каким-либо действиям Америки (Iron post, 14.11.2016); Что касается «**навальновщины**» как таковой, в том числе нижегородского митинга, то это политическая провокация «пчёл против мёда» (Заноза, 28.03.2017); **Малаховщина** (заголовок). Как поставит заслон грязи и пошлости на нашем телевидении (<https://www.stoletie.ru/>, 23.06.2023); Откуда в них столько театральной **щины**, **додинщины**? (радио «Комсомольская правда», 16.12.2022); Вот эта вся **бельгийщина**, склонность к геноциду... (Россия-1, 22.12.2022); В девяностые годы он был против **солженищынщины** (радио «Комсомольская правда», 11.12.2023).*

Негативная оценочность новообразований с префиксом *псевдо-* обусловлена префиксальной семантикой неистинности, ложности: *истерика, которую начали **псевдоправозащитники** (радио «Вести FM», 29.11.2017); долбаное допинговое расследование немецкого **псевдожурналиста** (радио «Вести FM», 06.12.2017); Мы хотим разогнать этот совет **псевдодепутатов** (Россия-24, 01.02.2018); Разнузданное поведение англосаксонских **псевдогуру**... (Россия-1, 28.02.2022); Где вся наша интеллигенция? Где вся наша «**псевдоэлита**»? Почему мы все молчим? С каких пор мы стали бояться называть себя русскими? (Взгляд, 04.03.2022); Этот европейский конкурс **псевдопесни**... (Соловьев.LIVE, 16.05.2022); В Молдавии происходят **псевдовыборы**, которые на Западе считают настоящими (1-й канал, 29.10.2024); Есть грузинские грузины и есть **псевдогрузины**, квазигрузины, которые находятся на площади (1-й канал, 03.12.2024).*

Префикс *недо-* в сочетании с именными основами имеет значение «не в полной мере наделенный тем или не в полной мере являющийся тем, что названо мотивирующим словом, заключающим в себе его признаки, но не являющийся им в полной мере» (Лопатин, Улуханов 2016: 124). Данная префиксальная семантика обуславливает негативную оценку и значение неполноценности у новообразований, обозначающих лиц, что позволяет говорить о речевой агрессии: *Какого черта **недодипломат** Кислицын делает в Совете Безопасности? (Россия-1, 29.07.2022); Как можно считать маленьким писателем или **недописателем** человека, который основал несколько жанров (радио «Комсомольская правда», 23.01.2023); Это настолько другие, что это не люди, или **недолюди** (1-й канал, 19.10.2022); Учителями для украинской **недоэлиты** выступают представители Польши (1-й канал, 13.06.2022); ...очередная авантюра продажного **недопрезидента** (1-й канал, 21.11.2024); Макрон, этот **недонаполеончик**, пытается рассуждать о православии (Россия-1, 24.10.2022); ... чтобы французского **недополеона** не оставлять с цветом китайского дракона ... (НТВ, 11.05.2024). Экспрессия и негативная оценка особенно заметны, когда префикс *недо-* сочетается с именем собственным в нарушение словообразовательного стандарта.*

При отсутствии оценочных словообразовательных средств оценка новообразований стандартной структуры может быть связана с мотивирующей основой, особенно в случаях, когда мотивирующие слова называют социально значимых лиц, деятельность которых оценивается (обычно негативно) определенным социумом. Так, дериваты с суффиксами *-(из) аци(я)*, *-изм*, *-инг*, называющие идеологические направления, идейно-политические течения, процессы, связанные с тем или иным политиком, историческим лицом, как правило, содержат негативную оценку деятельности этого лица: *В Швеции лингвисты официально приняли в обращение слово «**трампизация**», появившееся после многочисленных выступлений избранного американского президента Дональда Трампа в ходе предвыборной гонки (L!fe, 01.01.2017);*

«Трампизм» – это решение кризиса неолиберализма (Кто в курсе, 16.11.2016); **Классический киссинджеризм**, политика балансирования (Вести FM, 19.08.2022); Обыкновенный **шольцизм** (1-й канал, 04.04.2023); *Те, кто «за», придумали новый термин «шольцинг», который обозначает нерешительность* (Россия-1, 28.01.2023).

Экспрессивно-оценочная характеристика нестандартных новообразований связана прежде всего с неузуальными способами словообразования. При контаминации, в частности, происходит совмещение формально сходных частей мотивирующих слов: **Кокошкин дом**. Как ГК «Самолет» и RDI Group «Новое Внуково» поделили ... «Новое Внуково» - новостройки в Новой Москве, в дачном поселке Кокошкино, который возник еще в 1953 году (<https://versia.ru/kak-gk-samolet-irdi-group-povoe-vnukovo-podelili>) – Кокошкино+кошкин (в заголовке обыгрывается название произведения для детей С.Я. Маршака); **Дуракоучинг** в потоке: *какие выражения лингвисты признали «антисловами» года* (https://dzen.ru/a/Yc1hc0XePROUdj_J?share_to=link) – дурак+коучинг.

Контаминация может сопровождаться различными способами графического словообразования. При графическом словообразовании в создании графодериватов участвуют графические средства, а также средства других кодовых систем. При капитализации (Попова 2013) внутри узуального слова прописными буквами выделяется часть соответствующая другому узуальному слову: **ДИАСПОРная** ситуация (Версия, 31.03.2024) – диаспора+спорная (о миграционных проблемах). В заголовке **поСУШИлся** (Версия, 19.12.2023) отражается ситуация с розыском нарушившего закон основателя Тануки. В выделенной части могут наблюдаться формальные изменения по сравнению с исходным словом: **ПроБОРовавшиеся**. *Сможет ли губернатор Игорь Руденя навести порядок с границами заповедного Клетинского бора?* (Версия, 13.06.2023). В исходном *проворовавшиеся* выделяется формально измененная часть БОР. В исходном *неумеренный* заголовок **НеумЭРенный** аппетит. *Почему так много градоначальников попадает за решётку?* (Версия, 05.02.2024) выделяется слово МЭР с графемным изменением.

Наряду с капитализацией способом графического словообразования в медийных текстах служит парентезис (Попова 2013), при котором слово или другой графический элемент заключаются в скобки, создавая возможность альтернативного прочтения. Нередко в качестве содержимого скобок выступает частица *не*: «**(Не)Белоснежка** и семь **(не)гномов**», или как *Дисней очень старается никого не обидеть* (<https://dzen.ru/a/YfEt3ZqAbwprKY3rB>); *Разговор **(не) по душам**. Почему врачам и пациентам непросто услышать друг друга* (N+1, 12.05.2022); *Красота **(не) спасет** мир. Самые красивые девушки живут в России – убеждены четверо из каждых пяти опрошенных* (ВЦИОМ. Новости, 01.02.2024).

В последнее время в медиатекстах получил распространение такой графический прием, как зачеркивание, при котором также появляется возможность уточнения и двоякого прочтения: *Тема MDR для нас достаточно свежая, посему занять верхние **плацкартные** места — это очень большое достижение, и вообще!* (<https://eugene.kaspersky.ru/2024/01/24/potomu-chto-luchshie-v-rix-i-prax-na-grani-kiber-dobra-i-togo-chto-s-drugoj-storony-da/#more-68381>); *Итак, дано: Париж. Ноябрь. Снег, ветер, холод **фонарь, аптека**. Рабочие задачи решены. Современное искусство осмотрено (а крокодил там на фотке какает числами Фибоначчи). Что делать дальше?* (<https://eugene.kaspersky.ru/2024/11/26/podzemelya-podparizhya-gde-pryachemsya-ot-vetra-holoda-i-snega/>, 26.11.2024). В последнем случае зачеркивается прецедентный текст – фрагмент стихотворения А. Блока.

При полиграфикации, которая в последнее время является излюбленным приемом в медиапространстве, в рамках одного слова сталкиваются элементы разных алфавитов, в частности кириллицы и латиницы. Так, популярным стало использование обозначения QR-кода в текстах музыкальной тематики: *Мастера в **заQRученных** вселенных звука* (Версия, 10.01.2022); *РасQRутились метель да поземка! ... Дополнительная информация о необходимости наличия QR-кодов для посещения данного концерта, других вынужденных ограничениях, переносах и отменах других концертов на официальном портале* (Версия, 05.01.2022); *Фестивальные «QRуть» и «Верть»* (Версия, 01.11.2021).

Помимо графических языковых элементов в графодериватах в семантико-экспрессивных целях используются элементы других кодовых систем (кодографикация). В статье с заголовком

«Остатки **\$ладки**» (Версия, 25.09.2023) буква «с» заменена знаком доллара. В тексте говорится об уходе иностранных компаний из России. Поэтому в заголовке используется символ иностранной валюты – знак доллара.

Обращение авторов журналистских текстов к графическому словообразованию обусловлено тем, что графические дериваты занимают сильную позицию в медийном тексте (особенно в заголовках), актуализируют его смысл и позволяют привлечь внимание читателей. Графодериваты как и другие новообразования нестандартной структуры, в большей степени, чем стандартные новообразования, способствуют экспрессивизации медийного текста.

К факторам оценочности новообразований в медийных текстах, таким образом, относятся степень стандартности словообразовательной структуры, а также условия контекста. Оценочность новообразований стандартной словообразовательной структуры создаётся благодаря оценочности и семантике аффиксов и мотивирующих слов. Экспрессивно-оценочные свойства новообразований нестандартной словообразовательной структуры могут быть обусловлены невузальными способами словообразования. Подобные новообразования способствуют экспрессивизации медиатекстов и тем самым активизации их воздействующей функции.

ЛИТЕРАТУРА

Попова Т. В. (2013). Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX–XXI вв. // *Лингвистика креатива 1*. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. С. 147–176.

Лопатин В. В., Улуханов И. С. (2016). *Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка*. М.: Издательский центр «Азбуковник».

Stručni rad/Professional paper
UDK 811.161.1'366

Радченко Марина Васильевна

Задарский университет, Хорватия
radcenko@unizd.hr

КОМПРЕССИВНЫЕ СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

АННОТАЦИЯ

Компрессивное словообразование заключается в создании лексических единиц, тождественных по значению исходному слову или словосочетанию, однако отличающихся от них более краткой формой. В современном русском языке к компрессивному словообразованию относят такие способы деривации, как универбация, усечение, контаминация и др. В статье анализируются различные способы компрессивного словообразования, целью которого является сокращение существующих номинативных единиц, в чем отчетливо проявляется тенденция к экономии языковых средств. Выявляются наиболее частотные модели компрессивного словообразования. Исследование проведено на материале российских массмедиа и интернета. Продуктивность компрессивных способов словообразования обусловлена не только потребностью выразить наибольший объем информации при помощи минимального набора языковых средств, но и стремлением к речевой экспрессии.

Ключевые слова: компрессивное словообразование, усечение, универбация, контаминация

Compressive word formation methods in modern Russian language

ABSTRACT

Compressive word formation consists of creating lexical units that are identical in meaning to the original word or phrase, yet differ from them in a shorter form. In the modern Russian language, compressive word formation includes such methods of derivation as univerbation, truncation, contamination, etc. The article analyzes various methods of compressive word formation, purpose of which is to shorten existing nominative units, which clearly shows a tendency to save linguistic means. The most frequent models of compressive word formation are identified. Study was conducted using materials from Russian mass media and the Internet. Productivity of compressive methods of word formation is determined not only by the need to express the largest amount of information using a minimal set of linguistic means, but also by the desire for verbal expression.

Keywords: compressive word formation, truncation, univerbation, contamination

Под компрессивным словообразованием понимается «образование лексико-деривационных единиц, более экономных по сравнению с исходным однословным или описательным, многословным прототипом» (Зеленин 2007: 100). В российском языкознании понятие «компрессивное словообразование» впервые упоминается Е.А. Земской в монографии «Русская разговорная речь» (1981). По ее мнению, к таким способам, характерным как для разговорной, так и для книжной речи, относятся усечение, универбация, субстантивация и аббревиация (Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 120).

Безусловно, активизация компрессивных способов словообразования связана с проявлением тенденции к языковой экономии. Термин «языковая экономия» появился в трудах французского лингвиста Андре Мартине, объяснявшего возникновение данного феномена противоречием между потребностью человека в общении и его стремлением свести свои умственные и физические усилия к минимуму (Мартине 1963: 532-533). Б.А. Серебренников утверждает, что принцип экономии в языке представляет собой одно из частных проявлений инстинкта самосохранения, являясь своеобразной реакцией «против чрезмерной затраты физиологических усилий, против всякого рода неудобств, осложняющих работу памяти, осуществление некоторых функций головного мозга, связанных с производством и восприятием речи» (Серебренников 1988: 95).

В настоящей статье выявляются наиболее частотные способы компрессивного словообразования в современном русском языке. Исследование проведено на материале российских массмедиа и интернета¹.

В качестве одного из самых продуктивных способов компрессивного словообразования следует упомянуть универбацию, которая заключается в замене многословных наименований одним словом. Среди исследователей до сих пор не существует единой точки зрения на то, что понимать под термином «универбация». В работах сторонников широкого подхода к универбации данное явление отождествляется с компрессивным словообразованием как таковым. Например, В.В. Лопатин считает, что универбация в русском языке может осуществляться с помощью таких способов словообразования, как аббревиация, сложение, субстантивация, суффиксация (Лопатин 1997: 577). В узком понимании универбация трактуется как «способ образования слова на основе словосочетания, при котором в производное слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, так что по форме производное соотносится с одним словом, а по смыслу – с целым словосочетанием» (Земская 2011: 113). Исследователи отмечают продуктивность данного способа словопроизводства в разговорной, разговорно-профессиональной и жаргонной речи (Гасанова 2023: 570; Черняк 2023: 88). По нашим наблюдениям, суффиксальные универбаты также широко представлены в сфере неформальной интернет-коммуникации на русском языке. Особенно продуктивно образование имен существительных женского рода с суффиксом *-к(а)* на базе словосочетаний, состоящих из прилагательного и существительного. При этом в качестве базовой основы выступает основа прилагательного: «И вот до меня только дошло. Раз у тебя планетарки нет, это ты руками делаешь?»² (планетарка ← планетарный миксер); «По поводу украшений: обычно ташу с блошек домой весь хлам. Некоторое потом просто лежит»³ (блошка ← блошиный рынок); «Можно ли поздравить человека с тем, что он поступил в вуз, если он поступил на платку? То есть осилить школьную программу и сдать экзамены нормально человек так и не смог. Он поступил только потому, что родители за него заплатили. Если бы не деньги родителей, человек бы в этот вуз не поступил»⁴ (платка ← платное обучение); «Работаю в судебке в отделе экспертизы трупов (морге)»⁵ (судебка ← судебная медицина).

1 Все примеры в статье приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

2 Forum.Exler.ru. URL: <https://club443.ru/index.php?showtopic=190103&st=31800#entry39716207> (дата обращения: 11.09.2024).

3 Forum.Exler.ru. URL: <https://club443.ru/index.php?showtopic=204142&st=150000> (дата обращения: 12.09.2024).

4 Woman.ru. URL: <https://www.woman.ru/psycho/education/thread/6071337/> (дата обращения: 10.09.2024).

5 Фельдшер.ру. URL: <https://forum.feldsher.ru/profile/2369-den-70/> (дата обращения: 15.09.2024).

Менее продуктивно образование существительных-универбатов мужского рода с суффиксом *-ник-*: «Сегодня сходили на отчетник танцевального коллектива, где дочь танцует. Столько позитива от танцующих разного пола и возраста!»⁶ (отчетник ← отчетный концерт).

Как средство универбации могут использоваться суффиксы, являющиеся продуктивными преимущественно в разговорной речи, просторечии и жаргонном словообразовании, например, суффикс *-ух(а)* или суффикс *-ак-* (орф. *-як-*): «Вот как настала слякоть мне так стрёмно даже по кольцевухе ездить обгоняет какой-нибудь лось на лэндкрузере забрызгивает стекло напрочь а чтобы на него водичкой побрызгать нужно подождать...»⁷ (кольцевуха ← кольцевая дорога); «Она скучная и стандартная, ИМХО... Типаж “роковуха оттюнигованная”»⁸ (роковуха ← роковая женщина); «Терапевт аж на неделю дает больняк»⁹ (больняк ← больничный лист).

Базовой основой для суффиксального универбата может послужить не только прилагательное, но и страдательное причастие, входящее в состав сворачиваемого словосочетания: «Отреставрировали монастырь лет 15 назад. Тогда всё было свеженькое и новенькое. Сейчас стараются, поддерживают, подкрашивают, латают обвалившееся, чувствуется жизнь и вложения, в отличие от совсем заброшек»¹⁰ (заброшка ← заброшенное здание).

Анализ универбатов-существительных с точки зрения количественного состава их производящей базы показывает, что самым распространенным типом являются суффиксальные универбаты, мотивированные двухкомпонентным адъективным словосочетанием. Однако универбаты могут создаваться на базе не только двухкомпонентных, но и многокомпонентных словосочетаний: «Первые результаты ЕГЭ: в Петербурге выросло число стобалльников по литературе»¹¹ (стобалльник ← ученик, получивший сто баллов на едином государственном экзамене).

Следует упомянуть и о таком явлении, как омонимия универбатов. Универбаты-омонимы созданы на основе различных производящих баз, например: «Главное моё требование – термалка должна помогать любому крему впитаться быстрее, давать коже дополнительное увлажнение, ну и освежать своей прохладой в любое время дня и суток»¹² (термалка ← термальная вода); «Термалка открыта для посещения круглый год, это значительно увеличивает поток отдыхающих, которые могут приехать на источник не только летом, но и зимой»¹³ (термалка ← термальный курорт); «С дитем в межсезонье, когда ездила в Козельск, очень выручала термалка. Не надо капустой наряжаться»¹⁴ (термалка ← термальное бельё).

Несомненно, наибольшие возможности в образовании универбатов демонстрируют имена существительные, однако ряд лингвистов обращает внимание на то, что результатом универбации может быть не только имя существительное, но и слово, принадлежащее к другой части речи, например, глагол. Так, Е.М. Маркова считает, что «универбация глаголов имеет все признаки этого способа деривации: формальное и семантическое сжатие словосочетания в одно слово, использование корневой морфемы одного из компонентов словосочетания, несущего основную смысловую нагрузку, оформление при помощи определённых деривационных средств. При этом в языке остаются представленными две формы обозначения одного и того же плана содержания: расширенная, в виде мотивирующего словосочетания, и сжатая, как

6 Forum.Exler.ru. URL: <https://club443.ru/index.php?showtopic=204142&st=94750> (дата обращения: 16.06.2024).

7 Клуб Любителей Автомобилей «Шкода». URL: <https://forum.skoda-club.ru/viewtopic.php?f=13&t=70976> (дата обращения: 16.09.2024).

8 Forum.Exler.ru. URL: <https://club443.ru/index.php?showtopic=204142&st=71900> (дата обращения: 20.06.2024).

9 Littleone. URL: <https://forum.littleone.ru/showthread.php?t=8447227&page=1087> (дата обращения: 26.09.2024).

10 Forum.Exler.ru. URL: <https://club443.ru/index.php?showtopic=204142&st=144000> (дата обращения: 12.09.2024).

11 Фонтанка.ру. URL: <https://www.fontanka.ru/2024/06/06/73672130/> (дата обращения: 19.06.2024).

12 Косметиста – отзывы о косметике. URL: <https://kosmetista.ru/blog/uhodovaya-kosmetika/51620.html> (дата обращения: 15.09.2024).

13 TravelRussia.ru. URL: <https://travelrussia.ru/blog/articles/terma-apsny/> (дата обращения: 19.06.2024).

14 Forum.Exler.ru. URL: <https://club443.ru/index.php?showtopic=204142&st=82400> (дата обращения: 20.09.2024).

результат его стяжения. Последняя характеризуется, как правило, разговорностью» (Маркова 2023: 64).

В языке неформальной интернет-коммуникации активно создаются стилистически сниженные окказиональные однословные номинации, заменяющие нейтральные словосочетания с глаголом: «Лично я в общении с коллегами ограничил свой английский двумя словами: “бьютифуль” и “бро”. Принципиально. Чего я буду голову себе морочить. Нигериец тоже махнул на меня рукой, видит что не понимаю что он там англичит мне»¹⁵ (англичить ← говорить по-английски); «Буду следить за вашим полётом на флайтрадаре. Когда моя дочь стюардессила, я даже купила продвинутую версию его»¹⁶ (стюардессить ← работать стюардессой); «В России у меня была команда, с которой мы квизили минимум раз в неделю»¹⁷ (квизить ← играть в квиз).

Одним из способов компрессивного словообразования является усечение производящей основы по аббревиатурному типу, то есть вне зависимости от границ морфем (Земская 2009: 290). Данный способ, особенно активно действующий в разговорной речи, применяется только при образовании имен существительных. Производное и производящее относятся к одной и той же части речи и совпадают по значению, различаясь лишь стилистически. По нашим наблюдениям, стилистически сниженные слова, образованные путем усечения производящей основы многочисленны в интернет-дискурсе. Как правило, опускается финальная часть исходной лексической единицы: «Я не контактирую с пациентами, и для меня, как для девочки, плюс этого в том, что я могу делать такой маникюр, какой захочу. У меня всегда длинные наращенные ногти – и всем все ок. Компьютеру и микроскопу все равно, какой длины у меня маникюр, заведующая и старшие коллеги тоже относятся адекватно»¹⁸ (маник ← маникюр); «Ну а сейчас почему твой рабочий день не обходится без телефона или планша, и вместо того что бы работать ты на форумах зависаешь?»¹⁹ (планш ← планшет); «Ни к кому неприязни нет, конечно, рецы наверняка хорошие, раз столько форумчан одобряют, но не мое»²⁰ (рец ← рецепт); «В пандемию Полина занималась онлайн, но ей не нравится. Сейчас иногда возникает необходимость у репа по английскому провести онлайн занятие, она соглашается, но неохотно, предпочитает отработать пропуск очно, если есть такая возможность»²¹ (реп ← репетитор).

Усечение базовой основы может действовать одновременно с суффиксацией: «Печка в арендованной беседке для шашлыка и глинтвейна. Глинттик»²² (глинттик ← глинт + -ик- ← глинтвейн).

К способам словообразования, обслуживающим компрессивную деривацию, ряд исследователей относит контаминацию, обращая внимание на активизацию данного неузального компрессивного способа образования новых лексических единиц в современной русской речи (Казимова 2021: 97). Н.А. Николина рассматривает контаминацию как особый способ компрессивного словопроизводства, представляющий собой «образование новой лексической единицы на базе объединения двух или более слов в результате стяжения и совмещения их начальных и конечных частей, при этом обычно наблюдается взаимопроникновение компонентов этих слов по принципу фузии» (Николина 2011: 42). Производство новой лексической единицы путем контаминации сопровождается наложением тождественных звуковых сегментов в составе исходных слов. Как правило, при образовании контаминанта

15 Forum.Exler.ru. URL: <https://club443.ru/index.php?showtopic=204142&st=130550> (дата обращения: 20.09.2024).

16 Forum.Exler.ru. URL: <https://club443.ru/index.php?showtopic=59641&st=43850#entry40007344> (дата обращения: 22.09.2024).

17 Т-Ж: журнал про ваши деньги. URL: <https://journal.tinkoff.ru/diary-senior-razrabotchik-belgrade-4500-e/> (дата обращения: 07.11.2024).

18 Т-Ж: журнал про ваши деньги. URL: <https://journal.tinkoff.ru/diary-vrach-genetik-msk-140k/> (дата обращения: 11.09.2024).

19 Web-Dialog.com. URL: <https://web-dialog.com/threads/telefony-na-urokax.28511/> (дата обращения: 12.09.2024).

20 Forum.Exler.ru. URL: <https://club443.ru/index.php?showtopic=190103&st=32250> (дата обращения: 20.09.2024).

21 Forum.Exler.ru. URL: <https://club443.ru/index.php?showtopic=169655&st=7950> (дата обращения: 12.09.2024).

22 Forum.Exler.ru. URL: <https://club443.ru/index.php?showtopic=204142&st=74150> (дата обращения: 14.09.2024).

соединяются два слова, имеющие общую фонетическую часть, а семантика производного включает семантические компоненты обоих базовых слов.

Существует несколько моделей образования контаминантов, выделяемых на основе степени усечения исходных лексем, например:

1. соединение полной основы первого исходного слова с финальной частью второго исходного слова: «Кот Филимон официально трудоустроен на должность старшего мяучного сотрудника Выборгского замка. В его обязанности входит “налаживание культурных связей” с посещающими Выборгский замок туристами, Министерством культуры и СМИ»²³ (мяучный ← *мяу* + *научный*);
2. соединение начальной части первого исходного слова с целым вторым исходным словом: «Рекомендантский час. Рекомендательные сервисы, используемые в соцсетях, новостных агрегаторах, онлайн-кинотеатрах и маркетплейсах, должны подвергаться независимому аудиту и отключаться по желанию пользователей»²⁴ (рекомендантский ← рекомендательный + комендантский);
3. соединение начальной части первого исходного слова с финальной частью второго исходного слова: «Невероятный мир экзотической древесины глазами древелира»²⁵ (древелир ← *древесина* + *ювелир*);
4. тмезис с междусловным наложением – вставка одного исходного слова в другое, сопровождаемая совмещением формально тождественных частей обоих исходных слов: «Банкир загосдумался»²⁶ (загосдумался ← *задумался* + *Госдума*) – заголовок статьи об избрании зампреда правления Альфа-банка депутатом Госдумы.

Проанализированный языковой материал свидетельствует о разнообразии структурных и семантических особенностей компрессивов. При этом в российских СМИ и в интернет-дискурсе особенно частотны окказиональные слова, создаваемые путем универбации. Продуктивны в образовании компрессивов и такие способы, как усечение и контаминация. Следует отметить, что широкое распространение компрессивных способов словообразования в современном русском языке во многом обусловлено социальными причинами, в том числе ускорением темпов развития общества и быстрым изменением всех сторон жизни и деятельности человека, что неизбежно ведет к экономии речевых усилий не только в устной, но и в письменной коммуникации. Кроме того, продуктивность компрессивных способов словообразования объясняется не только потребностью выразить наибольший объем информации при помощи минимального набора языковых средств, но и стремлением к оценочности и речевой экспрессии.

23 Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/ZdTcM26jwDrtextBQ> (дата обращения: 18.06.2024).

24 Газета «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4751088> (дата обращения: 17.09.2024).

25 Ярмарка Мастеров. URL: <https://www.livemaster.ru/topic/3771182-article-neveroyatnyj-mir-ekzoticheskoy-drevesiny-glazami-drevelira> (дата обращения: 19.09.2024).

26 Газета «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5019333> (дата обращения: 18.09.2024).

ЛИТЕРАТУРА

- Гасанова, Г.А. (2023). Активизация универбации в современном словотворчестве / Г.А. Гасанова // *Мир науки, культуры, образования*. № 6 (103). – С. 570 – 572.
- Зеленин, А.В. (2007). Компрессивное словообразование в эмигрантской прессе (1919-1939 гг.) / А.В. Зеленин // *Вопросы языкознания*. № 4. – С. 98 – 128.
- Земская, Е.А. (2011). *Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: учебное пособие* / Е.А. Земская. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Флинта: Наука.
- Земская, Е.А. (2009). *Современный русский язык. Словообразование: учебное пособие* / Е.А. Земская. – 6-е изд. – М.: Флинта: Наука.
- Земская, Е.А., Китайгородская, М.В., Ширяев, Е.Н. (1981). *Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис* – М.: Наука.
- Казимова, Э.А. (2021). Компрессивные способы словообразования в современном словотворчестве / Э.А. Казимова // *Вестник Дагестанского государственного университета*. Серия 2. Гуманитарные науки. Том 36. – Вып. 4. – С. 95 – 99.
- Лопатин, В.В. Универбация // *Русский язык. Энциклопедия* / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа. – С. 577.
- Маркова, Е.М. (2023). Глагольная универбация как одна из современных деривационных тенденций / Е.М. Маркова // *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*. 1(6). – С. 61 – 71. DOI: 10.34680/VERBA-2023-1(6)-61-71
- Мартине, А. (1963). *Основы общей лингвистики* // Новое в лингвистике / Ред. В.А. Звегинцев. – М.: Издательство иностранной литературы. Вып. 3. – С. 366 – 566.
- Николина, Н.А. (2011). Контаминация как способ компрессивного словообразования / Н.А. Николина // *Русский язык в школе*. № 2. – С. 41 – 45.
- Серебренников, Б.А. (1988). *Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление* / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 242 с.
- Черняк, В.Д. (2023). «Выпечка» и «молочка»: векторы языковых изменений / В.Д. Черняк // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. Вып. 6 (230). – С. 85 – 93.

Izvorni znanstveni rad/Original scientific paper

UDK 811.161.1'367.635:811.163.6'367.635

Улична Мартина

Экономический университет в Братиславе, Словакия

martina.ulicna@euba.sk

ЧАСТИЦА «БЫ» («ВУ») В РУССКОМ И СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКАХ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлены результаты сопоставительного анализа русской частицы бы и ее словацкого эквивалента by, выявляющие сходства и различия в их семантике, сочетаемости и синтаксической позиции. Исследование опирается на данные параллельного русско-словацкого корпуса и методы функционально-грамматического анализа. На основе сопоставительного и контрастивного анализа значения, функции и позиции частицы бы (слов. by) в русском и словацком предложениях в статье отмечаются явления интерференции на уровне лексического значения, грамматической функции и синтаксиса (особенно порядка слов в предложении), возникающие в связи со спецификой частицы бы (by) в русском и словацком языках при обучении словацкому языку русскоязычных студентов и, напротив, при обучении русскому языку словацкоязычных студентов. В то же время исследование посвящено поиску русско-словацких эквивалентных словосочетаний, содержащих в своей структуре частицу бы (by).

Ключевые слова: частица бы, сопоставительный анализ, русский и словацкий языки, эквивалентные фразы, интерференция

The particle «бы» (“by”) in Russian and Slovak languages from the point of view of mutual influence in the process of acquiring a foreign language

ABSTRACT

This paper presents the results of a comparative analysis of the Russian particle «бы» ('would') and its Slovak equivalent "by", revealing their similarities and differences in semantics, combinability and syntactic position. The study is based on data from the parallel Russian-Slovak corpus and methods of functional and grammatical analysis therein. On the basis of comparative and contrastive analyses of the meaning, function and position of the particle «бы» ("by") in Slovak and Russian sentences, the study points out interference phenomena at the level of lexical meaning, grammatical function and syntax (especially word order in the sentence) arising due to the specificity of the particle «бы» ("by") in the Russian and Slovak languages when teaching both Slovak language to Russian-speaking students and Russian to Slovak-speaking students. The study is devoted to the search for Russian-Slovak equivalent phrases containing the particle «бы» ("by") in their structure.

Keywords: particle would, comparative analysis, Russian and Slovak, equivalent phrases, interference

Практика преподавания близкородственных языков подтверждает необходимость сравнительного и сопоставительного подхода к обучению иностранным языкам. Правила родного языка, значение и коллокативность отдельных лексических единиц значительно влияют на восприятие текста на неродном языке и на развитие продуктивных видов речевой деятельности. К ошибкам может вести частичное совпадение значения слов, строения морфологических форм, синтаксической структуры фразы и предложения или даже межъязыковая омонимия с семантической точки зрения и с точки зрения образования грамматических форм и формальной организации предложения.

Результаты сопоставительного русско-словацкого исследования, которые представлены в настоящей статье, касаются особенностей значения частицы *бы*, ее сочетаемости с другими частями речи и ее позиции в линейной структуре русского и словацкого предложения.

Решая вопрос эффективного обучения словацких студентов русскому и обучения русскоговорящих студентов словацкому языку, для сопоставления употребления и значения частицы *бы* (в словацком языке *by*) мы пользовались материалами толковых словарей русского и словацкого языков и текстами параллельного словацко-русского корпуса Словацкого национального корпуса (bonito.korpus/sk).

1. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И СОЧЕТАЕМОСТЬ ЧАСТИЦЫ *БЫ* С ДРУГИМИ ЧАСТЯМИ РЕЧИ

Материалы Большого толкового словаря русского языка (под ред. С. А. Кузнецова 2004) представляют частицу *бы* как средство выражения возможности, желательности, предположительности действия: условно-предположительная возможность действия (*На твоём месте поступил бы иначе.*), желательность или долженствование действия (*Чайку бы сейчас! Потихи бы! Ты бы хоть позвонил.*), вежливо-предупредительное пожелание, совет, предложение (*Сходить бы тебе к врачу. Поговорил бы с начальством?*), опасение чего-либо (обычно с отрицанием – *Не опоздать бы.*), обусловленность действия в придаточных предложениях и оттенки условности, предположительности, желательности действия в составе сложных союзов, частиц и наречий (*будто бы, если бы, как бы, хоть бы, хоть бы что, ещё бы, во что бы то ни стало и т. п.*). Похожую информацию о частице *by* в словацком языке приносит Словарь современного словацкого языка (*Slovník súčasného slovenského jazyka A – G 2006*): она выражает условность осуществления или действительности действия и модифицирует модальность предложения, высказывания условным образом (*Keby ho požiadali, urobil by to/bol by to urobil.* – “Если бы его попросили, он бы это сделал.”); является частью некоторых союзов, выражающих сравнение или успутительную связь (*Vstal ako by nič; Musí sa tam dostať, čo by čo bolo. Ťažko sa presadia, hoci by aj mali obrovský talent.* – “Он должен добраться туда во что бы то ни стало. Им трудно добиться успеха, даже если они обладают большим талантом.”) и встречается также во фразеологических оборотах *ako by [aj] nie!*; *akože by nie!* (как бы не так!) выражающих решительное убеждение или, наоборот, категорическое отрицание (*kdeže by!* – “конечно, нет”).

Выходя из приведенных словарных статей, мы можем констатировать, что при помощи частицы *бы – by*, и в русском и в словацком языке выражается значение условности, возможности действия. Сослагательное наклонение, образуемое при помощи частицы *бы – by*, в обоих языках помогает также выразить вежливость и просьбу, а союзы *чтобы, если бы – aby, keby*, содержащие частицу *бы – by*, встречаются в сложноподчиненных предложениях со значением условия или желательности действия.

Если речь идет о сочетаемости частицы *бы (б)* с другими частями речи, то для эффективного преподавания русского языка словацким студентам важно, что в нормативном русском языке частица *бы* в формообразующей функции сочетается не только с глаголами в форме прошедшего времени, с которыми образует сослагательное наклонение, но и с инфинитивом или с предикативами в значении долженствования, возможности или необходимости (ср. Русская грамматика. Том I 1980: 724). В словацком нормативном языке, в отличие от русского,

не встречаются ни сочетания инфинитива глагола или предикатива с частицей *by* (*отдохнуть бы, хорошо бы*), ни эллиптические конструкции с существительным (*пирожка бы/б*):

	русская фраза с частицей <i>бы</i> *	словацкий эквивалент*
А)	<i>Я поступил бы иначе.</i>	<i>Urobil by som to inak.</i>
Б)	<i>Сходить бы тебе к врачу.</i>	<i>Mal by si íst' k lekárovi.</i>
В)	<i>Не опоздать бы.</i>	<i>Len aby som nemeškal.</i>
Г)	<i>Хорошо бы встретиться.</i>	<i>Bolo by fajn, keby sme sa stretli.</i>
Д)	<i>Отдохнуть бы!</i>	<i>Môct' si tak oddýchnuť!</i>
Е)	<i>Чайку бы сейчас!</i>	<i>Tak rád by som si dal čaj!</i>

* примеры из параллельного русско-словацкого корпуса *par-skru-2.0-ru* Словацкого национального корпуса

Примеры Б), В), Д), Г) и Е) показывают, что русской конструкции с частицей *бы* в словацком языке соответствует фраза с другой структурой. Пример В) также показывает, что в словацком языке фраза выражающая опасение должна содержать частицу *len* (*только*). В примерах Б) и Д) выражена модальность не при помощи формы сослагательного наклонения полнознаменательного глагола а используя вспомогательные глаголы *mat'* (*“быть должен”*) и *môct'* (*“мочь”*). Приведенные особенности структуры предложения следует учитывать и использовать при обучении русскому языку, сопоставляя следующие структуры:

русс. конструкция	слов. эквивалент	значение
кому + инф. + бы	<i>mal(a) + by (kto) + инф.</i>	пожелание, совет, предложение
не + инф. + бы	<i>len aby + негат. прош. время</i>	опасение
инф. + бы	<i>môct' tak + инф.</i>	желательность
существительное + бы	<i>tak rád/rada + глагол в форме сослагательного наклонения + существительное</i>	

Сложноподчиненные предложения, выражающие значение цели со структурой *союз чтобы + инфинитив*, которые не встречаются в словацком языке, не представляют больших трудностей при пассивном понимании текста благодаря наличию параллельной русской и словацкой конструкции *чтобы/aby + форма прошедшего времени*. Ошибки возникают при воспроизведении прочитанного или при создании собственного текста, когда студенты по примеру словацкого языка обычно используют только структуру *чтобы + форма прошедшего времени* (*Я учу русский язык, чтобы я читал(а)/мог(ла) читать книги в оригинале.*).

С другой стороны, для целевой группы русскоязычных студентов при обучении словацкому языку как иностранному словацкая параллель *mal(a) + by (kto) + inf.* русской конструкции *кому + инф. + бы* является одним из способов обратить внимание на специфику употребления модального глагола *mat'*, вместо которого студенты часто неправильно используют модальный глагол *tusiet'*.

2. ЧАСТИЦА БЫ И ПОРЯДОК СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

В языках, в которых порядок энклитик в предложении синхронно подчиняется закону Вакернагеля, энклитики занимают второе место в предложении и образуют так называемые энклитические кластеры (ср. например Mistrík 1966, Uhlířová 1987, Ivanová – Bařir Gécová 2021) – цепочки энклитик.

Даже простое сравнение форм сослагательного наклонения невозвратных и возвратных глаголов показывает, насколько разнообразна структура глагольных энклитик в западнославянских языках и насколько отличается структура энклитического кластера в этих языках по сравнению с восточнославянскими языками (русским языком). Из западнославянских языков именно словацкий имеет самую сложную структуру глагольных энклитик.

русский язык	польский язык	чешский язык	словацкий язык
<i>Я бы сделал. Я сделал бы.</i>	<i>Zrobiłbym. Ja bym zrobił.</i>	<i>Udělal bych. Já bych udělal.</i>	<i>Urobil by som. Ja by som urobil.</i>
<i>Я бы улыбнулся. Я улыбнулся бы.</i>	<i>Uśmiechnąłbym się. Ja bym się uśmiechnął.</i>	<i>Usmál bych se. Já bych se usmál.</i>	<i>Usmial by som sa. Ja by som sa usmial.</i>

В русском языке в отличие от словацкого относительно мало энклитик, то есть слов, которые утратили собственное ударение и ритмически примыкают к предыдущему слову. Энклитиками являются напр. частицы *ли, же, то*, но, наверное, частица *бы* (*б*) является самой частотной. В русском языке не сохранились ни краткие формы местоимений, ни вспомогательный глагол в формах прошедшего времени и энклитические формы могут занимать любое место в предложении между первой безударной (после первого слова с собственным ударением в предложении) и контактной постпозицией сразу после предиката (ср. Зализняк 2008: 268).

Поэтому в процессе обучения русскому языку, помимо синтаксической сочетаемости частицы *бы*, следует обратить внимание на различия в линейном строении высказывания в русском и словацком языках.

Для словаков изучающих русский язык важна информация о том, что правило свободной позиции частицы *бы* в русском предложении не относится к сложным союзом и составным частицам, которые содержат *бы* (*если бы, будто бы, если бы, как бы, хоть бы, хоть бы что, ещё бы*), в которых компоненты взаимно не меняются местами и находятся в предложении в устойчивом порядке. Такой порядок слов соответствует словацким частицам *bárs by, bodaj by, nebodaj by, kdeže by, ako/akože by nie*, которые фразеологизированы и обычно, в соответствии с законом Вакернагеля, находятся в начале предложения или в качестве вводных слов образуют самостоятельную ритмическую единицу внутри предложения.

Таким же образом сохраняют устойчивую линейную структуру следующие русские конструкции:

русская конструкция*	словацкий эквивалент*
Кончено то, что вы возьмете меня, <i>какой бы я ни был</i> , не откажетесь от меня?	Dohodnuté, že si ma vezmete, <i>nech som, aký som</i> a neodvrhnete ma?
Мундир офицера обязывает меня безусловно выполнять обязанности, <i>на каком бы посту я ни был</i> .	Dôstojnícka uniforma ma zaväzuje svedomite si plniť povinnosti, <i>kdekoľvek by som bol</i> .
(...) что значит для него добавочный коренной зуб собаки, или <i>какое бы то ни было</i> изменение внутреннего органа?	(...) čo pre neho znamená nadbytočná stolička jeho psa alebo <i>akékoľvek zmeny vnútorného orgánu?</i>
Теперь она <i>во что бы то ни стало</i> хотела увезти его с собой.	Chcela ho <i>stoj čo stoj</i> vziať so sebou.

* примеры из параллельного русско-словацкого корпуса *par-skru-2.0-ru* Словацкого национального корпуса

Появление частицы *бы* в разных местах предложения является для словацких учащихся специфической чертой русского языка, не соответствующей правилам их родного языка с точки зрения привычной последовательности слов. Поэтому при создании собственного текста они, естественно, склонны использовать ритмическое правило, идентичное закону Вакернагеля. Что касается места частицы *бы* в предложении, то в случайной выборке 120 предложений на

русском языке (в рамках которых 154 вхождений с частицей *бы*) из корпорданса параллельного корпуса *par-skru-2.0-ru* мы обнаружили:

позиция в предложении	частотность
после первого ударного слова	19
после первого ударного слова, которым является глагол	18
после глагола в любом месте предложения, кроме первой позиции	43
перед глаголом внутри предложения	9
после предикатива внутри предложения	6
в конструкции, типа <i>какой/что/где/как бы ни</i>	11
в сложных частицах и союзах (<i>если бы, как бы, будто бы, хоть бы, хотя бы, вроде бы, словно бы, лишь бы, еще бы</i>)	48

Данные параллельного корпуса показывают, что статистически русская частица *бы* чаще всего встречается в позиции после глагола, который может находиться в начале предложения или внутри его. Несмотря на часто повторяющуюся рекомендацию ставить частицу *бы* сразу после первого ударного слова (ср. Baláž et al 1989: 262), статистика приводит к рекомендации помещать частицу *бы* на контактную позицию после предиката. Постановка частицы *бы* сразу после первого слова с собственным ударением также возможна, особенно в случае логического или эмоционального ударения на этом слове.

3. ЧАСТИЦА БЫ В СЛОВАЦКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Как уже было отмечено, в русском языке может частица *бы* занимать либо второе место в предложении, либо стоять в контактной постпозиции сразу после предиката. В белорусском языке частица *бы* (или *б*) также подвижна и может стоять как перед глаголом, так и сразу после него, а также после другого слова с ударением: *пісаў бы; дзе б я не быў далёка; ён бы там кончыўся* (ср. Славянски езици 1994: 466). В украинском языке, как и в русском и белорусском, частица *би* (или *б*) может находиться в разных позициях в предложении: *не ходила б пізно, пішов би* (Славянски езици 1994: 525), *я всяв би, він миг би це сказати, (а що) коли б поїхати* (Aragneum Ucrainicum Beta Maius). Словацкая цепочка клитик формы сослагательного наклонения глагола (*prísal*) *by som, (naprísal) by som si* таким образом, имеет эквивалент в русском, украинском и белорусском языках с одним энклитиком: укр. *він би писав, він писав би*; рус. *он бы писал, он писал бы*; белорус. *ён бы пісаў, пісаў бы*.

Для студентов словацкого языка, родным языком которых является русский или другой восточнославянский язык, важной проблемой при обучении словацкому языку является порядок энклитик особенно в энклитических кластерах, в которых частица *by* является частью формы сослагательного наклонения и всегда стоит в первой безударной позиции, т.е. как определенный сигнал начала кластера (*čítal by – čítal by som, rozprával by som sa, povedal by si tu to*), в то время как возвратное *sa* или *si* обычно сигнализируют об окончании глагольной части энклитики.

Порядок глагольных энклитик (частица *by* + форма вспомогательного глагола *byť* + возвратное местоимение *sa/si*) является обязательным и неизменным в словацком языке (ср. Ivanová – Bašir Géčová 2021: 27 – 29), что значительно упрощает обучение правильной последовательности слов и ее автоматизацию.

При использовании форм условного наклонения иностранцы в словацком языке обычно ставят частицу *by* на правильное место, но в энклитической цепочке опускают формы вспомогательного глагола *byť*. Несмотря на различия между родным (восточнославянским) языком и словацким языком, положение формы возвратного местоимения *sa/si* по отношению

к частице *by* в формах сослагательного наклонения – т.е. в конце энклитического кластера – не является проблематичным.

Как и рефлексивные *sa/si* или другие энклитические формы, словацкая частица *by* может стоять сразу после паузы, образованной вставочной конструкцией, или после подчиненной части предложения, вставленной в главную часть сложноподчиненного предложения и такой порядок слов является проявлением непрерывности предложения и он стилистически не маркирован (ср. Mistrík 1966: 156), напр.

- *Ideálny učiteľ, podľa môjho názoru, by mal učivo vysvetliť zrozumiteľne a pútavo (...)* (корпус: prim-10.0-public-sane; *Nástup do školy*. SME. Denník. Bratislava: Petit Press 10.09.2010)
- *Ten, čo je vysoko, by chcel byť ešte vyššie.* (корпус: prim-10.0-public-sane; Haiti: Svedectvo života je viac ako pekné kázne, In: *Katolícke noviny*. Trnava: Spolok Sv. Vojtecha 2008, roč. 123, č. 03).

Как видно из материалов корпуса *Araneum Russicum III Maximum*, та же тенденция прослеживается и в структуре русского предложения:

- «Если было бы можно, мы, конечно, **бы** сделали для него все», – сказала Шлапак. (<http://econo.com.ua/2013/02/politik-aleksandr-pabat-posle-zapuska-salyuta-ostalsya-bez-glaza/>)
- Впрочем, героизма в этой истории от него как раз и не требовалось, а вот власть употребить, пожалуй, **бы** не помешало. (<http://www.ngkub.ru/news/strah>)
- Человек, который испытывал бы меньшее чувство, наверно, **бы** смог. (http://bookz.ru/authors/osten-dj/gord_osten/page-28-gord_osten.html)

В разговорном словацком языке часто встречается размещение энклитических форм в начале фразы, т.е. на месте проклитики, напр. *Sa ide!* Это явление характерно для спонтанной устной речи, в письменных текстах является стилистически маркированным, оно является чертой экспрессивной речи (ср. Mistrík 1966: 149) или указывает на необразованность говорящего (например, персонажей литературного произведения):

- *Vy ste neverili, že to Slovensko aké krásne je zvrchu, teda z pohľadu tej vtácej perspektívy.* („Вы не поверите, как прекрасна Словакия сверху, с высоты птичьего полета.“ корпус: prim-10.0-public-sane; www.tkkbs.sk 2014/10)
- *Vy nám tak chýbalo mať v kabíne dva kone.* („Нам бы только этого не хватало - иметь двух лошадей в кабине.“ корпус: prim-10.0-public-sane; Bratislava: Perex a.s. 2015. www.birdz.sk).

В русском языке подобное явление не встречается. Из-за экспрессивного и разговорного характера этого явления студенты словацкого языка не сталкиваются с ним до тех пор, пока не достигнут продвинутого уровня владения языком.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное сопоставительное исследование русских и словацких частиц *by* и *by* выявляет ряд сходств и отличий в их семантике, сочетаемости и синтаксической позиции.

Обе частицы могут выражать ирреальность и условность и обе могут стоять перед глаголом. Но хотя русский и словацкий языки являются близкородственными языками, частица *by* в русском языке в сравнении со словацким языком, имеет более широкое употребление и сочетаемость. По параллельному русско-словацкому корпусу можно определить, какие схемы словацкого предложения соответствуют русским сочетаниям с частицей *by*.

Частица *by* в русском языке имеет более широкий спектр значений, чем словацкое *by*, включая потенциал, побуждение и т.д. Частица *by* в русском языке свободно сочетается с различными частями речи и синтаксическими конструкциями, а словацкое *by* тяготеет к глаголам и союзам. Несмотря на то, что и в русском языке это энклитик, линейная структура русского предложения не подвергается закону Вакернагеля, и частица *by* не обязательно должна быть помещена во вторую позицию сразу после первого акцентного слова предложения. Частица *by* в русском

языке может находиться как в начале предложения после ударного слова, так и в середине предложения, а словацкая частица *by* обычно располагается на второй позиции в предложении.

В научных работах, посвященных грамматике русского языка, порядку слов энклитик обычно не уделяется особого внимания, поскольку их расположение в конструкции предложения, как мы можем видеть на примере частицы *бы*, не имеет таких строгих правил, как, например, в словацком или чешском языке. Поэтому с точки зрения преподавания русского языка словацким студентам необходимо подчеркнуть не только определенную свободу в размещении частицы *by*, но и, например, отсутствие такой возможности в случае составных союзов (напр. *как бы*) или конструкций типа *какой бы ни*. С точки зрения синтаксиса, необходимо также подчеркнуть использование частицы *бы* в конструкциях с инфинитивом или в безглагольных конструкциях при выражении желания, возможности или совета.

Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования методики преподавания русского языка как иностранного словацким студентам, а знание особенностей употребления частиц *бы* и *by* поможет словацким учащимся избежать ошибок при переводе и создании собственных текстов на русском языке. С другой стороны в словацком предложении подтверждается наличие довольно строгих правил для позиции частицы *by* и их несоблюдение является чертой разговорного языка.

ЛИТЕРАТУРА И РЕСУРСЫ

Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // под ред. С. А. Кузнецова. URL: <http://www.gramota.ru> (дата обращения: 15.12.2024)

Зализняк А. А. (2008). *Древнерусские энклитики* // А. А. Зализняк. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 282 с.

Русская грамматика. Том I (1980). // гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Издательство «Наука».

Славянски езици. Граматични очерци (1994). // отг. ред. С. Стоянов. – София: Издателство на Българската академия на науките.

Aranea Corpora. [Электронный ресурс] // URL: <http://aranea.juls.savba.sk/> Araneum Russicum III Maximum (Russian, 19.03) (дата обращения: 15.12.2024)

Aranea Corpora. [Электронный ресурс] // URL: <http://aranea.juls.savba.sk/> Araneum Ucrainicum Beta Maius (Ukrainian, 22.08) (дата обращения: 15.12.2024)

Baláž, G. et al. (1989). *Súčasná ruština v porovnaní so slovenčinou. Morfológia* // G. Baláž et al. –Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo.

Ivanová M., Bashir Géčová V. (2021). *Osvojovanie si slovosledu enklitik v slovenčine ako cudzom jazyku na príklade textov slovanských študentov.* // *Jazyk a kultúra*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, 2021. – № 47–48. – S. 25–40.

Jarošová A., Buzássyová K. et al. (2006). *Slovník súčasného slovenského jazyka (A – G)*. Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV.

Mistrík J. *Slovosled a vetosled v slovenčine* (1996). // J. Mistrík. – Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.

Slovenský národný korpus. URL: <http://bonito.korpus.sk.prim-10.0-public-sane> (дата обращения: 15.12.2024)

Uhlířová L. (1987). *Knížka o slovosledu.* // L. Uhlířová. – Praha: Academia.

Izvorni znanstveni rad/Original scientific paper
UDK 811.161.1:004.738]:32

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Университета Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве FPPV-19-2024

Уразбекова Алина Айжарыковна

Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Словакия
urazbekova1@uct.sk

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ КОММЕНТАРИИ К YOUTUBE- КАНАЛАМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

АННОТАЦИЯ

В статье описываются часто встречающиеся виды русскоязычных интернет-комментариев, опубликованных в 2024 году в социальной сети YouTube и являющихся иллюстративными примерами новой устности. Отсутствие запретов на употребление неконвенциональных фраз и оборотов речи приводит к развитию уokkaционально употребленных единиц новых функций: альтернативные номинации и лексикализация формируют актуальные стандарты (нормы) интернет-общения и позволяют имплицитно передавать модальность и эмоциональный посыл фразы, делая обращения к авторским ремаркам избыточными. Значительную роль в повышении со стороны пользователей интереса к использованиюokkaционализмов, антипословиц и иных форм непрямых высказываний своих суждений играют, безусловно, экстралингвистические факторы, включающие в себя усиление правового регулирования действий акторов в русскоязычном сетевом пространстве.

Ключевые слова: YouTube, комментарий, современный русский язык, социальная сеть, дискурс реагирования, социально-политический дискурс

Modern Russian on the Internet: current electronic comments on YouTube channels with a socio-political bent

ABSTRACT

The article describes popular forms of Russian-language Internet comments that were published on the YouTube social network in 2024 and illustrative examples of the new orality. Alternative nominations and lexicalization form the current standards (norms) of Internet communication and allow implicitly conveying the modality and emotional message of the phrase, making references to author's remarks redundant. This is because there are no restrictions on the use of unconventional phrases and turns of speech, which leads to the development of new functions for occasionally used units. Users' interest in using occasionalisms, anti-proverbs, and other indirect ways to convey their thoughts is undoubtedly influenced by extralinguistic factors, such as the increased legal regulation of actors' actions in the Russian-speaking online space.

Keywords: YouTube, comment, modern Russian language, social network, discourse of response, social and political discourse

Данная статья посвящена описанию дискурса русскоязычного сегмента социальной сети *YouTube*, по-прежнему, в отличие от *Twitter*, *Facebook* или *Instagram*, не запрещенной на территории Российской Федерации (на декабрь 2024 года). Вслед за Т. В. Алтуховой мы будем понимать интернет-тексты как произведения «естественной письменной речи, попавшей в новые условия существования» (Алтухова 2012: 6), а сам текст комментариев, реплик и сообщений рассмотрим сквозь призму непрофессиональности его исполнения (Алтухова 2012: 13).

Материалом исследования послужил сетевой дискурс, репрезентованный вербально-невербальными знаками, зафиксированными в электронно-текстовой форме. В базу для анализа включен языковой материал, представленный в виде корпусов оригинальных высказываний русскоязычных коммуникантов социальной сети *YouTube*, - русскоязычные комментарии под видео общественно-политической направленности каналов *NEXTA Live* (@NEXTALive), *Майкл Наки* (@MackNack), *Осторожно: Собчак* (@sobchak), *ВОТ ТАК* (vot_tak), *The Breakfast Show* (@The_Breakfast_Show), *Популярная политика* (@Popularpolitics) и *SOTAvision* (@sotavision). Все видео датируются 2024 годом и отобраны с опорой на ежемесячный рейтинг самых популярных *YouTube*-каналов искомой ориентированности, составляемый журналистом Дмитрием Колезевым (@Kolezev). Методом сплошной выборки из 13544 было отобрано 517 комментариев (около 4%), представляющих интерес для исследования. В данной работе сосредоточимся на наиболее часто употребляемых индивидуально-авторских приемах стилизации отрывков текста.

Реминисцентно-аллюзивные обороты речи

Комментаторы взаимодействуют с другими пользователями социальных сетей не только выражая свои мысли открыто, но и прибегая к различного рода намекам, полагаясь на крепкие ассоциативные связи читающих. Ввиду того, что «организация ассоциативных структур теснейшим образом связана с построением текстов, выходящих за рамки синтагматических и парадигматических связей» (Билчикова, Корина 2017: 35), разработать единую и абсолютную классификацию ассоциаций не представляется возможным. В исследуемом материале цитатные ассоциации реминисцентного характера количественно преобладают над другими видами ассоциаций, являясь реализацией прецедентных феноменов. По источнику отмеченные ассоциации можно разделить на следующие группы:

Литература

@user-sv4yz7io2g да, сейчас бабочка прилетела и пожар на море угас, просто так не закончиться, мы славяне нация упорная, не уступает и кто. * Тут бабочка прилетала, // Крылышками помахала, // Стало море потухать — // И потухло. К. Чуковский. Путаница.

@dmitrygangala9990 блажен, кто верует * Положимте, что так. // Блажен, кто верует, тепло ему на свете! А. Грибоедов. Горе от ума.

@maxbelov_ война - это мир, свобода - это рабство, незнание - сила * Дж. Оруэлл. 1984.

@user-nn8bw9sn8и ешь ананасы, рябчиков жуй... * Ешь ананасы, рябчиков жуй, // День твой последний приходит, буржуй. В. Маяковский.

@alexeykulachenko5147Ай да Ицхоки, ай да супер сын * Ай да Пушкин, ай да сукин сын! А.С. Пушкин, переписка с П. Вяземским, 1825 г.

@alfoncina2006 Ходорковский сам наехал на Певчих и ФБК в абсолютно недопустимой форме, а теперь вдруг таким голубем мира прикидывается! <...> «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» Он постоянно сваливается в эйджизм и обесценивание позиции ФБК. * И.А. Крылов. Зеркало и обезьяна.

Песни

@BorisRassvetov «нашёл, чем гордиться, дурак!» (Умка aka Анна Герасимова) * *Всю жизнь на ломах, на бобах // На условно съедобных грибах // На понтах // На хвостах // На невольных несладких хлебах // Нашел чем гордиться, дурак // Нашел чем гордиться, дурак. Умка и Броневинок, “Нашел чем гордиться” с альбома «Ломать - не строить», 2007 г.*

Кино

@user-qobhq9hm9c *Кто её посадит? Она же памятник нашей жизни.* * Кто его посадит? Он же памятник! Косой из к/ф “Джентельмены удачи”, 1971 г.

Библия

@uuryudkov3894 *Конечно свои 30 рублей ты сейчас получишь. Но на пенсию можешь не рассчитывать.* * Отсылка к Новому Завету, согласно которому Иуда Искариот согласился выдать Иисуса Христа первосвященникам за плату в тридцать сребреников, а потом, осознав содеянное, удавился.

Известные для русскоязычных пользователей социальных сетей, приведенные выше отсылки к прецедентным феноменам помогают лучше оценить настроения комментаторов, их понимание происходящего, так как не требуют от участников дискуссии прямых высказываний, но позволяют остаться за ширмой известной всем цитаты.

Антипословицы

Антипословицы указывают нам на доминанты современного языка интернета. Намеренное коверканье устойчивых выражений позволяет пользователям, с одной стороны, сослаться на известное всем явление или факт, направить мысль читающего в заданном направлении, а с другой стороны, акцентировать внимание участников коммуникации на злободневных вопросах, подсвеченных на контрасте с оригинальной паремией. Заложенные в трансформе стереотипы подвергаются сомнению, обыгрываются и переосмысливаются. Окказиональная часть добавляет пословице экспрессивности и вызывает у читающего яркие эмоции, усиленные неожиданной концовкой фразы. БАС определяет пародию как «литературное произведение, сатирически, иронически или юмористически имитирующее какое-л. другое произведение или изображающее кого-, что-л. в сатирическом или комическом виде» (БАС 15 2011: 412). Следовательно, антипословицы могут быть рассмотрены как форма пародии, фокусирующаяся на конкретном явлении действительности. Не можем не согласиться с мнением автора термина «антипословица» В. Мидера, который подчеркивал важность контекста при определении конкретного значения пословиц (Mieder 2004: 134) (то же правдиво и для антипословиц), а сами антипословицы определял как «любые намеренные вариации пословиц в виде каламбуров, изменений, изъятий или дополнений¹» (Mieder, Litovkina 2002: 3). Ученые подчеркивают, что антипословицы «могут быть эффективными коммуникативными средствами только в том случае, если известны традиционные пословицы, на которых они основаны²» (там же). С течением времени пришло понимание того, что к антипословицам относятся не только видоизмененные пословицы, но и искаженные «языковые единицы весьма широкого круга: пословицы, являющиеся смысловыми антиподами традиционных паремий <...>, библейские сентенции, <...>, вывернутые наизнанку афоризмы и крылатые выражения знаменитых людей <...>, обценные и бранные паремии <...>, веллеризмы» (Вальтер, Мокиенко 2005: 8-9).

1 “any intentional proverb variations in the form of puns, alterations, deletions or additions”. Здесь и далее перевод наш – А.У.

2 “can only be effective communicative devices if the traditional proverbs upon which they are based are also known”.

О включении в список антипословиц различного рода выражений и высказываний, помимо непосредственно видоизмененных пословиц, пишет также и Й. Млацек (см. Mlasek 2009).

Пул пословиц, из которых пользователи языка создают антипословицы, в основном ограничен паремиологическим минимумом, то есть наиболее популярными и известными большинству русскоговорящих выражениями, смысл которых понятен без дополнительных пояснений (см. Пермяков 1988: 143-153). В то же время в последние десятилетия фиксируются употребления незамкнутых предложений, пополняемых из речевого контекста (поговорки по Пермякову (Пермяков 1988: 17-18)), которые широко распространились в СМИ и разговорной речи и употребляются окказионально, например: @netfalsifikaciiistorii Павел Дуров ссыт вам в глаза , а вы всё: «Божья Роса!». =) {Хоть плюй в глаза - и то Божья роса}. Интересно, что к народной мудрости обращаются за подкреплением своих суждений даже тогда, когда афоризма с искомым значением не существует, придумывая на ходу паремию в качестве аргумента в ходе дискуссии: @СашаСмирнова-с4г Где евреи - там РАЗРУХА - Старая поговорка. Однако отметим, что ученые призывают нас с большой осторожностью относить те или иные редко употребительные конструкции к окказионализмам, так как «те пословицы и поговорки, которые первоначально кажутся ярко индивидуальными, «придуманскими» на лету, на лингвистическую поверку оказываются либо уже достаточно широко известными современному узусу (например, молодежному жаргону), либо являются «перелицовками» давно известных паремий» (Вальтер, Мокиенко 2005: 4).

Тот факт, что пословицы могут быть представлены в живой речи разнообразными вариантами, не раз подчеркивался учеными (например, Litovkina et al. 2021: 21-22). Приведем несколько примеров: @user-xz8ef2cj8у У нас из шести я одна голосовала. Остальные взрослые из семьи не ходили вовсе @user-ne7iq7ub1t Здорово!. За шестерых работала. Один с сошкой, пятеро с ложкой? {Один с сошкой, семеро с ложкой}; @user-rv4vd8ce4k Лучше поздно дошло, чем никогда {Лучше поздно, чем никогда}; @ninayancheva7203 Себе 87% , а остальным сёстрам по серьгам {Всем сестрам по серьгам (и всем старцам по ставцам)}; @vladdreamer810 Чья бы корова мычала, а его бы молчала. Я о <...>, который в последнее время начал говорить о неправомерности приватизации девяностых; @viktorshviktor6697 @Morning-g9b Чья бы корова мычала, а твоя молчала... {Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала}; @user-vt6tc1vu5q Долгий волос , ум короткий { (У бабы) волос долог, да ум короток}; @user-ij3ob8hn8l Не жили хорошо, и нечего привыкать. А народу дадут работу по изготовлению оружия {Не жили богато, нечего и начинать}. Способы трансформации в антипословицы традиционных русских пословиц также были описаны (Литовкина 2014: 274-282).

Окказиональные преобразования фразеологических единиц, относящихся к выразительным средствам языка, довольно широко распространены в устной речи. Неслучайно они встречаются регулярно и в письменном интернет-дискурсе, ведь складывающийся медиолект обнаруживает специфические лексические, грамматические, морфологические, фонетикографические, семантические и синтаксические признаки организации высказывания по сравнению с традиционным текстом. Под окказиональными преобразованиями Н.Е. Булаева и М. М. Давыдова понимают «стилистические изменения в лексическом составе, синтаксической структуре фразеологических единиц, при которых их узуально устойчивая форма противопоставляется окказионально измененной» (Булаева, Давыдова 2018: 483). Для усиления экспрессивности оборотов и повышения уровня их эмоционально-стилистического воздействия на читателей пользователи употребили фразеологические единицы следующим образом: @VladKorovev Бреешь. При талибах героин в Афганистане практически не производится. А вот при американцах этот бизнес расцвел там пышным маковым цветом {Расцвести пышным цветом}; @user-yo9jj2wr4k в гробу тебя видали {В гробу (я) видел}; @user-ii1qg6dz7x продвинулись - Да, но насчёт контроля это бабка на двое сказала. Нет опорников, подвоз боеприпасов не налажен <...> {Бабушка надвое сказала}.

Крылатые слова и выражения украшают речь пользователей интернет-ресурсов нередко также в измененном виде: @estherspektor8465 Какая мелкая и дешевая пропаганда базирующаяся на слухах, сплетнях, искажении фактов, преувеличений незначительных инцидентов! Ваш канал

- яркий пример простой истины «скажи кто тебе платит и я скажу тебе кто ты...» {Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты}; @user-yi3ep4zg1y @user-qg9jj3uq1o тот кто смеется последним смеется в последний раз. @user-qg9jj3uq1o @user-yi3ep4zg1y вот вот ты и смеёшься в последний раз а это значит истерика и психоз. И все это доводит до плохого {Хорошо смеется тот, кто смеется последним}. Обращают на себя внимание отрывки текста, в которых сами устойчивые сочетания употреблены без искажения, но вся фраза состоит исключительно из них, и это влияет на ее общее восприятие: @Надежда-у1n4p Смеётся хорошо тот, кто смеётся последним. Ещё не вечер, проживем, увидим.

Окказионализмы

Экспрессивные, необычные, индивидуально-авторские окказионализмы по-прежнему привлекают внимание исследователей. В рассматриваемых русскоязычных комментариях чаще встречаются лексические новообразования, а семантические - реже. Стремлением найти возможность в полной мере выразить свое отношение к ситуации, дать ей оценку, характеристику и обуславливается употребление авторами новых слов. Отметим, что А. Г. Лыков не относил окказионализмы к неологизмам ввиду отсутствия у первых способности «стареть» (Лыков 1976: 16). Окказиональные единицы привлекают своей новизной, призывают читателя стать соучастником языковой игры комментатора. Рассмотрим несколько примеров.

@UserPB505 Нравлик сдал, комментарий написал, Александр с др!, ❤️ @user-gw9cp8yi5d Ксюша, тебе лайкос, как обычно * лайк, кнопка выражения одобрения.

@user-pl9hobug9c Итог работы нелегитимного обнулённого просроченного пересидента: Вместо увеличения благосостояния - разорение! Вместо единства – разобщение! * Президент, который пересидел срок своих легитимных полномочий.

@Iris88829 <...> Возможно, она в отличие от ее ухлявших коллег понимает, что ей ни в одной стране мира не будет такой сладкой жизни как в России. Те убеганты наивно полагали, что перед их талантом преклоняется весь мир, но просчитались. * Релоканты, которые убежали. ** Релоканты – это люди, которые по различным причинам решают переехать в другую страну, но при этом сохраняют юридическую привязанность к своей Родине.

Контаминация

@user-jc3lc9we8o Многие смеются над прогнозами апока-Липсица, но кто будет смеяться последним - большой вопрос. * Апокалипсис + Липсиц (Игорь Владимирович), д.э.н., профессор. То есть ученый, предсказывающий конец мира и предшествующие ему трагические события.

@tatianashishkina6532 Куда еще Савченко расти? В глупь? * Вглубь + глупый. Комментатор полагает, что единственное направление развития для Надежды Викторовны - это стать глупее.

Окказионализмы, образованные заменой компонента

@alexokopnog Интересно, а чем отличаются психологи (особенно с образованием он-лайн) от таких «инфотатаров», как ты?! * Инфоцыгане - неполиткорректный термин, которым называют продавцов информационного продукта с неочевидной ценностью. Заключенная в кавычки лексема показывает, что ее автор знаком с критикой термина как расистского и ксенофобского, поэтому название этнического меньшинства было заменено на наименование другого народа.

Окказионализмы, образованные заменой букв на парные

@greatdrivegreatdrive8587 После того как Собчак поучаствовала в «Голой вечеринке» ей ли говорить о вечеринке лгнд (запрещенной в России), Мужик любит женщину, женщина мужика из покон веков так было.. * лгБТ.

Окказионализмы, образованные от имен собственных

@user-hp9ru9tv2t ну слава Богу, хоть не соросятня. * Джордж Сорос, американский финансист, создатель фондов «Открытое общество».

@user-up9nx3eb4i Мне кажется Мизулину скоро посадят, от неё уже веет джигурдой * Никита Борисович Джигурда, актер театра и кино, исполнитель песен. Известен своим эпатажным поведением и активной поддержкой актуального политического курса России.

@BydloFob А почему Собачиха голой не ведет свои передачи? Это было бы модно и круто. 6 млн подписчиков !)))) * Ксения Анатольевна Собчак, российская журналистка, многократно за свою карьеру совершавшая провокативные поступки, вызывающие раздражение в обществе. Автор сравнивает медиаменеджера с животным, выражая тем самым свое отношение к телеведущей.

Последняя группа окказионализмов представляет собой реализацию одной из главных тенденций в русском языке последних десятилетий. Вот как пишет об этом О. В. Тищенко: 'Активизировались семантические модели имен собственных, выражающие преимущественно негативную оценку человека как социального явления. Например, имена одиозных политических деятелей прошлого и имена наших современников приобретают форму множественного числа в качестве обобщенной типизации и даже символа негативного явления'³ (Tyshchenko 2023: 96).

Окказионализмы, не называющие напрямую представителя власти (как разновидность политической эвфемии)

@user-os3mt5go3p Нужно смести эту гадость. Невольно грешить начинаю... Противно. Зомбоязык не включаю, что бы нечаянно не нарваться на ботоксное недоразумение... @ALLSCHATTEN После того, как <...> «Рембрандт» нарисовал 80.1, нарисовать меньше- себя не уважать! Стыд и совесть этому не препятствуют, так как отсутствуют на 100%. @user-qt4ww3ex8e Художники, бл., чё уж 100% не нарисовали солнцеликому.

Эвфемизмы, обозначающие смерть и связанные с ней ритуалы и представления (окказионализмы, не называющие смерть)

@stasz9327 Пусть же «оторвется тромб» в этом году у этой <...>!!!! * Оторвавшийся тромб закупоривает сосуд. Это приводит к инфаркту, инсульту, легочной тромбоэмболии, которые становятся причиной смерти.

@askartursunov <...> заждались уткин и пригожин * Дмитрий Валерьевич Уткин, российский офицер спецназа, командир частной военной компании «Вагнер», погиб в августе 2023 года. ** Евгений Викторович Пригожин, российский предприниматель, основатель и руководитель частной военной компании «Вагнер», погиб в августе 2023 года.

@user-ll9sv4tw5w СКОРЕЙШЕЕ ПОМИНАНИЕ ВА ЧАРКОЙ. * Поминать. 3. Участвовать в поминках; справлять поминки (БАС 18 2011: 616).

@lunatami5443 Скоро. По тв Лебединое озеро. Уряяяя * В СССР в дни смерти Генеральных секретарей ЦК КПСС (например, Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко), а также в иные трудные для страны времена по телевизору безостановочно транслировали балет «Лебединое озеро».

@user-bb8ff9zn9k Новиичком попахивает * Новичок - боевое отравляющее вещество, получившее широкую известность после использования его в 2018 и в 2020 годах.

3 "Proper-name semantic models have been activated that express a primarily negative assessment of a person as a social phenomenon. For example, the names of odious political figures of the past and the names of our contemporaries acquire a plural form as a generalized typification and even symbolization of a negative phenomenon".

Окказионализмы, не называющие напрямую событие

*@cherrydoc Тоже самое, а сегодня всех, кто не отчитался, вызывают на ковер аж к самым верхам. Так еще и говорят, что отпуск и больничный «не являются убедительной причиной» не приходиться на разборы. * выборы.*

*@cogitovirus7197 Все кто призывает к полдникам, показывать сердечки и цветочки работают на власть, мотайте на ус. @Yakof_Belof09 странно, а что такой потускневший вид? неужели ты, Ходор, так погруснел из-за проваленного полдника в России?) * «Полдень против Путина» - мирная протестная акция, в ходе которой граждане России, не поддерживающие политику Владимира Путина, массово посетили избирательные участки в последний день президентских выборов 17 марта 2024 года в 12 часов дня.*

Маскировка письменной речи (искажение письменной речи за счет снижения уровня грамотности и употребления субстандартной лексики)

*@user-yl6hybjs2m како ты смешно * Какой ты смешной!*

*@user-qxbxv5lh6e Пургу несёшь... * гнать пургу (обманывать, врать, говорить заведомо ложное) + нести чепуху и под. (говорить, произносить что-то ненужное, глупое или дурное).*

*@alexandervassilev8602 Режиму очереди по фиолетовому. Этим не стоит тешиться. * Фиолетово. Без разницы, всё равно + по барабану. Всё равно, безразлично (СМС).*

В качестве отдельных грамматических особенностей отметим следующее. Изменение окончаний существительных женского рода на окончания существительных среднего рода является одной из отличительных черт Рунета. Подробнее см. (Tyshchenko 2023: 134). Например, *@tamarat695 А ты там присутствовало??? а за грехи придётся отвечать вот тебе и покажут что законы работают; @user-jz8ju7ki3b не угадало - это московия...; @happygranу3237 смотри, следующее ты!*

В русскоязычных комментариях под видео общественно-политической направленности в социальной сети YouTube в 2024 году представлены обусловленные актуальной повесткой индивидуально-авторские слова и выражения, с помощью которых пользователи высказывают свое мнение по злободневным вопросам, не боясь цензуры, передают свое отношение к обсуждаемым ситуациям и находят единомышленников.

ЛИТЕРАТУРА

- Алтухова, Т. В. (2012). *Коммуникация в социальной компьютерной сети "В контакте": жанроведческий аспект*: дис. ... канд. филол. н.: 10.02.01 – русский язык. Кемерово. Билчикова, М., Корина, Н. (2017). Цитатные ассоциации как вид интертекстуальной связи // *Slavica Nitriensia*. №6/2. С. 34–55.
- Булаева, Н. Е., Давыдова, М. М. (2018). Окказиональные преобразования фразеологических единиц // *Liberal Arts in Russia*. Vol. 7. № 6. С. 482–489.
- Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. (2005). *Антипословицы русского народа*. СПб.: Издательский Дом «Нева».
- Литовкина, А. Т. (2014). Способы трансформации традиционных русских пословиц // *Słowo. Tekst. Czas. XII. Frazeologia w idiolektach i systemach języków słowiańskich. T.1*. Szczecin-Greifswald: Volumina.pl. С. 270–284.
- Лыков, А. Г. (1976). *Современная русская лексикология (русское окказиональное слово)*. М.: Высшая школа.
- Пермяков, Г. Л. (1988). *Основы структурной паремологии*. М.: Наука.
- Litovkina, A., Hrisztova-Gotthardt, H., Barta, P., Vargha, K., Mieder, W. (2021). *Anti-proverbs in five languages. Structural features and verbal humor devices*. Cham: Palgrave MacMillan.
- Mieder, W. (2004). *Proverbs: A handbook*. Westport: Greenwood Press.
- Mieder, W., Tothne Litovkina, A. (2002). *Twisted Wisdom: Modern Anti-Proverbs*. Hobart, Tasmania: De Proverbio.com. 260 p.
- Mlacek, J. (2009). Antipríslovie a príbuzné útvary. (K niektorým súčasným premenám v paremiológii a jej pojmosloví) // *Slovenská reč*. 74. №3. S. 135–148.
- Tyshchenko, O. (2023). Innovations and semantic dynamics of the Russian language // *Elaboration of digital methodological-didactic recommendations and study materials for doctoral students in the field of hard skills*. Brno: Masaryk University Press. Pp. 82–144.

Словари

БАС 15 – *Большой академический словарь русского языка. Т. 15*. (2011). М.: Наука. 611 с.

БАС 18 – *Большой академический словарь русского языка. Т. 18*. (2011). М.: Наука. 772 с.

СМС – *Словарь молодежного сленга* [Электронный ресурс].

URL: <http://www.terminy.info/jargon/dictionaries-of-teen-slang/> Дата обращения: 01.09.2024 г.

**PRIJEVOD I MEĐUKULTURNA
KOMUNIKACIJA**

**TRANSLATION AND
INTERCULTURAL COMMUNICATION**

**ПЕРЕВОД И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ**

Izvorni znanstveni rad/Original scientific paper
UDK 821.161.1'255.2:355.48(470:560)"1877/1878"
355.09 Depreradovič F. M.

Арсениев Светослав Валентинов

Университет национальной и мировой экономики, Болгария
sarseniev@unwe.bg

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК ВОСПОМИНАНИЙ Ф.М. ДЕПРЕРАДОВИЧА О РУССКО- ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877-1878 ГГ.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности перевода 1977 г. на болгарский воспоминаний Ф.М. Депрерадовича о Русско-турецкой войне 1877-1878 гг., как и некоторые из основных характеристик мемуаров. В переводе 1977 г. имеются купюры – отсутствуют фрагменты оригинала, в которых описаны встречи с представителями разных национальностей. Эти фрагменты приведены в тексте статьи в том виде, в котором они имеются в авторском тексте и в первом переводе воспоминаний от 1884. Анализированы причины, которые привели к исключению из текста перевода этих фрагментов.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1877-1878 гг., Ф.Депрерадович, мемуары, перевод, купюры

Some features of the translation into Bulgarian of F. M. Depreradovich's memoirs about the Russo-Turkish War of 1877-1878

ABSTRACT

The article examines the peculiarities of the 1977 Bulgarian translation of F.M. Depreradovich's memoirs about the Russo-Turkish War of 1877-1878, and some of the main characteristics of the memoirs from the point of view of literary and source studies. There are omissions in the translation of 1977 – fragments of the original where F. Depreradovich describes his meetings with representatives of certain nationalities and comments on them were not included. These fragments are given in the text of the article in the form in which they are in the original and the first translation from 1884. The reasons that led to the exclusion of the mentioned fragments from the translation text are discussed.

Keywords: The Russian-Turkish War of 1877-1878, F. Depreradovich, memoirs, translation, omissions

Мемуары, как объект исследований, привлекают к себе профессиональный интерес литературоведов, историков, этнографов, источниковедов, культурологов, работа с мемуарами. По этой причине многие исследования мемуаров являются интердисциплинарными, например, на основе историко-культурного метода.

Л. Левицкий указывает на схожесть мемуаров с дневниками по форме изложения, хроникальности и фактографичности. Близость мемуаров к исторической прозе и документально-историческим очеркам Левицкий находит в их фактическом материале (достоверности и отсутствии вымысла). Будучи свидетелем и участником определенных событий, автору мемуаров недоступна полная их картина, он описывает некую ее часть, очевидцем которой он был, иными словами присутствует субъективность. В этом состоит, по Левицкому, отличие мемуаров от документов, но такая односторонность не преуменьшает значения мемуаров как отражения описываемых времени и событий (Литературный... 1987: 216-217).

Г. Якушева определяет мемуары как разновидность документальной литературы и один из видов исповедальной прозы. Якушева конкретизирует формат событий, участником и очевидцем которых был автор мемуаров: общественно-политические, социальные, литературно-художественные. Перечисляя устойчивые признаки мемуаров: фактографичность, событийность, ретроспективность, непосредственность авторских суждений, живописность, документальность, она определяет их как жанр, которому присущи субъективизм как в выборе фактов, так и в их оценке и описании. Автор статьи видит в мемуарах «... незаменимый источник сведений о реалиях ушедшего времени, вкусах, нравах, обычаях, системе эстетических и духовных (в т.ч. литературных) ценностей» (Литературная... 2001: 524-525). Якушева определяет мемуары как источник сведений для литературоведческих работ, как бы оставляя в стороне их важность для исторических, источниковедческих и прочих исследований.

Переходя от литературоведческих к исследованиям историков, нельзя не отметить более широкий взгляд последних на сущность и значение мемуаров. Этому есть свое объяснение – длительное время воспоминания и свидетельства очевидцев событий были основой трудов по истории. Н. Чечулин пишет о пройденном периоде исследований истории, когда «... о прошлом говорили лишь то, что прямо говорили о своем времени представители предшествовавших поколений», и исторической критикой решался вопрос «... не лгал ли тот или другой современный свидетель умышленно» (Чечулин 1891: 3). Автор указывает на равноценность знаний об исторических периодах и событиях и понимании последних, о логике, которой следовали их участники. Поэтому, несмотря на изменение подходов в исторических исследованиях уже в то время, Чечулин, называя мемуары «... драгоценнейшим материалом для изучения умственного и нравственного строя людей известного времени и общества», позволяющим понять «... отношение их к событиям их времени» (Чечулин 1891: 10), выходит за рамки сугубо исторического исследования и обращается к философии и психологии.

Субъективность, по мнению В. Голубцова, является главной особенностью мемуаров, она – результат индивидуальных качеств автора, проявление его жизненной позиции и политической ориентации. Позиция и взгляды могут меняться, поэтому мемуары характеризуются не только описываемыми в них событиями, но и временем их создания и выхода в свет (Источниковедение... 1981: 466-467). Вместе с этим, автор считает, что по ряду вопросов мемуары «... могут служить единственным свидетельством» и их ценность для исследования зависит от его темы и характера, обеспеченности другими видами источников» (Источниковедение... 1981: 475). В. Голубцов видит в т.н. источниках личного происхождения (включая мемуары) возможность рассмотреть детали и обстоятельства, не включенные в официальные документы. Текст, написанный в начале 80-х гг. прошлого века, отводит мемуарам вспомогательную роль как исторического источника. В этом состоит одна из позиций в основном вопросе источниковедческого подхода к определению ценности мемуаров – оценка субъективности информации, содержащейся в них. Как пишет Н. Георгиева, от его решения зависит «... определение научно-познавательной ценности мемуаров и, следовательно, отношение к ним историков» (Георгиева 2012: 129).

Иной точки зрения придерживается А. Тартаковский в исследовании *1812 год и русская мемуаристика* (1980 г.). Автор рассматривает оба подхода к изучению мемуаров с исторической

и истоковедческой позиций. Первый – использование мемуаров в качестве дополнительного источника для решения каких-либо конкретных исторических задач (точка зрения В. Голубцова). Второй – исследование мемуаров как самостоятельного явления культуры, позволяющего правильно понять эпоху, которая в них описывается (Тартаковский 1980: 4). При втором подходе, кроме всего прочего, необходимо анализировать мотивы авторов мемуаров. Эти мотивы обусловлены временем их написания и существенно различались в разные периоды – от потребности поделиться подробностями своей жизни (не случайно некоторыми литературоведами мемуары причисляются к исповедальной прозе), до осознания общественного интереса к определенным историческим событиям, и, в связи с этим, возможностью показать свою роль в них (Тартаковский 1980: 23).

Ответом на интерес общества в начале 1880-х гг. к Русско-турецкой войне 1877-78 гг. были воспоминания ее участников, опубликованные отдельными книгами или в журналах.

Авторами воспоминаний были военные, корреспонденты, дипломаты, медицинские лица. Они различались степенью вовлеченности в военные действия. Например, военные – непосредственные участники сражений, медики – боролись за жизнь раненых и больных. С других позиций – военные корреспонденты, которые имели возможность получать сведения о ситуации на фронте в Ставке Императора, и, вместе с тем, наблюдать, а иногда и участвовать в сражениях. Совершенно по-иному виделись события высшим военным чинам и высокопоставленным государственным чиновникам, располагавшими намного большим, по сравнению с другими, объемом информации.

Федор Михайлович Депрерадович, дослужившийся до полковника к началу Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., был военным комендантом крупного города, затем командовал одним из подразделений болгарского ополчения. К тому времени за его плечами было еще одна война на Балканах – в 1876 г. он сражался за свободу Сербии. Его боевой опыт и знание балканского театра были востребованы, поэтому в 1877 г. он получил назначение в Действующую армию. Но участие в военных действиях на Балканах были не единственной его связью с регионом. Предки Ф. Депрерадовича принадлежали к роду Прерадовичей, которые в XVIII веке служили австрийской короне на восточной границе Габсбургской империи. Один из представителей этого рода, будучи полковником австрийской армии, воспользовался возможностью получить более высокое звание в русской, став таким образом генерал-майором, принял русское имя Николай, сохранив фамилию – Прерадович (Залесский 2003: 274-275). Указание на пожалованное Габсбургами дворянское звание *фон*, Прерадович, по всей видимости, заменил на французское *де*, ставшее позднее частью фамилии.

Ф. Депрерадович принял участие в сражениях за город Стара-Загора, в судьбоносной битве за горный перевал Шипка, успешный исход которой во многом предопределил дальнейший ход Освободительной войны (как в Болгарии называют войну 1877-1878 гг.). Из воспоминаний о русско-турецкой войне Депрерадовича были опубликованы всего лишь через три года после окончания сражений на Балканах. Форма *дневниковых записей* несколько условна – короткий отрезок времени между окончанием войны и выходом книги позволял дополнить записи существенными подробностями, и, несмотря на датирование, перед читателем скорее воспоминания (что подтверждается самим заглавием), представленные в хронологическом порядке.

Воспоминания Депрерадовича охватывают период с 21 июня 1877 г. по 26 февраля 1878 г. Будучи строевым офицером, Депрерадович подробно описывает свои решения и действия, как и отношения с офицерами и начальниками, военные действия. В них также присутствуют картины болгарской природы, подробности военного быта. Но особое внимание привлекают к себе характеристики, данные автором отдельным личностям, с которыми ему приходилось взаимодействовать по службе, в том числе с многочисленными болгарскими, с которыми Депрерадович общается по различным поводам – десятки людей, представители самых разных слоев общества. Очень интересны наблюдения автора, касающиеся отношений болгарского

1 Даты по старому стилю.

населения и солдат и офицеров русской армии. Описаны также встречи с румынами (во время следования автора к месту службы) и турками (после переправы через Дунай). Текст характеризуется динамизмом повествования, а целостная картина, которая складывается в результате внимательного прочтения, не во всем совпадает со сложившимися представлениями о Русско-турецкой войне 1877-1878 гг.

Ранее упоминался интерес русского общества к окончившейся победой России войне, тем более на фоне решений Берлинского конгресса 1879 г., во многом изменивших ее первоначальные итоги. Неожиданностью было и постепенное дистанцирование вновь созданного государства от России. Со временем произошло смещение акцента с самой войны на ее последствия для России, что вылилось в длительную полемику либералов и консерваторов в периодических изданиях (Сучалкин 2013: 14-16). И если в России война постепенно стала темой внутривосточного характера, в Болгарии она оставалась одной из центральных для общества и власти наряду с подготовкой к воссоединению страны, которое осуществилось осенью 1885 года.

Поэтому первый перевод воспоминаний Ф. Депрерадовича на болгарский язык в 1884 г. следует принимать как подтверждение того значения, какое имела Освободительная война для Болгарии, и, одновременно с этим, как пункт актуальной на тот момент повестки, связанной с готовившемся воссоединении Княжества Болгария с Восточной Румелией². В тексте Депрерадовича описаны сражения за города Стара-Загора, Казанлык, сражение за Шипку, героическое участие Болгарского ополчения в них, страдания мирного населения. Восточная Румелия (на территории которой остались упомянутые города) продолжала быть, пусть и во многом формально, под властью Османской империи. Для болгар несправедливость раздела страны была очевидна, точка в войне еще не была поставлена. Болгарское ополчение – основа новой болгарской армии, сыгравшей в воссоединении одну из главных ролей, стало связующим звеном между Освободительной войной 1877-1878 и борьбой за восстановление целостности страны в 1885 г. Понятным в этом плане становится изменение заглавия книги Депрерадовича в переводе 1884 г. – болг. *Българското опълчение в Руско-турската война 1877-1878 г. (Воспоминание на бившия командир на I-та бригада от Българското опълчение, Полковника де Прерадовича)*.

Сам перевод воспоминаний Ф. Депрерадовича 1884 г., интересен в еще двух аспектах. Во-первых, подобные переводы на тот момент были совсем немногочисленны. Во-вторых, интерес представляют личности переводчиков – это поручики болгарской армии А. Узунов и П. Стайков, воевавшие в составе ополчения. Биография Атанаса Узунова необычна даже для того бурного времени. В возрасте 18 лет он принял участие в одном из восстаний болгар против Османской империи, затем воевал в Сербии. Окончил юнкерское училище в России, награжден за проявленную храбрость солдатским Георгиевским крестом – особая честь для офицера. Выпускник Военно-инженерной академии в Санкт-Петербурге. Во ходе Сербско-болгарской войны командовал Западным отрядом болгарской армии. В 1887 г. майор А. Узунов был расстрелян по приказу властей страны, за свободу которой сражался в трех войнах.

Второй перевод воспоминаний Ф. Депрерадовича вышел более 90 лет после первого – в 1977 г. В то время в Болгарии шла подготовка к чествованию столетия Освобождения страны. Военное издательство не осталось в стороне и опубликовало сборник *Руско-турската освободителна война 1877-1878*, как и переводы *Година на война* В. Немировича-Данченко и *Спомени за Руско-турската война 1877-1878* Ф. Депрерадовича³ (в переводе Антона Николаева).

Вопрос о достоинствах и слабостях переводов не является темой данного текста – их сравнение не может быть корректным, так как первый перевод был осуществлен в период

2 Автономная область в составе Османской империи, созданная на территории Южной Болгарии по решению Берлинского конгресса 1878 г. Осенью 1885 г. в результате восстания, поддержанного болгарской армией, осуществилось воссоединение области с Княжеством Болгария.

3 В переводах от 1884 и 1977 гг. фамилия автора записана как *де Прерадович*. В тексте статьи написание фамилии соответствует написанию в справочных изданиях – *Депрерадович*.

становления *новоболгарского литературного языка*, еще до реформы 1899 г., со множеством присущих тому времени особенностями стиля и лексики.

Возможность сравнения по другим критериям все же существует. В тексте второго перевода достаточно часто встречаются многоточия, которых нет на соответствующих местах в исходном тексте. При сравнении перевода 1977 г. с исходным текстом и с переводом 1884 г., еще в самом начале становится очевидно, что между ними имеются расхождения. Перевод 1884 г. в плане содержания и объема текста соответствует оригиналу. В переводе 1977 г. присутствует ряд купюр, на которых следует остановиться подробнее. Исходный текст, и тексты переводов 1884 и 1977 гг. представлены в трех колонках. Первые купюры встречаются в комментариях автора по поводу проезда через Румынию (в скобках даны страницы соответствующего текста):

текст оригинала	перевод 1884 г.	перевод 1977 г.
Какъ видно, нась, освободителей, не особенно-то долюбивають. (6)	Както се вижда, нась, освободителитъ, не ни обичатъ до тамъ си. (5)	–

Комментарий Депрерадовича касается итогов Русско-турецкой войны 1828-1829 гг., в результате которой Валахия и Молдова получили автономию в составе Османской империи и находились под российским протекторатом до 1834 г. Указанный период положил начало формированию румынской нации. Конкретная ситуация – отсутствие порядке при пересадке в Яссах. Отбытие поезда задержалось на 10 минут и пассажиры румыне выражают свое негодование, связывая задержку с большим количеством пассажиров русских военных.

Попутчиком Депрерадовича оказывается румынский врач, с которым они обсуждали ситуацию с проходом русской армии через Румынию:

Вообще, какъ кажется, Румынія отъ войны въ потерѣ не будет, а между тѣмъ, румыны отъ нась, по-русски говоря, рыло воротятъ. Жаловался, правда, докторъ на отдѣльные случаи безпорядковъ, произведенные проходившими войсками, но тутъ же оговаривался, отдавая справедливость нашему начальству, преслѣдующему виновныхъ и удовлетворяющему обиженныхъ. (6)	Нъ както ми се чини, Романия отъ войната нѣма бжде въ загуба, а пакъ Романитѣ отъ нась и лицето си криватъ. Оплаква се, наистина, доктора, че е имало сегись тогись безрѣдици, сторени отъ преминалитѣ войски, нъ и въ това ни той оправдаваше, като дава право на нашето началство, което гонило виновницитѣ и удовлетворявало пострадалитѣ (5).	Въобще Румъния, както ми се струва, не ще има загуби от войната... (7)
---	---	--

Конечно, комментарий перевода 1884 г. возможен, например, словосочетание *рыло воротят* неточно переведено на болгарский '*лицето си криватъ*'. Пусть не самый удачный, но перевод этого словосочетания и всего приведенного фрагмента в переводе 1884 г. присутствует, в переводе 1977 г. его вообще нет. Каковы причины?

Отношения Болгарии и Румынии, как часть т.н. *социалистического содружества*, были достаточно близкими. Стоит упомянуть тот факт, что на чествованиях 1978 г., посвященных Освобождению, представительство Румынии на официальном уровне было выше рангом чем советское – румынский премьер-министр и советский кандидат в члены Политбюро (Тържествено... 1978: 4). Объяснение отсутствия в тексте перевода 1977 г. двух фрагментов с характеристикой, данной Депрерадовичем румынам, можно объяснить нежеланием выходить за рамки представлений о *братских* болгаро-румынских отношений, даже в случае перевода воспоминаний почти столетней давности. Мог бы фрагмент текста дневниковых записей русского офицера повлиять на эти отношения? Конечно нет! Вопрос скорее в том, кем

принимались конкретные решение о необходимости купюр. Перед тем как попытаться на него ответить, рассмотрим еще несколько таких *пропусков*.

Подрядчиком, отвечающим за снабжение Русской Императорской Армии на Балканском театре, была компания *Товарищество по продовольствию армии* купцов первой гильдии Е. Грегера, А. Горвица и А. Когана. Еще с момента сборов войск в Бессарабии и объявления войны становится ясно, что со снабжением русской армии продовольствием имеются серьезные трудности. И они только возросли после начала боевых действий. Владельцами Товарищества были евреи, что дополнительно повлияло на неприязнь военных. По приезде в Бухарест, Депрерадович встречает своего знакомого еврея, получившему подряд (очевидно от Товарищества) на снабжение одной из воинских частей. Автор пишет:

Удивительно, что за ловкая национальность; какъ воронъ на мертвечину, такъ и еврей на наживу, и какъ это мы не можемъ отъ них отвязаться. (7)	Удивително , каква съобразителна народность ; като гарванъ на мжрша , тѣй и еврей на печалба , и какъ не можемъ отъ тѣхъ да се отвържемъ. (6)	–
---	---	---

Бесспорно, автор субъективен в своих оценках, с такими утверждениями нельзя согласиться. Вместе с тем, тот факт, что снабжение армии провиантом было организовано из рук вон плохо отмечается современниками: А. Дондуковым-Корсаковым, Е. Духониной и др. В данном случае все же речи об антисемитизме не идет, скорее о негодовании в армии по поводу безобразной организации снабжения. Исследования историков в последние годы (Фролова 2023: 70-92), на основании множества архивных материалов дают более объективную оценку сложной ситуации с продовольствием и фуражом для армии, которая, наряду с недобросовестностью представителей Товарищества, была результатом трудностей с логистикой на территории Румынии. Депрерадовичу такой объем сведений не был доступен – подтверждение того, что полная картина событий редко доступна ее участникам, виновником он считает Товарищество, его владельцев евреев.

Жители Болгарии принадлежат к различным конфессиям – православные, мусульмане, немногочисленные католики, протестанты и иудеи. Отношения между ними основываются на веротерпимости и взаимном уважении. Возможно ли считать несколько фраз, написанные почти за век до перевода, нарушающими отношения между этносами в Болгарии? Нет, но они нарушали правила актуальной на тот момент политики государства, запрещающие любые комментарии, потенциально угрожающие межэтнической стабильности в стране.

Больше всего купюр в описании встреч Депрерадовича с болгарями. Приведем два примера. В первом идет речь о трудностях с организацией транспорта (подводы) из Систова (наст.вр. Свиштов) в Тырново:

... что и было сделано съ большими затрудненіями, да и то только благодаря щедрой уплатѣ за постой по предъявленнымъ аптекарскимъ счетамъ; вообще, несмотря на наружныя изъявленія дружбы и любви къ намъ русскимъ, выражающіяся однимъ характеристичнымъ словомъ «братушка», въ денежныхъ съ нами расчетахъ братушки, какъ видно, себя не забываютъ. (17)	... което той и направи съ много мжки,че и то благодарение на щедрата заплата; изобщо, безъ да гледаме на вѣнкашната изказана дружба и любовь къмъ насъ руситѣ , които се изказваха съ характеричното слово «братушка» въ парични смѣтки братушкитѣ, кажи че, себе си не забравятъ. (14)	Това бе постигнато с големи трудности ... (15)
--	--	--

И в этом отрывке, как и ранее в комментариях о получающих выгоду от войны румынах, автор пишет о расчетливости, в данном случае болгарина, владельца дома, в котором он остановился. Ничего необычного – хозяин пытается получить от своего постояльца больше денег. Восприятие

ситуации подпорчено диссонансом между популярным (и вполне сердечным) обращением *братушки* и материальным интересом. К тому же вновь, как и в примере с Товариществом, Депрерадович пользуется не совсем корректным обобщением – впечатления от материальных отношений с конкретным человеком переносятся на народ в целом. Действительно, непохоже на бескорыстную помощь болгар русской армии, о которой так много писали раньше. И которую действительно болгары русским оказывали.

Следующий отрывок – разговор Депрерадовича с казаком, которому было поручено присматривать за работой болгар, ремонтировавших дорогу на перевал Шипка:

<p>На мои разспросы о рабочихъ болгаряхъ, козакъ отвѣчалъ лаконически, что «лодырь народъ, ваше высокоблагородіе, какъ нагайкой пристращаешь, такъ и работаетъ, а не досмотришь, сейчасъ подъ кустъ да и спать!» (34)</p>	<p>На въпроситѣ ми за работницитѣ българе казака отговаряше лаконически, че «ленивци хора, ваше високоблагородие, като го поисплашишь съ бича, тогава и работи , ако го не видишь, тосъ часъ подъ шубрѣжка че си и спи тамъ!» (27-28)</p>	<p>–</p>
---	---	----------

Освобождение единоверцев, славян, и вдруг – нагайка на принудительных работах. А еще *лодырь народ* (обидно звучит), отсутствие энтузиазма помогать и желание поспать в кустах...

Почему в переводе есть купюры и кем принимались решения об их использовании? Начнем с двух последних примеров. Сложившейся на тот момент (особенно с 1944 г.) картине болгаро-русских и болгаро-советских отношений не были присущи полу- или темные тона. Русская армия – армия-освободитель, со стороны болгар – восторг и любая помощь, даже с риском для жизни. И такое поведение, по свидетельству участников войны, было правилом. Были и примеры обратного, что тоже вполне закономерно. Война – это не только действия двух армий, но и вовлеченность в нее сотен тысяч гражданских. И совершенно неизбежными, наряду с самым позитивным отношением, были недовольство, нежелание жертвовать чем-либо, опасения возможного возвращения османской армии со всеми вытекающими для болгарского населения последствиями.

Интересы военных и гражданских в определенных моментах сталкивались, как в случае с ремонтом дороги. Нужны были рабочие руки и местным жителям пришлось работать, при том не по своей воле. С военной точки зрения обычное решение в трудной ситуации. Этот эпизод мог войти в перевод с соответствующим объяснением в справочном аппарате.

Ничего необычного нет и в желании хозяина квартиры Депрерадовича заработать. Война меняет жизнь гражданского населения, многие теряют свои доходы и им приходится искать другие способы заработка.

Используя справочный аппарат можно комментировать высказывания автора о евреях. Очевидное недовольство в войсках действиями Товарищества переходило на этническую принадлежность его владельцев. *Румынские* комментарии автора также можно пояснить с помощью справочного аппарата – цены в Румынии действительно выросли в несколько раз.

Вопросы о цензуре и автоцензуре вообще, и о том кем принимались решения о купюрах в переводе в частности, взаимосвязаны. Свобода слова в период с 1944 по 1989 гг. – предмет интереса исследователей Пламена Дойчева, Тони Николова и др. Общая оценка цензуры как инструмента государственной политики сводится к тому, что со второй половины 50-х гг. она постепенно переходит от официального органа *Главлит*, просуществовавшего с 1952 по 1956 гг., к редакциям и редакторам издательств, коих, после закрытия одних и укрупнения других в тот период, насчитывалось всего 15 (государственных и общественных). Цензура становится похожей на обычную редакторскую работу, переходя в своего рода *дружескую цензуру*, с чем связан отказ от цензуры государственной (Чернева 2018: 52-53). В этой *дружеской цензуре/автоцензуре* следует искать причины, которые привели к решению убрать из текста перевода *неудобные* авторские комментарии. В отсутствие государственного органа, имеющего право на окончательное заключение, редакция и редакторы (в издательстве, журнале, газете)

решали есть или нет необходимости в каких-либо изменениях в болгароязычных текстах или в купюрах в переводах на болгарский язык. Понимая возможные (или неизбежные) неприятности, которые могли возникнуть в случае перехода за запретные линии, редакторы делали необходимое, чтобы их избежать – в текстах не должно было быть ничего такого, что вызвало бы праведный гнев начальства со всеми вытекающими карьерными и финансовыми последствиями. Вероятность того, что купюры были по инициативе самого переводчика мала – в тексте перевода есть описание встречи Депрерадовича с небогатой болгаркой, назвавшей казаков *рускими башибузуками* за то, что те забрали всю ее живность (Депрерадович 1977: 27). Другие же подобные описания в перевод не вошли. Видимо, последнее слово все равно было за редакторами. Применительно к воспоминаниям Депрерадовича, кому из них хотелось бы брать на себя ответственность за нелюбезные оценки, данные автором румынам, евреям или болгарам? И никакого значения не мог иметь тот факт, что записям почти сто лет и они отражают *субъективное* мнение автора.

Разумеется, подобные выводы, сделанные почти полвека после выхода второго перевода, не являются обвинением к издательству или его работникам – судить с позиций сегодняшнего дня их действия, по меньшей мере, некорректно. Вопрос касается лишь оценки того, в какой степени купюры в переводе сказались на характере представления произведения болгарскому читателю. Эти купюры, в общей сложности, можно собрать на нескольких стандартных страницах.

Если вернуться к характерным признакам мемуаров по Левицкому, субъективность не влияет на их значение как отражения описываемых времени и событий. Видение Тартаковским мемуаров как самостоятельного явления культуры, позволяющего *правильно* понять эпоху, которая в них описывается, дополнительно расширяет понимание их важности.

Несколько страниц купюр не изменяют воздействия воспоминаний Депрерадовича, но лишают читателей полноты картины, оставляют за кадром сложность отношений, которая неизбежно возникает в ходе взаимодействия (и противостояния) больших групп людей. В этом состоит и одно из отличий воспоминаний от учебника истории средней школы – многочисленные факты, наблюдения, комментарии противостоят историческому *наброску*, включающему в себя лишь самые важные, при том с *субъективной* точки зрения авторов учебника, моменты прошлого.

В подобном ключе мемуары могут быть контрапунктом официальной пропаганде. Последняя создает для рядового читателя, слушателя, зрителя удобную для господствующей идеологии картину прошлого, порой ненамного более продвинутую по сравнению с учебниками. Отсутствие нюансов не может не насторожить думающего человека. Тем более если есть альтернативные источники или же на помощь может прийти *живая память* о событиях.

Изменения в жизни общества рано или поздно приводят к переосмыслению, объективному или нет, многих исторических событий, что вызывает интерес именно к тем обстоятельствам, которые ранее замалчивались. И тогда, в угоду сиюминутным интересам, возможно смещение акцентов с главных событий на события второстепенные, которые в прошлом не афишировались. Что со временем может изменить в сознании людей трактовку исторических событий в целом.

Именно по этим причинам абсолютно обязательным является уважение к праву очевидца описать прошлое таким, каким он его видел. Целостная, пусть с субъективной точки зрения, картина должна дойти до читателя без купюр и вмешательства редакторов. И если сравнить переводы 1884 и 1977 гг., можно убедиться, что переводчики, армейские офицеры и современники Депрерадовича, не видели ничего предосудительного и дискредитирующего в его воспоминаниях, будучи свидетелями большинства описываемых событий.

Одна из самых ценных возможностей, которые дает история, заключается в возможности на ошибках прошлого научиться избегать ошибок в настоящем и будущем. И это в полной мере относится к подходу к переводам мемуаров – нюансы не портят общей картины, они являются ее неотъемлемой частью.

ЛИТЕРАТУРА

- Георгиева, Н. (2012). Мемуары как феномен культуры и как исторический источник / Н. Георгиева // *Вестник РУДН*, сер. История России, – 2012. - № 1. – С. 126 – 138.
- де Прерадович, Ф. (1977). *Спомени за Руско-турската война 1877-1878 г.* / Ф. де Прерадович. – С: Военно издателство.
- Залесский, К. (2003). *Наполеоновские войны 1799-1818: Биографический энциклопедический словарь* / К. Залесский. – М: Изд. АСТ / Изд. Астрель.
- Источниковедение по истории СССР* (1981). / под ред. И. Ковальченко. М: В. школа.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий* (2001). / под ред. А. Николюкина. М: НПК Интелвак.
- Литературный энциклопедический словарь* (1987). / под ред. В. Кожевникова, П. Николаева. М: Сов. энциклопедия.
- Сучалкин, Е. (2013). *Русско-турецкая война 1877-1878 гг. в оценках современников: автореф. дис. ... канд. ист. наук* / Е. Сучалкин. – Белгород: БГНИУ.
- Тартаковский, А. (1980). *1812 год и русская мемуаристика* / А. Тартаковский. – М: Наука.
- Тържествено юбилейно заседание ... по случай 100-годишнината от Освобождението на България* (1978). / С: Народно събрание.
- Фролова, М. (2023). Из предыстории русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: русско-румынская военная конвенция и договор с товариществом «Греггер, Горвиц и Коган» / М. Фролова // *Славянский альманах*, № 3-4. – С. 70-92.
- Чернева, Д. (2018). В капана на комунистическата цензура. / Д. Чернева // *Култура*, № 2 (2951). – С. 52-53.
- Чечулин, Н. (1891). *Мемуары, ихъ значение и мѣсто въ ряду историческихъ источниковъ*. СПб: Тип. В.С. Балашева, 1891. – 16 с.

Pregledni rad/Review article

UDK 811.161.1:366.632

821.161.1 Čehov, A. P.

811.161.1'1 Lihacev, D. S.

Федотова Ирина Борисовна

Пятигорский государственный университет, Россия

fedotova@pgu.ru

К ВОПРОСУ О РЕЧЕВОМ ПОРТРЕТЕ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

АННОТАЦИЯ

В статье коротко изложена история изучения понятия «речевой портрет», даются его различные определения, анализируются черты, искажающие речевой портрет современного человека (нарушение акцентологических норм, распространённые речевые и грамматические ошибки). Автор предлагает поразмышлять о том, как современному человеку создать свой гармоничный речевой портрет и добиться эффективного общения, ведущего к взаимопониманию, миру и согласию людей в семье, коллективе, обществе. Для ответа на этот вопрос автор опирается на авторитетное мнение А.П. Чехова, Д.С. Лихачёва.

Ключевые слова: речевой портрет, нормы современного русского литературного языка, эффективная коммуникация

On the question of the speech portrait of a modern person

ABSTRACT

The report briefly touches upon the history of the study of the concept of “speech portrait”; it gives different definitions of the concept and analyzes the features that distort the speech portrait of a modern person (violation of accentological norms, common speech and grammatical errors). The author speculates upon how a modern person can create his own harmonious speech portrait and achieve effective communication leading to mutual understanding, peace and harmony of people in the family, team, and society. To reveal this problem, we rely on the authoritative opinions of A.P. Chekhov and D.S. Likhachev.

Keywords: Speech portrait, norms of modern Russian literary language, effective communication

В современном поликультурном мире многие люди, изучая русский язык, каждый день сталкиваются с вопросами его практического использования: Как сказать? Как написать? Почему так, а не иначе?

Изучая тот или иной язык, становясь его пользователем, человек создаёт себе своего рода словесный наряд, одежду, или рисует свой собственный речевой портрет. Что же такое речевой портрет, каковы его основные составляющие? Каковы пути его гармонизации?

Изучение понятия «речевой портрет» начинается с фонетического портрета, приёмы описания которого разрабатывались в середине 60-х годов XX века Михаилом Викторовичем Пановым. Анализируя произношение отдельных личностей, учёный создал ряд фонетических портретов политических деятелей, писателей, ученых, например Петра Первого, Ломоносова, Сумарокова.

Существуют различные определения речевого портрета: «Речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность» (Леорда 2006: 9). Согласно другому определению, речевой портрет – это набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего (Дорожкина 1997: 30). Это определение интересно тем, что оно воплощает мысль о возможности реализации в речи при помощи языковых средств интенций, то есть намерений, говорящего и осуществления эффективного влияния на слушателя. А это уже очень привлекательно с практической точки зрения: ЧТО выбрать, КАК сказать, чтобы добиться своей цели. И каждый из нас может претендовать на собственный речевой портрет.

Что может исказить речевой портрет? В первую очередь, это ошибки в трудном русском ударении, т.е. нарушение акцентологических норм. Трудности возникают из-за того, что в русском языке ударение свободное, т.е. оно не закрепляется за каким-то определённым слогом, как, к примеру, во французском языке, где ударение закреплено за последним слогом. 96 % русских слов имеют неподвижное ударение. Трудность русского ударения оставшихся 4% слов состоит в том, что даже в однокоренных словах и формах одного и того же слова оно может передвигаться с одного слога на другой: звезда – звёздочка, рука – руки, руке, руки. Для русскоговорящего человека это, как правило, не представляет трудности, а иностранцам сложно. К этому следует добавить и то, что в большинстве слов русского языка лишь одно ударение – основное, в многосложных словах, кроме основного, может быть и дополнительное, или побочное, ударение: недовыполнение, межконтинентальный. Основное ударение обычно бывает ближе к концу слова, а побочное – к началу.

Орфоэпические ошибки, связанные с неправильной постановкой ударения, очень частотны в речи. Иногда эти ошибки настолько распространены, что правильный вариант вызывает у людей удивление, недоумение («Неужели так нужно говорить?»).

Чтобы избежать распространённых ошибок, необходимо проводить работу со студентами над правильным произношением некоторых слов. Можно предложить представить ситуации: девочки-близнецы собрались в гости, они завязали банты, надели шарфы, взяли торты. И так, банты, шарфы, торты – это правильный вариант.

Или такая ситуация: девушка листает новый каталог. Раздаётся звонок. «Кто ж звонит?» – подумает девушка, которая заботится о своём привлекательном речевом портрете.

А есть ли излюбленная «мужская» ошибка? Такой может считаться орфоэпическая ошибка в слове «обеспечение». Для запоминания правильного ударения представим ситуацию: молодой человек приобрёл новый ноутбук и размышляет над программным обеспечением. Для проверки и запоминания можно соотнести существительное с глаголом обеспечить (в нём никто не сделает ошибку) и закрепить это ударение в проблемном существительном. И так, обеспечить – обеспечение. Правда, сейчас в словаре фиксируется как допустимый и тот вариант, который мы назвали ошибочным, – язык сделал в очередной раз уступку речи, но всё же вариант обеспечение остаётся предпочтительным.

«Лидерами» в неправильной постановке ударения являются слова апостроф, асимметрия, балованный, баловать, вероисповедание, генезис, иконопись, перчить, премировать, украинский, факсимиле, феномен. Большое недоумение вызывают глаголы включим, включит,

включишь, но именно такое ударение является правильным. Особое внимание необходимо уделить словам, где постановка ударения зависит от смысла слова: Атлас – атлас, характерный жест – характерный актёр, истёкший кровью – истёкший срок.

Практические советы по запоминанию трудных слов таковы: во-первых, всегда можно держать под рукой орфоэпический словарь и консультироваться в случае необходимости, во-вторых, можно сделать карточки с трудными для себя словами и разместить их дома в комнате на стенах или прикрепить на рабочем столе – это может помочь всем членам семьи.

И ещё существуют короткие «запоминалки» для взрослых и детей, которые можно сейчас найти и в Интернете:

Фенóмен звонít по средáм,

Приня́в договóр по годáм,

Он óтдал экспéртам эскóрта

Ходáтайство аэропóрта.

И, конечно, искажают речевой портрет речевые ошибки и недочёты. Речевой ошибкой считается нарушение требования правильности речи, а недочётом – нарушение требования коммуникативной целесообразности речи. Нарушения, связанные с употреблением слов, могут быть и ошибками, и недочётами. Об ошибке мы говорим: это неправильно, так нельзя говорить, а недочёт расценивается с позиции «хуже или лучше» написано или сказано, т.е. о недочёте мы говорим: так можно сказать, но можно сказать и лучше.

К распространённым речевым ошибкам относится употребление слова в несвойственном ему значении. Можно ли сказать: «Люди очень тронуты трагедией»? Нет, в сочетании со словом трагедия лучше употребить слово огорчены, т.к. тронуты – значит приятно взволнованны («Новости» на «Авторadio»). Большое количество местоимений в речи ведёт к непониманию того, что мы хотим выразить. Мы не раз слышали пересказ какой-то ситуации или сюжета фильма: «А он, а она..., а его, а её...» – из такого пересказа трудно понять, о ком или о чём идёт речь.

Употребление дублирующего слова – тоже речевой недочёт: например, «По итогам недели песня опускается на одну строчку вниз» (*хит-парад «Авторadio»*) – если опускается, то и так понятно, что вниз.

Известно, что русский язык – язык повторов, например, «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Какие повторы считаются оправданными, а какие являются нарушением речевой нормы? Нарушением являются ошибки, отражающие бедность речи, ограниченность словаря говорящего и пишущего, т.е. неоправданное повторение слов в рамках небольшого контекста. Так, анализируя, например, произведения Пушкина, мы сначала можем назвать фамилию автора (Пушкин), затем использовать слово автор, потом местоимение он. Если мы одно из этих слов, например автор, употребим три-пять раз подряд в небольшом абзаце, то это будет речевой ошибкой.

И, конечно, грамматические ошибки грубо искажают речевой портрет. Грамматические ошибки – это не орфографические ошибки, а ошибки в структуре языковой единицы, т.е. слова, словосочетания, предложения. Среди грамматических ошибок чаще всего встречаются ошибки в формообразовании имён прилагательных – смешение аналитической и синтетической форм превосходной степени прилагательных: «В самом ближайшем будущем всё может измениться кардинальным образом» («Авторadio»), правильно сказать: в ближайшем будущем. Из этого же разряда ошибка в предложении: «Президент посетил один из самых старейших городов России...» («Новости»); Правильно сказать: ...один из старейших городов или самых старых. Часты ошибки в управлении: «Об усыновлении ребёнка мы говорили с зам.главой Санкт-Петербурга» («Вести»), правильно сказать: с зам.главы, потому что заместитель кого? главы. И в сокращённой форме это управление сохраняется. Ещё примеры ошибок: «У чеховского рассказа есть черты, характерные только ему» (из сочинения). Это ошибка в управлении. Правильно сказать так: характерные для него, но присущие ему.

И особенно «современны», если можно так выразиться, ошибки в склонении числительных – и количественных, и порядковых. Известно, что у количественных числительных склоняются все слова и все корни. И особую трудность представляют родительный и творительный падежи: *нет чего? семисот пятидесяти книг, горжусь чем? семьюстами пятьюдесятью книгами*. В порядковых числительных склоняется только последнее слово. Правильно сказать так: *«В две тысячи двадцать пятом году страна выйдет на новый уровень экономического развития»*.

Часто происходит нарушение связи между подлежащим и сказуемым: «Смеются те, кто были в этой ситуации» (концерт М. Задорнова, 2.03.2003); правильно: кто был, т.к. местоимение *те* требует множественного числа, а местоимение *кто* – единственного.

Какая грамматическая ошибка на сегодня является лидером? Самая распространённая ошибка, в том числе в печатных изданиях, – неправильное построение предложений с деепричастным оборотом. Классическим примером неверного употребления деепричастного оборота является известная чеховская фраза «Подъезжая к сией станции..., у меня слетела шляпа». Восстановим логическую и грамматическую справедливость: «Когда я подъезжал к станции, у меня слетела шляпа». Писатель, конечно, иронизировал, но даже современные печатные издания дают словесникам в этом отношении богатейший материал.

Перед современным пользователем русского языка возникает вопрос: как быть? Вести с ошибками борьбу или успокоить себя фразой «без грамматической ошибки я русской речи не люблю», сославшись на авторитет А.С. Пушкина? Ответ однозначен: избегать ошибок нужно, если мы хотим добиться эффективного общения.

Д.С. Лихачёв, известный российский учёный, автор «Писем о добром и прекрасном, писал: «Согласие между людьми, разными народами – это самое драгоценное и сейчас самое необходимое для человечества». Как добиться этого согласия? Надо учиться, в том числе и хорошей правильной речи. Надо стремиться к точности выражения мысли, надо читать: именно литература даёт нам опыт жизни. «В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли», – утверждал А.П. Чехов устами своего героя в пьесе «Дядя Ваня» (Чехов 1985: 201). К этому нужно добавить: и способ выражения мыслей, и речь – они тоже должны быть прекрасны, это и допишет гармоничный речевой портрет современного человека, проложит путь к эффективной коммуникации, миру и согласию в семье, в коллективе, в стране.

ЛИТЕРАТУРА

Дорожкина, Т. Н. (1997). Речевой имидж политического лидера / Т. Н. Дорожкина // *Социс (Социологические исследования)*. – 1997.– № 8. – С. 30-35.

Леорда, С.В. (2006). *Речевой портрет современного студента: автореф. дисс. канд фил. наук: 10.05.01.* / С.В.Леорда. Саратов.

Лихачёв, Д.С. *Письма о добром и прекрасном* [Электронный ресурс] // Название сайта: MyBook URL: <https://mybook.ru/author/dmitrij-lihachev/pisma-o-dobrom-i-prekrasnom/citations/1585374/> (Дата обращения: 20.12.2024).

Пушкин, А.С. Евгений Онегин. [Электронный ресурс] // Название сайта: MyBook. URL: <https://mybook.ru/author/aleksandr-sergeevich-pushkin/evgenij-onegin/read/> (Дата обращения: 20.12.2024).

Чехов, А.П. (1985). *Собрание сочинений в 12 томах* / А.П. Чехов. – М., «Правда», Том 10.

Izvorni znanstveni rad/Original scientific paper

UDK 316.77:621.397.13]: 811.163.42:811.131.1

Marina Glavaš

Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet, Hrvatska
maglavas@ffzg.unizg.hr

Maria Rugo

Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet, Hrvatska
mrugo@ffzg.unizg.hr

INTERKULTURNA KOMPETENCIJA U AUDIOVIZUALNOM PREVOĐENJU NA PRIMJERU HRVATSKOGA I TALIJANSKOGA JEZIKA

SAŽETAK

Podslovljavanje je u Hrvatskoj najzastupljenija vrsta audiovizualnoga prevođenja. Dijalozi hrvatskih filmova i serija često obiluju kulturnospecifičnim elementima koji prevoditeljima s hrvatskoga na talijanski kao neizvornim govornicima mogu predstavljati poteškoće. Osim toga, registar jezika koji se koristi u ovim audiovizualnim materijalima često je daleko od standardnoga jezika koji studenti uče na fakultetu. Razlike su očite ponajprije na leksičkoj, ali i na morfosintaktičkoj razini zbog različitih utjecaja dijalekata i supstandarda na govorni jezik. Najveće poteškoće predstavljat će ispravni leksički izbori pri pronalasku prijevodnih ekvivalenata za kulturnospecifične koncepte. Zbog toga ćemo ovom prilikom izložiti jednu studiju slučaja izrađenu za potrebe lektorske nastave na zagrebačkoj talijanistici. Provedena je traduktološka analiza talijanskih podslova prve i druge sezone hrvatske serije „Crno-bijeli svijet“, a pronađene prijevodne strategije analizirane su kvalitativno. Cilj nam je ovom analizom ukazati na poteškoće koje se najčešće pojavljuju pri prevođenju podslova s hrvatskoga na talijanski jezik i dati smjernice za rad u ovom području na lektorskoj nastavi.

Glavne riječi: podslovljavanje, glotodidaktika, TV serija, međukulturna komunikacija, interkulturalna kompetencija

Intercultural competence in audiovisual translation on the example of Croatian and Italian language

ABSTRACT

Subtitling is the most common type of audiovisual translation in Croatia. Dialogues in Croatian films and series often abound with culture-specific elements that can pose challenges for translators from Croatian into Italian as non-native speakers. Additionally, the register of language used in these audiovisual materials is often far from the standard language that students learn at the university. The differences are most evident at the lexical, but also at the morphosyntactic level due to the various influences of dialects and sub-standards on the spoken language. The greatest difficulty will be with making the correct lexical choices when finding translation equivalents for culture-specific concepts. Therefore, on this occasion, we will present a case study prepared for the needs of language lecturers' teaching at the Zagreb Italian

Studies department. A translation analysis has been conducted of the Italian subtitles of the first and second seasons of the Croatian series *Crno-bijeli svijet*, and sourced translation strategies were analyzed qualitatively. The aim of this analysis is to point out the difficulties that most often appear when translating subtitles from Croatian into Italian and to provide guidelines for work in this area in language teaching at the university level.

Keywords: subtitling, glotodidactics, TV series, intercultural communication, intercultural competence

1. UVOD

Složena priroda audiovizualnoga teksta, obilježenoga mnoštvom komunikacijskih kodova, jasno ga razlikuje od drugih tekstnih vrsta. Ta posebnost zahtijeva primjenu specifičnih prijevodnih strategija te ga čini iznimno učinkovitim nastavnim alatom. Naime, budući da predstavljaju jezik u autentičnim kontekstima bogatim komunikacijskim nijansama, audiovizualni sadržaji pružaju učenicima potpuno uranjanje u jezik. U ovom radu nastojimo analizirati podslovljavanje kao način prevođenja audiovizualnih sadržaja te kao učinkovit alat za nastavu talijanskoga jezika kao stranoga. Bit će razmotrene specifične tehnike podslovljavanja, relevantni teorijski okvir te će biti predstavljeni konkretni primjeri iz hrvatske televizijske serije „Crno-bijeli svijet“. Kroz ovu analizu želimo istaknuti kako podslovljavanje može približiti studente živom i raznolikom jeziku koji je bogat dijafazijskim i dijastratijskim varijacijama. Na kraju ćemo se osvrnuti na pozitivne učinke koje stvaranje i analiza podslova mogu imati na nastavu stranih jezika.

2. TEORIJSKI OKVIR

Dugo vremena prijevod se koristio u nastavi jezika, slijedeći gramatičko-prijevodnu metodu; kasnije, u svijetu nastave jezika, prevladavao je komunikacijski pristup, te se stoga posebno fokusiralo na izvorne materijale, komunikaciju u učionici i interakciju među učenicima. Uporaba prijevoda u nastavi jezika počela je dobivati na novoj važnosti s uvođenjem sveučilišnih studija prevođenja i znanosti o prijevodu. Naročito s dolaskom digitalnoga doba, audiovizualni prijevod odigrao je ključnu ulogu u nastavi stranih jezika, do te mjere da se smatra jednom od najučinkovitijih tehnika za poboljšanje motivacije i procesa učenja učenika (Elbakri 2021). Osim toga, spajajući u jednu cjelinu kompetencije u prvom jeziku i kulturi s novim kompetencijama u drugom ili drugim jezicima, učenici postaju višejezični i razvijaju ono što se naziva interkulturalnost. Od posebne je važnosti i to što su kako jezične tako i kulturne kompetencije svakoga jezika prilagođene znanju drugoga jezika, doprinoseći tako interkulturalnoj svijesti, koja uostalom igra ključnu ulogu u posredovanju (Talaván i Lertola 2022). Među prvima koji su proveli opsežno istraživanje o izazovima u poučavanju jezika putem audiovizualnoga prijevoda i podslovljavanja je Díaz Cintas (Gagliardi 2021), koji smatra da je uloga audiovizualnoga prijevoda u nastavi jezika pravi resurs jer uvodi raznolikost, približava neverbalne i kulturne elemente te predstavlja različite kulturne i komunikacijske aspekte u njihovom kontekstu (Díaz Cintas 2012). Dakle, u kontekstu nastave jezika, uporaba audiovizualnih materijala s podslovima u učionici pomaže u poboljšanju i razvoju različitih vještina, a pogotovo ako kreiranje podslova dolazi iz same učionice. Posljednjih godina, zahvaljujući prisutnosti programa za podslovljavanje, kao što je Aegisub, podslovi su jedan od zadataka koji se dodjeljuje učenicima. U tim slučajevima motivacija je visoka već na samom početku. Na temelju naknadnih evaluacija projekta poput LeViS, učenici nisu samo učvrstili i poboljšali svoje vještine, već su izrazili i veliko zadovoljstvo zbog inovativne prirode podslovljavanja (Díaz Cintas 2012).

3. METODOLOGIJA ISTRAŽIVANJA

3.1. ANALIZIRANI KORPUS

Prve dvije epizode iznimno popularne hrvatske serije koju smo analizirali, u produkciji Hrvatske radiotelevizije (HRT) i Interfilm Produkcija d.o.o., snimljene su u Zagrebu i emitirane 2015. godine¹. Redatelj i scenarist je Goran Kulenović, Zagrepčanin, poznat i po drugim uspješnim hrvatskim serijama i filmovima kao što je „Pjevajte nešto ljubavno“ (2007). Serija „Crno-bijeli svijet“ prati živote dviju obitelji koje žive u Zagrebu 80-ih godina, kada je Hrvatska bila dio bivše Jugoslavije. Svaka epizoda traje oko 45 minuta i u njima se obrađuju teme poput obitelji, ljubavi, politike i nastanka

1 Epizode se mogu pronaći na platformi Netflix i na internetskoj stranici Dailymotion.com.

nove kulturne scene². S jezičnoga stajališta, serija ima važnu ulogu jer pruža autentičan primjer zagrebačkoga govora. Također, s didaktičkoga stajališta, vrlo je korisna jer predstavlja pravi izazov za studente da prevedu na talijanski frazeologizme, kolokacije, izraze i, što je najvažnije, da prenesu kulturu koja stoji iza izvornoga jezika.

3.2. PRIJEVOD

U ovom konkretnom slučaju prijevod je stvoren kako bi se pokazala važnost podslova u nastavi stranoga jezika, u našem slučaju talijanskoga. Ideja je da učenici prevode frazeološke jedinice, sintagme i strukture koje podrazumijevaju kulturne razlike između jednoga jezika/kulture i drugoga, stavljajući ih pred razumijevanje cjelokupnoga jezičnog čina. Naravno, kao prevoditelji, trebali bi prevoditi isključivo na materinski jezik, hrvatski (Díaz Cintaz; Muñoz Sánchez 2006); međutim, kao studenti talijanskoga jezika, prevodjenjem usvajaju i internaliziraju tipične jezične izraze govornoga jezika s kojima se u procesu nastave stranoga jezika ne bi često susretali. Osim toga, morat će se suočiti s teškim zadatkom prevodjenja, zadržavajući kulturu originala, imajući na umu teoriju skoposa, prema kojoj prevoditelj mora znati prenijeti jezik i s interkulturnoga stajališta. Vrlo često, naime, neki leksem ili frazeološka jedinica podrazumijeva kulturna znanja koja nisu nužno poznata publici koja čita titlove prevedene na talijanski. „Funkcionalnost prijevoda ovisi o znanju, očekivanjima, vrijednostima i normama čitatelja ciljnog jezika, koji su pod utjecajem situacije u kojoj se nalaze i kulture. Ti čimbenici određuju hoće li se funkcija izvornog teksta ili neki dijelovi moći sačuvati ili ih treba izmijeniti, pa čak i zamijeniti“ (Kassmaul 1995: 177).

4. SOCIOLINGVISTIČKE ZNAČAJKE PROTOTEKSTA

Pod pojmom „jezik prototeksta“ misli se na filmski govor, odnosno na dijamezički varijetet jezika, shvaćen kao jezik „prenesen“ ili pisan za čitanje jer je riječ o adaptiranom govoru, različitom od spontane govorne svakodnevne upotrebe jezika (Perego 2005: 9-10). Posebno treba istaknuti snažnu prisutnost mladenačkoga slenga, karakterističnoga za hrvatski jezik 80-ih godina, ali općenito primjenjivoga i danas. Berruto (2007: 16) naglašava kako je jezik mladih varijetet koji je dijastratijski i dijafazijski obilježen, s čime se u potpunosti slažemo jer se jezik mladih razlikuje ovisno o komunikativnoj situaciji (diafazijski) i karakterističan je za pripadnost određenoj mladenačkoj skupini (diastrijski). Kao što Cortellazzo navodi u svom prilogu o jeziku mladih u Enciklopediji Treccani (2010), „semantičke kategorije predstavljene u mladenačkom leksiku su brojne, pokrivaju vrlo širok i raznolik spektar značenja“, što uzrokuje poteškoće pri prijevodu podslova.

5. ANALIZA PRIJEVODA METATEKSTA

5.1. ANALIZA METATEKSTA NA TEMELJU PRIJEVODNIH STRATEGIJA I KULTURNOSPECIFIČNIH ELEMENATA

Primjeri iz 1. epizode serije „Crno-bijeli svijet“

Pri izradi podslova rukovodili smo se teorijskim postavkama koje je u svojim prijevodnim strategijama iznio Gottlieb (Gottlieb 1992, Perego 2005). Prema njemu, prijevodne su strategije skup tehnika koje se koriste u podslavljanju kako bi se audiovizualni sadržaji prilagodili s jednoga jezika na drugi. Ove strategije (proširenje, parafraza, transpozicija, imitacija, transkripcija, dislokacija, kondenzacija, redukcija, brisanje i odustajanje) imaju za cilj očuvati značenje i namjeru izvornoga teksta (Gottlieb 1992: 166-168), uzimajući u obzir ograničenja formata podslova, kao što su ograničen prostor i vrijeme čitanja. U našem slučaju, ograničeno vrijeme i prostor uzeti su u obzir samo relativno, dok smo se uglavnom usredotočili na očuvanje značenja i kulturnospecifičnih elemenata izvornoga teksta.

2 Pogledajmo na primjer naslov serije koji je preuzet iz uspješnice *rock-benda* Prljavo kazalište, popularnog 80-ih.

Važno je naglasiti da je odabir strategija podslovljavanja uvijek složen proces koji zahtijeva duboko poznavanje izvornoga i ciljnoga jezika, audiovizualnoga proizvoda i ciljne publike. Stoga, budući da ne postoji konačna klasifikacija, razumijevanje različitih strategija i čimbenika koji utječu na odluke o prijevodu ključno je za osiguranje proizvodnje kvalitetnih podslova (Županović Filipin, Rugo 2021).

Među glavnim strategijama koje je naveo Gottlieb, a koje ćemo analizirati, nalazi se proširenje koje podrazumijeva dodavanje informacija u podslove, na primjer, radi pojašnjenja kulturnih referenci ili pružanja dodatnoga konteksta. Tu je i parafraza koja zamjenjuje originalnu formulaciju drukčijom, ali koja prenosi isto značenje; često se koristi za pojednostavnjivanje složenoga jezika ili prilagođavanje teksta gramatici i sintaktici ciljnoga jezika. Doslovna transkripcija originalnoga dijaloga na ciljni jezik tipično se koristi za kratke i jednostavne rečenice ili imena. I na kraju, neutralizacija, koja se uglavnom koristi za prijevod idiomatskih izraza, kulturnih referenci, jezičnih registara i žargona. Što se tiče kompenzacije, to je jedna od najzanimljivijih i najsuptilnijih strategija u prijevodu. U osnovi, ona podrazumijeva uvođenje elemenata u prevedeni tekst koji nemaju izravan ekvivalent u originalnom tekstu, ali služe za kompenziranje gubitka značenja, efekta ili stila uzrokovanoga drugim prijevodnim odlukama.

Što se tiče realija ili kulturnospecifičnih elemenata korpusa, slijedili smo primjer Županović Filipin, koja kaže da ih obično prevodimo koristeći strategiju generalizacije koju je predložio Lomheim (1999), odnosno „prijevod putem hipernima“ (Županović Filipin 2021).

U nastavku slijedi nekoliko primjera iz prve epizode, koji jasno pokazuju koliko su važni za približavanje studenata jeziku koji se proučava.

Tablica 1. Primjeri min. 04:10 – 05:36

Broj primjera	Govornik	Hrvatski izvornik	Talijanski podslovi
(1)	Željko	Di gori?	Che fretta c'è? Cosa urlì? Che c'è, è morto qualcuno?
(2)	Ksenija	Imam nešto za tebe prije nego zбриšeš...	Ho qualcosa per te prima che te ne scappi via...
(3)	Željko	- Pa kaj ne idemo skupa kod starog? - Kaj je ovo?	- Non dovevamo andarci insieme da papà? - E questa che roba è?
(4)	Željko	Ne bu ti glupo cijelu večer buljit u Maricu Hrdalo?	E invece non è stupido stare tutta la sera a rimbambirti davanti alla TV?
(5)	Željko	Stara, nemam više sedam godina.	Ma', non ho più sette anni...
(6)	Željko	Fora je!	Cool!/ Fico! / Da paura
(7)	Željko	Pa ja za kocku velim.	Ma io sto parlando del cubo.
(8)	Dunja	Poštovani publikum, neka krene forštelung	Gentile pubblico, che lo spettacolo abbia inizio!
(9)	Ksenija	Ajme, šta ste to sve...	Oh Gesù, quante cose!

Najčešće smo za prijevod prve epizode koristili tehnike parafraze i neutralizacije (Gottlieb 1992) kako bismo očuvali isti jezični registar i leksičke izbore izvornoga jezika. Na primjer, kada sin tinejdžer odgovori majci „Di gori?“ (1), doslovno „Dov'è il fuoco?“ ili „Cosa c'è che brucia?“, postojalo bi nekoliko mogućnosti prijevoda: jedna koja bi se pridržavala doslovnijega prijevoda i druga koja bi više naglašavala kolokvijalni ili adolescentski jezik. To je definitivno odlična vježba prevođenja za studente talijanistike jer se suočavaju s potrebom da prenesu žargonski jezik i nemogućnošću doslovnoga prijevoda. Kao dio

jezika mladih možemo ubrojiti i obraćanje majci s izrazom „stara“ (5). U ovom slučaju, nije baš točno prevodiv s „vecchia“, leksemom koji u standardnom talijanskom jeziku denotira osobu poodmakle životne dobi, i čije se značenje preklapa s hrvatskom „stara“ tek u nekim regionalnim govorima, poput venetskog, ali doslovni prijevod na standardni talijanski je malo vjerojatan jer podrazumijeva negativnu konotaciju. U ovom slučaju, student koji pokušava prevesti rečenicu suočava se s kulturnim problemom, pa će ili jednostavno prevesti standardnim „mamma“, ili će provjeriti moguće žargonske ekvivalente, kao što je „ma“, koji je u govoru mladih prihvaćen na nadregionalnoj razini.

I izraz „fora“ (6), koji je još uvijek prisutan u jeziku mladih, mora zadržati svoju kolokvijalnu vrijednost, posebno u govoru mladih. Dakle, da bi se točno preveo, potrebno je biti svjestan da standardni jezik ovdje nije dovoljan. U Tablici 1 istaknuti su neki primjeri tipični za kolokvijalni jezik, kao što je glagol „zbrisati“ (2) koji Hrvatski jezični portal definira kao žargon u značenju „pobjeći“ ili „brzo nestati“ i, naravno, ovdje nema veze s „cancellare“, doslovno obrisati. U našem slučaju, kolokvijalni, ali ne baš žargonski, prijevod poput „zbrisati“ mogao bi se postići zadržavanjem značenja bježanja, ali naglašavanjem zamjenice (*scapparsene via*) i pokušajem upotrebe glagola kao što je „scappare“ u kojem je drugi singular jednak u konjunktivu i indikativu. Izbjegavanjem konjunktiva nakon „prima che“, snižava se registar i kompenzira se s kolokvijalnoga stajališta. Isto su tako vrijedni pažnje neki žargonski izrazi tipični za Zagreb i sjevernu Hrvatsku općenito u kojima se koristi neka vrsta kajkavskoga dijalekta. I upravo sama riječ „kaj“ (3) predstavlja izazov jer se za njezin prijevod može samo koristiti ekvivalentni standardni „što“. Dijalektniji prijevod može se zamijeniti nešto kolokvijalnijom uporabom rečenice općenito, prevodeći „kaj je ovo“, doslovno „e questo che cos'è“, s „e questa che roba è?“; imenica „roba“ bi tako snizila standardni registar pitanja i nadoknadila nemogućnost doslovnoga prijevoda „kaj“. Što se tiče leksika, budući da u talijanskom jeziku nema nekog semantičkog ekvivalenta glagolu „velim“ (7), koji bi bio u nadregionalnoj upotrebi, dijalektalni oblik u prijevodu samo se može zamijeniti standardnim glagolom *kazati*, što nam kao prevoditeljima otvara prostor da se u nekoj idućoj prigodi poslužimo kompenzacijom, na što studentima ovdje treba skrenuti pozornost. Što se tiče problema koji proizlaze iz realija tipičnih za izvorni jezik, suočavamo se s rečenicom Željka (Žac) koji spominje Maricu Hrdalo (4). Savršen primjer koji tjera studente da razmisle o tome da je prijevod svega što je konceptualno povezano težak zadatak. Nije moguće jednostavno prepisati ime Hrdalo jer primatelj talijanskoga jezika ne bi razumio njegovo značenje. Ovdje si postavljamo pitanje je li prikladno pokušati prevesti s talijanskim ekvivalentom i koga u tom slučaju odabrati od televizijskih komičara poput Serene Dandini ili Maurizija Crozze? Smatramo ipak da u ovom slučaju nije moguće stvoriti ekvivalenciju radi čega je potrebno pribjeći konceptu izostavljanja i prevesti tako da se razumije značenje rečenice.

Tablica 2. Primjeri min. 30:30 – 31:25

Broj primjera	Govornik	Hrvatski izvornik	Talijanski podslovi
(10)	Mladić	Žac, bokti, ovo je tužno!	Dio santo, Zac, è proprio triste.
(11)	Mladić	Imaš vatre?	Hai da accendere?
(12)	Mladić	Drži!	To'
(13)	Mladić	Nemreš nemat, ku'iš!	Non puoi non averlo, capisci?
(14)	Mladić	Fala!	Thanx
(15)	Mladić	Niš, idem ja na drugi tulum. Aj s menom.	Bon, vado ad un'altra festa. Dai, vieni.

U navedenim primjerima analizirani su dijelovi u kojima se mladić, tijekom novogodišnje proslave, izražava na izrazito neformalnom, često žargonskom jeziku. Učestali su uzvici, kao što je primjerice u prijevodu za „Bokti“ (10), doslovno „Dio a te“, gdje se pokušao očuvati korijen riječi „Bog“ odabirom „Dio santo“. U ovom slučaju, gotovo doslovni prijevod se čini prikladnim. Ili pak poštapalica „kužiš“ (13) koja je i danas prisutna u hrvatskom jeziku, ali je manje kolokvijalna od originalnoga hrvatskog izraza; žargonski ekvivalent glagola „razumjeti se“ dakle gubi u prijevodu u kojem je odabran termin „capire“.

Slično tome, prijevod za „niš“ (15) u mnogim slučajevima može odgovarati talijanskom „niente“, no u ovom kontekstu je prikladniji kolokvijalniji oblik, poput „ma“, diskursne oznake koja se često nalazi na početku rečenice i specifično u dijatopičkom smislu. Što se tiče izraza „fala“ (14), potrebno je nastojati prevesti „grazie“ pritom naglašavajući njegovu kolokvijalnu funkciju koja ga razlikuje od standardnoga „hvala“. S obzirom na to da je govornik mladić, moguće je odabrati anglicizam poput „thanx“, koji je često prisutan u mladenačkom žargonu. Kako bi se očuvala ova ideja jezika tipičnoga za neformalni govor, moguće je odabrati prijevod hrvatskoga „drži“ (12) s uzvikom „to“ što daje potpuno drukčiju nijansu u odnosu na jednostavno i doslovno prevedeni „tieni“.

Tablica 3. Primjeri min. 34:34 – 35:11

Broj primjera	Govornik	Hrvatski izvornik	Talijanski podslovi
(16)	prijateljica	(vodimo te na) najtulum u gradu!	Ti portiamo a una festa top in centro!
(17)	-prijateljica -Una	- Da, priča se da je Čola tamo. - Čolić? Daj, fuj!	- Sii, dicono che lì c'è il Ciola!! - Čolić? Ma ti prego, bleah!
(18)	prijateljica	Jo, <i>Jesus</i> , fakat nemaš pojma o frajerima!	Ossignore, proprio non ci capisci una mazza di ragazzi!

U Tablici 3 nalaze se zanimljivi primjeri na koje nailazimo pri kraju prve epizode serije u kojima bi se studenti svakako susreli s brojnim poteškoćama pri prijenosu kolokvijalnoga, odnosno jezika mladih. To se posebno odnosi na izraz poput „najtulum“ (16), doslovno i standardno „la festa migliore del mondo“, koji se lako objašnjava upotrebom engleskog „top“ u svakodnevnom govoru mladih ili na uporabu uzvika kao što su „joj“ (18) ili „fuj“ (17) koji se mogu i izostaviti, ali u talijanskom imaju prilično izravan ekvivalent. Također, zanimljivo je pokušati učiniti jezik kolokvijalnijim korištenjem različitih jezičnih sredstava, poput izostavljanja konjunktiva (17) ili upotrebe člana ispred nadimka „il Ciola“ (17). U posljednjem primjeru (18), nemogućnost doslovnoga prijevoda žargonskih izraza „fakat“ i „frajer“ nadoknađena je upotrebom kolokvijalnoga izraza „non capisci una mazza“. Prevođenjem „fakat“ kao „veramente“ ili „davvero“ gubi se kolokvijalizam.

5.2. ANALIZA METATEKSTA NA TEMELJU PRIJEVODNIH STRATEGIJA I KULTURNOSPECIFIČNIH ELEMENATA

Primjeri iz 2. epizode serije „Crno-bijeli svijet“

Tablica 4. Primjeri min. 02:00 – 03:15

Broj primjera	Govornik	Hrvatski izvornik	Talijanski podslovi
(19)	Voljen	Ne znam, uzmi <u>neš' love</u> , civilku i...	Non so, prendi un po' di grana, abiti civili e...
(20)	Vojnik	Što misliš ako si <u>džomba</u> da možeš glumit <u>mangupa</u> ?!	Ma che te credi? Sei tu il nonno, e allora puoi fare il furbetto?
(21)	Željko	Ja, <u>fakat</u> , ne <u>bi' išo</u> .	Io, veramente, non c'ho voglia d'andare.
(22)	Željko	Znam, <u>al' kad imam za učit</u> .	Lo so, è che c'ho da studiare.
(23)	Željko	<u>Kaj</u> hoćeš da <u>ljosnem razred</u> i na kraju upišem kovinotokarsku?	Vuoi che mi seghino e mi iscriva all'Istituto metallurgico?

Iz druge epizode spomenute televizijske serije navodimo nekoliko primjera uspjeloga pronalaženja prijevodne ekvivalencije. Naime, leksem „grana“ (19) po svim svojim semantičkim komponentama adekvatan je izvornom leksemu „lova“, a podudara se čak i u kronološkom razdoblju u kojem je korišten. Što se tiče leksema „nonno“ (20) isti je u talijanskom jeziku i danas u uporabi u terminologiji služenja vojnoga roka, dok je leksem „džomba“ vremenski limitiran na razdoblje služenja vojnog roka u tadašnjoj SFRJ u kojem se i odvija radnja serije. Dodatna kolokvijalnost pojačana je dodavanjem talijanskoga žargonskog izraza „Ma che te credi“.

Sljedeća dva primjera razgovora između majke Ksenije i sina Željka koji trebaju posjetiti sina odnosno brata Voljena koji služi vojni rok odlično prikazuju strategiju kompenzacije u kojoj smo prilagodbom drugoga dijela izvornoga teksta postigli da prijevod u ciljnom jeziku ima isti učinak kao u hrvatskome jeziku, premda nismo koristili isti element. Naime, dojam koji na gledatelja izvornika ostavljaju žargonski termini „fakat“, „išo“ i „učit“ (21, 22) u prijevodu je ostvaren upotrebom kolokvijalnoga klitika *ci* uz glagol *imati* („c’ho“). Pri prijevodu posljednjega primjera iz tablice adaptirali smo kolokvijalni izraz „ljosnuti razred“ u skladu s ciljnim jezikom tako da smo umjesto standardnoga leksema „bocciare“ upotrijebili leksem „segare“ koji je tipičan za jezik mladih. Doslovni prijevod s hrvatskoga na talijanski bio bi „cadere la classe“, no isti u talijanskom jeziku ne bi ništa značio.

Tablica 5. Primjeri min. 04:06 – 04:24

Broj primjera	Govornik	Hrvatski izvornik	Talijanski podslovi
(24)	Ksenija Željko	- Put je prilika da Dominika malo upoznaš. I on tebe. - Je, baš mi je to.	- Questo viaggio è un’occasione per conoscervi un po’, te e Dominik. - Eh, sì, capirai.
(25)	Ksenija	Znaš <u>kaj</u> , ne moraš ti <u>niš</u> !	Sai che ti dico, non devi fare niente!
(26)	Ksenija	<u>Sačuvaj Bože</u> ! Nemoj slučajno napraviti nešto do čega je <u>bedastoj staroj</u> stalo!	Per carità! Non ci pensare minimamente a far felice la tua povera vecchia madre!

Još jedan primjer uspješnoga prijevoda koji je prenio u metatekst sve značenjske nijanse izvornika događa se u trenutku u kojem majka Ksenija sinu Željku kaže da je to prilika da se njezin prijatelj Dominik i Željko malo bolje upoznaju i možda sprijatelje. Sin na to odgovara slengovskim izrazom „Je, baš mi je to“ (24), doslovno „Sì, proprio questo“, ali u značenju „moš’ si mislit, kako da ne“ što je parafrazirano prikladnim talijanskim kolokvijalnim izrazom iste vrijednosti „Eh, sì, capirai“.

U sljedećem primjeru (25) suočavamo se s upotrebom dijalektalnih izraza poput „kaj“ i „niš“ koje je iznimno teško uspješno prenijeti u prijevod. Zbog toga smo se odlučili dijalektalnost izvornoga govora neutralizirati i u prijevodu je zamijeniti kolokvijalizmima. Premda se time gubi dijalektalna nota prisutna u izvorniku, ostaje sačuvana informacija o neformalnom načinu izražavanja.

Parafrazom smo se poslužili i u primjeru prijevoda vulgarizma „Sačuvaj Bože“ (26), doslovno „Dio salvaci“, gdje smo cijeli izraz zamijenili talijanskim kolokvijalnim izrazom „Per carità“ koji u sebi, doduše, ne sadrži sam vulgarizam pa smo tu na gubitku, ali je ocijenjen kao kontekstualno najprikladniji. Naime, u talijanskom jeziku se koristi kao negativan odgovor na postavljeno pitanje ili tvrdnju odnosno njime se izražava odbijanje. U istom primjeru smo izraz „bedasta stara“ preveli kao „povera vecchia madre“ jer se „povera“ odnosi na osobu koju žalimo kada zbog svoje naivnosti ispada glupa.

Tablica 6. Primjeri min. 10:46 – 11:39

Broj primjera	Govornik	Hrvatski izvornik	Talijanski podslovi
(27)	vojnici	Briši mi s <u>očiju!</u>	Fuori dai piedi!
(28)	Dominik	Bitno da <u>šlagere</u> čujemo.	È importante poter sentire canzonette.
(29)	Ksenija	Daj me i ti još <u>zajebavaj</u> .	Adesso anche tu a rompermi le palle.
(30)	Ksenija Željko	- Kak' se zvalo ono mjesto? - Slobodno reci <u>vukojebina</u> .	- Come si chiamava quel posto? - Dillo pure, un posto in culo ai lupi.

U ovom dijelu analize našli smo rješenja u kojima je najčešća prijevodna strategija bila parafraza. Tako je, na primjer, nužno upozoriti studente na varijabilnost koju u prevođenju pokazuju frazemi. Često frazem istovjetnoga značenja svoju metaforičku sliku u oba jezika crpi iz istoga semantičkog polja (u (27) polje dijelova tijela), pa se u studentskim prijevodima lako potkradu pogreške. Doslovni prijevod poput „Fuori dagli occhi“ ili „cancellati da davanti ai miei occhi“ ne bi imao smisla. Osim toga, nužno je da imaju u vidu i kontekstualnu razliku između standardnoga frazema „togliersi dai piedi“ i njegovoga kolokvijalnog ekvivalenta „fuori dai piedi“ koji je, zbog svoje pripadnosti razgovornom stilu, ovdje mnogo prikladniji prijevodni izbor. U razgovoru koji vode Ksenija, Dominik i Željko na putu prema Voljenu koji je na odsluženju vojnoga roka u Nišu, za koncept „šlagera“ pronađen je prikladan talijanski kulturni ekvivalent „canzonetta“ (28), dok je strategija parafraze korištena i pri prijevodu vulgarizama „zajebavati“ (29) i „vukojebina“ (30) budući da su talijanski ekvivalenti nešto opširniji i deskriptivniji u odnosu na izvorne hrvatske termine, ali vjerno dočaravaju poruku.

Tablica 7. Primjeri min. 13:36 – 15:06

Broj primjera	Govornik	Hrvatski izvornik	Talijanski podslovi
(31)	Una	Kaj imaš <u>kulju</u> iz <u>matke</u> ?	Sei sotto in matematica?
(32)	Jura	Pa gdje si <u>više</u> ?!?	Dove, cavolo, sei?!?
(33)	Jura	Ti misliš da <u>bu napravil sranje</u> kad <u>skuži</u> da <u>Švabe dolaziju</u> ?	Pensi che farà un casino quando si rende conto che arrivano i Crucchi?
(34)	Jura	Malo ih je napil? A završili su kod <u>Hudolina na ispumpavanju!</u>	Li ha fatti ubriacare un pochino? Sono finiti in ospedale per una lavanda gastrica!
(35)	Jura	Dost' priče, pod hitno ga uhapsi i s njim preko puta u <u>Točkicu na cugu</u> .	Basta chiacchiere, arrestalo immediatamente e portalo a bere al bar di fronte.
(36)	Jura	I <u>zovi mu runde</u> dok se ne sruši.	E offrigli da bere finché non sviene.

U primjerima (31) – (36) ponovo smo koristili parafrazu. Žargonski izraz „kulja iz matke“ (31) uspješno smo pretvorili u talijanski ekvivalent „Sei sotto in matematica“ umjesto uobičajenoga standardnog izraza „Hai un'insufficienza“ koji je vrlo neutralan. Isto vrijedi i za primjer koji slijedi u kojem smo izraz „više“ (32), koji ovdje nije prilog količine nego diskursni marker koji upućuje na neodobravanje onoga što je netom prije napravljeno, preveli s „cavolo“ jer nam se taj odabir čini upravo najprikladnijim za izražavanje neodobravanja. Naime, termin „cavolo“ u talijanskom se kolokvijalnom jeziku koristi kao uzvik za izražavanje čuđenja odnosno ljutnje, razočaranja i nezadovoljstva.

Još jedan primjer uspješne parafraze predstavlja i primjer koji sadrži kolokvijalizme u izvorniku i kolokvijalne ekvivalente u ciljnom jeziku. Kolokvijalni odabir leksema „casino“ umjesto standardnoga

„confusione“ kao i kolokvijalni „Crucchi“ umjesto standardnoga „tedeschi“ zorno prenosi informaciju o negativnom predznaku koji govornik dodjeljuje situaciji i protagonistima koje navodi (33).

Među posljednjim primjerima nalaze se i dva primjera neutralizacije u kojima smo zamijenili izraz snažnijega konotativnog značenja neutralnijim izrazom. U prvom od njih pojavljuje se i jedan kulturnospecifični element (34). Naime, navodi se ime Vladimira Hudolina, poznatog neurologa, psihijatra i alkohologa koji je svojedobno bio i kandidat za Nobelovu nagradu za mir zbog doprinosa u društvu. Prof. Hudolin bio je poznat ne samo u tadašnjoj SFRJ već i u Italiji u kojoj je djelovao zadnjih deset godina svojega života, osnovavši više od dvije tisuće klubova liječenih alkoholičara. U doba odigravanja radnje iz televizijske serije Hudolin je, dakle, sinonim za liječenje ovisnosti o alkoholu pa nam se čini da se najbolji prijevodni rezultat postiže upravo neutraliziranjem zbog čega smo se odlučili za „bolnicu“. Ipak, ovdje primjećujemo i jedan prijevodni ostatak, jer nismo uspjeli ispoštovati registar originala („ispumpavanje“) i pronaći kolokvijalni talijanski izraz za ispiranje želuca. Isto smo tehničari pribjegli i u prijevodu primjera koji donosi naziv kafića u koji su protagonisti zalazili (35) s time da smo ovdje morali ispustiti i žargonski izraz „cuga“ (doslovno *drink*), jer u talijanskome jeziku nemamo ekvivalent. Posljednji primjer u tablici je ponovno slučaj u kojemu nemamo talijanski žargonski ekvivalent za „rundu“ (36) zbog čega smo pribjegli standardnom jeziku.

6. PODSLOVLJAVANJE U NASTAVI TALIJANSKOGA JEZIKA: DIDAKTIČKI PRIJEDLOZI

Kao što je prikazano u prethodnim primjerima, u nastavi talijanskoga jezika prijevodi podslova imaju iznimnu važnost, posebno s obzirom na dijastratske i dijafazijske razlike te kulturno specifične elemente. Iako se uporaba podslova u nastavi jezika već nekoliko godina smatra uobičajenom praksom, smatramo da je danas put podslovljavanja u obrazovne svrhe uvelike pojednostavljen iz različitih razloga. U nastavku slijede neki primjeri.

6.1. SOFTVERI I APLIKACIJE ZA PODSLOVLJAVANJE

Već smo u 2. poglavlju spomenuli kako je LeViS (Learning via Subtitling) program osmišljen kako bi se razvili nastavni materijali za učenje stranih jezika, posebno na sveučilišnoj razini. Projekt LeViS (Learning Via Subtitles) financirala je Europska unija, u okviru programa Socrates, u kojem je sudjelovalo sedam institucija iz sedam različitih europskih zemalja s konačnim ciljem stvaranja specifičnoga obrazovnog materijala za podslovljavanje u učionici. Plod uspjeha projekta LeViS bio je ClipFlair (Foreign Language Learning through Interactive Captioning and Revoicing of Clips), još jedan vrlo poznati projekt (2011. – 2014.), koji je financirala Europska unija u kontekstu programa Lifelong Learning, u kojem su aktivnosti podslovljavanja bile posebno kreativne i dinamične. Povratne informacije studenata pokazale su značajno povećanje njihove motivacije. Nastavljajući na uspjehu LVS-a, kreiran je složeniji program, već spomenuti ClipFlair, koji se implementirao između 2011. i 2014. godine te obuhvaća i sinkronizaciju, osim podslovljavanja. Sve to pokazuje kako je motivacija studenata za korištenje podslova u nastavi vrlo visoka. Trenutačno su dostupne različite aplikacije koje omogućuju produbljivanje znanja jezika putem podslova, kao što je Language Learning with Netflix, proširenje za Chrome koje omogućuje gledanje serija i filmova s dva jezika podslova istovremeno. Na taj način proces omogućuje učenje nove terminologije, a moguće je i spremati je u zasebne datoteke³. Međutim, za aktivno stvaranje podslova u učionici potrebni su specifični programi. Među najjednostavnijima su Aegisub Advanced Subtitle Editor⁴ i DivXLand Media Subtitler⁵. Svaki amater, uključujući i studente, može koristiti ove programe pojedinačno ili u okviru prevoditeljskih radionica bez potrebe za pomoći. Oni su zaista jednostavni i učinkoviti, a grafičko sučelje je potpuno razumljivo i zanimljivo (Elbakri 2021).

3 Slične su aplikacije Language reactor i Learn by subtitles

4 www.aegisub.org/downloads/

5 www.divxland.org/en/media-subtitler/

6.2. FANSUBBING

Još jedna tehnika za motiviranje studenata može biti uporaba *fansubbinga*, prakse prevođenja koja se pojavila na internetu krajem 80-ih, posebno u Sjedinjenim Državama, početno kako bi se nadomjestio nedostatak podslova i objašnjenja za japanske mange i anime. Radi se o amaterskom podslovljavanju, koje je postalo pristupačnije zahvaljujući poboljšanju računalnih tehnologija. „Fansubbersi su ljudi svih dobi koji dijele strast prema određenim vrstama audiovizualnih proizvoda i posebno su zainteresirani za kulturne aspekte koje ti proizvodi prenose” (Frisinghelli 2016). Bilo bi vrlo korisno uvesti studente u svijet *fansubbinga* i predložiti im „amaterski” prijevod jedne od njihovih omiljenih televizijskih serija, svjesni činjenice da „subber” može utjecati na uspjeh onoga što je preveo. Motivacija će biti ono što će studente najviše potaknuti da izrađuju podnaslove i razumiju temeljne kulturne aspekte⁶.

7. ZAKLJUČAK

Uvidjeli smo kako takozvano „pedagoško” prevođenje podslova ima unutarnje motivacijske poticaje koji olakšavaju učenje. Naime, spaja „zadovoljstvo učenja” i „novitet”, a upravljanje pogreškama uključuje se u proces interpretacije, ne toliko u binarnom ključu točno/netočno (D’Amico 2021). Riječ je o poticajnom, zahtjevnom, ali vrlo zadovoljavajućem procesu koji, ako se integrira u redovite nastavne aktivnosti, može dovesti do boljeg razumijevanja i uporabe jezika koji se izučava. Produbljujući prevođenje podslova suvremenih serija i filmova, suočavamo se s velikom količinom izraza, idioma i, posebno, kulturoloških elemenata koji su ključni za pravo razumijevanje kulture koja stoji iza jezika. Stoga je nužno pronaći način kako integrirati podslovljavanje u tečajeve jezika, kao projektni zadatak ili kao stalni dio tečaja.

6 Za talijanske podslove posjetite italiansubs.net

LITERATURA

- Berruto, G. (2007). *Prima lezione di sociolinguistica (5nd ed.)*. Bari. Laterza.
- Calabrò, G. (2001). *Teoria, didattica e prassi della traduzione*. Napoli. Liguori Editore.
- Cortelazzo, M. A. (2010). *Linguaggio giovanile*, in *Enciclopedia dell'italiano*, I, Roma. Istituto della Enciclopedia Italiana, pp. 583-586.
- D'Amico, T. (2021). *La traduzione pedagogica: una risorsa motivazionale nell'insegnamento della LS/L2*, in *Paidia i Letteratura*, (3), 1-12.
- Díaz Cintas, J. (2012). *Los subtítulos y la subtitulación en la clase de lengua extranjera*. *Abehache: Revista da Associação Brasileira de Hispanistas* 2 (3), 95-114.
- Díaz Cintas, J. i P. Muñoz Sánchez (2006). *Fansubs: Audiovisual translation in an amateur environment*, *The Journal of Specialized Translation*, (6), 37-52. https://www.researchgate.net/publication/252503048_Fansubs_Audiovisual_Translation_in_an_Amateur_Environment [Posljednji pristup: 16. 11. 2024.]
- Elbakri, A. (2021). *Active Subtitling as a Learning Tool for ESP Students*. *International Journal of Linguistics, Literature and Translation*, 4 (8): 128-135.
- Frasinghelli, Lara (2016). *Webserie e fansubbing: la nuova frontiera della traduzione audiovisiva*. [Laurea magistrale], Università di Bologna, Corso di Studio in Traduzione specializzata [LM-DM270] – Forlì.
- Gagliardi, N. (2021). *La sottotitolazione audiovisiva nella didattica DaF: una proposta*. *Annali, Sezione Germanica* 31, 169-198.
- Gottlieb, Henrik (1992). *Subtitling – a New University Discipline*, in *Teaching Translation and Interpreting* [a c. di Cay Dollerup e Anne Loddegaard], Philadelphia: John Benjamins, 161-170.
- Kusmaul, P. (1995). *Training the Translator*, Philadelphia. John Benjamins, p. 177.
- Perego, E. (2005). *La traduzione audiovisiva*. Roma. Carocci.
- Talaván, N. i Lertola, J. (2022). *Audiovisual Translation as A Didactic Resource in Foreign Language Education. A Methodological Proposal*. *Encuentro Journal*, (30), 23-39, Fakultet u Alcali. <https://erevistas.publicaciones.uah.es/ojs/index.php/encuentro/article/view/1931>. Posljednji pristup: 16. 11. 2024.
- Županović Filipin, N. i Rugo, M. (2021). *Sottotitolare per capirsi meglio. Analisi traduttiva dei sottotitoli italiani di un cortometraggio spalatino*. *Zb. rad Filoz. Fakultetu u Splitu*, (14), 43-58.
- Županović Filipin, N. (2021). *Strategie traduttive nella sottotitolazione croata dei film italiani*, *Sraz* (66), 313-320.

Pregledni rad/Review article

UDK 82:179

Anna Kozłowska

Cardinal Stefan Wyszyński University in Warsaw, Polska

a.kozłowska@uksw.edu.pl

ON THE ETHICS IN LITERARY COMMUNICATION

ABSTRACT

The paper discusses the ethical concept of the literary communication seen from the linguistic point of view. It attempts to identify assumptions that are necessary to validate the ethical assessment of literary communication and to establish theoretical fundamentals of this concept.

Linguistics seems to provide both a theoretical basis for the ethical concept of a literary text and the tools for this kind of research, which is quite complicated due to a hierarchy of sender–receiver relations and a non-standard status and way of expressing the speech acts in artistic texts.

Some ethical rules for an author, a recipient and other persons involved in the literary communication have also been proposed in the article.

Keywords: word ethics, literature, artistic texts, ethics of interpretation, ethical rules

1. AN INTRODUCTION

The main aim of the article is to consider the fundamentals of ethical assessment of literary works and to provide a set of ethical rules for this type of statements. Although the problem of communication ethics is widely discussed nowadays (see Brannigan 2012; Lipari 2017; Pinchevski, Buzzanell & Hannan 2024), it is often limited to some specific issues (e.g. climate communication, artificial intelligence, gender and disability studies, fake news etc.) or subsets of ethics (such as interpersonal and professional communication, rhetoric, journalism; see Baynes 1994; Couldry, Madianou & Pinchevski 2013; Gehrke 2009; Johannesen 2002; Laksana & Nurhaliza 2023). This paper offers a different and broader approach, focusing on theoretical foundations and general ethical principles that can be easily applied to different types of literary works.

2. LITERATURE REVIEW

Attempts to show the ethical dimension of literature are one of the distinct currents in contemporary literature. Michał Paweł Markowski noticed that “for the nineties the most fashionable language of Anglo-Saxon literary criticism seems to be the language of ethics” (Markowski, 2000: 240)¹, and diagnosed the “ethical turn” in literary research, related with the names of Jacques Derrida, Paul de Man, John Hillis Miller and Derek Attridge. Also in Poland, numerous studies have recently appeared on the ethics of interpretation of a literary work (see, among others, Kola, Szahaj (eds.) 2007; Włodarczyk, 2014).

The indicated threads present in literary thought correspond to the trends emerging in today’s reflection on art. It is worth recalling, for example, the views of the famous American philosopher Noël Carroll, who calls himself a moderate moralist. He treats some of the moral defects of the work of art as its artistic flaw, while identifying some moral virtues cited in the work with its aesthetic values (see Carroll, 1999).

These trends are not new – on the contrary, they are part of a well-established tradition. The conviction about the need to apply ethical norms to literature, assuming the “aestetization” of good and at the same time the ethics of beauty, prevailed in the thought of art until the time of Immanuel Kant. By defining beauty as a priori, autonomous and selfless, while linking good with utilitarian “interest”, he sealed the final gap between ethics and aesthetics. Twentieth-century literary consciousness, although largely marked by “esthetocentrism”, did not completely eliminate ethical inclinations. Looking at literary studies of the last century, Danuta Ulicka even notes that

rather, it would be difficult to identify concepts and methods that are free of inferences in relation to ethics. [...] On the other hand, hermeneutics, phenomenology, dialogic, speech act theory, semiotics [...], most literary theories as a possible world, spoke with all openness about literature as intervention, about its performative and ethical dimension. In the 70-90s, the theories of fiction and narrative theories explicitly exposed this aspect of literature, regardless of the inspiration in which they originated (Ulicka, 2002: 131-132).

The foundation of the ethical assessment of communication is the performative approach to the latter, built on the belief that speaking is not only about constructing a text or providing information, but about (joint) action. Such a look at communication, proposed by John L. Austin (1962) and Paul Grice (1975) and developed within various pragmatic theories, validates its assessment in terms of good / evil, which can be subject to deeds, not elements of the language system or texts understood as products of speaking. That is why the possibility of considering communication in an ethical perspective does not appear within those language theories that focus, e.g. on the description of its structure or products, instead, it emerges in accent thinking about its event and interactive dimension.

Adopting a performative concept of communication is a necessary condition for validating its ethical evaluation, but not a sufficient condition. Underlying word ethics are other assumptions related to both

1 All Polish quotes have been translated into English by the author of the paper.

the very concept of language and thinking about the moral dimension of human actions in general. The former were formulated explicitly by Jadwiga Puzynina:

To recognize a lie (especially in the form of hypocrisy) as anti-content related to language, one must [...] consider language as a tool not only of speech but also of thought, and thus of the internal world of man, secondly, to recognize language as a value autotelic (which is often emphasized in his works, e.g. by Prof. Markowski), for an unusual, obliging gift – for some – God’s gift, for others – nature, a gift without which, for example, science would not exist, and with it and all technical progress, medicine and literature would not exist, along with all humanistic and philosophical thought (Puzynina 2014: 7).

Although the above passage concerns the question of lies, it can undoubtedly be referred to any other specific problems of speech ethics as well as to the possibility of ethical evaluation of communication in general.

The three theses mentioned above regarding language and communication (1. the adoption of the performative nature of communication, 2. recognizing language as a tool of thinking and cognition and 3. seeing autotelic value in it) must be supplemented with assumptions adopted for all human deeds that are to be assessed from a moral point of view, namely, that their subject acts consciously and voluntarily and that they are able to predict the possible consequences of their behavior. Nobody feels offended or obliged by the behavior or statements of very young children (although children can and should be encouraged to respect ethical principles, including word ethics), insane people who are under the influence of intoxicants and say something under clear duress. In this context, one should think about the situation of people with very restricted code (in the sense given to this term by Basil Bernstein, see Bernstein 1964), e.g. using vulgarisms as the basic, sometimes even the only means of expression, or habitually, non-reflectively using means of expression that are characterized by aggression². All speech acts performed by such language users are subject to far-reaching limitations: in terms of the ability to express thoughts (i.e. locution), awareness of goals (illocution) and the possibility of predicting the effects of utterances (perlocution). These restrictions do not necessarily abolish or suspend its illocutionary power of the act itself, which may still have an impact on the world of the recipient’s / recipients’ beliefs, and thus in a general sense respect or violate ethical norms, but soften the assessment in specific cases or even completely justify inconsistent speech with rules, though understandable after recognizing the situational conditions. Knowledge of the latter can also sharpen the requirements of participants in a speech act – people who are attributed to exceptional language skills or greater than usual word awareness, e.g. writers, scientists, journalists, clergy, are traditionally more expected to respect ethical standards of communication than users with average competence and knowledge.

As a side note, it is worth mentioning that voluntariness and awareness are probably the widely accepted features of acts considered good or bad. When it comes to the scope of moral evaluations, very divergent positions can be distinguished. Some ethics believe that all deeds are at least potentially moral / immoral because of their possible effects; others are inclined to perceive the moral dimension only in selected activities, e.g. those of significant importance, stigmatized by law or custom, or related to relationships, having a specific addressee. It seems that a similar variety is presented by attitudes towards communication – one can find among them both the conviction that all speech acts have ethical consequences and therefore all are subject to this type of assessment, as well as attempts to exclude from its coverage e.g. statements of low social significance, private, deprived of a clearly defined recipient, etc.

In the light of the above, it seems important to distinguish between the objective or at least intersubjective value of a given speech act in potentia as an element of communication competence (in the case of some acts, e.g. denunciation or licking, moral valorization is their constitutive element), from the assessment of the specific situation in which the act appeared. It should be noted that also

2 In the case of such people, one can probably talk (although it is not usually done) about a specific addiction to aggression, because such activities take place outside the control of the subject.

neutral acts in the first sense, such as a request or a greeting, have some axiological potency and in use, entangled in a specific consultation, may gain positive or negative characteristics.

The theses mentioned above underlying word ethics relate to communication in general. Talking about the ethical dimension of artistic expression requires the adoption of a few more assumptions related to the special status of literary texts. These assumptions can be formulated as follows:

1. The artistic statement is not something fundamentally different than the products of the general language and its other varieties, on the contrary – it is governed by the same rules, although it is constructed differently from them, has different accents and has different functions.

2. A literary work, like any other statement, is one of the elements of an act of speech or – much more often – signals a whole set of hierarchically organized acts.

3. Acts made in a literary work are inscribed in a complicated, hierarchical system of transceiver and often expressed in a non-standard way, but they can be interpreted at the appropriate transceiver level and ultimately inscribed in the superior macroact which all these acts co-create and which takes place between the real author and his real, specific recipient. The basis for ethical reflection on a literary work is therefore the belief that – regardless of its fictional character – it also exists and acts in a certain real interpersonal relationship, that its creation is accompanied by specific intentions of the sender, and its reading and interpretation entails specific effects³.

The matter of intentions and effects of application in literary communication requires deeper reflection. Some researchers share the opinion of Richard Ohmann:

A play is a play, and its verbal acts are of a different logical order from those of talk. Literary works are discourses with the usual illocutionary rules suspended, acts without consequences of the usual sort (Ohmann, 1973: 97).

It is hard to agree with this thesis. First of all, acts performed in the world presented in the text have specific effects within this world (e.g. in communication between characters who can, after all, invite, ask, compliment, etc., and – as recipients – feel invited, asked, complimented, etc.); secondly, the considered subject is not **what** exactly has been said (and to what the qualification of truth / falsehood / fiction can be attributed), but **what for** (with what intentions) it is spoken and what mental effects this statement produces. Illocutionary rules are therefore not suspended in literary texts in the same way as when, for example, it is pretended to be an act, i.e. bracing illocution without attributing the specific intentions intended for it; the macroact, which takes place through the perception of a work, is not a “seemingly” act, although the acts of which it is composed can be fictitious.

The ethical evaluation of a literary statement therefore requires carrying out its comprehensive interpretation, leading to grasping the main intention expressed in the superior transceiver act that he creates, which takes place between real persons, in specific circumstances, at a specific time and place (or rather – connects specific points in spacetime). This valorization can be done both by the participants of the act themselves, from the inside, as well as by its external observer (e.g. researcher). In the author-reader (recipient) relation of the work, the valuation is asymmetrical: it is usually the recipient who assesses the sender’s actions. Although in the process of receiving literature, an important role is also played by: the actual character of the author, his views and behavior in real life, the assessment made by the reader does not have to cover and most often does not cover all these aspects – on the contrary, it usually applies to the “default author”, which appears the recipient through the text, showing his fragmentary, usually somewhat transformed, created image. You can also evaluate the (un)ethicity of anonymous, pseudonymous or written by authors completely unknown to readers.

The author has definitely fewer opportunities to reflect on the recipient’s attitude – this only happens when both partners of literary communication live more or less at the same time, and the author receives a reception certificate (e.g. review, discussion, adaptation, etc.)⁴. We are therefore dealing with some asymmetry: the sender’s conduct is subject to moral evaluation regularly, but only to a certain extent that can be predicted and even designed; as a result, the assessment first touches

3 Effects in the sense that John L. Austin wrote about, and therefore not about effects in the real world, but mental and / or social relations.

4 This situation is now changing and will continue to change due to the authors’ closer contact with their readers, e.g. through social media.

on the construct called the “default author” above, while the true author, who is really responsible for the shape of his work, including the creation of the default author, reaches only indirectly. On the other hand, the reception of the text is sometimes assessed by its author in the discussed perspective only exceptionally, but the subject of this reflection is a specific reading act of a specific recipient, not a designed or virtual recipient.

A slightly different asymmetry between the position of the sender and the recipient is visible in contemporary reflection in the field of word ethics. It is significant that in studies discussing the ethical dimension of communication in general, including public discourse in particular, the sender’s obligations are emphasized, while in the sphere of literary communication the norms most often refer to the recipient. It is the ethics of reading or interpretation, and not the ethics of creation, that is at the center of the work of Jacques Derrida, Paul de Man, John Hillis Miller or Derek Attridge and other scholars who contribute to the already mentioned “ethical turn” in literary research. It seems that there is a need for the justice – it is not proper to release the recipient of non-literary texts or literary broadcasters from moral obligations. Each of these roles is associated with specific, incomparable duties, but this is another matter to be considered later.

Although at the center of literary communication is the relationship between the sender and the recipient, this communication includes as well other relationships that also have an axiological dimension. In a strict sense, therefore, one should speak – and sometimes it is said – of the entire network of obligations of individual participants in various acts falling within the area of literary communication towards other participants or elements, namely:

1. the author’s obligations:

- towards the recipient,
- to the work itself,
- towards the language in which the text was written,
- in view of what is presented;
- towards other authors,
- towards other people involved in the creation, dissemination and distribution of literary texts;

2. the recipient’s obligations:

- towards the author,
- to the work.

3. obligations of other people involved in literary communication, including critics, reviewers, editors, translators, producers, researchers, popularizers and literature managers:

- towards the author,
- towards the recipient,
- to the work.

The above-mentioned multiplicity and multiplicity of relationships present in literary communication entails the need to formulate norms for each of the distinguished classes of participants. As already mentioned, the search for ethical communication principles was generally focused on the transceiver act. Jadwiga Puzynina and Anna Pajdzińska have proposed the following norms of ethical communication:

1. regarding the sender:

- do not hurt other people or social groups with a hostile, degrading or hurting word;
- do not lie to others, do not manipulate them with half-truths, flattery, demagoguery, blackmail;
- speak so that the partners feel safe and are aware of acceptance;
- say what is believed to be true unless silence or even a lie is justified by the good of others;
- speak in such a way as not to obstruct the partner's understanding and upset him with a lack of correctness or linguistic snobbery;

2. regarding the recipient:

- do not break off the dialogue, close oneself to the word of others, do not accept it with prejudices;
- not be naive in receiving messages, be aware of the possibility of lying and manipulation;
- listen to others with good will, though without naivety, trying to understand their arguments (see Puzynina & Pajdzińska 1996: 42).

3. DISCUSSION

Adaptation of ethical norms to the specifics of literary communication and taking into account also other communication relations (listed above) would allow adopting the following, extended and somewhat refined set of ethical literary communication norms:

1. for sender:

- towards the recipient:
 - try to write about what you think is important and / or useful for the recipient; in the choice and presentation of the topic and in the way the text is structured, follow what seems appropriate to you and not the requirements of the market or fashion;
 - respect the world of values professed by the recipient; try not to violate these values and not to provoke the recipient for the provocation itself (unless you want to thereby make him aware of something important);
 - respect the rights of the recipient, do not manipulate them, do not impose your judgments as just right, but also do not flatter anyone's beliefs;
 - try to keep in touch;
- to the work:
 - be responsible for what and how you say; take care of the aesthetic value of the text;
 - make your text understandable;
- to the language in which the text was written:
 - try to enrich and improve the language you speak;
- to what was presented:
 - in creating elements of the depicted world, be guided by the good of their possible prototypes;
- towards other authors:

- respect other authors' rights to other authors' intellectual property rights – respect others' ideas and achievements;
 - towards other people involved in the creation, dissemination and distribution of literary texts:
 - consider the voices and advice of others, respect their work wherever possible and as necessary;
 - if you use other people's help to prepare the text, give them justice in a manner adequate to their contribution;
2. for the recipient:
- to the author:
 - banish prejudices against the author; trust him;
 - not to block or break contact;
 - to the work:
 - strive to understand with focus and attention, use a measure of interpretive effort that is adequate to your goals;
 - try to obtain and use the competences enabling the effectiveness of your interpretative activities: linguistic, related to knowledge of the era, author of the work, depicted world, contexts, etc.;
 - for as long as you can, follow the assumption that the text is consistent, meaningful, important, and / or useful.

Recommendations for other people involved in literary communication have probably not yet been proposed. The basic "code" of its participant could look like this:

- to the author:
 - try to understand the author's intentions and convey / explain / explain them as accurately as possible;
 - in your actions, be guided above all by the author's good, not by wanting to promote yourself or striving for more profit;
- towards the recipient:
 - through your actions, try to enable and / or facilitate the recipient's contact with the text and indirectly with its author;
- to the work:
 - use a measure of effort that is appropriate for your goals;
 - try to obtain and use competences enabling the effectiveness of your actions.

4. RECOMMENDATIONS

The proposed set of rules is open and requires further clarifications, and probably also additions. One should also reflect on the way of formulating norms, because – regardless of the content – it reveals and suggests to the recipient certain beliefs about their nature. In previous works, ethical principles were expressed both positively, as an order or advice, and negatively, as bans (Puzynina and Pajdzińska speak of 'yes' and 'no' standards). It seems that this first type of proverb corresponds much better to the specificity of the ethical evaluation of literary statements, which is not so much about pointing out abuses (difficult to unambiguously capture), but about encouraging to build contact that respects the right of every communication participant to "friendly dialogue" (see Puzynina 2017). The principle that propagating good should take precedence over stigmatizing evil concerns word ethics in all possible spheres of communication; in areas other than literature, however, it is much easier to pinpoint precisely what compliance with and violation of standards is. Meanwhile, ethical literary communication is an ideal rather than a clearly defined and clearly different type of

behavior; the boundaries of what is appropriate and inappropriate in artistic statements remain to some extent blurred and subjective, and a certain imprecision of intentions and the subtlety of the forms of their expression are a specific property of this type of communication. The features indicated are a considerable difficulty for ethical evaluation of literary statements. However, they are an indispensable determinant of such communication and it is worth emphasizing them through the expressions used in ethical standards. That is why formulas with reduced categorization, drawing attention to the process of striving for ethical communication, and not to the effect itself, formulas such as: *strive for...*, *be guided by something...* seem in this case better than: *do something*, especially *don't do something...*

All standards present in communication are based on specific ethical foundations, or rather – the assumptions of various ethical systems and are therefore relativized to them. Most often, authors of works in the field of word ethics refer to very general principles – respect for the partner, i.e. respect for his dignity, autonomy (sovereignty) and take into account the personal dimension, and to recognize the value of truth. It should be no different in the case of literature ethics, which, due to their specificity, must be as versatile as possible. However, it is important to remember that ethical norms change over time and are socially conditioned; the rules by which communication, including literary, is assessed should therefore be related to the era and the environment in which the work was created. Because literary communication takes place over epochs and social groups, situations in which inappropriate (most often taken from the communicator's communication practice, and thus anachronistic) criteria are used to evaluate communication acts, in practice they are probably inevitable; in proceedings with a more disciplined character, however, it is impossible to blame, for example, writers formed in the cult of *imitatio* for appropriating fragments of texts of other authors or recipients of the 19th century for valorizing old texts in accordance with the criteria appropriate for their times, since the rules stigmatizing such behavior developed in later periods. Before agreeing with the values associated with current literary communication, it would be necessary to reconstruct the set of ethical norms that may arise the circumstances of its creation and must, and apply the appropriate criteria. Because there are still no studies devoted to the ethics of speech of past eras, for now we are doomed partly to intuitive recognition, based on contemporary experience, and partly – to attempts to partially reconstruct the old norms of word ethics using more general knowledge of old literary criticism, journalism, etc. Some observations, although not strictly about the assessment of communication, but actions in general, can be found in the works of philosophers historians, except that they are usually of theoretical nature and discuss ethical concepts, while practical tips would be useful here.

The need for practical decisions appears to be particularly important when assessing a particular speech act. Since intentions are at the center of literature ethics, the basic condition and starting point for such an assessment should be their proper reading. It is burdened with the risk of misunderstanding, in the case of an artistic work multiplied due to its specific ambiguity and indirectness, which affects both the personal relationships themselves and the manner of expressing communication intentions. Capturing the latter, however, is not a new task for philology or an excessively methodologically troublesome methodology – pragmatics have already developed some explicit communication description tools and are constantly looking for more and more adequate methods for interpreting and explaining author's intentions and mechanisms for signaling them. It seems, therefore, that the most difficult stage of valorization is not merely the recognition of intentions, but a juxtaposition of them with ethical standards in force at a given time and environment, which – as it has been already mentioned – for most eras and communication spheres have not yet been characterized. Their wording therefore remains one of the main tasks of word ethics for the coming years.

REFERENCES

- Austin, J.L. (1962). *How to Do Things with Words. William James Lectures*. Oxford: Clarendon Press.
- Baynes, K. (1994). Communicative ethics, the public sphere and communication media. *Critical Studies in Mass Communication*, 11(4), 315–326.
- Bernstein, B. (1964). Social class, speech systems and psycho-therapy. *British Journal of Sociology* 15(1), 54–64.
- Brannigan, M.C. (2012). Communication Ethics. In: R. Chadwick (ed.) *Encyclopedia of Applied Ethics* (pp. 507-515). Academic Press.
- Carroll, N. (1999). *Philosophy of Art: A Contemporary Introduction*. London–New York: Routledge.
- Couldry, N., Madianou, M., & Pinchevski, A. (eds.) (2013) *Ethics of media*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, UK: Palgrave Macmillan.
- Gehrke, P. J. (2009). *The ethics and politics of speech: Communication and rhetoric in the twentieth century*. Carbondale: Southern Illinois University Press.
- Grice, H.P. (1975). Logic and Conversation. In: P. Cole & J.L. Morgan (eds.) *Syntacs and Semantics 3: Speech Acts* (pp. 41–58). New York: Academic Press.
- Johannesen, R.L. (2002). *Ethics in human communication*. Long Grove, IL: Waveland Press.
- Kola, A. F. & Szahaj, A. (eds.) (2007). *Filozofia i etyka interpretacji*. Cracow: Universitas.
- Laksana, M. O. & Nurhaliza (2023). The Impact of Communication Ethics on The Communication Quality in Interpersonal Relationships. *Journal Eduvest*, 3(5), 989–995.
- Lipari, L. (2017). Communication Ethics. In: *Oxford Research Encyclopedia of Communication*. Published online: <https://oxfordre.com/communication/display/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore-9780190228613-e-58> [10. 12. 2025].
- Markowski, M. P. (2000). Zwrot etyczny w badaniach literackich. *Pamiętnik Literacki*, 1(91), 239–244.
- Ohmann, R. (1973). Literature as Act. In: S. Chatman (ed.) *Approaches to Poetics: selected papers from the English Institute* (pp. 81–107). New York–London: Columbia University Press.
- Pinchevski, A., Buzzanell, P.M. & Hannan, J. (eds.) (2024). *The Handbook of Communication Ethics*. New York: Routledge.
- Puzynina, J. (2014). Dlaczego bronię kultury słowa?. *Poradnik Językowy*, 5, 7–15.
- Puzynina, J. (2017). Mowa nienawiści – a etyka słowa. In: D. Filar & P. Krzyżanowski (eds.) *Barwy słów. Studia lingwistyczno-kulturowe* (pp. 663–670). Lublin: UMCS Publishing House.
- Puzynina, J. & Pajdzińska, A. (1996). Etyka słowa. In: J. Miodek (ed.) *O zagrożeniach i bogactwie polszczyzny. Forum Kultury Słowa* (pp. 35–45). Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej.
- Ulicka, D. (2002). Poetyka – etyka – dogmatyka. O tak zwanym paradygmacie etycznym w literaturoznawstwie lat dziewięćdziesiątych. In: E. Kasperski & D. Ulicka (eds.). *Dialog. Komparatystyka. Literatura. Profesorowi Eugeniuszowi Czaplejewiczowi w czterdziestolecie pracy naukowej i dydaktycznej* (pp. 127–150). Warsaw: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR.
- Włodarczyk, A. (2014). *Etyka interpretacji tekstu literackiego. Postmodernizm. Humanizm Dydaktyka*. Cracow: UJ Publishing House.

Stručni rad/Professional paper

UDK 81'25:004.42

811.163.42'25

Anita Lemić Stagličić

Veleučilište „Nikola Tesla“ u Gospiću, Hrvatska

alstaglicic@velegs-nikolatesla.hr

RAZVOJ JEZIKA I IZAZOVI PREVOĐENJA U JEZIKU STRUKE

SAŽETAK

Jezik je živi organizam koji se razvija paralelno s društvom. Svjedočimo sve bržem razvoju znanosti i tehnologije, a kako ta i druga područja napreduju, javlja se potreba za proširivanjem rječnika odgovarajućom terminologijom. Ovakav ubrzani razvoj rezultirao je izradom sve većeg broja jednojezičnih i dvojezičnih specijaliziranih rječnika namijenjenih pružanju potpore znanstvenicima pri prevođenju ili pisanju akademskih radova na stranom jeziku. Međutim, takvi rječnici brzo gube svoju korisnost jer se područja koja obrađuju razvijaju brže od samih rječnika. Ovaj rad istražuje izazove s kojima se suočavaju lingvisti pri pisanju stručnih ili akademskih tekstova na engleskom i njemačkom jeziku, kao i pri prevođenju radova napisanih na hrvatskom jeziku na jedan od svjetskih jezika. U sklopu istraživanja provedeno je ispitivanje među lingvistima koji rade na stručnim prijevodima te među stručnjacima iz različitih područja, poput prava i medicine, s naglaskom na terminologiju u jezicima struke i nedostatke u prijevodu uzrokovane nedovoljnim poznavanjem ili nedostatnom dostupnošću odgovarajućega vokabulara.

Ključne riječi: terminologija, jezici struke (LSP), jednojezični/dvojezični rječnici, CAT alati, primjena tehnologije u prevođenju

The development of language and the challenges of translating in professional/technical language

ABSTRACT

Language is a living organism that evolves simultaneously with society. We are witnessing an increasingly rapid development of science and technology, and as these and other fields advance, the need emerges for expanding the vocabulary with appropriate terminology. This accelerated development has resulted in the implementation of a growing number of monolingual and bilingual specialised dictionaries designed to support scientists in translating or writing academic papers in a foreign language. However, such dictionaries quickly lose their usefulness, as the fields they cover tend to evolve faster than the dictionaries themselves. This paper examines the challenges faced by linguists when writing specialised or academic texts in English and German, as well as when translating works written in Croatian into one of the world languages. As part of the study, research was conducted among linguists who work with specialised translations and experts from various fields such as law and medicine, focusing on terminology in languages for special purposes and translation deficiencies caused by insufficient knowledge of, or lack of access to, adequate vocabulary.

Keywords: terminology, language for special purposes (LSP), monolingual/bilingual dictionaries, CAT tools, application of technology in translation

1. UVOD

Razvoj jezika struke usko je povezan s napretkom znanosti, tehnologije i industrije. Kako nova otkrića i inovacije ulaze u profesionalnu praksu, specijalizirani jezici prolaze kroz kontinuirane promjene, što izravno utječe na procese prevođenja. Jezik struke odlikuje se specifičnom terminologijom, visokim stupnjem preciznosti i funkcionalnom usmjerenosti, a njegova je evolucija neraskidivo povezana s ubrzanom razvojem stručnih disciplina. U područjima poput informacijske tehnologije, medicine ili prava stalno se stvaraju novi pojmovi, među kojima su danas ključni izrazi poput *cloud computing*, *blockchain* i *machine learning*, koji prije samo nekoliko desetljeća nisu postojali. Takva terminološka ekspanzija odražava dinamiku promjena u znanstvenim domenama i zahtijeva od prevoditelja stalno usavršavanje i praćenje stručne literature. Globalizacija dodatno oblikuje jezik struke, potvrđujući engleski jezik kao dominantan i *lingua franca* u većini profesionalnih područja. Posuđivanje termina u druge jezike rezultira stvaranjem jezičnih hibrida, što može dovesti do terminološke neujednačenosti ili narušene razumljivosti, osobito među korisnicima bez specijaliziranoga znanja. Regionalne varijacije unutar jezika dodatno kompliciraju proces prevođenja. Na primjer, britanski i američki engleski u području prava ili medicine koriste različitu terminologiju, što od prevoditelja zahtijeva poznavanje regionalnih standarda i potreba ciljane publike. Osim suvremenih izazova, tehnološki i društveni razvoj dovodi i do zastarijevanja određenih pojmova, što otežava prevođenje starijih stručnih tekstova, čime raste važnost poznavanja povijesnoga i kulturološkoga konteksta.

Teorijska literatura o jeziku struke naglašava da terminologija predstavlja temeljnu komponentu specijaliziranih jezika te da svaki termin ima jasno definirano značenje unutar konceptualnoga sustava određene discipline (Wüster, Cabré, Temmerman). Terminološke jedinice ne funkcioniraju izolirano, već u mreži paradigmatičkih i sintagmatičkih odnosa, zbog čega njihovo pravilno razumijevanje zahtijeva poznavanje konceptualnih struktura, profesionalnih konvencija i komunikacijskih potreba određenoga stručnog područja. Funkcionalističke teorije prevođenja (poput skopos teorije) ističu važnost svrhe prijevoda te prilagodbe ciljanoj publici, što postaje ključno u prevođenju jezika struke, gdje razina stručnosti čitatelja bitno određuje stil i terminološku gustoću teksta. U tom kontekstu jedan od najvećih izazova za prevoditelje jest osiguranje terminološke preciznosti. Stručni termini često imaju specifična značenja koja se razlikuju od onih u općem jeziku, stoga prevoditelj mora identificirati najprimjereniji ekvivalent ili, u slučaju da ne postoji ustaljen izraz, razviti novo rješenje u skladu s terminološkim i komunikacijskim normama struke. Primjeri višeznačnih termina, poput riječi *cell*, koja može označavati biološku ćeliju, bateriju ili zatvorsku ćeliju, pokazuju važnost kontekstualne interpretacije u prevođenju. Osim toga, stručne publike znatno se razlikuju u razini specijaliziranoga znanja, pa tekstovi namijenjeni stručnjacima često sadržavaju visoku terminološku gustoću, dok oni namijenjeni široj publici zahtijevaju pojednostavljenje, parafraziranje i prilagodbu strukture. Dodatni izazov predstavlja činjenica da se stručni tekstovi često prevode pod vremenskim pritiskom, posebice u područjima poput medicine, prava ili inženjerstva, gdje netočnosti mogu imati ozbiljne posljedice. U takvim uvjetima prevoditelji se oslanjaju na terminološke baze podataka, računalno potpomognuto prevođenje i specijalizirane alate, no unatoč tehnološkim inovacijama, ljudska stručnost ostaje nezamjenjiva u interpretaciji kompleksnih koncepata i kontekstualnih nijansi.

Primjena tehnologije u prevođenju

Jezik, kao dinamičan i adaptivan sustav, neprestano se razvija pod utjecajem društvenih, kulturnih i tehnoloških promjena. U okviru sociolingvistike i terminološke teorije ističe se da je jezik struke osobito podložan brzim transformacijama, budući da je usko povezan s napretkom znanosti i razvojem novih stručnih disciplina (Cabré 1999). U skladu s terminološkom normom, svako novo znanstveno otkriće, proces ili tehnologija zahtijeva i odgovarajući terminološki znak, čime nastaje potreba za proširivanjem stručnoga vokabulara. Posljednjih je desetljeća osobito vidljiv porast novih termina u područjima poput informacijske tehnologije, biomedicine, energetike ili umjetne inteligencije, što dodatno potvrđuje tezu o ubrzanom razvoju jezika struke. Ovaj intenzivan terminološki rast potaknuo je izradu brojnih jednojezičnih i višejezičnih rječnika, terminoloških baza i specijaliziranih glosara čija

je svrha olakšati stručnjacima pisanje, razumijevanje i prevođenje znanstvenih i tehničkih tekstova. Ipak, teorija terminografije upozorava da se statični rječnički resursi teško mogu nositi s dinamikom modernih znanstvenih disciplina (Bergenholtz & Tarp 2003).

Brzina kojom nastaju novi koncepti nerijetko nadilazi mogućnosti redovitoga ažuriranja rječnika, što dovodi do terminoloških praznina, neujednačenosti ili čak pogrešnih prijevodnih rješenja. Takvi se problemi osobito očituju u slučajevima kad prevoditelji i znanstvenici u realnom vremenu trebaju adekvatne ekvivalente za izraze koji u ciljanom jeziku još nisu standardizirani. Ovaj rad analizira izazove s kojima se susreću lingvisti i prevoditelji pri pisanju i prevođenju stručnih i znanstvenih radova na engleskom i njemačkom jeziku, kao i pri prevođenju tekstova s hrvatskoga jezika. Poseban naglasak stavljen je na terminološku insuficijenciju i probleme koji proizlaze iz nedovoljno razvijene ili nepostojeće terminologije. Primjerice, pojmovi poput *edge computing*, *precision medicine* ili *green hydrogen* u hrvatskome jeziku često imaju višestruka ili nestandardizirana rješenja, što otežava precizno prenošenje značenja. Slični izazovi postoje i u germanofonom prostoru, gdje se primjerice pojam *robotics* može prevesti kao *Robotik*, *Robotertechnik* ili *Automatisierungstechnik*, pri čemu svaki termin nosi različite konotacije ovisno o struci. Primjena tehnologije u prevođenju dodatno oblikuje suvremeni pristup jeziku struke. Strojno prevođenje (MT) i alati računalno potpomognutoga prevođenja (CAT) postali su integralni dio profesionalnoga prevoditeljskog procesa. Međutim, teorija prevođenja ističe da automatski sustavi još uvijek imaju značajna ograničenja u obradi terminologije, posebno kada se radi o polisemičnim i kontekstualno specifičnim izrazima. Primjerice, termin *implant* može označavati stomatološki, ortopedski, ginekološki ili elektronički implant, što strojni sustav bez dodatnoga konteksta često pogrešno razlučuje. Osim jezičnih izazova, prevođenje stručnih tekstova uključuje i etičku dimenziju. Pogreške u prijevodu pravnih dokumenata, medicinskih nalaza ili farmaceutskih protokola mogu imati ozbiljne posljedice, što zahtijeva visoku razinu odgovornosti, diskrecije i stručnosti prevoditelja. Da bi se prevladali ti izazovi, prevoditelji moraju posjedovati interdisciplinarna znanja i kontinuirano ulagati u stručno usavršavanje. Sudjelovanje na terminološkim radionicama, praćenje najnovijih istraživanja, izrada vlastitih terminoloških baza te konzultiranje stručnjaka iz pojedinih domena ključni su koraci u osiguravanju prijevodne kvalitete. Dodatno, aktivno sudjelovanje u terminološkim odborima i profesionalnim mrežama doprinosi standardizaciji i ujednačenoj uporabi termina.

Kombinacija ljudske stručnosti i tehnološke podrške predstavlja najučinkovitiji model za precizno i pouzdano prevođenje stručnih tekstova. Razvoj jezika struke i s njime povezani prevoditeljski izazovi jasno pokazuju da je riječ o području koje zahtijeva stalnu prilagodbu, metodološku dosljednost i teorijski utemeljen pristup. Samo kroz kontinuirano obrazovanje, stručnu suradnju i odgovarajuću uporabu jezičnih resursa moguće je osigurati visokokvalitetno i terminološki precizno prevođenje koje zadovoljava zahtjeve suvremenoga znanstvenog diskursa.

Automatizacija prijevoda

Razvoj interneta i suvremenih tehnologija tijekom posljednjih desetljeća temeljito je transformirao prevoditeljsku industriju, potaknuvši promjene koje su redefinirale tradicionalne prakse i otvorile nove smjerove u istraživanju i primjeni lingvističkih tehnologija. Tradicionalni modeli lokalizacije i uporabe prevoditeljskih memorija (TM) zasnovani na postupnom akumuliranju prijevodnih jedinica i njihovoj ponovnoj primjeni pokazali su se nedostatnima u kontekstu rastuće potražnje za brzim, masovnim i troškovno isplativim prijevodima. U skladu s teorijama računalne lingvistike i jezičnih tehnologija, ubrzana digitalizacija stvorila je potrebu za automatiziranim sustavima koji mogu obrađivati opsežne tekstualne korpuse u vrlo kratkom vremenu.

Kao odgovor na te zahtjeve, strojno prevođenje (MT) i široka dostupnost besplatnih alata poput Google Translatea, DeepL-a i Bing Translatora omogućili su automatsku i neposrednu obradu velikih količina tekstova. Taj tehnološki napredak ne samo da je ubrzao prevoditeljske procese nego je i promijenio metodologiju rada profesionalnih prevoditelja. Primjerice, u tehničkim područjima poput IT dokumentacije ili korisničkih priručnika, MT se često koristi kao inicijalna faza prijevoda, dok se ljudski čimbenik uključuje u fazi posteditiranja, kako bi se osigurala terminološka i stilistička preciznost. Slično

tome, u području e-trgovine automatizirani sustavi omogućuju trenutačni prijevod opisa proizvoda u desecima jezičnih varijanti, što bi tradicionalnim metodama bilo logistički neizvedivo.

Nadalje, razvoj MT-asistiranih TM sustava koji integriraju prednosti strojnoga prevođenja i prevoditeljskih memorija doveo je do pojave hibridnih modela prevođenja. Ti sustavi simultano pretražuju postojeće prijevodne memorije i generiraju prijedloge putem MT-a, čime omogućuju povećanje produktivnosti bez značajnoga smanjenja kvalitete. U tom kontekstu posebno je zanimljiv *crowdsourcing* model prevođenja koji se primjenjuje u globalnim projektima, poput lokalizacije korisničkih sučelja, aplikacija i videoigara. U tzv. *hive* modelima prijevoda, široke zajednice dvojezičnih i višejezičnih korisnika sudjeluju u stvaranju i reviziji prijevoda, dok kolektivna korekcija osnovnih pogrešaka povećava učinkovitost. Primjeri ovakvih platformi uključuju Duolingo, gdje korisnici sudjeluju u prevođenju stvarnih tekstova, te Amara.org, koji omogućuje kolaborativno prevođenje audiovizualnih sadržaja. Međutim, kvaliteta takvih prijevoda uvelike ovisi o kompetencijama dobrovoljnih sudionika, što nameće izazove u očuvanju terminološke dosljednosti i stilske koherentnosti. Uz tehnološke inovacije, mijenja se i profesionalna dinamika unutar prevoditeljske industrije. S porastom automatizacije smanjuje se potražnja za tradicionalnim prevođenjem, što rezultira padom cijena i nepovoljnijim uvjetima rada. Istodobno raste potreba za specijaliziranim ulogama, kao što su lingvistički konzultanti, terminolozi, stručnjaci za postediting i profesionalci za kontrolu kvalitete (QC). U visokospecijaliziranim područjima, primjerice farmaceutici, biomedicini, pravu i zrakoplovnoj sigurnosti, ljudski čimbenik ostaje nužan kako bi se osigurala preciznost, dosljednost i kontekstualna točnost prijevoda. U tim područjima pogrešno renderiranje jednog jedinog termina može imati dalekosežne posljedice, što potvrđuje potrebu za dubinskim jezičnim i stručnim znanjem prevoditelja. Prevođenje jezika struke unutar automatiziranih okruženja predstavlja interdisciplinarno područje na sjecištu jezika, tehnologije i pojedinih stručnih disciplina.

Jezici struke uključuju terminološke sustave karakteristične za određena područja znanja, kao što su medicina (npr. *benign vs. malignant*), pravo (*tort, jurisdiction*), tehnika (*torque, tensile strength*) ili ekonomija (*derivatives, liquidity ratio*). Ti jezici obilježeni su visokim stupnjem terminološke preciznosti, kontekstualnom specifičnošću i složenim sintaktičkim strukturama. Automatizirani sustavi često se suočavaju s ograničenjima pri interpretaciji takvih izraza, što dovodi do pogrešaka, primjerice u prijevodu polisemičnih termina poput English *bond*, koji može označavati financijsku obveznicu, kemijsku vezu ili jamstvo. Unatoč sve većoj sofisticiranosti jezičnih tehnologija, ljudska stručnost ostaje nezamjenjiva u procesima kontrole kvalitete, posteditiranja i interpretacije kontekstualnih značenja. Zbog toga se profesionalna uloga prevoditelja mijenja, odnosno prevoditelji postaju upravitelji prevoditeljskih tehnologija, specijalisti za terminološku dosljednost i analitičari kvalitete. Takva promjena zahtijeva dodatnu obuku i kontinuirano usavršavanje, kako bi se osigurala kompetentnost u korištenju novih tehnologija, razumijevanje njihovih ograničenja i sposobnost integracije ljudskoga faktora u sve faze prevoditeljskoga procesa.

Terminologija i specijalizirani jezik: ključne značajke i izazovi

Terminologija ili specijalizirani jezik ne predstavlja isključivo tehničku ili posebnu varijantu općega jezika. U suvremenom društvu, u kojem su znanost i tehnologija u središtu interesa, način na koji se nazivaju, strukturiraju, opisuju i prevode koncepti specijaliziranoga znanja specijalizirani jezik ima presudnu ulogu. Informacije u znanstvenim i tehničkim tekstovima kodirane su u terminima, odnosno jedinicama specijaliziranoga znanja, koje služe kao pristupne točke za složenije strukture znanja. Ti termini nose implicitna i eksplicitna konceptualna značenja, koja zajedno tvore temelje specijaliziranoga znanja. Za uspješnu izradu specijaliziranih tekstova, prevoditelji i tehnički pisci moraju posjedovati duboko razumijevanje jezika specifičnoga za određeno konceptualno područje, poznavati sadržaj koji treba prenijeti te biti svjesni razine znanja ciljne publike. Prema Bowker (2023) prevođenje specijaliziranih tekstova zahtijeva više od jednostavne zamjene pojedinačnih termina, potrebno je uspostaviti interlingvističke reference koje odražavaju cjelokupne strukture znanja. Samo tako moguće je postići razinu razumijevanja nužnu za stvaranje ekvivalentnoga teksta. Rasprave o potrebnoj razini stručnosti prevoditelja ili tehničkoga pisca u specijaliziranoj domeni nisu rijetkost. Neki smatraju da

samo stručnjaci s područja mogu adekvatno pisati ili prevoditi znanstvene i tehničke tekstove, dok drugi vjeruju da lingvistička kompetencija može biti dovoljna. Iako stručnjaci često pokušavaju pisati ili prevoditi tekstove zahvaljujući poznavanju terminoloških korespondencija, iskustva pokazuju da je takav zadatak izrazito zahtjevan. Slično tome, postoje pisci ili prevoditelji koji pretpostavljaju da njihovo jezično znanje osigurava stvaranje kvalitetnoga znanstvenog ili tehničkog teksta, no takav pristup bez pripreme i dokumentacije također nosi značajne izazove. Poznavanje terminoloških podudarnosti često nije dovoljno jer jedinice, u kontekstu, utječu na tekst na svim razinama. Istovremeno, lingvističko znanje samo po sebi nije dostatno za stvaranje prihvatljivoga teksta u specijaliziranom području. Prevoditelj ili tehnički pisac mora razumjeti konceptualne entitete, njihove međusobne odnose i ulogu unutar specifičnih događaja. To ukazuje na važnost poznavanja terminologije i sposobnosti provođenja terminološkoga menadžmenta, što omogućuje učinkovitije stjecanje i strukturiranje znanja. Upravo je razumijevanje terminologije i specijaliziranoga predstavljanja znanja ključni faktor za uspješno stvaranje i prevođenje znanstvenih i tehničkih tekstova. Razvoj terminoloških teorija početkom 90-ih godina prošloga stoljeća donio je značajne promjene, posebno kroz uvođenje socioterminologije i komunikativne teorije terminologije. Te teorije predstavljaju alternativu tradicionalnoj Općoj teoriji terminologije, usmjeravajući se na stvarnu upotrebu termina unutar komunikacijskih konteksta (Bowker 2023). Analizom socioloških i diskursnih čimbenika koji oblikuju specijalizirane tekstove, omogućuju dublje razumijevanje dinamične prirode jezika u stručnim domenama. Socioterminologija, koju je razvio Gaudin (1993), temelji se na primjeni sociolingvističkih načela u terminološke studije. Terminološka varijacija, prema ovom pristupu, proizlazi iz društvenih, etničkih i komunikacijskih čimbenika. Različiti konteksti upotrebe mogu generirati različite varijante termina, pri čemu društveni status, znanje i prestiž govornika značajno utječu na odabir izraza. Ključni doprinos socioterminologije leži u prepoznavanju iluzorne prirode standardizacije jezika, naglašavajući neizbježnost polisemije i sinonimije. Konceptualni sustavi i definicije nisu statični, već podložni promjenama uzrokovanim društvenim i komunikacijskim uvjetima, čime se otvara prostor za nove, opisne pristupe u terminološkim istraživanjima. Komunikativna teorija terminologije, koju je razvila Cabré (1999. – 2003.), predstavlja multidimenzionalni pristup analizi terminoloških jedinica. Taj model, poznat kao Teorija vrata, temelji se na integraciji kognitivne, jezične i sociokomunikacijske komponente. Terminološke jedinice promatraju se kao poliedri, omogućujući različite analitičke pristupe njihovim višedimenzionalnim svojstvima. Ta teorija znatno je pridonijela istraživanju odnosa među konceptima, terminološkoj varijaciji i primjeni lingvističkih modela u analizi specijaliziranoga jezika. Međutim, nedostatak jasne konceptualne semantike i precizne analize specijaliziranoga značenja ukazuje na potrebu za daljnjim istraživanjima. Unatoč tim ograničenjima, komunikativna teorija terminologije predstavlja značajan iskorak u odnosu na tradicionalne pristupe i pruža temelj za daljnji razvoj terminoloških studija. Kognitivni zaokret u lingvistici, zabilježen krajem 20. stoljeća (Evans i Green 2006), također je imao snažan utjecaj na terminološke teorije. Kognitivne teorije terminologije istražuju sučelje između jezika i konceptualnih struktura, naglašavajući njihovu međusobnu povezanost. Ovi pristupi, uključujući sociokognitivnu terminologiju (Temmerman 1997., 2000., 2006.) i terminologiju temeljenu na okvirima (Faber i sur. 2005. – 2011.), integriraju spoznaje iz kognitivne lingvistike i psihologije kako bi analizirali konceptualne odnose i strukture unutar specijaliziranih domena. Ti modeli proširuju dosadašnje pristupe, istražujući kako se značenje gradi i prenosi u specijaliziranim tekstovima, posebno u kontekstu prevođenja i jezične produkcije. Integracija kognitivnih i psiholoških elemenata omogućila je dublje razumijevanje terminoloških procesa i obogatila teorijski okvir za analizu jezika specijaliziranih domena.

Unatoč sličnostima s komunikativnom teorijom terminologije, kognitivne teorije donose dodatnu dimenziju kroz naglasak na konceptualnim mrežama i njihovoj ulozi u oblikovanju značenja. Lingvisti koji rade na pisanju stručnih i znanstvenih radova na engleskome i njemačkome jeziku, kao i na prevođenju tekstova s hrvatskoga jezika na strane jezike, suočavaju se s brojnim izazovima. Ti izazovi proizlaze iz složenosti jezika struke, kulturnih razlika i tehnoloških ograničenja, a obuhvaćaju više aspekata. Jedan je od ključnih problema nedostatak standardizirane terminologije. Specijalizirana područja često koriste termine koji nisu jednoznačno definirani ni usuglašeni, što stvara nesigurnost pri odabiru odgovarajućih izraza na ciljanom jeziku. Lingvisti se stoga često oslanjaju na vlastito

istraživanje ili konzultacije sa stručnjacima kako bi osigurali točnost i preciznost. Brz razvoj znanstvenih i tehnoloških disciplina dodatno komplicira situaciju. Uvođenje novih pojmova i koncepata često nadmašuje brzinu kojom se ažuriraju rječnici i terminološke baze, što zahtijeva od lingvиста da samostalno kreiraju ili prilagođavaju prijevode. Razlike u jezičnoj strukturi i sintaksi također predstavljaju značajan izazov. Hrvatski jezik, s fleksibilnom sintaksom i bogatom morfologijom, često zahtijeva prilagodbe pri prevođenju na engleski ili njemački jezik, koji imaju rigidniju gramatičku strukturu. Ovo može otežati prenošenje značenja uz očuvanje logičkoga slijeda i stilskih karakteristika teksta. Dodatnu složenost unosi i kulturni kontekst jer su pojmovi i izrazi često ukorijenjeni u specifične društvene i pravne okvire jezika izvornika. Neki specifični izrazi, poput pravnih ili administrativnih termina u hrvatskome jeziku, nemaju izravne ekvivalente u engleskome ili njemačkome jeziku, što otežava točan prijenos značenja.

Manjak adekvatnih resursa i alata za računalno potpomognuto prevođenje (CAT) i terminološke baze za manje raširene jezike dodatno opterećuje rad lingvиста. Ograničena dostupnost takvih alata povećava rizik od grešaka i usporava proces prevođenja. U stručnim i znanstvenim tekstovima ključno je očuvati formalnost i stil. Lingvisti su često suočeni s izazovom prilagodbe prijevoda tako da odgovara normama ciljanoga jezika, a istovremeno zadrži visoku razinu stručnosti i preciznosti izvornika. Pojava dvosmislenih ili višeznačnih izraza dodatno komplicira prijevodni proces, jer njihovo značenje ovisi o specifičnom kontekstu, što zahtijeva od lingvиста temeljito razumijevanje tematike. Ograničenja u vremenskim rokovima i proračunima čest su problem u profesionalnim i akademskim okruženjima, što smanjuje vrijeme dostupno za terminološku provjeru i doradu, potencijalno utječući na kvalitetu konačnoga teksta. Često se javlja i problem nedovoljne suradnje sa stručnjacima iz područja na koje se tekst odnosi. Lingvisti se ponekad moraju osloniti na vlastito razumijevanje materije, što može rezultirati netočnostima, osobito u složenim i specijaliziranim temama. Osim toga, potrebno je uskladiti prijevode s međunarodnim standardima koji variraju među disciplinama, čime se osigurava prihvaćanje tekstova u akademskim i profesionalnim krugovima. Ti izazovi ističu važnost kontinuirane edukacije lingvиста, razvoja naprednijih tehnologija i alata te jačanja suradnje između jezičnih stručnjaka i specijalista iz različitih područja. Takve mjere ključne su za osiguranje kvalitete, učinkovitosti i preciznosti prijevoda u stručnom i znanstvenom kontekstu.

Iskustva i percepcija izazova prevođenja u jeziku struke

Prijevod stručnih tekstova predstavlja ključan element globalne razmjene znanja, omogućujući stručnjacima iz različitih područja pristup relevantnim informacijama i učinkovitu komunikaciju. Ovaj proces zahtijeva visoku razinu jezične i stručne preciznosti, što uključuje poznavanje specijalizirane terminologije, razumijevanje konteksta i korištenje suvremenih alata za računalno potpomognuto prevođenje (CAT). Unatoč tehnološkom napretku, prevoditelji i stručnjaci i dalje se suočavaju s brojnim izazovima, osobito u domeni terminološke standardizacije i interpretacije kompleksnih sadržaja. Kako bi se stekao dublji uvid u tekuće izazove i potrebe prevoditeljske industrije, provedeno je istraživanje usmjereno na učestalost potrebe za prijevodima stručnih tekstova, identificiranje najčešćih problema i ispitivanje uloge suradnje između lingvиста i stručnjaka iz specifičnih domena. Posebna pažnja posvećena je analizi korištenja terminoloških resursa i tehnologija te potrebama za unaprjeđenjem prevoditeljskih praksi. Istraživanje je polazilo od nekoliko hipoteza, među kojima su najvažnije: da je potreba za prijevodom najizraženija u područjima stranih jezika, medicine i prava; da glavni izazovi proizlaze iz terminološke i stilske složenosti tekstova; te da suradnja jezičnih i područnih stručnjaka značajno unaprjeđuje kvalitetu prijevoda.

Hipoteze

H1: Automatizirani sustavi prevođenja nisu dovoljno učinkoviti u prevođenju terminološki kompleksnih izraza jezika struke bez intervencije stručnog posteditora.

H2: Korištenje hibridnih MT-TM sustava značajno smanjuje broj terminoloških pogrešaka u odnosu na isključivo strojno prevođenje.

H3: Kvaliteta prijevoda stručnoga teksta ovisi više o razini stručnoga znanja prevoditelja nego o vrsti korištene tehnologije.

Istraživačka pitanja

1. Kako razvoj suvremenih tehnologija (MT, CAT, TM) utječe na proces i kvalitetu prevođenja jezika struke?
2. U kojoj se mjeri strojno prevođenje može smatrati pouzdanim alatom za prevođenje terminološki složenih stručnih tekstova?
3. Koje vrste terminoloških i semantičkih pogrešaka najčešće nastaju pri strojnom prevođenju jezika struke?

2. METODOLOGIJA

Podatci su prikupljeni putem anketnoga upitnika, u kojemu je sudjelovalo 50 ispitanika iz različitih profesionalnih područja: stranih jezika, prava, medicine, ekonomije i tehničkih znanosti. Upitnik je sadržavao nekoliko sekcija usmjerenih na prikupljanje podataka o:

- učestalosti potrebe za prevođenjem stručnih tekstova
- glavnim izazovima u prevođenju
- vrstama tekstova koji se najčešće prevode
- ulozi suradnje između jezičnih stručnjaka i stručnjaka iz specifičnih područja
- prijedlozima za unapređenje prevoditeljskih procesa.

Cilj metodološkoga pristupa bio je dobiti empirijske podatke o praktičnim izazovima i praksama stručnjaka koji se bave prevođenjem.

3. REZULTATI

3.1. UČESTALOST POTREBE ZA PREVOĐENJEM

Distribucija odgovora pokazala je sljedeće:

- povremena potreba: 33 ispitanika (66 %)
- svakodnevna potreba: 7 ispitanika (14 %)
- tjedna potreba: 4 ispitanika (8 %)
- mjesečna potreba: 3 ispitanika (6 %)
- bez potrebe za prijevodom: 3 ispitanika (6 %).

Svakodnevno prevođenje dominantno je u stručnjaka za strane jezike i medicinskih istraživača, dok je povremena potreba najčešća u ekonomiji, pravu i tehničkim područjima.

3.2. GLAVNI IZAZOVI U PREVOĐENJU

Identificirani izazovi uključuju složenu terminologiju i teško razumijevanje izvornoga teksta, kompleksne gramatičke konstrukcije (osobito u pravnim tekstovima), višestruke moguće prijevodne ekvivalente, složenice u tehničkom i medicinskom jeziku, prisutnost nejezičnih elemenata (grafovi,

formule, dijagrami). Najčešće su vrste prevođenja tekstova znanstveni članci, pravna dokumentacija, marketing i poslovna komunikacija, stručne studije i izvještaji i tehnička dokumentacija i priručnici. Suradnja jezičnih i područnih stručnjaka istaknuta je kao ključna za precizno razumijevanje konteksta, pravilnu upotrebu terminologije, standardizaciju pojmova te ubrzavanje i unaprjeđenje kvalitete prevođenja. Sudionici su naveli sljedeće preporuke:

- razvoj specijaliziranih terminoloških baza i rječnika
- stručno usavršavanje prevoditelja u specifičnim domenama
- jača standardizacija terminologije
- primjena naprednih AI i CAT alata uz ljudski nadzor.

4. RASPRAVA

Rezultati istraživanja potvrđuju da prevođenje stručnih tekstova predstavlja složen i zahtjevan proces, u kojem terminologija, stil i kontekst igraju ključnu ulogu. Ispitanici su prepoznali potrebu za interdisciplinarnim pristupom, jer ni jezična stručnost bez domenskoga znanja, niti domensko znanje bez jezične kompetencije, nije dostatno za kvalitetan prijevod. Suradnja stručnjaka pokazala se posebno važnom u domenama poput medicine i prava, gdje terminološka preciznost ima presudnu ulogu. Unatoč rastućoj upotrebi tehnologije, rezultati ukazuju da ljudska stručnost ostaje nezamjenjiva u interpretaciji konteksta, kulturnih specifičnosti i stilskih nijansi. Tehnološki napredak, uključujući automatizaciju i AI alate, otvara nove mogućnosti, ali istodobno nameće potrebu za prilagodbom profesionalne prakse, etičkim standardima i kontinuiranim razvojem prevoditeljskih kompetencija.

5. ZAKLJUČAK

Istraživanja dosljedno potvrđuju da kvaliteta prijevoda stručnih i specijaliziranih tekstova ovisi o uravnoteženoj integraciji jezične ekspertize, domenskoga znanja i učinkovitoga korištenja prevoditeljskih tehnologija. U znanstvenoj i profesionalnoj literaturi često se raspravlja o tome trebaju li specijalizirane tekstove prevoditi isključivo domenski stručnjaci koji posjeduju dubinsko razumijevanje pojmovnoga sustava ili profesionalni lingvisti i prevoditelji, čija je primarna kompetencija jezična i komunikacijska. Međutim, analiza dostupnih modela i praksi pokazuje da ni jedan pristup nije dovoljan sam po sebi. Optimalni rezultati postižu se kada se domensko znanje, kao što je poznavanje terminologije i konceptualnih odnosa, spoji s jezičnom preciznošću, koja uključuje razumijevanje diskurzivnih konvencija, stilističkih zahtjeva i pragmatičkih funkcija teksta. Primjerice, u medicinskoj dokumentaciji termin *lesion* može ovisno o kontekstu značiti *lezija*, ali u onkološkim izvješćima često označava *tumorsku promjenu*, što lingvist bez domenskoga znanja može previdjeti. S druge strane, stručnjak za medicinu može proizvesti prijevod koji je terminološki točan, ali neadekvatno strukturiran, što smanjuje čitljivost i funkcionalnost teksta, osobito u međunarodnoj komunikaciji.

U kontekstu ubrzane digitalne transformacije, prevoditeljska industrija sve više zahtijeva kontinuiranu prilagodbu tehnološkim promjenama, uključujući razvoj specijaliziranih terminoloških baza, sustava za automatizirano pretraživanje korpusa te integraciju naprednih alata za strojno prevođenje i postediting. Primjer je takve prakse uporaba namjenskih terminoloških baza u farmaceutskoj industriji, gdje alat automatski prepoznaje termin *adverse event* i predlaže ustaljeni prijevod *neželjeni događaj*, čime se povećava dosljednost i smanjuje rizik od pogreške. Sustavno usavršavanje prevoditelja, kako u jezičnim i terminološkim kompetencijama, tako i u specifičnim alatima poput CAT sustava i korpusnih tehnologija omogućuje povećanje točnosti, dosljednosti i funkcionalne prikladnosti prijevoda. To je osobito važno u područjima u kojima se pogreške ne smiju tolerirati, kao što su pravo, medicina, zrakoplovstvo ili energetski sektor. Cjelokupni interdisciplinarni pristup doprinosi ne samo kvaliteti prijevoda nego i globalnoj razmjeni znanja, ubrzanju inovacija te povećanju sigurnosti i pouzdanosti stručne komunikacije u međunarodnim okruženjima.

LITERATURA

- Bergenholtz, H. i Tarp, S. (2003). Two opposing theories: On H.E. Wiegand's recent discovery of lexicographic functions, *Hermes – Journal of Language and Communication in Business*, 31, pp. 171-196.
- Bowker, L. (2023). *Demistificiranje prijevoda: Predstavljanje prijevoda ne-prevoditeljima*. New York. Routledge.
- Cabré, M.T. (1999). *Terminology: Theory, Methods and Applications*. Amsterdam/Philadelphia. John Benjamins.
- Garcia, I. (2009). *Beyond Translation Memory: Computers and the Professional Translator*.
- Gotti, M. (2011). *Istraživanje specijaliziranog diskursa*. 3rd edn. Lingvistika.
- ISO 18587:2017 (2017). *Translation services — Post-editing of machine translation output — Requirements*. Geneva. International Organization for Standardization.
- Koehn, P. (2010). *Statistical Machine Translation*. Cambridge. Cambridge University Press.
- Rodrigues, D. (2024). Book review: Bowker, Lynne. *De-mystifying Translation: Introducing Translation to Non-translators*. New York. Routledge, 2023, 216 pp.
- Sager, J. C. (1994). *Language Engineering and Translation: Consequences of Automation*. [online] Available at: DOI: <https://doi.org/10.1075/btl>.
- Temmerman, R. (2000). *Towards New Ways of Terminology Description: The Sociocognitive Approach*. Amsterdam/Philadelphia. John Benjamins.
- Vermeer, H. J. (1989). Skopos and Commission in Translational Action, in Chesterman, A. (ed.) *Readings in Translation Theory*. Helsinki. Oy Finn Lectura Ab, pp. 173-187.
- Wüster, E. (1979). *Einführung in die Allgemeine Terminologielehre und Terminologische Lexikographie*. Wien. Springer.

Izvorni znanstveni rad/Original scientific paper

UDK 811.163.42'373.22:59
811.161.1'373.22:59

*Ovaj rad nastao je kao dio projekta Jezik prava i poslovna komunikacija – LLBC
ffpu-01-2024-3, <https://www.croris.hr/projekti/projekt/15848>*

Andrea Pavlović

Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Filozofski fakultet
apavlovic@student.unipu.hr

Irena Mikulaco

Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Filozofski fakultet
irena.mikulaco@unipu.hr

EKVIVALENCIJA U PRIJEVODU HRVATSKIH I RUSKIH FRAZEMA

SAŽETAK

Tema je ovoga rada prijevod zoonimskih frazema s naglaskom na postizanje ekvivalencije između hrvatskoga i ruskoga jezika. Analizira se važnost razumijevanja jezične slike svijeta koja se reflektira u frazemima te uloga i značenje pozadinskoga znanja. Frazemi su duboko ukorijenjeni u svijest određene zajednice te nose specifična kulturološka značenja. Kroz opis ekvivalencije i ekvivalentnoga efekta objašnjavaju se različiti stupnjevi podudarnosti između frazema u izvornome i ciljnome jeziku. Cilj je osvijestiti prevoditelje o kompleksnosti frazeologije i potaknuti na dublje proučavanje frazema da bi unaprijedili kvalitetu svojih prijevoda, izbjegavajući doslovne i netočne prijevode koji mogu narušiti izvorni smisao. Rad nudi konkretne primjere hrvatskih i ruskih frazema koji daju uvid u potpune, djelomične ili nulte ekvivalente. Razumijevanje i pravilna primjena frazema ne samo da obogaćuje prijevod već i osigurava njegovu izvornost i prirodnost, čime se u konačnici poboljšava kvaliteta cjelokupnoga prevoditeljskog rada.

Ključne riječi: frazeologija, prijevod, ekvivalencija, jezična slika svijeta, pozadinska znanja

Equivalence in the translation of Croatian and Russian phrasemes

ABSTRACT

This paper focuses on the translation of phraseological zoonyms, with an emphasis on achieving equivalence between Croatian and Russian. It examines the importance of understanding the linguistic representation of the world as reflected in phraseological expressions, as well as the role of background knowledge. These phrases are deeply rooted in the consciousness of a particular community and carry specific cultural meanings. Through descriptions of equivalence and its effects, the paper explains the different degrees of correspondence between phrases in the source and target languages. This paper aims to raise translators' awareness of the complexity of phraseology, to stimulate a deeper study of phraseological phrases and to improve translation quality by avoiding literal and inaccurate translations that may undermine the original meaning. The paper provides concrete examples of Croatian and Russian phraseologisms that demonstrate full, partial, or zero equivalents. Correct understanding and usage of phraseological expressions enriches the translation and ensures its authenticity and naturalness, ultimately improving its quality.

Keywords: phraseology, translation, equivalence, linguistic image of the world, background knowledge of the translator

1. UVOD

Frazemi su duboko ukorijenjeni u povijesnim, kulturnim i društvenim aspektima jezika. Često predstavljaju izazov za prevođenje, stoga je pronalazak ekvivalencije mukotrpan posao. Značenje frazema nije doslovno izvedivo iz pojedinačnih riječi te zahtijeva posebnu pozornost prevoditelja kako bi prenijeli kulturne i jezične nijanse u drugi jezik. U kontekstu prijevoda ruskoga i hrvatskoga jezika frazemi odražavaju različite, ali i slične svjetonazore, kolektivno iskustvo i kulturne tradicije dvaju slavenskih naroda. Pomoću tih izraza i danas se može „čitati” o svakodnevici i svjetonazoru predaka.

Osim poznavanja prijevodnih tehnika istražiti će se pojam pozadinskoga znanja prevoditelja koje utječe na sposobnost pronalaska ekvivalenta koji daje isti efekt, kako u izvornome jeziku tako i u ciljnome jeziku. Ključno pozadinsko znanje omogućuje dublje kulturno razumijevanje. Frazeologija je temeljni izazov za svakoga prevoditelja. Prevođenje predstavlja izazov u premošćivanju jezičnih i kulturnih barijera. Ti jezični dragulji rijetko dopuštaju doslovan prijevod, zahtijevajući od prevoditelja više od poznavanja gramatike. Prijevod često zahtijeva kreativnost te prevoditelji moraju pronaći rješenja koja donose smisao što predstavlja intelektualni izazov i umjetnički zadatak.

Ovaj rad istražuje ekvivalenciju u prijevodu zoonimskih frazema u ruskome i hrvatskome jeziku, s posebnim naglaskom na jezičnu sliku koja utječe na prevođenje. Analizom primjera nastojat će se rasvijetliti kako se kulturno uvjetovana značenja frazema prenose s jednoga jezika na drugi. Navedeni primjeri nalaze se u raznim rječnicima, ali postoji još prostora za dublje istraživanje istih.

2. DOSADAŠNJA ISTRAŽIVANJA HRVATSKE FRAZELOGIJE

Hrnjak (2017) navodi da je termin „frazeologija” izveden iz dviju grčkih riječi: *phrasis* = izričaj i izraz; *logos* = riječ i govor. Frazeologija proučava frazeološki jezik kao sustav. Prema tradicionalnoj frazeološkoj školi frazeologiju možemo definirati kao lingvističku disciplinu. Postoji opsežna literatura o frazeologiji, što je dokaz da je ta tema zanimljiva mnogim jezikoslovcima.

„U hrvatskome jezikoslovlju početak frazeoloških istraživanja obilježio je rad Antice Menac *O strukturi frazeologizama* u kojemu autorica određuje predmet istraživanja i osnovna obilježja promatrane jezične jedinice stvarajući temelje Zagrebačke frazeološke škole koja je zaslužna za osamostaljivanje i frazeologije kao jezikoslovne discipline te razvoj i promicanje hrvatske frazeologije u svijetu” (Kovačević 2012: 4). Tim radom s početka sedamdesetih godina u Hrvatskoj započinje razvoj istraživanja frazeologije. Od tada postoje razni tekstovi, radovi i knjige koji se bave istraživanjem frazeologije.

3. FRAZEM

Frazemi su poput živopisnoga mozaika jezika, daju mu posebnu draž i karakter. Bez frazema naš jezik bio bi siromašniji i manje ekspresivan.

Parizoska (2022) ističe da su frazemi čestim i važnim dijelom hrvatskoga jezika – prisutni su u govoru, pisanju, medijima i oglasima. Njihovo prepoznavanje pokazuje jezičnu kompetenciju, a pravilna upotreba obogaćuje stil. Dobro poznavanje frazema također olakšava razumijevanje sličnih izraza u drugim jezicima. Slavenski frazemi motivirani su pričama iz mitologije i kao takvi postoje samo u slavenskim jezicima. Isto tako, mogu se navesti i kao nacionalni frazemi jer su motivirani povijesnim, kulturnim i jezičnim specifičnostima slavenskih naroda. Često sadrže povijesne događaje koji pokazuju pripadnost naciji (Kovačević 2012).

Kada govorimo o kulturi, nju trebamo promatrati kroz preklapanje u jeziku.

Prema Filipović Petrović (kao što navodi Telića 1998) frazeološka istraživanja usko su povezana s kulturom i mentalitetom govorne zajednice, stoga je jasna brojnost studija u kojima se analiziraju frazemi na temelju specifičnih kulturnih svjetonazora.

Slaveni su tijekom života izloženi mnogim frazemima, zbog kreativnosti izričaja naroda, te su tako fluentni u upotrebi idiomatskoga¹ jezika. Barčot (2014) navodi da se frazemi rađaju na presjeku jezika i kulture pa su zato i zasićeni kulturom te tako postaju nositeljima kulturnih znakova.

3.1. FRAZEMI IZ LINGVOKULTUROLOŠKE PERSPEKTIVE

Barčot (2017) smatra da se frazemi trebaju tumačiti ne samo kao jezični već kao kulturni znakovi. Takav pristup predstavlja osnovu lingvokulturološke analize. Lingvokulturološka disciplina spaja lingvistiku i kulturologiju proučavajući kako se kultura prelijeva u jezik. Pitanje kojim se lingvokulturolozi bave jest ugradnja kulturne informacije u jezični znak. Istaknuto ime lingvokulturologije jest V. N. Telija koja je s grupom autora predvodila sastavljanje frazeološkoga rječnika Большой фразеологический словарь русского языка koji je poslužio kao korak prema proučavanju frazema. V. N. Telija primijenila je lingvokulturološki pristup kao sinergiju kulture i jezika. Kako Barčot (2017: 62) navodi: „Frazemima se, dakle, interpretira, ocjenjuje i izražava subjektivni stav govornika prema izvanjezičnom svijetu koji ga okružuje, a frazeologija je fragment jezične slike svijeta”.

4. PRIJEVODNA EKVIVALENCIJA

Mikulaco (2024) kaže da za kvalitetan prijevod nije dovoljno poznavati dva jezika, već je potrebno razumjeti pravila prevođenja. Odnosno, potrebno je poznavati tematsko područje prijevoda, ali i kulturnu pozadinu. Samo prevođenje proces je u kojemu prevoditelj prolazi razne faze: od razumijevanja izvornoga teksta do konačne, završne verzije prijevoda. Poslom prevođenja bave se osobe raznih zanimanja (liječnici, inženjeri, studenti), a ne samo profesionalni prevoditelji i jezikoslovci.

Mikulaco dalje navodi da se razvojem novih tehnologija i alata mijenjaju načini rada i mogućnosti rada u struci. Ističe: „Ipak, unatoč tehnološkom napretku, ključna uloga u međujezičnoj i međukulturnoj komunikaciji i dalje pripada prevoditelju. On je taj koji ulazi u dijalog s izvornim tekstom i prenosi njegov sadržaj na ciljni jezik, pri čemu nastaje prijevod” (Mikulaco 2024).

Nadalje Mikulaco navodi da ekvivalent označava međujezičnu istoznačnicu, tj. riječ ili izraz koji ima isto značenje u dvama jezicima, a nije uvjetovan kontekstom. Oni su u stalnoj međujezičnoj svezi kada je riječ o jezičnim jedinicama u izvornome i ciljnome jeziku. Ekvivalentnost označava podudaranje elemenata iz dvaju različitih jezika ili dijelova teksta. Semantička ekvivalentnost odnosi se na podudarnost značenja između jedinica u jeziku izvornika i onih u jeziku prijevoda.

Pavlović (2009) ističe da je prijevodna ekvivalencija jedinstveni odnos između izvornoga i ciljnoga teksta te omogućuje prirodan doživljaj prijevoda zahvaljujući upotrebi adekvatnih izraza ciljnoga jezika. Doslovno prevođenje frazema, iako je tijekom povijesti bilo vrlo učestalo, smatra se pokazateljem nedostatne prevoditeljeve kompetencije, premda je baš tim putem mnogo frazema ušlo u hrvatski jezik.

Bošković (2021) naglašava da je cilj prijevoda pronaći ekvivalent koji će postići isti učinak kao izvorni izraz. Za ispravan prijevod frazema nužno je poznavanje jezika i kulture ciljne sredine jer se oni ne prevode doslovno već značenjski. Prijevod je olakšan ako jezici dijele sličnu kulturnu pozadinu.

Parizoska (2022) navodi da se u prijevodima moraju dogoditi određene modifikacije da bi se postigao određen efekt. Isto tako navodi da te modifikacije nisu posve slobodne već se događaju uz određena ograničenja. Prijevod frazema nije samo odraz jezične kreativnosti govornika nego i dubinskoga razumijevanja mentaliteta i kulturnoga konteksta iz jezika iz kojega potječe.

1 Upotreba idiomatskog jezika odnosi se na korištenje izraza, fraza ili konstrukcija koje imaju preneseno, specifično značenje koje nije očigledno iz doslovnoga značenja pojedinih riječi koje ga čine. Idiomatski jezik čini važan dio svakodnevne komunikacije jer izražava kulturne, emocionalne i situacijske kontekste na način koji često nadilazi doslovno značenje.

4.1. EKVIVALENTNI EFEKT

Ekvivalentni efekt² u kontekstu prijevoda odnosi se na postizanje istoga ili sličnoga učinka ili dojma ciljnoj publici kao što to čini izvorni tekst na izvornome jeziku. Kada se prijevodom postigne ekvivalentni efekt, to znači da su čitatelji ili slušatelji na ciljnome jeziku izloženi istomu emocionalnom, intelektualnom ili estetskom iskustvu kao i oni koji su konzumirali izvorni tekst.

5. POZADINSKA ZNANJA PREVODITELJA

Mikulaco (2024 prema Верещагин, Костомаров 1980; Прохоров 1995) navodi da se pozadinska znanja odnose na informacije koje su dijelom ljudske svijesti i koje su zajedničke članovima određene zajednice. Ona su temeljem svake jezične komunikacije te bitnim preduvjetom za točan i smislen prijevod, posebice kada sugovornici dolaze iz različitih kulturnih i jezičnih sredina. Tijekom govora izražavaju se određene asocijacije, konotacije i jezični obrasci ponašanja izvornih govornika.

Na temelju takvih pozadinskih znanja razvijaju se dvije važne sposobnosti: sociolingvistička kompetencija (podrazumijeva znanje o pravilnoj upotrebi jezika) te sociokulturna kompetencija (uključuje razumijevanje kulturnih normi i običaja).

Nadalje, Mikulaco (prema Formanovoj) ističe da postoje podjele pozadinskih znanja kojima se mora ovladati, a to su: povijesna i kulturna pozadina (povijesni razvoj), socioekonomska pozadina (društveni život), etnokulturna pozadina (tradicija i svakodnevni život) i semiotička podloga (simboli i oznake).

„Potrebno je voditi računa o tome da pozadinska znanja u materinskom jeziku prevoditelj koristi nesvjesno, automatski, tako da za formiranje njegove sociokulturne kompetencije potrebno je stalno raditi nad proširivanjem pozadinskih znanja u ciljanom jeziku” (Mikulaco 2024: 98). Da bi prevoditelj mogao uspješno i kulturno adekvatno prevoditi, osobito frazeme i izraze koji ovise o kontekstu i kulturi, on mora stalno širiti svoja znanja o ciljnome jeziku i kulturi, čime gradi svoju sociokulturnu kompetenciju.

6. JEZIČNA SLIKA SVIJETA

„Frazeologija je područje jezika koje mnogo govori o stvaranju jezične slike svijeta i predstavlja plodno tlo za utvrđivanje načina na koji govornici određenog jezika konceptualiziraju stvarnost” (Hrnjak 2017: 5). Jezik i percepcija stvarnosti u lingvistici su povezani.

Pavlović (2009) navodi da se od prevoditelja očekuje lingvistička kompetencija, ali i duboko razumijevanje kulturnih konteksta u kojima se jezici koriste. S obzirom na to da kultura nije statičan pojam i da se često ne poklapa s državnim granicama, prevoditelji moraju biti spremni suočiti se s kompleksnim kulturnim prepletanjem. Neophodno je da prevoditelji posjeduju opće znanje o kulturama, ali i specifična znanja o tome kako se kultura odražava u jeziku i kako kultura oblikuje kulturu.

Mikulaco (2020 prema Popovoj i Sterpin) navodi da je jezična slika uređeni skup znanja koji se oblikuje u grupnoj i individualnoj svijesti. Nadalje Mikulaco (prema Schmelevu) navodi da su za rusku jezičnu sliku važne riječi poput istine, dužnosti, slobode i drugih filozofskih pojmova. Sudbina, sažaljenje i bol duše jedinstveni su pojmovi povezani s ruskim mentalitetom kao i izrazi nacionalnoga karaktera poput avosa i određenih uzvika. Kovačević (prema Lakoff 1987) ističe pretpostavku da ljudi u svojoj svijesti imaju veliki skup konvencionalnih slika o svijetu koji nas okružuje, ovisno o specifičnoj kulturi kojoj pripadaju. Temelj su tih slika čovjekova iskustva i podsvijest.

Mikulaco (2020) ističe da postoji jezična slika i konceptosfera, čiji su pojmovi bliski po svome značenju jer odražavaju jezik kao sustav jednoga naroda i njegove specifičnosti. Postoji pozadinsko znanje koje kombinira nacionalnu kulturu i fenomene u njoj te znanje općeprihvaćeno u zemlji jezika koji se proučava. Na temelju pozadinskoga znanja formiraju se sociolingvističke i sociokulturne kompetencije. Sociolingvistička kompetencija pruža informacije o upotrebi jezika u raznim komunikacijskim situacijama. Dok sociokulturna kompetencija daje uvid u pravila i društvene norme ponašanja izvornih govornika,

2 Preuzeto: <https://www.essay.ws/equivalence-and-equivalent-effect-in-translation-theory-essay> (pristupljeno 19. 7. 2025.)

kao i tradicije i kulturu zemlje u kojoj se govori jezik koji se proučava, rad s tekstovima na ciljnome jeziku, gledanje videomaterijala, kao i razgovor s izvornim govornicima proširuju opseg pozadinskoga znanja.

7. ŽIVOTINJE U FRAZELOGIJI: ZONIMI

Barčot (2017) navodi (kao i Bertoša 1999) da je dokaz antropomorfizacije uključivanje životinja u ljudski svijet. U basnama, bajkama i dječjoj književnosti pojavljuju se životinjski likovi koji govore, misle i osjećaju. Životinjama se pripisuju ljudske karakteristike: vuk je neiskren, lisica je lukava, lav je hrabar, zmija je podmukla i prijetvorna, kokoš je glupa, svinja je proždrljiva itd. Životinje se procjenjuju u moralnome i intelektualnome smislu, a promatraju se i njihove navike i običaji te se uspoređuju s ljudskim navikama i običajima. Jezik se obogaćuje raznim poredbama i metaforama te se prenosi stereotipno poimanje životinja.

Grbić (2007) navodi da je štovanje domaćih životinja bilo povezano s njihovim važnim mjestom i ulogom u čovjekovu životu, kako u gospodarstvu tako i u životu seljaka. Vjerovanja su bila povezana s brigom i strahom za vlastitu egzistenciju kao i posebno uvažavanje životinjskoga svijeta. „Mjesto i uloga domaćih životinja u čovjekovu životu vidi se već iz toga što su im se pripočavali neki važniji događaji u obitelji” (Grbić 2007). Isto tako navodi da se u vjerovanjima prema kojima stoka povremeno poprima ljudske oblike ogleda predodžba o antropomorfizmu: „antropomorfiziranost životinja ogleda se u vjerovanjima da stoka ima osjećaje poput ljudi”.

Vidović Bolt (2007) navodi da frazeologija, kao ogledalo kulture, često odražava naše stavove prema životinjskome svijetu. Iako su te predodžbe često stereotipne, one su duboko ukorijenjene u našem jeziku i služe nam za opisivanje širokoga spektra ljudskih iskustava. Govoreći o divljim životinjama i vjerovanjima Grbić (2007) ističe da u Hrvatskoj postoji obilje vjerovanja i rituala prema kojima divlje životinje imaju dušu pa tako i sposobnost mišljenja i osjećanja.

8. ANALIZA PRIMJERA

Uloga i važnost životinja u ljudskome svijetu uvelike se zrcale u dijelu frazeologije koja se naziva zoonimskom jer proučava frazeme koji u svome sastavu sadrže zoonimsku sastavnicu (Vidović Bolt 2007: 403). Hrvatska zoonimska frazeologija ima veliki broj sastavnica, što je svakako prikaz ljepote i raznovrsnosti jezika. Vidović Bolt (2007) ističe da na značenje frazema upućuje slika koja može biti konkretna, ali isto tako značenje može biti osoba, simbol, toponim, osobina i sl. Sama obilježja frazema jesu ekspresivnost, slikovitost i konotativno značenje. U hrvatskim frazemima važno je i kulturološko obilježje i značenje zoonima. Analiza frazema može nam otkriti puno o našoj povijesti, kulturi i načinu na koji percipiramo svijet oko sebe.

Mikulaco (2013) navodi da su dva slavenska jezika srodna, hrvatski i ruski, stoga imaju puno dodirnih točaka. Dodirne točke vide se u tome što imaju iste određene frazeme, dok su neki specifični ili dolaze iz drugih jezika s kojima su bili u kontaktu. U posljednje vrijeme povećava se broj frazema iz engleskoga jezika. Isti ekvivalentni frazemi pokazuju da su u slavenskim jezicima prisutni od pradavnih vremena.

Meštrović (2010) u knjizi o simbolima ističe da su simboli središtem našega društvenog i kulturnoga identiteta. Ponekad su nadahnuti prirodom, a sama uloga simbola povezuje ljude jer stvara zajednički sustav znakova koji odražavaju kulturu. Kulturni identitet važan je u svim društvima i pojavljuje se potreba za pripadanjem.

Guska

Osim što guska simbolizira glupu osobu koja ne razmišlja, pojam *guska u magli* u Hrvatskoj poznat je kao frazem koji je Stjepan Radić izrekao u svojem govoru o raskidanju svih veza s Austro-Ugarskom Monarhijom.

Meštrović (2010) navodi da guska predstavlja odanost, obiteljski život i ogovaranje.

Primjer semantičke ekvivalencije:

- *srljati (ići i sl.) kao guske u maglu* – zbunjeno, nerazborito, bez razmišljanja
- *двигаться (идти i sl.) как стадо баранов, двигаться (идти i sl.) как слепцы* – kretati se kao stado ovaca, kretati se kao slijepci

Lav

Lav je simbol hrabrosti, neustrašivosti i snage. U oba naroda slika lava duboko je ukorijenjena u kulturi.

Primjer potpune ekvivalencije:

- *hrabar kao lav* – vrlo hrabar, neustrašiv
- *храбрый как лев* – hrabar kao lav

Primjer djelomične ekvivalencije:

- *kao lav u kavezu (hodati, šetati i sl.)* – hodati, šetati nemirno, nervozno; gore-dolje, u različitim smjerovima
- *как тигр (зверь) в клетке (ходить, метаться i sl.)* – kao tigar u kavezu

Primjer djelomične ekvivalencije:

- *ne diraj lava dok spava* – ne izazivati, uznemiravati osobu koja je trenutno mirna, pogotovo ako je ta osoba opasna
- *не буди лиха³, пока оно <спит> тихо* – ne izazivati nesreću

Muha

Muha, iako mali insekt, ima veliku ulogu u frazeologiji. Njezina simbolika povezana je s dosadnošću, nevažnošću, ali i s nečim što iritira ili smeta.

Primjer potpune ekvivalencije:

- *čuje se kako muha leti* – vrlo je tiho, mirno je, vlada potpuna tišina
- *слышно, как муха пролетит* – možeš čuti muhu kako leti

Osa

Simbolika osinjaka u frazeologiji lako je razumljiva. Ose su poznate po svojoj agresivnosti i bolnome ubodu što se prenosi na frazeološke izraze. Oba naroda koriste se istim izrazom.

Meštrović (2010) ističe da je osa simbolom zla jer se smatra da je suprotna pčeli, koja je tradicionalno simbol dobra.

Primjer potpune ekvivalencije:

- *dirnuti/dirati (taknuti) u osinjak (osinje gnijezdo)* – dirnuti/dirati u osjetljivo mjesto, izazvati/izazivati neugodne posljedice, svojim postupcima navući na sebe neugodnosti
- *тронуть/трогать осиное гнездо* – dirnuti/dodirnuti u osinje gnijezdo

Pčela

Pčela je simbolom marljivosti, organizacije i proizvodnje meda. Meštrović (2010) ističe da se pčela povezuje s vladarima i božanstvima te je znakom suradnje i besmrtnosti.

3 *Лихо* – personifikacija zla, nevolje ili pakosti

Primjer djelomične ekvivalencije:

- *ići (lijepiti se) kao pčele (pčela) na med* – lijepiti se, letjeti, hrliti
- *налетать (слетаться) как мухи на мёд* – lijepiti se kao muhe na med, hrliti na med, letjeti na med

Riba

Mikulaco (2013) navodi istražene frazeme s komponentom *riba/ryba* u frazeološkim rječnicima tiskanim u Hrvatskoj te objavljenim na relevantnim umreženim stranicama hrvatskoga i ruskoga jezika. Ti frazemi mogu imati pozitivne ili negativne konotacije, mogu opisivati čovjekov karakter, različite osjećaje, stanja, neugode ili imati isključivo negativne konotacije.

Kekez (2007) navodi da su frazemi *krupna (krupna zvjerka)* i *sitna riba* posebna kategorija proučavanja. Naime oni su frazemi koji naglašavaju veličinu ili moćnoga i maloga (nebitnog) čovjeka.

U knjizi o simbolima Meštrović (2010) navodi da je riba simbol duhovne mudrosti, plodnosti i obnavljanja.

Primjer semantičke ekvivalencije:

- *krupna riba* – utjecajna riba na velikom položaju
- *важная птица (фигура, персоне, особа), крупная (большая, важная) шишка⁴, птица высокого (высшего) полёта* – važna ptica; *krupna šiška*; ptica visokoga leta

Primjer potpune i djelomične ekvivalencije:

- *sitna riba* – nevažna osoba
- *мелкая сошка (рыбёшка), птица невысокого (низкого) полёта* – *sitna ribica*; ptica niskoga leta

Primjer potpune djelomične ekvivalencije:

- *nijem kao riba* – onaj koji ne može ili ne želi govoriti
- *немой как рыба* – nijem kao riba

Primjer potpune ekvivalencije:

- *šutjeti kao riba* – čuvati tajnu
- *молчать как рыба* – šutjeti kao riba; uporno šutjeti

Primjer potpune i djelomične ekvivalencije:

- *osjećati se (biti itd.) kao riba na suhom* – biti izgubljen
- *чувствовать себя (быть) как рыба без воды (на берегу, на песке), сидеть (быть) как рак на мели* – osjećati se kao riba bez vode; biti kao rak na obali

Primjer potpune ekvivalencije:

- *osjećati se (biti, snalaziti se itd.) kao riba u vodi* – odlično se snalaziti u čemu
- *чувствовать себя как рыба в воде* – osjećati se kao riba u vodi; osjećati se slobodno

Svinja

Vidović Bolt (2007) navodi da se u hrvatskome jeziku svinjom ili prascem naziva osoba koja je prljava, neuredna i mnogo jede, osoba koja je ništarija. Dalje navodi da je u slavenskoj tradiciji svinja bila

4 шишка – glavonja, velika glava

utjelovljenjem crnoga oblaka obasjana sunčevim zrakama i blještavim munjama. Ali, s vremenom ta se svetost preoblikovala u simbol lijenosti, gluposti i proždrljivosti.

Osim u slavenskoj tradiciji svinja i u drugim kulturama simbolizira najdiskriminiraniju domaću životinju. Primjer potpune ekvivalencije:

- *žderati kao svinja* – mnogo, neuredno i nepristojno jesti
- *есть (жрать) как свинья* – jesti kao svinja, neuredno jesti

Zmija

„Sudeći prema arheološkim nalazištima, na području jugoistočne Europe simboličke predodžbe zmije prisutne su još od neolitika” Grbić (231: 2007). Nadalje navodi da je lik zmije bio povezan s raznim vjerovanjima. Neka od njih su bila pozitivna jer se smatralo da zmije pod pragom donose sreću. S druge strane, lik zmije simbolizirao je zlo, neistinu i skrivanje istine. Čak i dijelovi zmije, posebno glava i jezik, imaju ljekovitu ili magijsku moć.

Meštrović (2010) ističe da je zmija simbolom suprotnosti. To je životinja koja je samosvojna i zagonetna, ali predstavlja i negativne i pozitivne sile. Ona je dobra i zla, razara kao što i stvara.

Primjer potpune ekvivalencije:

- *hraniti (nositi) zmiju (guju) u njedrima* – iskazivati pažnju prema osobi koja to vraća nezahvalnošću, biti dobar prema onomu koji to vraća zlom
- *Нотогривать (пригривать, согривать) змею на груди (за пазухой)* – u ruskom jeziku također se koristi izraz nositi, skrivati zmiju u grudima (u njedrima)

Primjer semantičke ekvivalencije:

- *kriti (skrивати) kao zmija (guja) noge <koga, što>*
- *держатъ в строгом (строжайшем) секрете (тайне) что* – držati nešto u strogoj tajnosti

9. ZAKLJUČAK

U ovome radu pokazalo se da frazeologija predstavlja složeno, ali i izrazito zanimljivo područje jezika. Frazemi su prisutni u svim komunikacijstima i stilističkim kontekstima te obogaćuju gotovo sve oblike jezičnoga izraza. Temeljito poznavanje frazeologije nužan je preduvjet za istinsko ovladavanje nekim jezikom. Osim što je zanimljiva za proučavanje, zanimljiva je i za prevođenje jer predstavlja duboko ukorijenjen sloj jezika u kojemu se ogledaju kultura, povijest i mentalitet određenoga naroda. Stoga je važan dio obuke prevoditelja taj da se upoznaju dublje s navikama i životom izvornoga i ciljnoga jezika da bi pronašli adekvatnu ekvivalenciju. Ekvivalencija je složen i višeznačan pojam, a u prevođenju je postala ključnom za razumijevanje odnosa između izvornoga i ciljnoga teksta. Iako se javlja tek u 20. stoljeću, danas je neizostavnim alatom u analizi prijevoda.

Hrvatski i ruski jezik imaju bogatu frazeologiju i izreke koje odražavaju njihovu kulturnu baštinu. Frazemi koji se pojavljuju dokaz su zajedničke prošlosti, a istraživanjem se može primijetiti utjecaj drugih jezika s kojim su ta dva naroda bili u kontaktu. Zoonimski frazemi predstavljaju fascinantno spoj jezika i kulture. Iako se često shvaćaju kao jednostavne izreke, oni kriju bogato značenje i odražavaju naše duboke veze sa životinjskim svijetom. Proučavanjem ekvivalencije i prijevoda frazema postajemo svjesni kako kultura oblikuje naš jezik i kako se različite kulture odnose prema istome fenomenu na različite načine. Proučavanjem frazeologije dobija se uvid u vrijednosti, običaje i način razmišljanja jezične zajednice. Ovaj rad napravljen je s ciljem pobuđivanja interesa prevoditelja u istraživanju frazeologije ne bi li se stvorili točniji prijevodi u zanimljivome području zoonimskih frazema.

LITERATURA

- Barčot, B. (2017). *Lingvokulturologija i zoonimska frazeologija*. Zagreb. Hrvatska sveučilišna naklada.
- Bošković, D. (2021). *Postupci prevođenja frazema u književnom prijevodu na primjeru prijevoda romana Smokva Gorana Vojnovića*. Diplomski rad. Sveučilište u Zagrebu. Filozofski fakultet. (citirano: 17. 7. 2025. <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:759069>)
- Filipović Petrović, I. (2018). *Kada se sretnu leksikografija i frazeologija: status frazema u rječniku*. Zagreb. Srednja Europa.
- Grbić, J. (2007). Dekodiranje ovozemaljskih čina: vjerovanja o životinjama u hrvatskoj etnografiji. U *Kulturni bestijarij*, ur. Suzana Marjanić i Anonija Zaradija Kiš. Zagreb. Institut za etnologiju i folkloristiku. Hrvatska sveučilišna naklada. 217–237.
- Hrnjak, A. (2017) *Frazeologija u rodnome okviru: rodni elementi u hrvatskoj i ruskoj frazeologiji*. Zagreb. Knjigra.
- Kovačević, B. (2012). *Hrvatski frazemi od glave do pete*. Zagreb. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
- Menac, A. (2007) *Hrvatska frazeologija*. Zagreb. Knjigra.
- Menac A., Trostinska R. I. (1993). *Hrvatsko-rusko-ukrajinski frazeološki rječnik*. Zagreb. Zavod za lingvistiku Filozofskoga fakulteta Sveučilišta.
- Mikulaco, I. (2024). *Hrvatsko i rusko pravno nazivlje*. Pula: Sveučilište Jurja Dobrile Preuzeto s <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:137:337145>. (posljednji put pristupljeno: 19. 7. 2025.)
- Mikulaco, I. (2013). Хорватские и русские фразеологизмы с компонентом гѣба/рыба. U: Полетаева, О. (ur.) Национально-культурный компонент в тексте и языке: материалы V Международной юбилейной научной конференции, посвященной памяти доктора филологических наук. профессора С. М. Прохоровой.
- Mikulaco, I. (2020). Языковая картина мира в переводе мемуарной прозы с русского на хорватский язык (recenzirani zbornik «Горизонты современной русистики» Међународне znanstvene konferencije posvećene profesoru Kostomarovu u čast njegova 90. rođendana, 30. – 31. siječnja 2020. Moskva, Državni institut A. S. Puškin).
- Meštrović, K. (2010). *Znakovi i simboli: [slikovni vodič kroz njihovo podrijetlo i značenje]*. Zagreb. Profil multimedija.
- Parizoska, J. (2022). *Frazeologija i kognitivna lingvistika*. Zagreb. Srednja Europa.
- Pavlović, N. (2009). *Uvod u teorije prevođenja*. Zagreb. Leykam International.
- Vidović Bolt, I. (2011). *Životinjski svijet u hrvatskoj i poljskoj frazeologiji 1*. Zagreb.FF press.
- Vidović Bolt, I. (2017). *Rječnik hrvatskih animalističkih frazema*. Zagreb. Školska knjiga.

Izvorni znanstveni rad/Original scientific paper

UDK 811.111:33'373

811.151.1:33'373

Пенчева Антония Иванова

Университет национальной и мировой экономики, Болгария

apencheva@unwe.bg

АНГЛО-РУССКИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ ПРОЦЕССА ПЕРВИЧНОГО ПУБЛИЧНОГО РАЗМЕЩЕНИЯ АКЦИЙ (ИРО)

АННОТАЦИЯ

Процессы глобализации в современном мире охватывают все значимые сферы жизни людей, оказывая влияние не только на экономическое и политическое состояние стран, но и на развитие их языков. Эти процессы находят выражение и в инвестиционной деятельности на фондовых рынках. Нарастает число предприятий русскоязычного ареала, предлагающих акции на фондовых биржах. Процесс первичного публичного размещения акций (ИРО) происходит в основном на английском языке, однако расширение ареала их предложения предполагает поиска адекватных терминологических эквивалентов на других языках. В лексику русского языка входит множество специализированных терминов из английского языка, для которых до недавнего времени не было эквивалентов. В статье на аутентичном материале на английском и русском языках проводится сопоставительное исследование графического и грамматического освоения терминов ИРО и предпринимается попытка их систематизации.

Ключевые слова: процесс первичного публичного размещения акций (ИРО), терминологические эквиваленты, графическое освоение, грамматическое освоение, переводной эквивалент

English-Russian terminological equivalents of the initial public offering (IPO) process

ABSTRACT

Globalisation processes in the modern world cover all significant spheres of people's life, influencing not only the economic and political state of countries, but also the development of their languages. These processes also find expression in investment activities on stock markets. The number of Russian-speaking companies offering shares on stock exchanges is growing. The process of initial public offering (IPO) takes place mainly in English, but the expansion of the area of their offer implies the search for adequate terminological equivalents in other languages. The lexicon of the Russian language includes many specialised terms from the English language, for which until recently there were no equivalents. The article uses authentic material in English and Russian to conduct a comparative study of the graphical and grammatical development of IPO terms and attempts to systematise them.

Keywords: initial public offering (IPO) process, terminological equivalents, graphical assimilation, grammatical assimilation, translation equivalent

Глобализация как неизбежный процесс с конца XX века влияет на все аспекты развития современного общества: на социальную, общественно-политическую, научную, культурную жизнь. Она способствует росту экономической интеграции, развитию научного обмена, усилению взаимовлияния культурных и образовательных связей.

Глобализация финансовой системы и управления инвестиционными капиталами, как и во всех сферах экономической и финансовой практики, привело к применению финансовых инструментов для привлечения инвестиций. Одним из таких инструментов является первичное публичное размещение акций на фондовых биржах.

IPO (Initial Public Offering), как следует из самого названия, представляет собой процесс предложения ценных бумаг частной компании, например обыкновенных акций, для продажи широкой публике. IPO позволяет компании использовать преимущества широкой группы потенциальных инвесторов и обеспечить себя капиталом для будущего роста и расширения, оборотным капиталом или средствами для выплаты долгов. Путем IPO частная или государственная компания преобразуется в публичную компанию, ценные бумаги которой торгуются на фондовой бирже.

Предметом рассмотрения данной статьи является терминсистема процесса первичного публичного размещения акций (IPO), которая в тематическом плане представляет собой одну из групп специальной экономической лексики. Источником пополнения русского терминологического аппарата процесса первичного публичного размещения акций (IPO) является английский язык.

Известно, что для заимствований иностранных терминов существуют две причины: лингвистические и экстралингвистические. Лингвистические причины вызваны необходимостью заполнить лексические лакуны, связанные с отсутствием денотата в принимающем языке [Балакина, Висилицкая 2014: 30], отсутствием собственно русских терминов для определенных понятий; стремлением к унификации терминосистемы финансовых операций на всех языках, потребность в номинации новых понятий и явлений, стремлением к «речевой экономии». К экстралингвистическим можно отнести глобализационные тенденции во всех сферах экономической жизни, «наличие более или менее тесных политических, экономико-промышленных и культурных связей между народами» [Крысин 2004: 27].

В процессе первичного публичного размещения ценных бумаг на бирже, длящееся уже несколько десятилетий, для русскоязычного инвестиционного пространства возникает необходимость в создании специализированного терминологического аппарата для выражения определений терминов и описания процесса предложения акций.

Специализированная терминология, использованная в русскоязычной специализированной литературе, ввиду интегративного и интердисциплинарного характера инвестиционной деятельности, включает в свой понятийный аппарат как терминов более широкого финансово-экономического и юридического характера, так и узкоспециализированную терминологию.

Данное исследование проводится на основе литературных источников – путеводителей по выходу на IPO. Термины и терминологизированные словосочетания относятся в целом к трем сферам:

А. Финансово-экономическая сфера: *amortization* – амортизация нематериальных активов; *business segment* – хозяйственный сегмент; *charter capital* – уставной капитал; *consolidated financial statements* – сводные финансовые отчеты; *hedging* – хеджирование; *interim financial report* – промежуточный финансовый отчет; *interim statements* – промежуточные отчеты; *net debt* – чистый долг; *net income amount* – размер чистых доходов

Б. Юридическая сфера: *legal counsel* – юрисконсульт; *legal framework* – юридические аспекты; *non-discriminatory bases* – недискриминационные условия; *protect legitimate interest* – защищать законные интересы; *rights of authorized person* „ – права уполномоченного; *due diligence* – всестороннее исследование юридической и финансовой деятельности фондов; *engagement letter* – мандатное письмо; *open joint stock company* – открытое акционерное общество; *regulatory legal acts* – нормативные правовые акты

В. Собственно терминология IPO: *asset allocation* – выделение / распределение активов; *amount of newly issued shares* – количество вновь выпущенных акций; *book building (bookbuilding)* – метод формирования книги заявок; *book building process* – процесс формирования книги заявок; *book building and pricing* – формирование книги заявок и прайсинг; *book runner* – букранер; *cost of an acquisition* – первоначальная стоимость приобретения; *cost of an investment* – себестоимость инвестиции; *delisting* – делистинг; *derivative securities* – производные ценные бумаги; *equity index* – индекс акций; *equity story* – инвестиционная история компании; *equity value* – акционерная стоимость (стоимость акционерного капитала); *intention to float announcement* – готовность разместить объявление (готовность ровести IPO); *internal rate of return (IRR)* – внутренняя ставка доходности; *IPO company valuation* – оценка стоимости компании; *order book* – книга заявок; *placement of securities* – размещение ценных бумаг; *securities* – ценные бумаги; *underwriter* – андеррайтер; *underwriting* – андеррайтинг;

Далее мы остановимся на формировании терминологической системы выхода на IPO, рассмотрев графическую и грамматическую структуру терминов и их бытование в русском языке.

Л. П. Крысин считает, что для вхождения слова в систему заимствующего языка необходимы такие условия, как «а) графемно-фонетическая передача иноязычного слова средствами заимствующего языка; б) соотнесение его с определенными грамматическими классами и категориями; в) семантическая самостоятельность слова, отсутствие дублетных синонимических отношений с словами, существующими в языке-заимствователе» (Крысин 2004: 44-45).

Немалочисленна группа терминов, освоенных в русском языке приемом транслитерации. **Графическое оформление** термина в принимающем языке нередко фиксирует звуковой образ слова, т.е. наблюдается транслитерация без каких бы то ни было структурных «добавлений» при соблюдении фонетической и графемной нормы и грамматического оформления:

<i>Book runner</i>	букранер
<i>Due diligence</i>	дью-дилиденс
<i>Hedging</i>	хеджирование
<i>Roadshow</i>	роуд-шоу (дорожное шоу)
<i>Underwriter</i>	андеррайтер
<i>Underwriting</i>	андеррайтинг
<i>Delisting</i>	делистинг
<i>Listing</i>	листинг
<i>Investor</i>	инвестор
<i>Outsourcing</i>	аутсорсинг

Для англоязычных заимствованных терминов характерно несовпадение слитного и раздельного написания слов, как видно в некоторых примерах.

Грамматическое освоение включает оформление терминов морфологическими средствами заимствующего языка (например, согласование прилагательных по роду и числу):

<i>Institutional investor</i>	<i>индустриальный инвестор</i>
<i>Individual investor</i>	<i>индивидуальный инвестор</i>
<i>Investment project</i>	<i>инвестиционный проект</i>
<i>Confidential information</i>	<i>конфиденциальная информация</i>
<i>Reserve fund</i>	<i>резервный фонд</i>
<i>Active client</i>	<i>активный клиент</i>

Часто словообразовательное освоение происходит путем суффиксации. При помощи суффикса -ция оформляются в женском роде термины, оканчивающиеся на -tion в английском языке:

<i>Segmentation</i>	<i>сегментация</i>
<i>Expert organization</i>	<i>экспертная организация</i>

Ассимиляция терминов частного банковского обслуживания, для которых отсутствуют соответствующие лексические эквиваленты, отражающие значение англоязычных терминов, происходит с помощью перевода – прямого или описательного. Эта группа наиболее многочисленна. Приведем лишь несколько примеров:

<i>Amount of newly issued shares</i>	<i>Количество вновь выпущенных акций</i>
<i>Book building (bookbuilding)</i>	<i>Метод формирования книги заявок</i>
<i>Book building process</i>	<i>Процесс формирования книги заявок</i>
<i>Book building and pricing</i>	<i>Формирование книги заявок и прайсинг</i>
<i>Engagement letter</i>	<i>Мандатное письмо</i>
<i>Enterprise value vs equity value</i>	<i>Полная стоимость бизнеса против акционерной стоимости</i>
<i>Intention to float announcement</i>	<i>Готовность разместить объявление (Готовность провести IPO)</i>
<i>Withdraw permission</i>	<i>Отзывать разрешение</i>

Обращает на себя внимание высокая словообразовательная активность хорошо освоенных (т.е. действующих достаточно продолжительное время в данной терминологической системе) заимствованных терминов, например, при образовании прилагательных в составе многокомпонентных терминов: *offshore* – *офшорный* (банк, счет; компания, юрисдикция); *onshore* – *оншорный* (банк, рынок); *credit rating* – *кредитный* (рейтинг); *transaction-based fees* – *транзакционные сборы* (комиссии).

Проведенное исследование позволяет заключить, что, с одной стороны, большая часть заимствованных терминов области первичного публичного размещения в русском языке ассимилируется графически и функционирует в профессиональной литературе в одном варианте, т.е. не проявляет большой вариативности. Для узкоспециализированных терминов применяется прием перевода и последующего толкования. С другой стороны, высокая грамматическая освоенность и словообразовательная активность, образование терминосоочетаний с заимствованной финансовой лексикой свидетельствует о ее активной ассимиляции в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

Балакина, Ю.В., Висилицкая, Е.М. (2014). Англоязычные заимствования экономической тематики в вербальном лексиконе русской языковой личности в период глобализации. *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, (2), 29-34.

Крысин, Л.П. (2004). *Русское слово, свое и чужое. Языки славянской культуры*. 44-45.

Источники

Баховски, П. (2024). *Путеводитель по выходу на IPO. Учебное руководство*. Bahovski finance, Zürich,

Гулькин, П. (2002). *Англо-русский толковый словарь терминов по IPO*. АльпариСПБ, 165.

Килиевич, А. (2013). *Англо-русский глоссарий терминов и понятий в сфере государственного управления и политики, экономики и международной торговли*. 2-е изд., испр. и доп., 786.

Путеводитель по выходу на IPO. Руководство по размещению ценных бумаг на бирже. (2013). ЗАО «ПрайсвотерхаусКуперс Аудит, <http://www.pwc.ru/ru/capital-markets>

Izvorni znanstveni rad/Original scientific paper

UDK 821.161.1=163.2

Силвия Петкова

Софийский университет им. Св. Климента Охридского, Болгария

silvia_petkova@slav.uni-sofia.bg

ПОДХОДЫ К ПЕРЕВОДУ РУССКИХ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫХ ФОРМУЛ НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы перевода экспрессивных речевых формул, часто употребляемых в диалогах и внутренней речи персонажей в текстах русской прозы. Наблюдения над переводами русских художественных текстов на болгарский язык обнаруживают широкое разнообразие переводческих подходов к передаче значения данных единиц. В фокусе анализа – эмоционально-оценочная формула *Вот это да*, при переводе которой зарегистрировано применение четырех из возможных шести способов перевода. Наиболее востребован перевод посредством междометия, часто применяется и перевод посредством функционального аналога (болгарской речевой формулы). Реже переводчики прибегают к построению свободной конструкции или к добавлению полнозначного слова в качестве экспликатора.

Ключевые слова: прагматика диалога, дискурсивные формулы, стратегии перевода, русский язык, болгарский язык

Approaches to the translation of Russian emotional-evaluative formulae into Bulgarian

ABSTRACT

The paper examines the issues of translating expressive speech formulae frequently used in dialogues or the inner speech of characters in Russian literary texts. Observations on the translations of Russian fiction into the Bulgarian language reveal a wide variety of approaches to conveying the meaning of these units. The analysis is focused on the emotional-evaluative formula *Vot eto da*. Four of six possible translation methods were registered in the texts under consideration. Among them, the most popular is translation by interjection, and the use of the functional analogue (Bulgarian speech formula) is also quite common. Less often, translators resort to constructing a non-fixed utterance or adding a content word as an explicator.

Keywords: pragmatics of dialogue, discourse formulae, translation strategies, Russian language, Bulgarian language

Широко употребляемые в русской речи лингвоспецифические реплики, представляющие собой сплав частиц, местоимений и десемантизированных слов (*Вот еще!, Вот это да!, Надо же!, Ничего себе!, Да ну!, Ну ты даешь!, Скажешь тоже!, Сума сойти!*) все чаще привлекают внимание лингвистов. Для наименования этих устойчивых единиц используются разнообразные термины: коммуникативы (Шаронов 1996), коммуникемы (Меликян 2001), иллокутивы (Кустова 2012), речевые формулы (Баранов, Добровольский 2000), дискурсивные формулы (Пужаева и др. 2018). Наблюдаемый терминологический разнобой обусловлен неопределенностью границ и неоднородным составом данного класса. Мы отдаем предпочтение термину *экспрессивные речевые формулы (ЭРФ)*, подчеркивающему две ключевые свойства этих единиц: формульный характер и экспрессивность.

Категория экспрессивности объединяет в один класс две семантические группы: 1) формулы утверждения/ отрицания (согласия/ несогласия): *Еще бы!, А то!, Как бы те так!, Еще чего?, Вот еще!* и др. 2) эмоционально-оценочные формулы, выражающие отношение говорящего к сказанному собеседником или к наблюдаемой ситуации: *Ничего себе!, Надо же!, Вот это да!, Вот это я понимаю!, Да ты что!, Даже так?* и др. В центре нашего внимания находятся формулы второй группы.

Эмоционально-оценочные формулы образованы в результате прагматизации выражений, реализующих типичные, регулярно возникающие коммуникативные интенции. Следовательно, их значение необходимо описывать на базе интенционального содержания, представленного в терминах речевых действий. Именно такой способ репрезентации принят в словаре „Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи“, где интересующие нас формулы толкуются как выражение определенного эмоционально-оценочного состояния, например: *Надо же!* „1. выражение удивления, изумления, восхищения, радости и т. п.“; „2. выражение удивления, изумления, недовольства, возмущения и т. п.“ (Меликян 2001: 128–129). Как видно из толкований, значения ЭРФ являются комплексными. В обоих значениях *Надо же!* доминирует ‘удивление’/ ‘изумление’, но они разграничиваются (проявляя энантиосемию) по семантическому признаку положительной / отрицательной эмотивной оценки.

В лингвистической базе данных „Прагматикон“ значение дискурсивных формул также представлено как комплексное, включающее основную функцию и дополнительную семантику: например, *С ума сойти* выражает ‘удивление’ + ‘принятие’, а *Да ладно* может означать: 1. ‘удивление’ + ‘недоверие’, 2. ‘удивление’ + ‘принятие’ (<https://pragmaticon.ruscorpora.ru>).

Комплексный характер и тонкая нюансировка значений клишированных экспрессивных реплик обуславливают трудности достижения коммуникативной равноценности при их переводе. В них доминирует не пропозициональное, а прагматическое содержание, поэтому для его транслирования необходимо учитывать: статусно-ролевые характеристики и межличностные отношения коммуникантов, вид речевого акта, тональность общения и др. При этом в фокусе внимания переводчика находится узус – то, что принято говорить на целевом языке в подобной ситуации.

ЭРФ характеризуются этнокультурным колоритом, составляя самобытность речевой практики и отражая особенности проявлений эмоциональности в данной лингвокультуре. Их перевод требует творческого, но вместе с тем хорошо продуманного подхода, предусматривающего разнообразные межъязыковые преобразования. Это связано с тем, что переводимые единицы необходимо „адаптировать на национальную почву в психологическом, эмоциональном, мыслительном, языковом и т.п. аспектах, что иногда и обуславливает различного рода отступления от оригинала: изменение типа предложения по цели высказывания, структуры предложения по признаку членности/нечленности, лексического состава, пунктуационного оформления и т.п.“ (Меликян 2008: 253).

Возможные способы перевода русских ЭРФ были систематизированы нами на основе анализа текстов произведений современной прозы и их опубликованных переводов на болгарский язык. Обработка эмпирического материала позволила выявить 6 основных способов перевода эмоционально-оценочных формул, которые рассмотрим на конкретных примерах.

1. ПЕРЕВОД ПОСРЕДСТВОМ СЕМАНТИЧЕСКОГО ЭКВИВАЛЕНТА

Для передачи целевого значения используется болгарская ЭРФ, компонентный состав которой близок по семантике к исходной формуле. Пример такого перевода представлен в (1): реплику *Вот оно что*, сигнализирующую о внезапном понимании того, что до сих пор вызывало недоумение, произносит муж Настя Каменской, главной героини романов А. Марининой. В качестве предисловия к разговору Настя попросила мужа дать слово, что „не будет ругаться и переживать“, чем совершенно его озадачила.

(1)– Я думаю о том, чтобы уйти с работы.

– Совсем? И сидеть дома?

– Нет, что ты, уйти из отдела. Я не могу работать с новым начальником.

– **Ах, вот оно что...** – протянул Чистяков. – Ну ничего, это нормально. Перебесишься (А. Маринина, Мужские игры).

– Мисля да напусна работа.

– Съвсем? И да си седиш вкъщи?

– Не, какво приказваш, само да напусна отдела. Не мога да работя с новия началник.

– **Ах, това ли било...** – проточи Чистяков. – Е, нищо, нормално е. Ще ти мине. (перевод: З. Петрова)

Речевой узус требует, чтобы болгарская фраза была оформлена в прошедшем времени с участием частицы *ли*, но тем не менее здесь можно говорить о семантическом эквиваленте исходной формулы за счет совпадения значений основных компонентов.

Как известно, большинство русских ЭРФ имеют идиоматический характер, поэтому перевод посредством семантического эквивалента встречается редко.

2. ПЕРЕВОД ПОСРЕДСТВОМ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛОГА

Принимая во внимание узус разговорной речи, переводчик может использовать функциональный аналог – болгарскую эмоционально-оценочную формулу, имеющую иной компонентный состав по сравнению с исходной формулой, но выполняющую тождественную или сходную прагматическую функцию.

В качестве примера рассмотрим перевод русской ЭРФ *Надо же*, выражающей недоумение, посредством устойчивой конструкции *Гледай ти*.

(2) – *Моя Катерина не такая. У нее есть голова на плечах. Никаких подружек, никаких мальчиков, никаких глупостей. Только учеба, школа и дом.*

И в ответ слышал:

– **Надо же...** Странная она у тебя. Нынешние дети такими не бывают (А. Маринина, Другая правда).

– *Моята Катерина не е такава. Има глава на раменете си. Никакви приятелки, никакви момчета, никакви глупости. Само учене, от училище – вкъщи.*

И в отговор чуваше:

– **Гледай ти...** Нещо странна ми се вижда. Днешните деца не са такива (перевод: З. Петрова).

Интересующая нас клишированная реплика является реакцией на слова богатого бизнесмена, утверждающего, что у его дочери образцовое поведение в отличие от неконтролируемых детей его знакомых. *Надо же* сигнализирует о сомнении собеседника в том, что сообщаемое соответствует действительности (см. продолжение речевого хода: „*Странная она у тебя*“). Болгарская формула *Гледай ти* имеет тождественное значение – она служит для выражения удивления в сочетании с недоумением (при столкновении с необъяснимым фактом/явлением).

При использовании функционального аналога реализуется один из самых сложных видов переводческих трансформаций – прием целостного преобразования, производимого на уровне всего предложения.

3. ПЕРЕВОД ПОСРЕДСТВОМ СВОБОДНО СКОНСТРУИРОВАННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Данный способ перевода состоит в использовании окказионального соответствия. Обратимся к примеру такого нестандартного переводческого решения.

(3) – *Аська, кофеем выручишь? – слышался голос Короткова у нее за спиной.*

– *Так и быть, – обрадовалась она, – но не безвозмездно. Цена договорная. На вот тебе тряпочку, ее надо намочить под краном. Вот из этого графинчика надо вылить воду и налить свежую, а вот эти две чашечки надо помыть. В цене сойдемся?*

Коротков в изумлении развел руками.

– Ну, **мать**, ты даешь! Тебе что, даже такую малость лень сделать? Для родного-то начальника? (А. Маринина, Когда боги смеются)

– *Аска, ще ме спасиш ли с едно кафе? – чу се гласът на Коротков зад гърба ѝ.*

– *Готово – зарадва се тя, – но не безвъзмездно. Цена по договаряне. Ето ти един парцал, трябва да го намокриш. От тази кана трябва да излееш водата и да налееш прясна, а тези две чаши трябва да се измият. Разбираме ли се за цената?*

Коротков изумено разпери ръце.

– Охо, **драга**, много искаш бе! Какво, дори за такава дреболия ли те мързи? И то за собствения ти началник! (перевод: З. Петрова)

Формула *Ну, ты даешь!*, сопровождаемая ремаркой „в изумлении развел руками“, выражает экспрессивную реакцию друга и коллеги Каменской на ее отказ выполнить его просьбу „безвозмездно“. Для передачи сильного удивления и возмущения было сконструировано экспрессивное высказывание: *Охо, много искаш бе!* Сохранению прагматического потенциала реплики-реакции способствует и удачный перевод просторечного обращения *мать* (употребляемого шутливо по отношению к коллеге) посредством иронического *драга*. Таким образом, полноценно воссоздается тональность исходного высказывания.

4. ПЕРЕВОД МЕЖДОМЕТИЕМ

Важной характеристикой русских эмоционально-оценочных формул является импульсивность и повышенная экспрессивность, поэтому они обнаруживают функциональное сходство с междометиями.

В следующем микродиалоге молодой человек, который долго отказывался отдать детективу Каменской материалы сомнительного дела, вдруг, совсем неожиданно, решается на это. Искреннее удивление героини выражено формулой *Даже так?*, представляющей собой риторический вопрос.

(4) – *Что это?*

– *Материалы.*

– *Даже так?*

Настя взяла флешку, повертела в руках. Любопытно. Это аукцион так подействовал на мальчика? (А. Маринина, Другая правда)

– *Какво е това?*

– *Материалите.*

– *Охо!*

Настя взе флашката, повъртя я в ръцете си. Любопытно. Търгът ли е подействал така на момчето? (перевод: З. Петрова)

При переводе произведена трансформация вопросительного предложения в восклицательное, причем линейная протяженность вербальной реакции сокращена. Несмотря на эти существенные изменения можно утверждать, что болгарское междометие *Охо!* соответствует замыслу автора передать сильное недоумение персонажа.

5. ДОБАВЛЕНИЕ ЭКСПЛИКАТОРА

Данный прием представлен в переводе реплики *Да ладно тебе* в разговоре взрослой дочери с матерью, сетующей по поводу покупки дорогой кухонной плиты. Неодобрительная оценка, имплицитно присутствующая в оригинале, передана путем добавления к регулярному соответствию *Хайде, стига* глагола *опявам* (рус. *причитать*):

(5) – *Это сколько же такая красота стоит? Профукали небось денег целые тыщи. Мне и на старой удобно было. Никто не жаловался.*

– *Да ладно тебе, мама, – подавала голос Томка <...> – В банке денег много, еще какой-нибудь кредит возьмем (А. Геласимов, Дом на Озерной).*

– *Колко ли струва това чудо? Сигурно сте профукали за него няколко хилядарки. На мен и със старата печка ми беше удобно. Не съм се оплакала.*

– *Хайде, мамо, стига си опявала – обади се Томка <...> – В банките има много пари, ще изтеглим още някакъв кредит (перевод: В Данов).*

Добавленный глагол-экспликатор соответствует ситуативному контексту и удачно передает оценку речевых действий собеседницы.

6. ОПУЩЕНИЕ

Опущение также находит место среди приемов, используемых при переводе эмоционально-оценочных формул. Отказ от передачи ЭРФ уместен в тех случаях, когда контекст ясно подсказывает целевую эмотивную оценку, и нет необходимости в переводе самой устойчивой реплики. Примером может послужить опущение формулы *Ну надо же*, произведенное при переводе внутренней речи персонажа:

(6) *Генерал Минаев не верил своим ушам, услышав в трубке голос Павла. Ну надо же, какая удача! Он-то решил, что Павел скрывается от него, и уже начал продумывать, не начать ли его разыскивать, а он сам звонит, голубчик (А. Маринина. Не мешайте палачу).*

Генерал Минаев не повярва на ушите си, дочувайки в слушалката гласа на Павел. „Това се казва късмет!“ – рече си доволно. Вече бе решил, че се крие от него, и обмисляше възможността да го издирва. Но той му бе позвънил сам (перевод: З. Петрова).

Принимая решение опустить непосредственный перевод формулы, выражающей радостное удивление, переводчица прибегнула к приему компенсации, добавив ремарку *рече си доволно* (букв. *довольно сказал себе*). Таким образом, эмотивное значение удовлетворенности неожиданным развитием событий сохраняется на уровне текста.

Для целей данного исследования анализу была подвергнута одна из специфических для русского языка эмоционально-оценочных формул – *Вот это да*. У этой единицы выделяются два значения: „1. Выражение удивления, восхищения и т.п. 2. Выражение удивления, неодобрения, порицания, разочарования, недоумения, досады, негат. оц. и т.п.“ (Меликян 2001: 73-74). Производит впечатление широкий спектр эмоций, которые *Вот это да* может передавать, наряду с доминирующим эмоциональным состоянием удивления. Вместе с тем, при всем разнообразии выражаемых эмоциональных оттенков, вполне обоснованным является их распределение в позитивно-оценочное и негативно-оценочное значения.

Обсуждая контраст между формальной сжатостью и информативной емкостью коммуникем, И. Е. Фисенко демонстрирует их способность вызывать „эмоциональный отклик слушающего“ на примере восклицания *Вот это да!*, употребленного в романе К. Паустовского „Дым отечества“: „Такая легкая улыбка появлялась на лице [девушки], что краснофлотцы только вздыхали и говорили про себя «Вот это да!» В этом возгласе было и восхищение, и благодарность, и любовь“ (Фисенко 2005: 19). Исследователь обращает внимание на то, что устойчивая реплика „выражает разные эмоции и чувства, для экспликации которых нефразеологическими средствами потребовалось бы несколько предложений“ (Фисенко 2005: 20).

Итак, у формулы *Вот это да* два комплексных значения, которые мы обозначим как: 1. ‘удивление + восхищение/одобрение’ и 2. ‘удивление + неудовлетворенность/неодобрение’. Материалом для анализа подходов к переводу этой ЭРФ в ее двух значениях послужили 15 текстов произведений современной прозы и их опубликованных переводов на болгарский язык. Был привлечены также данные из параллельного русско-болгарского корпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В общей сложности было зафиксировано 24 примера. В 18 из них реализуется первое значение *Вот это да*, а в 6 – второе. Преобладающее число случаев актуализации позитивно-оценочного значения подтверждает правомерность его размещения в словарной статье (Меликян 2001: 73–74) на первом месте, как более частотного.

Обобщение результатов исследования способов¹ перевода на болгарский язык исходной русской формулы представлено в Таблице 1.

1 В рамках каждого из двух значений отдельные способы перевода представлены по убывающей частотности.

Таблица 1. Способы перевода на болгарский язык ЭРФ *Вот это да*

Значение ЭРФ <i>Вот это да</i>	Способ перевода	Число зафиксированных примеров	Переводческое соответствие
1. Удивление + восхищение/ одобрение	1. Перевод междометием	10	Леле! Охо! (4) Охоо! (2) Браво бе-е... Бравос Оу, <много яко>
	2. Перевод посредством функционального аналога	4	Гледай ти! О, я виж ти! Ама че история! А така!
	3. Перевод посредством свободно сконструированного предложения	3	<i>Това е чудесно!</i> <i>Каква история, а?</i> <i>Това се казва обслужване!</i>
	3. Добавление экспликатора	1	Ей, глей!
2. Удивление + неудовлетворенность/ неодобрение	1. Перевод посредством функционального аналога	4	Ама че работа! (2) На ти сега! Така значи!
	2. Перевод междометием	2	Охо! Браво бе!

Систематизация переводческих соответствий формулы *Вот это да* позволяет проследить важные закономерности в стратегиях передачи эмотивно-интенционального содержания устойчивых реактивных реплик в художественном тексте. В дальнейшем изложении мы ограничимся комментарием некоторых наиболее репрезентативных примеров реализации способов передачи на болгарский язык первого из значений анализируемой формулы.

Согласно полученным данным, ведущее место среди установленных подходов к передаче позитивно-оценочного значения исходной ЭРФ занимает перевод междометием.

В следующем фрагменте текста в качестве соответствия реплики *Вот это да!*, произнесенной молодой женщиной, выступает разговорное междометие *Леле!*:

(7) *Присвистнув, Валя поглядела на скованного филолога с уважением.*

– **Вот это да!** Прямо Тарзан, Шварценеггер какой-то. А по виду – сморчок сморчком (Б. Акунин, Ф. М.).

Валя подсвирна и погледна почтително прикования филолог.

– **Леле!** Направо Тарзан и Шварценегер. А наглед мухльо смотан. (превод: С. Бранц – НКРЯ)

Междометие *Леле* выражает удивление: „Изразява учудване. *Леле колко е хубаво тук!*“ (РБЕ – онлайн). Этот спонтанный возглас адекватно передает эмотивный заряд оригинала и полностью соответствует коммуникативной ситуации, в том числе и обозначенному в авторской ремарке

вокальному жесту² присвистывания, который сигнализирует о восторженном изумлении героини. Примечательно, что в двух других текстах (см. примеры (8) и (14)) реплике *Вот это да!* также предшествует уточнение, что персонаж „присвистнул(а)“. Это позволяет говорить о часто наблюдаемой сопряженности данных двух спонтанных реакций – вербальной и вокальной.

В (8) следователь сообщает героине неожиданную новость: муж режиссера Вороновой – весьма состоятельный человек, и это могло стать причиной шантажа. В сочетании с присвистыванием формула *Вот это да* выражает импульсивную реакцию удивления.

(8) – *У нее муж – богатый бизнесмен, у него своя фирма, «Центромедпрепарат» называется. Денег – куры не клюют. Воронова свое кино на эти деньги снимает, между прочим.*

Настя не удержалась и присвистнула. Вот это да!

– *Богатый муж – это, конечно, здорово, но все равно как-то смутно...* (А. Маринина, Незапертая дверь)

– *Съпругът ѝ е богат бизнесмен, има собствена фирма, казва се „Центромедпрепарат“. Гребете парите с лопата. Впрочем Воронова снима филма си с тези пари.*

Настя не се въздържа и подсвирна. Охо!

– *Богатият съпруг наистина е страхотен факт, но все пак е някак смутно...* (перевод: З. Петрова)

В одном из значений, зафиксированных в толковом словаре, болгарское междометие *Охо* (в пролонгированном варианте *Охоо*) выражает удовлетворенность, одобрение, восхищение (РБЕ – онлайн). Обработка текстового материала показала его регулярное использование в качестве переводческого соответствия *Вот это да*, что обусловлено его универсальным характером, широким спектром выражаемых им эмоций.

То, что междометия являются столь востребованным средством перевода исходной формулы, объясняется возможностью спонтанного выражения эмоций как устойчивыми конструкциями, так и однословными сигналами. В ряде случаев многокомпонентные и однокомпонентные вербальные реакции оказываются взаимозаменяемыми при выражении эмоционально-оценочных смыслов.

К междометным экспрессивам мы относим и сочетание междометия с частицей. Таким является возглас *Браво бе-е ...*, совмещающий эмоции удивления и восторга, в эпизоде из псевдоавтобиографической поэмы в прозе „Москва-Петушки“. Лирический герой Веничка Ерофеев придумал немыслимую легенду о якобы тайном алкоголизме Гете, и это помогло восстановить душевное равновесие его попутчика („черноусого“), вступившего в спор с другим пассажиром („декабристом“).

(9) – *<...> Мефистофель выпьет – а ему хорошо, старому псу. Фауст добавит – а он, старый хрен, уже лыка не вяжет. <...> Алкоголик он был, алкаш он был, ваш тайный советник Иоганн фон Гёте! И руки у него как бы тряслись!*

– *Вот это да-а-а...* – *восторженно разглядывали меня и декабрист, и черноусый. Стройная система была восстановлена, и вместе с ней восстановилось веселье* (В. Ерофеев, Москва-Петушки).

2 Вслед за И.А. Шароновым, под вокальными жестами мы понимаем такие знаки ментально-эмоционального состояния человека, для номинации которых используются специальные глаголы: *вздохнуть, вскрикнуть, присвистнуть, хмыкнуть, фыркнуть* и др. (см. Шаронов 2024: 64).

– <...> *Мефистофел си пийне – а на дъртака му идва сърце на място. Фауст обърне още една чаша – а той, дъртият пергишин, започва да преплита крака. <...> Алкоголик е бил той, пиянде е бил вашият таен съветник, Йохан фон Гьоте! И ръцете му сигурно са треперели!*

– **Браво бе-е...** – възторжено ме разглеждаха и декабристът, и черномустакатият. Стройната система беше възстановена и заедно с нея се възстанови и веселбата (перевод: И. Тотоманов).

В силу своей импульсивности и эмоциональной насыщенности формула *Вот это да* оказывается в отношении функционально-прагматической эквивалентности с междометием *Браво*, выражающим положительную оценку действий собеседника. Оно употреблено в комбинации с пролонгированной усилительной частицей *бе*, подчеркивающей адресацию высказывания и придающей ему фамильярную тональность.

Как видно из Таблицы 1, подбор функционального аналога в виде узуальной болгарской ЭРФ является вторым по частотности способом перевода формулы *Вот это да* в первом значении. То, что клишированные реплики оказались не самым предпочтительным средством перевода (уступая первое место междометиям), свидетельствует об асимметрии русских и болгарских эмоционально-оценочных речевых формул.

К ближайшим функциональным аналогам *Вот это да* в первом ее значении относятся болгарские ЭРФ *Гледай ти!* и *Виж ти!*

Первая из этих формул использована со значением ‘удивление + одобрение’ при переводе внутренней речи героини в (10). Каменская узнает весьма неожиданную информацию: ее знакомый Игорь Дорошин постоянно пишет памятки для пожилых людей, описывает действия мошенников, дает советы, как распознать обман, обходит дома и раскладывает брошюры в почтовые ящики.

(10) **Вот это да!** *Стройный элегантный красавец в смокинге, бывший офицер, которому родители в далеком детстве прочили карьеру великого композитора... С трудом верится, конечно, но, с другой стороны, для чего Нине лгать?* (А. Маринина, Другая правда)

Гледай ти! *Стройният елегантен красавец в смокинг, бившият офицер, чиито родители са го готвили за кариера на велик композитор... Трудно е за вярване наистина, но от друга страна, защо Нина да лъже?* (перевод: З. Петрова)

В (11) переводчица использовала формулу *Я виж ти*. Ей предшествует междометие *О*, усиливающее эмотивность данного фрагмента внутренней речи молодой женщины, пришедшей впервые в офис крупного издательства.

(11) *Уже в дверях они столкнулись с мужчиной, при одном взгляде на которого у Кати почти остановилось сердце. **Вот это да!** Такой красоты она отродясь не видала. Куда там братьям Филановским до него, что одному, что другому* (А. Маринина, Чувство льда).

*На вратата те се сблъскаха с мъж само при вида на когото сърцето на Катя заблъска лудо. **О, я виж ти!** Никога в живота си тя не беше виждала такава красота. Двамата братя Филановски бяха нищо в сравнение с този* (перевод: З. Петрова).

Выбранная болгарская ЭРФ обладает необходимым прагматическим потенциалом для передачи комплексного эмоционально-оценочного значения. ‘удивление + восхищение’. Она соответствует узусу и выглядит естественно в данном контексте.

Случаи перевода *Вот это да* посредством свободно сконструированного предложения представляют особый интерес для переводоведческого анализа. В следующем отрывке исследуемая формула снова „звучит“ во внутренней речи героини. Из контекста узнаем, что спонтанное удивление выражено на фоне продолжающегося процесса осмысления полученной информации о невероятно счастливом стечении обстоятельств.

(12) *Светлана слушала Чеботаева, приоткрыв рот. Вот это да! О такой удаче никто в их группе и мечтать не смел. Даже изощренный Папа такого не придумал бы* (А. Маринина, Когда боги смеются).

Светлана слушаше Чеботаев със зяпнала уста. Каква история, а! За такъв късмет никой в тяхната група дори не би посмял да мечтае! Дори печеният Тате не би измислил такова нещо (перевод: З. Петрова).

Отметим, что окказиональная фраза, составленная „к случаю“, для целей перевода, не имеет столь сильного воздействия, как стереотипная реплика. Как нам кажется, здесь можно было бы использовать устойчивую фразу *Направо не е за вярване*, которая сохранила бы степень экспрессивности высказывания.

В (13) также представлено нестандартное переводческое решение, заключающееся в свободном построении предложения в качестве соответствия исходной реплики *Вот это да!*. Ее произносит мужчина в присутствии двух своих гостей. Одна из них – его бывшая однокурсница, взяла на себя труд похлопотать на кухне и красиво подать на стол еду, привезенную им из магазина.

(13) *Все вкусное, что Хохлов привез в нескольких пакетах, было нарезано кружочками, красиво разложено и украшено петрушкой. Были поданы отдельные стаканы под виски и отдельные под сок – Хохлов понятия не имел, что у него есть такие стаканы, и даже лед в вазочке.*

– *Вот это да!* – сказал Хохлов, заглянув в вазочку (Т. Устинова, Гений пустого места).

Вкусните деликатеси, които Хохлов бе купил и донесъл в няколко пакета, бяха нарязани на кръгчета, красиво подредени и украсени с магданоз. Арина беше предвидила отделни чаши за виски и сок – Хохлов дори нямаше представа, че в дома му има такива чаши, – и дори лед в купа.

– *Това се казва обслужване!* – похвали я Хохлов и погледна леда в купата (перевод: М. Николова).

Произведенную переводческую трансформацию следует определить как экспрессивную конкретизацию. В тексте оригинала ЭРФ выражает удивление и одобрение, с которыми холостяк Хохлов реагирует на ситуацию в целом и, в частности, на тот факт, что у него на кухне нашлась даже вазочка для льда. Учитывая то, что накрытый со вкусом стол – заслуга Арины, переводчица преобразовала достаточно диффузную в смысловом отношении реплику *Вот это да!* в гораздо более определенную – *Това се казва обслужване!*, подчеркивая при этом, что говорящий хвалит (в ремарке нейтральный глагол *сказал* заменен на оценочный болгарский глагол *похвали*) подругу за „сервис“. Уточним, что предложение, использованное как соответствие, относится к „полусвободным“ – оно построено по устойчивой модели (фразеосхеме) *Това се казва N* (ср. *Това се казва късмет / майстор / изкуство*). С некоторой условностью мы относим его к свободно конструируемым, так как в позиции изменяемого компонента выступает ключевое слово, которое не имеет соответствия в тексте оригинала, а является продуктом инвенции переводчицы.

Заслуживает внимания перевод ЭРФ *Вот это да* посредством междометия *Ей* с добавлением экспликатора – императивной глагольной формы *глей* (жаргонизма, образованного от литературной формы *гледай*). Герои фантастического повести В. Пелевина (два цыпленка-бройлера, выращиваемые на комбинате) знакомятся и начинают разговор. Вдруг один из них с удивлением замечает, что появилось новое светило, хотя, насколько ему известно, в центре мира никогда не бывает сразу трех светил.

(14) *–Уже не у нас, — ответил Шестипалый и вдруг присвистнул. – Вот это да!*

– *Чего?* – подозрительно спросил Затворник.

– *Вон, гляди! Новое появилось!* (В. Пелевин, Затворник и Шестипалый)

- *Вече не – отговори Шестопръстия и изведнъж подсвирна. – Ей, глей!*
- *Какво? – подозрително попита Затворника.*
- *Гледай бе! Появи се още едно* (перевод: И. Тотоманов).

Опираясь на коммуникативную ситуацию и на следующий речевой ход (*Вон, гляди!*) того же персонажа, переводчик умело преобразовал переводимую единицу, добавив к спонтанному возгласу удивления *Ей* эксплицитный призыв к собеседнику: ‘посмотри на то, что меня так удивило’. Экспрессивная реплика, полученная в результате использования приема добавления, гармонично вписывается в текст перевода при поддержке ремарки „изведнъж подсвирна“.

Обобщение результатов проведенного анализа позволяет сделать следующие выводы.

Преобладающим подходом к переводу ЭРФ *Вот это да* является использование междометия, что объясняется интенсивностью иллокутивной силы реализуемого экспрессивного речевого акта. Достаточно часто применяется и доказавшая свою эффективность стратегия перевода посредством функционального аналога. Интерес представляет перевод посредством свободно сконструированного предложения, в котором проявляется креативность переводчика. Не следует пренебрегать также возможностью использования приема добавления, связанного с повышением эксплицитности текста перевода. В обработанном материале не были зафиксированы случаи опущения, что свидетельствует о структурирующей роли формулы *Вот это да* в построении диалога / внутренней речи персонажа. Ни в одном из проанализированных 24 контекстов эта формула не показалась переводчику незначительным элементом текста, который можно оставить без соответствия в тексте перевода.

Учет речевой тональности (отраженной в авторских ремарках и/или соседних репликах), релевантных параметров коммуникативной ситуации и узуса болгарского языка играют ключевую роль в оценке уместности/неуместности использованного способа перевода ЭРФ.

Изучение всего репертуара языковых средств, служащих для передачи ЭРФ, может привести к оптимизации переводческих решений, направленных на достижение коммуникативно-прагматической равноценности текстов подлинника и перевода. Представляется также, что, проливая свет на прагматические свойства идиоматических экспрессивных формул на фоне другого языка, исследования подобного рода способствуют преодолению затруднений в понимании и продуцировании диалогической речи инофонами, изучающими русский язык.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. (2000). Речевые формулы в диалоге / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // *Труды международного семинара „Диалог-2000“ по компьютерной лингвистике и ее приложениям*. – Москва: Наука, 2000. Т. 1. – С. 25 –31.

Кустова, Г. И. (2012). Об иллокутивной фразеологии / Г. И. Кустова // *Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты*. Сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. –Москва: Изд-во Московского государственного университета, С. 349 –366.

Меликян, В. Ю. (2008). О переводе коммуникем утверждения/отрицания с английского языка на русский / В.Ю. Меликян // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. – 2008. – № 10. – С. 248 – 253.

Пужаева, С. Ю., Герасименко, Е. А., Захарова, Е. С., Рахилина, Е. В. (2018). Автоматическое извлечение дискурсивных формул из текстов на русском языке // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 2. С. 5 – 18.

Фисенко, И. Е. (2005). *Коммуникемы русского языка в аспекте речевого воздействия*: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Е. Фисенко. – Ростов-на-Дону: РГПУ, 2005. Шаронов, И. А. (1996). Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания / И. А. Шаронов // *Русистика сегодня*. 2. С. 89 – 111.

Шаронов, И. А. (2024). Эмоциональные междометия и звукоподражательные слова в художественной литературе [Электронный ресурс] / И. А. Шаронов // *Chinese Journal of Slavic Studies*. № 1, vol. 4. – pp. 63 – 80. – URL: <https://doi.org/10.1515/cjss-2024-0004> (дата обращения: 20.09.2024)

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Меликян, В.Ю. (2001). *Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи* / В.Ю. Меликян. – Москва: Флинта-Наука, 2001. – 240 с.

РБЕ – онлайн – Речник на българския език (онлайн), т. 1–15. – София: Акад. издателство „Проф. Марин Дринов“, 2001–2023. – URL: <https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg> (дата обращения: 11.09.2024).

ЭЛЕКТРОННЫЕ КОРПУСЫ

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru>

Прагматикон – Электронная база прагматических конструкций русского языка „Прагматикон“. – URL: <https://pragmaticon.ruscorpora.ru/>

Izvorni znanstveni rad/Original scientific paper

UDK 821.161.1(560)(091)

821.161.1'25(560)(091)

Олджай Тюркан

Стамбульский университет, Турция

turkanolcay@gmail.com

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ТУРЦИИ: К ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА¹

АННОТАЦИЯ

Центральным предметом истории восприятия иностранной литературы в любой национальной среде является литературный перевод. Поэтому история восприятия – в первую очередь история литературного перевода. Истории переводов русских литературно-художественных произведений в Турции с 1884 года до наших дней и посвящается настоящая работа, выполненная в русле хронологии. В работе делается попытка воздаяния должного истинным подвижникам перевода и издательской деятельности, внесшим неоценимый вклад в культуры турецкого общества в зачастую не простых общественно-исторических условиях.

Ключевые слова: история перевода, турецко-русские литературные связи, перевод русских художественных произведений на турецкий язык

Russian literature in Turkey: An overview of the history of translation

ABSTRACT

The central subject of the history of the perception of foreign literature in any national environment is literary translation. Therefore, the history of perception is first and foremost the history of literary translation. The history of translation of Russian literary works in Turkey from 1884 to the present day is the subject of this chronological work. It attempts not only to reconstruct a chronology of translations of Russian literary works in Turkey, but also to pay tribute to the true devotees of translation and publishing, who have made an invaluable contribution to the culture of Turkish society, mostly under extraordinary social and historical conditions.

Keywords: history of translation, Turkish-Russian literary connections, translation of Russian literary works to Turkish

¹ В данной работе обобщены результаты проведенных автором исследований рецепции русской литературы, в частности произведений А. С. Пушкина. Часть из них была представлена на международных конференциях и опубликована в академических изданиях (*Олджай Т. 2003, 2004, 2010; Olcay 2005*).

Знакомство с русской литературой в переводе на турецкий язык началось в 1884 году. Первым русским писателем, с которым познакомились в Турции был Александр С. Грибоедов. Комедия Грибоедова «Горе от ума» была переведена с русского языка на турецкий Мехмедом Мурадом (1853-1917), который был издателем газеты «Мизан» и работал преподавателем истории в Школе общественно-политических наук (Мектеб-и Мюлькие), а также и являлся автором ряда исторических произведений. Мехмед Мурад – дагестанец по происхождению, обучался в Ставропольском лицее, благодаря чему в совершенстве владел русским языком. Ему, по-видимому, показалась близка судьба Чацкого. Как говорит Исмаил Хабиб, «перевод этой пьесы послужил для Мурада утешением» (Habib 1941: 267). Этим можно объяснить и то, что, несмотря на великолепное владение обоими языками, «Горе от ума» является единственным переведенным Мехмедом Мурадом произведением.

После трехлетнего перерыва, на страницах столичных и провинциальных газет стали все чаще появляться и переводы русских стихотворных произведений. Однако в силу причин разного характера названия некоторых стихотворений, их авторская принадлежность, а также то, с какого языка были сделаны переводы, не указывались (Алькаева 1982, Gariper 1999, Олджай 2003).

Первым, переведенным на турецкий язык произведением стихотворного жанра, является «Когда волнуется желтеющая нива...» Лермонтова (газета «Мизан» от 14 апреля 1887 г.). Правда, и здесь вместо заголовка стояло разъяснение издательства: «*Стихотворение одного русского поэта (Лермонтова) отредактированное Менеменлизаде Тахиром Бейэфенди*» после перевода издательством».

За ним последовали публикации в журнале «Нилюфер» переводов стихотворений «Песня пахаря» Кольцова (февраль 1889 г.), «Птичка» Туманского (март 1889 г.) и сказки «Царь России Петр I и мужик» (сентябрь 1889 г.), осуществленные Реджепом Вахьи (Олджай 2003: 91, Olcaу 2005).

Режепу Вахьи принадлежит большинство переводов русских стихов и басен того времени. Вахьи выучился русскому языку в военном училище «Харбие». Предполагаем, что учебным материалом ему послужила «Школьная хрестоматия по русскому языку». С помощью записной тетради, в которую он записывал свои переводы, удалось документально подтвердить его авторство переводов басен Крылова «Ворона и лиса», «Осел и соловей», «Муравей», «Лиса и аист» и «Медведь и высокое общество» сделанных в 1891 году. Им же были сделаны переводы стихотворений Кольцова «Что ты спишь, мужик?» и Тургенева «Воробей», а также перевод рассказа Л. Толстого «Старый дед и внук» (там же).

Кроме Вахьи, русские стихотворные произведения переводил также Джелаль Эниси из Тифлиса, работавший в то время переводчиком в Стамбуле. Переведенные им два стихотворения Пушкина, были опубликованы в 44-ом номере журнала «Малюмат» от 23 июля 1896 г. с примечанием: «Произвольный перевод двух стихотворений Пушкина, одного из знаменитых поэтов России». Кроме того, Эниси перевел и опубликовал еще три стихотворения: «Безумная любовь», «Гроза» и «Два облака», к сожалению не указав, кому из русских поэтов они принадлежат (Kolcu 1995 : 81).

Другим переводчиком, переведившим с языка оригинала, был Джихангир Андиджани. Ему принадлежат переводы «Мцыри» Лермонтова под названием «Беглец» и других стихов, однако снова без ссылки на имя авторов произведений (там же).

Ознакомлению турецкой интеллигенции с русской поэзией способствовали также переводы передовой турецкой поэтессы Нигяр Ханым (1856 -1918). Она была хозяйкой известного литературного салона в Стамбуле, объединяющего сторонников создания литературного моста между Востоком и Западом. Нигяр Ханым в совершенстве владела восьмью иностранными языками и перевела с языков-посредников ряд стихотворений Пушкина, Лермонтова, Жуковского и басен Крылова. После того как переводы были опубликованы в периодической печати, они вошли в сборник поэтессы «Эфсус» 1891 года (рус. «Сожаление»). Появление переводов Нигяр Ханым сразу же вызвало отклик в Петербурге. В 1892 г. в 5-ом номере журнала «Звезда» вышла заметка, посвященная этому событию (Белова 1999 : 392).

С языка-посредника переводил также Абдуллах Джевдет. Он перевел с французского два стихотворения и опубликовал их в 1894 г. в журналах «Хазине-и Фюнун» и «Мектеп». Джевдет отметил, что одно из этих стихотворений в виде четверостишия принадлежит Пушкину, однако автора другого не указал (Kolcu 1995 : 247). Первые две строки четверостишия *являются точным переводом строк* «Бахчисарайского фонтана», однако в последних двух строках наблюдается вольный перевод.

Начиная с 1890 г., наблюдается постепенное увеличение количества переводов прозаических произведений русских писателей, чем и объясняется рост интереса к русской литературе в Турции. Большую роль в этом сыграли введение русского языка в программу военных училищ и приезд в Стамбул востоковеда Ольги Сергеевны Лебедевой из Казани, ставшей известной в Турции как Мадам Гюльнар, Ольга дё Лебедев или Ольга де Лебедефф (Olcaу 2017).

Ольга Лебедева приехала в Стамбул 13 октября 1890 г. по приглашению крупного издателя и писателя Ахмеда Мидхата-эфенди (1844-1912), с которым она познакомилась в 1889 г. на VIII конгрессе востоковедов в Стокгольме. Приехав в Османскую империю, она привезла с собой несколько переведенных ею ранее произведений, которые через неделю после ее приезда стали печататься, сначала по частям, в газете Ахмеда Мидхата-эфенди «Терджуман-и Хакикат», а затем вышли отдельным изданием.

Среди первых переводов Лебедевой две повести Пушкина: «Метель» (1891) и «Пиковая дама» (1893), отрывки из поэмы Лермонтова «Демон» (1892) и пять произведений Л. Толстого: «Ильяс» (1893), «Семейное счастье» (1893), «Смерть Ивана Ильича» (1893), рассказы-притчи «Два старика» (1893) и «Чем люди живы?» (1893). Ею же читающей публике были представлены монографии о Пушкине («Поэт Пушкин: жизнь, творчество, произведения», 1891) и о русской литературе (1895). Последняя состояла из 132 страниц и включала двадцать портретных характеристик самых известных русских писателей, начиная с Симеона Полоцкого и кончая Львом Толстым.

В 1896 г. в газете «Икдам» от 23 октября в переводе с французского языка начала публиковаться «Крейцера соната» Л. Толстого. Перевод был начат Ахмедом Расимом по заказу издателя Ибрагима Хильми. Однако, публицист и общественный деятель Расим был очень занят и не сумел вовремя предоставить последние страницы черновиков переводов в редакцию, в силу чего публикация всего произведения так и не осуществилась.

В 1897-98 гг. в газете «Шукуфе Истиграк» были помещены «Ангел» и «Парус» Лермонтова в совместном переводе Мустафы Решиды и Ольги Лебедевой, где впервые были полностью указаны названия произведений и имя их автора.

В 1899 г. на страницах газет широко отмечалось 100-летие со дня рождения Пушкина. К юбилею, в январском номере газеты «Малюмат», была опубликована часть поэмы «Медный всадник». Перевод был сделан в прозе с французского, находившимся в то время во Франции Али Кемалем. Вместе с переводом Кемаль выслал в редакцию и «Парижские письма», которые включали в себя статью «Поэзия и поэт. А. С. Пушкин».

С наступлением в 1900 г. жесткого режима Абдульхамида II-го, просуществовавшего восемь лет, любая деятельность в области культуры в Турции замерла. Все это отразилось и на распространении книг, журналов и газет. За этот период вышли только «Дым» и «Вешние воды» Тургенева в переводе с французского Абдуллаха Зюхтю. Но без указания имени автора. Имея ввиду год публикации и социально-политические условия в империи, поведение издательства можно объяснить царившими в то время самовластием и деспотизмом.

Объявление в 1909 г. Второго конституционного правления в Турции и отмена цензуры привели к оживлению издательской и переводческой деятельности. Однако оно продолжалось недолго. Война в Ливии и вспыхнувшая сразу за ней война на Балканах, а за ними и Первая мировая война воспрепятствовали этому оживлению. Все эти события ускорили упадок Османской империи, и 29 октября 1923 года Высшее Национальное Собрание Турции (ВНСТ) ввело в стране республиканское правление.

За период с 1909 по 1923 год большую часть переведенных на турецкий язык книг русских авторов составляют произведения Л. Толстого (Sabziyeva 2009, 2019). В этот период были

переведены 12 произведений этого великого писателя, мыслителя и философа: «Кавказский пленник» (1909); «Бог правду видит, да не скоро скажет» (1909); «История одной женитьбы» (пер. Р. Неждет, 1910); «Воскресение», (пер. Х. Рифат, 1911); «Три смерти» (пер. В.А. Гордлевский, 1911); «Корней Васильев» (пер. С. Джелаль, 1911); «Анна Каренина» (пер. Р. Неждет и С. Наджи, 1912); «Хаджи Мурат» (пер. Ю. Риза, 1912); философские трактаты («О смерти» и «Философия жизни», пер. А.М. Рифатов, 1914), «Отец Сергей» (пер. О. Ньюзет, 1921) и «Горькое приключение» (пер. А. Селяхаддин).

В эти годы турецкие читатели слышали новые имена – впервые были переведены произведения Максима Горького: «История одного преступления» под названием «Кровавые похождения» (пер. А. Нусрет, 1910) и «Мать» (пер. И. Мюштак и М. Бирген, 1911), Чехова («Брожение умов», пер. В. А. Гордлевский, 1910) и Гаршина («Сигнал», пер. В. А. Гордлевский, 1910).

С провозглашением республиканского правления государственная власть, под руководством Мустафы Кемалю Ататюрка (1881-1938), приступила к осуществлению реформ, направленных на модернизацию и «европеизацию» турецкого общества. Одной из особенностей этого периода, оказавшим большое влияние на всю турецкую культуру, стало принятие закона от 1 ноября 1928 г. о введении взамен арабского, нового алфавита на латинской основе. С целью обучения грамоте широких народных масс были открыты народные школы. Затраченные усилия не замедлили дать свои плоды – в Турции того периода наблюдался взрыв массового интереса к чтению. Следствием этого послужило открытие ряда новых издательств.

Для первых десятилетий существования новой Республики характерен глубокий интерес к Советскому Союзу, который первым протянул руку помощи Турции. В прессе публикуется много материалов о жизни и культуре Союза, один за другим печатаются переводы произведений русской художественной литературы: «Песнь торжествующей любви» (пер. Я. Ферид и М. Михалёв, 1925 г.), «Первая любовь» (пер. Х. Рифат, 1931), «Дым» (пер. Х. Рифат, 1932) Тургенева, «Товарищ» (пер. М. Кемаль, 1931) Горького, «Воскресение» Л.Толстого, «Преступление и наказание», «Записки из Мертвого дома» Достоевского (пер. Х. Рифат, 1933), «Капитанская дочка» Пушкина (пер. С.Сюрея, 1933). В 1934 г. читающей публике были представлены еще три произведения Л.Толстого: народные рассказы «Чем люди живы?» и «Где Бог, там и любовь» (пер. С. Хури), «Семейное счастье» (пер. И. Хакки), «Метель» Пушкина (пер. С. Сюрея), «Белые ночи» Достоевского (пер. Р. Эшреф), тургеневские «Вешние воды», рассказы, изданные отдельным сборником под названием «Дуэлист» (пер. С. Сюрея) и «Песнь торжествующей любви»² (пер. Н. Хикмет). Через год вышел сборник рассказов «Попутчик жизни», куда вошли шесть рассказов Чехова и «Муму» Тургенева (пер. С. Сюрея) а в 1936 году – переводы толстовских произведений: «Крейцерова соната» (пер. А. К. Акюз), «Смерть Ивана Ильича» и «Хозяин и работник» (пер. Х. Рифат). «Крейцеровой сонате» было предпослано предисловие «Толстой и его произведения» на 16 страницах. Предисловия к произведениям служили важным источником ознакомления читателей с авторами произведений. Среди переведенных в том же году произведений русских авторов, назовем также «Дворянское гнездо» Тургенева (пер. С. Сюрея), которое вышло под заглавием по имени главной героини – «Лиза», «Сцены из русской революции» Горького (пер. В. Гюльтекин), «Тараса Бульбу» Гоголя (пер. Сираджеддин).

К 1937 году наблюдается увеличение количества переводов произведений русских писателей, что можно объяснить постоянно растущим интересом к русской литературе в Турции. В указанном году вышли переводы и прозаические переложения «Бориса Годунова», «Цыган», «Пиковой дамы», «Египетских ночей», «Дубровского», «Гробовщика», «Бесов» (переложение выполнено ритмической прозой) и «Барышни-крестьянки» приуроченные к столетию со дня гибели Пушкина. Перевод произведений был сделан знатоком русской литературы, хорошо владеющим русским языком Хасаном Али Эдизом. Изданными в том же году произведениями стали гоголевские «Мертвые души» (пер. Р. Рыфки) и «Ревизор» (пер. А. Инсел); «Отцы и дети»

2 «Песнь торжествующей любви» И. С. Тургенева вышла вместе с рассказом Клода Фарера «Сын султана». Исходя из содержания Назым Хикмет, которым были переведены оба рассказа, счел уместным назвать книгу «Два кровавых похождения».

(пер. Х. А. Эдиз) и «Сон» Тургенева (пер. А. Ашар); «Неточка Незванова» Достоевского (пер. М. Н. Озён), горьковские «Города и годы» (пер. Танер), сборники рассказов «В степи» и «Бродяги» (пер. М. Нихат); «Казачи» Л. Толстого (пер. А. Акюз), а также «Герой нашего времени» (пер. А. Инсел) и «Демон» Лермонтова (пер. А. Инсел и В. Гёрк).

Год спустя вышли «Война и мир» Л. Толстого (пер. А. Акюз), «Майская ночь» Гоголя (пер. Х. Эдиз) и множество чеховских рассказов. Только Зеки Баштымар перевел около тридцати рассказов Чехова с русского и опубликовал их в сборнике «Маска» объемом в 191 страницу. Баштымар является одним из лучших переводчиков Чехова. Три рассказа Чехова были переведены также Эдизом и изданы отдельной книгой под названием «Человек в футляре». В том же году читающей публике стало известно имя Шолохова, который был представлен «Поднятой целиной» (пер. Нихат).

В 1939 году продолжилась публикация рассказов Горького и Чехова. Семь рассказов Горького были опубликованы издательством «Ремзи» в серии «Всемирная литература» под названием «Тоска» (пер. М. Нихат). В 28-м номере той же серии вышел и сборник рассказов Горького – «Сон любви», в переводе Эдиза. Кроме того он перевел еще три рассказа Горького и издал их под псевдонимом Б. Дениз, выбрав в качестве названия всей книги заглавие одного из рассказов – «Двадцать шесть и одна». Эдизом же были переведены и шесть рассказов Чехова, изданные под названием «Смерть актера». В том же году вышли в двух сборниках восемь рассказов Чехова переведенных Хайдаром Рифатом с французского.

К сожалению, недостаточное количество исследований в области истории переводческой деятельности не позволяет уточнить вопрос о том, как воспринимались и оценивались турецкой читающей публикой произведения русской литературы. И все же количество опубликованных произведений позволяет сказать, что в 20-е и 30-е годы XX века в Турции наблюдается повышенный интерес к русской литературе, чему способствовали развитие добрососедских отношений между СССР и Турцией, а также расширение круга прогрессивно настроенной писательской интеллигенции.

Однако закономерно встает вопрос о том насколько систематизированной, планомерной и качественной была переводческая деятельность.

Несмотря на то, что множеством издательств выпускались переводные серии романов всемирной литературы, немалая часть из которых принадлежала русским писателям, нужно отметить, что выбор для перевода и последующего издания произведений того или иного автора осуществлялся на личный вкус переводчиков и издателей. Кроме того, большинство произведений русской литературы переводились с уже переведенных на западные языки книг, т.е. через язык-посредник. Допускались адаптации текстов и вольности перевода. Понятно, что при таких условиях говорить о качестве перевода не имело смысла. Очевидным образом назревала острая необходимость в упорядочении литературно-переводческой и издательской деятельности со стороны государства.

Важным событием в истории перевода и издательской деятельности в Турции стал I-ый конгресс по печати под эгидой Министерства просвещения (Анкара, с 1 по 5 мая 1939 г.), в результате которого началась «мобилизация переводческой деятельности» в стране (Олджай 2004). Был разработан грандиозный план ознакомления турецкого народа с лучшими произведениями мировой литературы и назначены «языковые комиссии», одной из которых являлась комиссия по русской литературе. В обязанность последней входила организация переводческой деятельности, а также контроль над переводами русских авторов. Был составлен подробный план издания библиотеки русских классиков, включавший 29 произведений одиннадцати классиков русской литературы, а также избранные статьи литературных критиков. На заседании, превратившемся в своеобразный критический форум переводческой деятельности, было принято также решение о создании «Переводческого бюро» и журнала «Терджуме» (рус. «Перевод»).

Тем временем продолжалась также переводческая деятельность и частных издательств, особой популярностью у которых пользовались произведения Достоевского. Однако все эти переводы были сделаны с западных языков и с большими пропусками. В связи с этим в IX, XII,

XV и XIX номерах журнала «Терджуме» вышли критические статьи Зеки Баштымара, Эрала Гюнея и Нихали Ялазы Талуи, критиковавшие переводчиков за ошибки и безответственность, с которой они отнеслись к переводу произведений.

С 1940 по 1955 год под эгидой Министерства просвещения Турции были переведены и изданы 1120 (1247 томов) произведений мировой литературы. Среди них 75 (88 томов) являются произведениями русской классической литературы. Таким образом, по количеству изданий в переводе на турецкий язык русская литература в Турции занимала пятое место после французской (308), немецкой (113), греческой (94) и английской (80) (Tuncor 1996, Олджай 2005, 2010).

С правом можно утверждать, что знакомство с русской литературой приобрело вполне системный характер. Это оказало положительное влияние, как на литературный процесс, так и на культурную ситуацию в целом. Государственная поддержка переводческого дела способствовала также созданию сообществ переводчиков высшей квалификации. Переводы осуществляли видные специалисты по русскому языку и литературе – Хасан Али Эдиз (1904-1972), Эрал Гюней (1914), Сервет Люнель, Нихаль Ялаза Талуи (1900-1968), Гаффар Гюней, Зеки Баштымар (1905-1973), Огуз Пельтек (ум.1956). Некоторые переводчики работали в творческом содружестве с лучшими писателями и поэтами своего времени Сабахаттином Али (1907-1948), Орханом Вели (1914-1950), Мелихом Джевдетом Андаем (1915-2002) и Октаем Акбалом (род.1923). Требования к профессионализму были весьма высокими, а выполняемые переводы были действительно качественными и адекватными оригиналам, в отличие от многих переводов прежних лет. Важным результатом качественно выполненных переводов стало укрепление позиций современного литературного турецкого языка. Благодаря знакомству с европейской, и в частности, с русской литературой, турецкие писатели смогли приобщиться к общемировым культурным и литературным процессам, у них появилась возможность использовать уже известные инациональным литературам художественные жанры и приемы.

Со второй половины 60-ых годов XX века начинается новый этап в истории русско-турецких литературных связей. Рост революционных настроений среди молодежи и демократической интеллигенции, сопровождался усилением интереса к Советскому Союзу, к истории и культуре его народов. Наблюдалось массовое увлечение русской и советской литературой, в полном смысле этого слова. В 70-е годы были переизданы в старых и новых переводах или изданы впервые практически все крупные произведения русской прозы XIX века, а также книги Горького, Шолохова, Леонова, А. Толстого, Н. Островского, Фурманова, Серафимовича, Бабеля, Булгакова, Полевого, Эренбурга, Симонова. Произведения современных советских авторов – Айтматова, Евтушенко, Гамзатова, Думбадзе и других (кроме русской «деревенской» прозы, которая считается трудной для перевода) переводились практически сразу же после их выхода в СССР. Наряду с прозой издавались и переводы поэтических сочинений – стихи Есенина, Маяковского, Евтушенко, Вознесенского, Гамзатова и др.

Последовательный выход переводов этих произведений на турецком языке привлекал все большее внимание общества к русской литературе; в газетах все чаще публиковались статьи писателей и литературоведов с анализом переводов и оценкой феномена русской классики. При этом акцент делался на схожести проблем, поднимаемых в русской литературе XIX века и проблем, волнующих современную турецкую интеллигенцию.

К 70-м годам появилась третья когорта переводчиков русской литературы. Особенно ценны (в качественном и количественном отношении) переводы Мехмета Озгюля, Эргина Алтая, Атаола Бехрамоглу, Мазлума Бейхана и Азера Ярана.

Наряду с вышеупомянутыми именами переводчиков русских художественных произведений являются также Мехмет Фехми Имре, Гюнеш Бозкая Коллонтай, Недим Онал и Угур Бюке.

Открытие в 1990 г. отделения русского языка и литературы в Стамбульском университете, а за ним и еще в пяти университетах Турции способствовало подготовке новых переводческих кадров. Постепенно стала формироваться новая молодая когорта переводчиков с русского языка. Среди них следует упомянуть имена Кайхана Юкселера, Сабри Гюрсеса, Кора Я Карасулу, Гюная Кызылырмака, Бирсен Караджи и Озлем Асылтюрк.

Благодаря деятельности переводчиков турецкая читающая публика получила возможность читать на родном языке почти все произведения русской литературы. Множество классических произведений, например шедевры Достоевского, Толстого, Чехова и Пушкина имеют до семи вариантов перевода и издаются всеми столичными и провинциальными издательствами. Благодаря переводам, биографическим, литературно-критическим и научным работам русские писатели по праву занял достойное место среди известных в Турции классиков мировой литературы, что помогает турецкому читателю понять, самобытность огромной русской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Алькаева Л. О. (1982). Русская классика в Турции (К вопросу о влиянии русской литературы на турецких писателей) // *Русская классика в странах Востока: сб. статей* / под ред. Л. Л. Громковской, М.: Наука, С. 96-105.

Белова К. А. (1999). *Из истории переводов Пушкина в Турции* // Пушкин и мир Востока: / Сост. и общ. ред. Е. П. Чельшева, М.: Наука, 1999, С. 391-398.

Олджай Т. (2003). Русская литература в Турции / Т. Олджай // *ВІСНИК Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна* – 2003 - № 595. – С. 91 – 94.

Олджай Т. (2004). К вопросу истории переводов русской литературы в Турции (1923-1960 гг.) / Т. Олджай // *ВІСНИК Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна*, № 631. – С. 266 – 271.

Олджай Т. (2010). Рецепция переводов русских художественно-литературных произведений в Турции / Т. Олджай // *International Journal of Russian Studies*, № 3. – С. 1 – 17.

Gariper C. (1999). Rusça'dan Türkçe'ye Yapılan İlk Edebi Tercüme Üzerinde Bir Araştırma: Manzum Tercüme / C. Gariper // *İlmi Araştırmalar*, № 7. – С. 105 –134.

Habib İ. (1941). *Avrupa edebiyatı ve biz. 2. cilt* / İ. Habib. – İstanbul: Remzi Kitabevi.

Kolcu A. İ. (1999). *Tanzimat ve Servet-i Fünûn Devirlerinde Batı Edebiyatından Yapılan Şiir Tercüme Üzerinde Bir Araştırma (1859-1901)* / A. İ. Kolcu. – Ankara : Gündoğan Yayınları.

Olçay, T. Cumhuriyet Dönemi Öncesi Rus Edebiyatından Türkçeye Yapılan Çeviriler Üzerine (2005). / T. Olçay // *Litera: Batı Edebiyatları Dergisi*, №18. – С. 41 – 54.

Olçay, T. Olga Lebedeva (Madame Gulnar): A Russian Orientalist and Translator Enchants the Ottomans (2017). / T. Olçay // *SLOVO*, №29. – С. 40 – 71.

Sabziyeva, M. (2009). Tolstoy'un Türkçeye İlk Çevirenler / M. Sabziyeva // *Çağdaş Azerbaycan'da Rus Dili ve Edebiyatı Uluslararası Sempozyumu: bildiri metinleri*. – Baku, 2009. – С. 12 – 20.

Sabziyeva, M. (2019). Bir Çevirinin Peşinde “Kroyçer Sonatı” / M. Sabziyeva // *II. Uluslararası Türk-Rus Dünyası Akademik Araştırmalar Kongresi: bildiri metinleri*. – Ankara. – С. 485 – 495.

Habib İ. (1941). *Avrupa edebiyatı ve biz. 2. cilt* / İ. Habib. – İstanbul: Remzi Kitabevi.

Tuncor F. R. (1996). *MEB Yayınları Bibliyografyası (1923-1993)* / F. R. Tuncor. – İstanbul: MEB Yayınları.

SLAVENSKE KNJIŽEVNE TRADICIJE

SLAVIC LITERARY TRADITIONS

**СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ТРАДИЦИИ**

Izvorni znanstveni rad/Original scientific paper

UDK 821.161.1-3

821.161.1.09 Sorokin, V.

821.161.1.09 Pelevin, V.

This research was funded in whole or in part by Narodowe Centrum Nauki Reg. nr 2022/47/B/HS2/01244. For the purpose of Open Access, the author has applied a CC-BY public copyright license to any Author Accepted Manuscript (AAM) version arising from this submission.

Mateusz Jaworski

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Polska

mateusz.jaworski@amu.edu.pl

МОТИВ ДОРОГИ В НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ (ВЛАДИМИР СОРОКИН, ВИКТОР ПЕЛЕВИН)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу мотива дороги в новейшей русской прозе на примере произведений Владимира Сорокина и Виктора Пелевина. Автор рассматривает, как в контексте постмодернистской литературы дорога становится не только физическим маршрутом, но и метафорой духовного поиска, границы реальности и внутреннего кризиса персонажей. Анализируя сорокинскую трилогию («Метель», «Доктор Гарин», «Наследие») и пелевинскую тетралогия («Transhumanism Inc.», «KGBT+», «Путешествие в Элевсин», «Крут»), автор выявляет общие закономерности в трактовке пути как тупика, симуляции или духовной инициации. Дистопический характер этих произведений подчеркивает тревожные аспекты будущего, демонстрируя мир, в котором технология сочетается с регрессом, а сознание теряет устойчивость в виртуальных и онтологических лабиринтах. Работа строится на интертекстуальном анализе, учитывающем литературные, философские и культурные контексты.

Ключевые слова: мотив дороги, новейшая русская проза, Владимир Сорокин, Виктор Пелевин, постмодернизм, дистопия, путь, симуляция, литературная онтология

The motif of the road in contemporary Russian prose (Vladimir Sorokin, Victor Pelevin)

ABSTRACT

This article is dedicated to the analysis of the motif of the road in contemporary Russian prose, using the works of Vladimir Sorokin and Victor Pelevin as examples. The author examines how, in the context of postmodernist literature, the road functions not only as a physical route but also as a metaphor for spiritual quest, the boundaries of reality, and the internal crisis of characters. By analyzing Sorokin's trilogy (*The Blizzard*, *Doctor Garin*, *The Legacy*) and Pelevin's tetralogy (*Transhumanism Inc.*, *KGBT+*, *Journey to Eleusis*, *Krut*), the author identifies common patterns in the depiction of the journey as a dead-end, a simulation, or a spiritual initiation. The dystopian nature of these works highlights the troubling aspects of the future, portraying a world where technology coexists with regression, and consciousness loses its stability in

virtual and ontological labyrinths. The study is based on an intertextual analysis that accounts for literary, philosophical, and cultural contexts.

Keywords: motif of the road, contemporary Russian prose, Vladimir Sorokin, Victor Pelevin, postmodernism, dystopia, journey, simulation, literary ontology

Он понял, что надо просто не бояться этой безжизненной, холодной стихии и двигаться,
двигаться, преодолевая ее.
Владимир Сорокин, *Метель*¹

Художественная словесность, кроме своих традиционных качеств и направлений (эстетическая, дидактическая, познавательная функции), является также полем борьбы за славу и власть (над умами читателей и не только). Эту тему интересным образом описал Михаил Берг в своей монографии *Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе*². Можно ее заметить и в знаменитой книге Эманнюэля Каррера о жизни Эдуарда Лимонова. Современная литература в этом плане представляет собой пространство, в котором присутствуют конкурентоспособность и дух соперничества, во многом напоминающие мир рыночной экономики и спорта (здесь стоит учесть литературные премии, всеобщее признание, рекламные контракты и т. д.). Конечно, культурная деятельность, а ведь литературное творчество к ней принадлежит, к счастью, не поддается объективной оценке, так как невозможно установить беспристрастные параметры, по которым любой человек (пользователь) мог бы приписать точное значение единичному произведению искусства (независимо от примененных в нем средств художественной выразительности). Итак, борьба за литературную власть становится местом обмена субъективных мнений, индивидуальных оценок (на основе разных систем/школ понимания литературного текста – в центре одной из них находится семантический потенциал текста, раскрываемый в процессе интерпретации). Нередко писатели пытаются найти *новое слово, новую тему, новые средства выразительности (формы)*. «Новое» здесь синонимично «оригинальному».

Теория и практика постмодернизма, однако, выявили имманентную лакуну в таком понимании «нового». Художественное слово, по мнению Брайана МакХейла, в рамках постмодернизма уходит от эпистемологической цели (т. е. выразить, передать и познать действительность), приобретая онтологическое измерение³. Следовательно, новое в литературе не в одной форме и не в одном сюжете, а в мирозидательном потенциале языка. Оригинальный текст способен создать новый мир.

Возможно, именно поэтому двух выдающихся русских прозаиков, представителей поколения, дебютировавшего еще во время Советского Союза – Владимир Сорокин и Виктор Пелевин – в своем позднем творчестве обратились к дистопии. Этот жанр, выявляющий опасные или даже губительные тенденции в сложной ткани настоящего⁴, не только сохраняет устойчивую популярность среди читателей на протяжении нескольких десятилетий, но и предоставляет писателю практически неограниченную свободу в конструировании многоступенчатой структуры будущей реальности. Интересно, что инклюзивность дистопии не исключает творческого осмысления так называемых «вечных вопросов», даже в рамках новейшей словесности, которая обычно лишь высмеивает, пародирует или травестирует всякие литературные мотивы, нравственные концепции, устойчивые аксиологические системы, духовность, эсхатологию и т. д.

Выбранные мной писатели в своих последних книгах (сорокинская трилогия – *Метель, Доктор Гарин и Наследие* – и пелевинская тетралогия – *Transhumanism inc., KGBT+, Путешествие в Элевсин и Круть*) ставят перед своими текстами весьма амбициозные задачи. С одной стороны, Сорокин затрагивает тему места литературы, или шире: культуры, в будущем. Литература здесь понимается не только как один из видов интеллектуальной активности человека, но также

1 В. Сорокин *Метель* / Москва: Corpus (АСТ), 2010, с. 75.

2 См. М. Берг *Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе* / Москва: Новое литературное обозрение, 2000, с. 7-26.

3 В. McHale *Postmodernist Fiction* / London, New York: Routledge, 1987, p. 26-36.

4 Ср. F. Jameson *Archaeologies of the Future. The Desire Called Utopia and Other Science Fictions* / London, New York: Verso, 2005, p. 1-9; А. Смирнов *Русская литературная антиутопия рубежа XX и XXI вв.* // *Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.* – 2006. - № 3. - С. 29.

как огромный набор инструментов, топосов и мотивов, складывающихся на целый текстовый Космос. В сорокинской вселенной книга, как артефакт, становится объектом потребления в буквальном смысле – как выясняется в последней части трилогии – романе *Наследие* (2023) – писатель будущего делает из слов *творог*, повествование превращается в продовольственный продукт, а процесс чтения – в пир (нередко приобретающий форму коллективного опыта). Читатель будущего буквально пробует *слово* на вкус, что позволяет ему полностью погрузиться в мир произведения.

Важно отметить, что будущее у Сорокина представляет собой сочетание двух противоположных течений – технологического прогресса и общественно-культурного регресса. Следовательно, здесь, с одной стороны, применяются генетические опыты над людьми и животными (в результате появляются, например «маленькие» и «большие» люди, «маленькие» и «большие» лошади⁵), разрабатываются новые типы наркотиков, позволяющих испытать крайние страдание и наслаждение. С другой стороны, общественные структуры приобретают форму России XIX века (или даже более раннего периода) – главный герой работает уездным врачом, расстояние измеряется с помощью верст, в усадьбах живут дворяне и аристократы, а в деревне – крестьяне. К тому же центральное место в этой новой онтологически автономной реальности занимает мотив дороги – один из старейших топосов мировой культуры. Путь, совершаемый доктором Платоном Гариным, начинается в романе *Метель* (2010), когда в России свирепствует новый боливийский вирус, необратимо превращающий зараженных в «чернышей», т. е. волосатых полузомби-полудикарей. Гарин везет вакцину в деревню Долгое, куда эпидемия уже дошла, но где можно еще спасти часть населения. Расстояние между изначальной точкой пути – почтовой станцией в Долбешино – и местом назначения небольшое: только 15 или 17 верст (по версиям разных персонажей). Однако герою не удается преодолеть эту дистанцию за два дня езды (из-за различных препятствий), что указывает на своеобразную трактовку категории пространства в тексте Сорокина, которое выходит за рамки физического измерения, становясь частью духовной реальности героя.

Во многих фрагментах *Метели* внимательный читатель заметит, что движение героя определяется исключительно его волей – либо продолжать путь, либо находить оправдания для остановок и задержек. В начале романа Гарин кричит и заставляет себя завезти в Долгое:

«– Да поймите же вы, мне надо непременно ехать! – в сердцах взмахнул руками Платон Ильич. – Меня ждут больные! Боль-ны-е! Эпидемия! (...) Вот что, батенька! Доставай мне лошадей хоть из-под земли! Если я туда сегодня не попаду, я тебя под суд подведу. За саботаж»⁶.

Однако в течение своего пути доктор Гарин не откажется и от любовного приключения с замужней женщиной и от погружения в наркотический транс, которые ничуть не вписываются в высокую цель этой непростой дороги. Возможно, мнимость физического пространства, его исчезновение (в буквальном и символическом планах) указывают на тупиковый характер жизненного пути главного героя и его совершенную непредсказуемость. В финале романа можем прочитать:

«И вдруг разрыдался, поняв, что Перхуша его окончательно и навсегда бросил, что в Долгое он так и не попал, что вакцину-2 не довез и что в его жизни, в жизни Платона Ильича Гарина, теперь, судя по всему, наступает нечто новое, нелегкое, а вероятнее всего – очень тяжкое, суровое, о чем он раньше и помыслить не мог»⁷.

В основе пелевинской «баночной» действительности (от слова «банка», которое обозначает контейнер для сохранения человеческого мозга после телесной смерти, позволяющий продолжить существование индивидуального сознания) находится власть корпорации

5 Кирилл Кобрин справедливо отмечает и связь данного аспекта реальности сорокинской повести со знаменитым романом Джонатана Свифта *Путешествия Гулливера*. См. К. Кобрин Доктор едет, едет сквозь снежную равнину (Заметки о катастрофе смысла в «Метели» Владимира Сорокина //, «Это просто буквы на бумаге...» Владимир Сорокин: после литературы / сборник под ред. И. Калинина, М. Липовецкого, Е. Добренко. Москва: «НЛО», 2018, с. 407.

6 В. Сорокин *Метель* / Москва: Corpus (ACT), 2010, с. 5.

7 В. Сорокин *Метель* / Москва: Corpus (ACT), 2010, с. 84.

Transhumanism Inc., разработавшей переломную для человеческой жизни технологию бессмертия. Любопытно, что русский писатель в своих последних романах умело сочетает идею солипсизма (от латинского *solus* – один, единственный) и эсхатологию. Если у Пелевина осязаемый мир является лишь миражом, создаваемым с помощью пяти чувств и перерабатываемым в человеческом сознании посредством языка, то загробная жизнь, переход в трансгуманную стадию бытия, оказывается такой же иллюзией в форме одинаково виртуальной, но более совершенной и изолированной симуляции (в зависимости от финансовых возможностей человека). Эсхатология, традиционно принадлежащая к сфере религии и теологии, здесь становится продуктом, а духовный путь к бессмертию заменяется финансовой сделкой. Интересно, что пелевинские «баночки» часто выбирают симуляции, позволяющие им погрузиться в мир животных и избавиться от бремени познания, основанного на лингвистической переработке данных (русский писатель уже в начале 2000-х в своем романе *Empire V* назвал этот процесс «второй сигнальной системой» или «умом Б»⁸). И так, в первой части трилогии *Transhumanism Inc.* (2021) герои приобретают форму кошек, борющихся за доминирование в специально для этого созданном пространстве, в *Путешествии в Элевсин* (2023) одна из героинь выбирает жизнь рыбы, обитающей на дне морской впадины, а в романе *Круть* (2024) персонажи могут отправиться на свадебное путешествие в мир динозавров (в качестве одного из них).

В романе *Путешествие в Элевсин* мотив дороги играет ключевую роль. Однако следует отметить, что путь, совершаемый главным героем – Маркусом, не имеет пространственного или временного измерений, так как, во-первых, реализуется в виртуальной симуляции и, во-вторых, является сугубо духовным процессом инициации, посвящения в тайны мироздания. Стоит подчеркнуть, что духовные прозрения героя возможны лишь благодаря активности алгоритма, основанного на искусственном интеллекте, который непрерывно и параллельно событиям в романе создает свой собственный *magnum opus*, в котором между прочим находятся следующие замечания по поводу передвижения в пространстве:

«Даже если двигался ты весьма замысловато и старался поразить всех вокруг своими кувырками и фляками, то теперь тебя нет точно так же, как если бы не было никогда вообще. Во всяком случае, для тебя самого. И никаких других людей с их памятью о тебе для тебя тоже теперь нет.

Где все проделанное тобою движение? Там же, где вчерашний дождь: в благодарной памяти червей, и более нигде»⁹.

Итак, в мнимой реальности любой объект может только мимикрировать движение.

Интересно, что для описания феномена пути, совершаемого нигде, Пелевин использует древнегреческий контекст – комедию *Лягушки* Аристофана, из которой экстрагирует несколько мотивов и элементов, особенно идею пересечения подземной реки Ахерон и сами заглавные лягушки, которые у него не играют роли комментатора в форме хора, будучи хищниками, пожирающими человеческие души:

«– Души насекомых переправляются через Ахерон, а лягушки Ахерона их поедают... Лягушки не в нашем мире, но и не в другом. Они на границе... Хорошее место, правда? Сытное уж точно. Мы все на них работаем. И я тоже. (...)

– Думаю, – сказал Порфирий шепотом, – что, если с загробной ладьи упадет человеческая душа, они ее тоже запросто сожрут, как полагаешь, Маркус? Ведь душа комара вряд ли сильно отличается от души человека, разнятся только тела...»¹⁰.

Дорога на другой берег, переход от мирской жизни к загробному модусу бытия не напоминает, однако, путешествия, понимаемого как преодоление расстояния между двумя точками в пространстве в течение определенного промежутка времени. Порфирий подчеркивает тупиковый и ложный характер этого пути:

«– (...) Может быть, Ахерон – это не совсем река?

8 В. Пелевин *Empire V* /Москва: Эксмо, 2015, с. 171-176.

9 В. Пелевин *Путешествие в Элевсин* /Москва: Эксмо, 2023, с. 75.

10 В. Пелевин *Путешествие в Элевсин* /Москва: Эксмо, 2023, с. 48.

– А что тогда, господин?

– Это такая река, – продолжил император, снова перейдя на шепот, – у которой лишь один берег. А другого нет. Только камыши и лягушки. И лодочник врет, что перевозит нас на другой берег, а сам просто отвозит души лягушкам на корм...»¹¹.

Как оказывается, тайна путешествия и элевсинские прозрения не связаны с продвижением в пространстве, понимаемым как место отличное от человека. Постигание настоящей природы бытия, ее иллюзорности и статичности позволяет *возникнуть* месту назначения. Итак, продолжительность пути зависит исключительно от сознания путника:

«Элевсин везде и нигде. Он возникает не в раскинутости пространства или временной протяженности. Он появляется там и тогда, когда в тебя входит тайна, Маркус»¹².

Заинтересованный читатель может задуматься над тем, что происходит после возникновения условного Элевсина¹³, т. е. в момент признания пустотности мнимо окружающей человека действительности? Пелевин намекает на то, что любое сознательное существо (даже если имеет форму алгоритма или нейросети) в результате духовного прозрения добровольно обрекает себя на саморазрушение, или точнее – на исчезновение того, что выделяет личность из целостности Космоса. Здесь русский писатель, несомненно, придает своим мыслям дзен-буддийский оттенок, так как путь через Ахерон оказывается лишь сном («Мы сами уходим из реальности в сон, созданный нашим разумом»¹⁴), а преодоление символического расстояния из бытия в небытие прекращает воронку человеческого страдания¹⁵.

Последние тексты Владимира Сорокина и Виктора Пелевина, несмотря на их скандальный, провокационный и рекуррентный характер, безусловно создают интересное семантическое поле для интерпретации. В рамках данных произведений заметное место занимает мотив дороги, используемый русскими писателями для определения тупикового характера человеческой жизни, непредсказуемости ее поворотов и ненадежности познания, понимаемого как инициационный путь к прозрению. Дистопический характер анализированных мной произведений несомненно можем считать как предостережение и указание со знаком минус на «чудесное будущее», «*mirabile futurum*».

11 В. Пелевин Путешествие в Элевсин /Москва: Эксмо, 2023, с. 48.

12 В. Пелевин Путешествие в Элевсин /Москва: Эксмо, 2023, с. 94.

13 Безусловно Элевсин и Ахерон в анализируемом романе перекликаются с Уралом в раннем шедевре Пелевина – *Чапаев и Пустота* (1996).

14 В. Пелевин Путешествие в Элевсин /Москва: Эксмо, 2023, с. 79.

15 См. «Боли нет лишь в небытии, а всякая наша радость есть просто временное облегчение страдания». В. Пелевин Путешествие в Элевсин /Москва: Эксмо, 2023, с. 79.

ЛИТЕРАТУРА

Берг М. (2000). *Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе*. Москва: Новое литературное обозрение.

Кобрин К. (2018). *Доктор едет, едет сквозь снежную равнину (Заметки о катастрофе смысла в «Метели» Владимира Сорокина // «Это просто буквы на бумаге...» Владимир Сорокин: после литературы / сборник под ред. И. Калинина, М. Липовецкого, Е. Добренко*. Москва: «НЛО», с. 401-417.

Пелевин В. (2015). *Empire V* /Москва: Эксмо, 2015.

Пелевин В. (2023). *Путешествие в Элевсин* /Москва: Эксмо.

Смирнов А. (2006). Русская литературная антиутопия рубежа XX и XXI вв. / *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта*, № 3. - С. 29-33.

Сорокин В. (2010). *Метель*. Москва: Corpus (ACT).

Jameson F. (2005). *Archaeologies of the Future. The Desire Called Utopia and Other Science Fictions*. London, New York: Verso, 2005.

McHale B. (1987). *Postmodernist Fiction*. London, New York: Routledge.

Pregledni rad/Review article

UDK 821.161.1.09 Konakov, A.

This research was funded in whole or in part by Narodowe Centrum Nauki Reg. nr 2022/47/B/HS2/01244.

For the purpose of Open Access, the author has applied a CC-BY public copyright license to any Author Accepted Manuscript (AAM) version arising from this submission

Ланин Борис Александрович

Институт восточнославянских филологий
университет имени Адама Мицкевича, Познань, Польша
borial2003@gmail.com

ПАМЯТЬ И STATE OF EXCEPTION В РУССКОЙ ДИСТОПИИ

АННОТАЦИЯ

В основе статьи лежит анализ романа Алексея Конакова «Табия тридцать два» (2024). Используя междисциплинарный подход, основанный на перформативной теории и семиотике, автор статьи утверждает, что функция дистопии состоит в сохранении настоящего для будущего воспоминания и сопротивлении стиранию прошлого. В романе Конакова послевоенная Россия переживает радикальную культурную трансформацию: традиционная литературоцентричная культура упраздняется и заменяется государственной идеологией, основанной на классических шахматах. Шахматы становятся не только национальным мифом, но и инструментом политического контроля, а альтернативные версии игры, такие как Chess 960, подвергаются преследованию. Так складывается State of Exception, ситуация, подробно описанная Карлом Шмиттом и Джорджио Агамбенем: закон приостановлен, права ограничены, культура превращается в продолжение политической власти. Протагонист Кирилл Чимахин ищет запрещённые тексты, ставящие под сомнение официальную идеологию, и обнаруживает скрытую правду о «тридцать второй табии», подрывающую основания государственной доктрины. Его поиски вскрывают манипуляции памятью и подавление альтернативных исторических взглядов. В статье утверждается, что память становится одновременно инструментом сопротивления и власти; финальное самоубийство Чимахина символизирует разрушение индивидуальной памяти под давлением системы, где будущее общества определяется исключительно государственным контролем над прошлым.

Ключевые слова: утопия, дистопия, State of Exception, повествование, сюжет, память

Memory and State of Exception in Russian dystopia

ABSTRACT

The article analyzes Alexey Konakov's dystopian novel *Tabiya Thirty-Two* (2024), focusing on the relationship between memory and the State of Exception. Using a multidisciplinary approach grounded in performative theory and semiotics, the study argues that dystopia functions as a mechanism for preserving the present for future recollection and resisting the erasure of the past. In Konakov's novel, post-war Russia undergoes a radical cultural transformation: traditional literary culture is abolished and replaced by a state ideology built on classical chess. Chess becomes not only a national myth but an instrument of political control, while alternative forms such as Chess 960 are persecuted. This ideological shift resembles a State of Exception

as described by Schmitt and Agamben—law is suspended, rights are restricted, and culture becomes an extension of political power.

The protagonist, Kirill Chimakhin, seeks forbidden texts challenging the official narrative and uncovers the concealed truth about the “thirty-second tabiya,” which undermines the state’s ideological foundations. His quest exposes the manipulation of memory and the suppression of alternative historical perspectives. The article argues that memory becomes both a tool of resistance and an instrument of authority; Chimakhin’s eventual suicide symbolizes the collapse of individual memory under systemic pressure, leaving only state-controlled memory to shape society’s future.

Keywords: Utopia, dystopia, State of Exception, narration, plot, memory

1. ВВЕДЕНИЕ

Функция дистопии – фиксирование настоящего для воспоминания в будущем. Это воспоминание может носить характер раскаяния, самобичевания, отказа от ошибок прошлого. Главный враг этого воспоминания – замалчивание прошлого. Против этого дистопия выступает прежде всего. Впрочем, для некоторых дистопий характерна идеализация прошлого. Прошлое в них предстает Золотым веком, бесконфликтным и счастливым.

Исследователи памяти подразделяют ее на различные виды: культурная память, историческая память, мемориальная память и т. п. Между ними есть безусловная общность: все виды памяти объединены отношением к прошлому и актом воспоминания. Борьба с замалчиванием прошлого является важнейшей жанровой чертой дистопии. Цель этой статьи – проследить взаимосвязь между State of Exception и памятью в романе Алексея Конакова «Табия тридцать два» (2024)¹.

В этом романе дистопическая действительность проявляется в радикальном отказе России от литературоцентричности и замене литературной мифологии шахматной. Действие происходит в 2081 году, после поражения России в войне и ее изоляции от внешнего мира, когда страна переживает культурный переворот, заменяя литературу на шахматы как основную национальную идею. Более того, шахматы стали не просто игрой, а основой государственной идеологии. Люди даже клянутся не Богом, а богиней шахмат Каиссой... Однако эта система опирается исключительно на классические шахматы, исключая любые альтернативные версии игры. Когда-то, на заре шахмат, были определены позиции, с которых разрешалось начинать игру – табии. Тридцать одна табия была известна, однако таинственной остается тридцать вторая табия: возможно, она является доказательством ничейной обреченности шахмат, невозможности выиграть ни для одной из сторон.

В романе создается дистопическая атмосфера, в которой шахматы используются не только как элемент сюжета, но и как метафора для описания различных аспектов жизни и общества. Стиль романа характеризуется **языковым экспериментом**, при котором автор использует шахматные отсылки для создания сложного и многослойного повествования. Алексей Конаков жонглирует шахматными терминами и концепциями, что требует от читателя определенных знаний в области шахмат и их истории.

Автор сам разъясняет:

«...предложенные в качестве волшебного утопического рецепта, обещающего всеобщее счастье, шахматы постепенно превращаются в нечто злое и откровенно антиутопическое, насильно «выпрямляющее» людей. В то же время, даже оказавшись мрачным орудием господства, сама по себе шахматная игра остается прекрасной...»²

2. STATE OF EXCEPTION И ПАРАМЕТРЫ ШАХМАТНОЙ ДИСТОПИИ

Проигравшая войну Россия наказана сообществом наций. Она находится в объявленном ООН Карантине, который изолирует Россию и ее население от остального мира на сто лет. Это не только физическая, но и культурная изоляция: граждане страны не могут путешествовать, не могут покупать современных компьютеров и гаджетов, они отрезаны от актуальной информации о жизни в других странах. Однако после «Переучреждения» страна борется за освобождение от Карантина, и срок наказания уже уменьшался дважды, всего – на пятнадцать лет.

Как и в «1984» Джорджа Оруэлла или в «Мы» Евгения Замятина, в мире «Табии тридцать два» установлена жесткая идеологическая система, заменившая прежнюю культуру. Культ

1 Конаков, А. Табия тридцать два. Москва: Individuum, 2024. (Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц).

2 Александр Агапов: «Мне кажутся потенциально коррумпированными любые дискурсы, оплачиваемые государством»: Интервью с Алексеем Конаковым. [Электронный ресурс] // [Горький, 2024] URL: <https://goriky.media/intervyu/mne-kazhutsya-potentsialno-korrumpirovannymi-lyubye-diskursy-oplachivaemye-gosudarstvom/> Дата обращения: 21.11.2025

шахмат заменил традиционные гуманитарные науки. Ситуацию можно сравнить с новоязом у Оруэлла – при всех различиях между ними, оба механизма используются для контроля над мышлением. К этому следует добавить преследование инакомыслящих – шахматистов, играющих в шахматы-960. Можно сопоставить это обстоятельство с тем, как в «451 градус по Фаренгейту» Рэя Брэдбери уничтожались книги и их читатели.

В романе, как и в антиутопиях Евгения Замятина и Джорджа Оруэлла, переписывается прошлое, чтобы соответствовать идеологическим установкам. Если в «1984» история постоянно редактируется Министерством правды, а в «Мы» искусство подчинено государству, то в «Табии тридцать два» наука становится идеологическим фетишем, а шахматы из интеллектуальной игры превращаются в инструмент власти.

Герой-протагонист самим фактом поисков правдивой и точной информации вступает в конфликт с системой. Главный герой романа Кирилл Чимахин напоминает протагонистов в «1984», «451 градус по Фаренгейту», и других героев, которые начинают как часть системы, но со временем осознают ее порочность, что приводит их к трагическому концу.

Общество, изображенное в «Табия тридцать два», можно интерпретировать как вариант State of Exception (Чрезвычайного положения), описанного в работах Карла Шмитта и Джорджио Агамбена³. Это состояние, при котором власть действует вне обычных правовых норм, оправдывая это необходимостью защиты государства или общества. В таком режиме действие закона приостанавливается, Гражданские права ограничиваются под предлогом высшего блага, Идеология заменяет право, устанавливая новые нормы вместо прежних. Таким был, например, известный советский лозунг о революционной целесообразности, подменивший собой юридические нормы, в том числе уголовный, гражданский и процессуальный кодексы.

Одной из форм чрезвычайного положения является радикальная культурная трансформация. Именно это и происходит в романе Конакова. Вместо традиционной литературоцентричной культуры, объявленной после Переучреждения неактуальной, правительство вводит новую культурную парадигму, основанную на шахматах, что напоминает введение нового правопорядка в условиях Чрезвычайного положения. Классическая гуманитарная наука утрачивает свой статус, а единственным легитимным интеллектуальным занятием становятся шахматы. Те, кто не вписывается в новую систему (например, сторонники шахмат-960), подвергаются преследованию, что напоминает «Homo Sacer» Джорджио Агамбена – людей, исключенных из правового поля. Профессор Уляшов, как один из архитекторов новой идеологии, действует вне традиционной академической автономии и находится в тесной связи с властью, контролируя дискурс. Кирилл Чимахин оказывается, несмотря на возраст, представителем старой академической школы. Он ощущает себя в пограничном состоянии между прошлым и новой системой.

Итак, общество в «Табия Тридцать два» – это еще не диктатура, а вариант State of Exception, где идеология шахмат заменяет традиционный правопорядок, создавая новую реальность, в которой старые нормы утратили силу, а новая система еще не полностью стабилизировалась.

3. УЛЯШОВ И ИДЕОЛОГИЯ НОВОЙ РОССИИ

Идеология нового общества представлена в четырех постулатах профессора Дмитрия Александрович Уляшова:

«Первый (самый дерзкий) постулат гласил, что именно «новейшая российская культура» лежит в основе настоящего и будущего процветания России. Второй (самый неочевидный) постулат заявлял, что эта «новейшая российская культура» гораздо более молода и более хрупка, чем кажется. Из второго постулата следовали третий (предостерегающий: любые исследования «новейшей российской культуры» должны вестись таким образом, чтобы случайно не нанести ей, слишком еще нежной и слабой, непоправимого вреда) и четвертый

3 Agamben, Giorgio. State of Exception/translated bt Kevin Attel. Chicago and London, The University of Chicago Press, 2005. 95 c.

(консервативный: исследователи являются не только исследователями, но, что гораздо важнее, также и хранителями «новейшей российской культуры»)» (Конаков 2024: 9)

Профессор Дмитрий Александрович Уляшов изображен как выдающийся ученый и педагог, сыгравший ключевую роль в культурных преобразованиях посткатастрофической России. В возрасте девяноста лет он продолжает активно работать, привлекая молодых исследователей, в том числе и Кирилла Чимахина, к научной деятельности.

Уляшов известен как «патриарх отечественной гуманитаристики» и «основоположник российской культурологии». В начале Переучреждения он был привлечен к работе в правительстве страны, где разработал концепцию «новейшей культуры» и детальную «дорожную карту» реформ, что принесло ему статус одного из отцов-основателей посткризисной России.

После возвращения в университет, несмотря на преклонный возраст, Уляшов продолжает набирать аспирантов, поддерживая тесные связи с высшим политическим руководством. Его научное руководство Кириллом Чимахиным свидетельствует о стремлении передавать знания и опыт следующему поколению ученых. Казалось бы, образ профессора Уляшова в романе воплощает мудрость, опыт и приверженность научному делу, а также отражает важность культурных реформ в изменяющемся обществе. Однако все обстоит гораздо сложнее. Профессора Уляшова можно рассматривать как героя-идеолога, хотя его образ отличается, например, от Благодетеля из «Мы» Евгения Замятина.

Уляшов разработал концепцию «новейшей культуры» и участвовал в Переучреждении, то есть он активно формировал новый культурный и общественный строй России после кризиса. Благодетель в «Мы» также является архитектором системы, направленной на полное подчинение индивидуальной воли коллективу.

Уляшов, хотя и вернулся в университет, остается влиятельной фигурой в политических кругах и поддерживает контакты с политическим руководством. Благодетель сам управляет Единой Государственной системой, подавляя любые проявления свободы.

Уляшов не просто ученый. Он ментор целого поколения, формирующего мировоззрение молодых исследователей, таких, как Кирилл Чимахин. Благодетель в «Мы» также является источником идеологических постулатов, которыми он пытается оправдать систему контроля. Прямые разговоры с протагонистами оказываются последними и трагическими. Д-503 подвергается «великой операции», а Кирилл Чимахин заканчивает жизнь самоубийством.

Однако есть между этими романами и жанровые различия. Уляшов пропагандирует культурную реформу, а не жесткий тоталитарный режим. Его идеи связаны с переосмыслением искусства, науки и роли игры в обществе, а не с тотальным контролем. Благодетель же – абсолютный диктатор, который устраняет инакомыслящих и подавляет любые попытки сопротивления. Уляшов – ученый и реформатор, и его цель – способствовать культурным трансформациям в обществе. Благодетель – деспот, символизирующий репрессивную систему полного контроля. Он уничтожает любые проявления свободы, любовь, искусство, малейшие проявления индивидуальности. Уляшов, несмотря на таинственный антураж, отличающий его от других персонажей, поощряет научное исследование и размышления, хотя и в рамках новой государственной системы. Он – герой-идеолог, культурный реформатор, влияющий на общество через идеи, а не через тотальное подчинение.

Следуя дистопийной жанровой традиции, в романе Алексея Конакова появляются и диссиденты: это шахматисты, играющие в шахматы-960. Шахматы-960, также известные как шахматы Фишера, представляют собой вариант игры, где начальная расстановка фигур случайна, что делает каждую партию уникальной и снижает значение теоретической подготовки. Это позволяет отойти от традиционной дебютной теории, ослабить значение запоминаемых вариантов, стало быть, и память, и сделать игру более творческой и менее предсказуемой. Шахматы-960 в романе символизируют стремление к индивидуализму и независимости мышления. Государство преследует поборников этой игры, поскольку их деятельность противоречит новой государственной идеологии. В этой альтернативной

реальности шахматы-960 считаются опасными, подрывающими основы нового порядка и разрушающими традиционные ценности.

«Табия тридцать два» – текст, который создан фанатичным любителем шахмат. Открывая роман любовной сценой, автор исхитряется и ее решить в шахматном ключе:

«... молодые страсти, потолок покрасьте, давай сначала ты сверху, а потом рокируемся, улыбки, съедаемые вместе с поцелуями, хитрые комбинации, долгие маневры, тихие ходы, плеск вина (дешевого, дрянного на самом деле), что теперь, финальная перемена положения, в эндшпиле, учил доктор Тарраш, обязательно ставьте ладью сзади пешки...» (Конаков 2024: 5)

Главный герой романа Кирилл Чимахин – молодой трудолюбивый аспирант-историк, прибывший из Новосибирска в Санкт-Петербург для работы над диссертацией о Берлинской стене. Однако в описанной стране история может быть только шахматной, так что даже «Берлинская стена» – не символ раздела двух Германий, а шахматная защита, примененная Владимиром Крамником против Гарри Каспарова в матче на первенство мира и принесшая ему в конечном итоге чемпионский титул. Крамник, будучи сторонником шахмат-960 (шахмат Фишера), выступал за отказ от догматической дебютной теории и развитие творчества в шахматах. Его идеи, например, отказ от рокировки, противостоят жесткой структурированной системе шахмат, ставшей фундаментом нового общества.

Чимахину необходимо раздобыть статьи Крамника и ознакомиться с ними. Возможно, эти статьи представляют собой альтернативный взгляд на шахматную культуру, который противоречит официальной идеологии нового общества. В этой новой реальности Кирилл оказывается в центре событий, которые ставят под сомнение его научные и личные убеждения. Собственные исследования приводят его к выводам, которые меняют мировосприятие протагониста и заставляют критически оценить свое место в этом мире. Чимахин, как ученый и историк, стремится понять истинные причины трансформации общества. Статьи Крамника, вероятно, содержат критику догматического подхода к шахматам, что могло бы подорвать официальную идеологию.

Поиск запретных текстов становится для Кирилла способом сопротивления системе и попыткой понять, какие альтернативы существовали до становления шахматной идеологии.

Вообще, поиск запрещенных трудов – типичный мотив дистопий, как с книгами в «451 градус по Фаренгейту» Рэя Брэдбери или с историей в «1984» Джорджа Оруэлла. Он символизирует стремление героя к поискам истины за пределами официального дискурса, а также попытку найти улики, доказывающие, что нынешняя система не является единственно возможной.

Чимахин ищет статьи Крамника, потому что они символизируют утерянную интеллектуальную свободу, ставшую жертвой новой идеологии. Их нахождение могло бы дать ключ к пониманию того, как альтернативные идеи подавлялись и заменялись новой системой. Если же Крамник нашел эту тайную табию, то все развитие страны оказывается под вопросом: зачем же играть в классические шахматы и изучать их, если результат известен заранее – ничья!

Образ Кирилла Чимахина служит проводником читателя в этот необычный мир, отражая личные поиски истины и столкновение традиционных ценностей с новыми идеологиями в условиях глобальных изменений. Его путь от наивного исследователя до более зрелого и осознанного человека иллюстрирует сложность адаптации к меняющемуся обществу и поиск своего места в нем.

Значительное влияние на внутренний мир Кирилла оказывают женские персонажи, особенно Майя и Шуша. Отношения с женщинами помогают Кириллу осознать ограничения и противоречия существующего порядка, становятся катализатором его стремления к поиску истины и пониманию своего места в изменившемся мире. В мире, где шахматы заменили традиционную культуру, женские образы часто ассоциируются с фигурами на шахматной доске. Это символизирует роль женщины в тоталитарном обществе, где каждый человек выполняет определенную функцию, подобно фигурам в игре.

Застигнутый профессором Ульяшовым в тайном хранилище музея шахмат, Кирилл узнает, что развитие компьютерных программ за рубежом, действительно, привело к пониманию того,

что «табья тридцать два» установлена и неизбежно ведет к «ничейной смерти» классических шахмат, доказывая справедливость предостережения Хосе-Рауля Капабланки, третьего чемпиона мира. Правящая элита давно знала об этом открытии, фактически отменяющем государственную идеологию, но держала в неведении всю страну, изолированную от остального мира. Появление альтернативных версий шахмат, таким образом, было неизбежным, а репрессии против поборников шахмат-960 – несправедливыми и незаконными. Профессора Ульяшова устраивало такое положение дел: он оставался уважаемым ученым, близким к власти, легендарным автором «четырёх постулатов». Чимахин, стремившийся к объективному исследованию истории, сталкивается с искажением научных данных и давлением со стороны властей, что приводит к разочарованию в научной истине. Личные отношения и эмоциональные переживания, включая разрыв с любимой женщиной Майей, и обострившееся ощущение одиночества усиливают его внутренний кризис.

4. КРИЗИС ПАМЯТИ

Роман заканчивается самоубийством главного героя. Самоубийство становится кульминационным моментом его внутренней борьбы, результатом профессиональных разочарований, идеологических конфликтов и личных трагедий, отражая внутренний кризис личности, связанный с кризисом памяти. Память – важная тема романа:

«Пренеприятные воспоминания, но хода назад не взять, фигуры не переставить» (Конаков 2024: 20)

Память играет ключевую роль для героев «Табья тридцать два», так как она становится полем борьбы между прошлым и новым идеологическим порядком. Она инструмент сопротивления и инструмент власти одновременно. Для одних она – способ сохранения истины, для других – возможность переписать реальность. Власть использует забывание как инструмент управления, стирая нежелательные элементы прошлого, например, альтернативные шахматные теории, как шахматы-960. Подобно «1984» Оруэлла, в романе Конакова создается новый канон, в котором прошлое либо уничтожено, либо видоизменено.

Для Кирилла Чимахина память о традиционной культуре и науке – это его связь с миром, который исчез. Он стремится сохранить знания, даже если они больше не востребованы, таково credo историка. Для профессора Дмитрия Ульяшова память – это инструмент власти. Он не просто хранит знания, а переписывает историю, создавая новую культурную парадигму.

Чимахин стремится прочитать статьи Крамника, потому что понимает: если память исчезнет, исчезнет и альтернатива существующему порядку. Герои вынуждены делать выбор: помнить правду или принять официальную версию истории. Самоубийство Чимахина – трагический финал. В сюжете романа – это отказ от памяти ради торжества игры. Однако торжество это мнимое: пройдет время, закончится Карантин, и соотечественники узнают, что они играли с предпрешенным результатом. В пространстве дистопии выиграть у государства невозможно.

Картер Ф. Хансон пишет:

For scholars attempting to trace memory's vicissitudes over time, the uneasy relationship between individual memory and the claims of others, and the potential of memory to overwhelm individuals, signal a transition into a historical moment where memory comes to be seen as a problem» («Для ученых, пытающихся проследить изменения памяти с течением времени, непростые отношения между индивидуальной памятью и воспоминаниями других людей, а также потенциальная способность памяти подавлять отдельных индивидов, являются признаком перехода к историческому моменту, когда память начинает рассматриваться как проблема», перевод наш – автор, Hanson 2020; 23).

Показателен спор Кирилла с преподавателем Абзаловым. Кирилл не представляет себе, что культура прежде была иной, не шахматной:

«...ну ладно топонимы, ладно памятники, но ведь культура разлита во всем, люди погружены в нее с раннего детства, с того момента, как начинают слышать речь, как начинают существовать в обществе. Я уж не говорю про школу — там процессы усиливаются стократно: предмет «история шахмат», предмет «теория шахмат», «классики шахмат». Все это бережно и непрерывно воспроизводится десятилетиями: я в пятом классе зубрил наизусть те же самые партии Василия Смыслова, что и мой отец, и мой дед». (Конаков 2024: 19)

Однако Абзалов иронично парирует:

«– Дорогой Кирилл, вы и ваш отец действительно «зубрили» в пятом классе одни и те же классические образцы — согласно образовательному стандарту, принятому вскоре после Переучреждения именно в целях создания «новейшей российской культуры». А вот в школе времен вашего деда, уверяю, ничего такого еще не было и даже быть не могло» (Конаков 2024: 19)

Такой ответ оставляет Кирилла в замешательстве:

«– Каисса, что же дедушка учил наизусть вместо партий Смыслова?!» (Конаков 2024: 19)

Приведенный диалог – свидетельство эффективности государственной пропаганды, охватившей и политику памяти. Кирилл и представить себе не может иного образовательного стандарта, в то время как Абзалов еще помнит, когда общество было иным и строилось на ином образовательном фундаменте. Конечно, такая культурная конфронтация требует иной политики памяти: Кирилл отвергает топонимы – коллективную память, закрепленную в языке, отвергает памятники – наиболее зримую мемориальную культуру. Однако в описанном в романе *State of Exception* возможны перемены как в сторону диктатуры, так и в сторону либерализации. Профессор Уляшов, стремящийся стабилизировать политическую ситуацию, говорит Кириллу:

«...всякая культура тесно связана с политикой, с попытками общества что-то вспомнить или, наоборот, что-то забыть. Вы – один из будущих хранителей нашей культуры и, значит, хранителей общества, хранителей России, вот почему должны очень много знать и еще больше – понимать» (Конаков 2024: 22)

Однако ему суждено быть последним человеком, видевшим Кирилла живым и разговаривавшего с ним. Именно разговор с Уляшовым стал триггером для самоубийства. С уходом Кирилла Чимахина коллективной памяти больше никогда не представится возможность для обновления. Память останется государственной, и только диссиденты, шахматисты-960, будут лелеять надежду на свою историческую правоту.

Итак, роман Алексея Конакова «*Табия тридцать два*» демонстрирует, насколько тесно в дистопическом обществе переплетаются память, власть и *State of Exception*. Шахматная идеология, заменившая традиционную культуру, выступает не просто новым национальным мифом, но механизмом контроля, формирующим желаемую коллективную память и вытесняющим альтернативные версии прошлого. Поиск Кириллом Чимахиным скрытых истин о тридцать второй шахматной табии раскрывает подлинную сущность режима: систему, основанную на умолчании, изоляции и управляемом забвении. Его личная трагедия отражает более широкий кризис памяти, в котором индивидуальные воспоминания и научные исследования оказываются бессильны перед государственной интерпретацией истории.

Конфликт между официальным дискурсом и стремлением к сохранению культурной преемственности выявляет хрупкость любой идеологии, построенной на подавлении правды. Самоубийство героя символически утверждает невозможность самостоятельного знания в условиях *State of Exception*. Роман Конакова тем самым подчеркивает: попытки власти монополизировать память рано или поздно приводят к разрушению личности и к обеднению культуры. Однако даже в таком мире остаются носители альтернативной памяти — диссиденты, которые продолжают хранить надежду на иной, более подлинный исторический путь.

ЛИТЕРАТУРА

Агапов, А. (2024). «Мне кажутся потенциально коррумпированными любые дискурсы, оплачиваемые государством»: Интервью с Алексеем Конаковым. [Электронный ресурс] // *Горький*. URL: <https://gorky.media/intervyu/mne-kazhutsya-potentsialno-korrumpirovannymi-lyubye-diskursy-oplachivaemye-gosudarstvom/> Дата обращения: 15.02.2025.

Конаков, А. (2024). *Табия тридцать два*. М.: Individuum.

Agamben, Giorgio (2005). *State of Exception/translated by Kevin Attel*. Chicago and London, The University of Chicago Press.

Hanson, Carter F. (2020). *Memory and Utopian Agency in Utopian/Dystopian Literature: Memory of the Future*. New York and London: Routledge.

Schmitt, Karl. (2014). *Dictatorship*. Translated by Michael Hoelzl and Graham Ward. Cambridge, UK, Polity Press..

Izvorni znanstveni rad/Original scientific paper

UDK 811.161.1'342:004

821.161.1.09 Mandelštam, O.E.

Овчаренко Алексей Юрьевич

РУДН им. П. Лумумбы, Институт русского языка, г. Москва, Россия
ovcharenko_ayu@pfur.ru

Шапринская Елизавета Андреевна

РУДН им. П. Лумумбы, Институт русского языка, г. Москва, Россия
lizashapr@yandex.ru

РАЗРАБОТКА АЛГОРИТМА ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ЗВУКОВОЙ СТОРОНЫ ПОЭЗИИ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена теоретической и практической разработке алгоритма анализа фонетической структуры поэтического текста на примере творчества О.Э. Мандельштама. Авторы обосновывают необходимость перехода от субъективной интерпретации к объективному сужению потенциально бесконечного поля смыслов, а значит и более точному и глубокому их анализу, который возможен лишь посредством точной науки, к которой Мандельштам апеллирует сам.

Основное внимание уделяется фоносемантическому уровню стихотворного текста, с акцентом на фонематическом анализе и статистической обработке сочетаний согласных фонем. Представлен оригинальный алгоритм, включающий этапы выделения согласных, формирования их пар, анализа по артикуляционно-акустическим признакам и построения рейтингов фонем. Особое значение придаётся кластеризации полученных данных с целью выявления «фонетических голосов» и скрытых закономерностей в поэтической ткани текста. Авторы рассматривают поэзию Мандельштама как самоорганизующуюся систему-«кристалл», где звук, представленный как «квант», служит смыслообразующим элементом. Предложенный подход позволяет предлагать новый вектор развития цифровой фоносемантики, объединяющий методы филологии, психолингвистики и вычислительной обработки данных. Работа закладывает основы для междисциплинарного изучения поэзии, а предлагаемый алгоритм может быть адаптирован для анализа текстов других авторов.

Ключевые слова: О.Э. Мандельштам, фоносемантика, фонематический анализ, алгоритм, статистика, кластеризация, цифровая филология, математическое стиховедение

Development of an algorithm for studying the sound side of O.E. Mandelstam's poetry

ABSTRACT

The article is devoted to the theoretical and practical development of an algorithm for analyzing the phonetic structure of a poetic text using the example of O.E. Mandelstam's work. The authors substantiate the need to move from subjective interpretation to an objective narrowing of the potentially

infinite field of meanings, and therefore to a more accurate and profound analysis of them, which is possible only through exact science, to which Mandelstam himself appeals.

Primary attention is paid to the phonosemantic level of the poetic text, with an emphasis on phonemic analysis and statistical processing of combinations of consonant phonemes. An original algorithm is presented, including the stages of consonant selection, formation of their pairs, analysis by articulatory-acoustic features and construction of phoneme ratings. Particular importance is given to clustering the obtained data for the identification of “phonetic voices” and hidden patterns in the poetic fabric of the text. The authors consider Mandelstam’s poetry as a self-organizing system or as a “crystal”, where sound, presented as a “quantum”, serves as a meaning-forming element. The proposed approach allows to propose a new vector of development of digital phonosemantics, combining methods of philology, psycholinguistics and computational data processing. The work presents a new vector of interdisciplinary study of poetry, and the proposed algorithm can be adapted for analysis of the texts of other authors.

Keywords: O.E. Mandelstam, phonosemantics, phonemic analysis, algorithm, statistics, clusterization, digital philology, mathematical poetry studies

1. ВВЕДЕНИЕ

Начнём статью с краткой, но показательной цитаты: «Критики как произвольного истолкования поэзии не должно существовать, она должна уступить объективному научному исследованию, науке о поэзии» (Мандельштам 1993: т. 2, 412). Её автор – О. Э. Мандельштам. Оставляя за скобками биографический контекст творчества поэта, обратим внимание на концептуальные установки, содержащиеся в этом высказывании, – как будет показано далее, они в полной мере соответствуют логике его творческого наследия.

Очевидно, что О. Мандельштам выступает за переход от субъективной интерпретации к объективному исследованию поэтического текста. Однако само понятие «объективности» в данном случае остаётся неопределённым. В точных науках объективность предполагает воспроизводимость и формализованность методов. Если под «произвольностью критики» поэт имел в виду традиционные гуманитарные подходы, то отметим, не углубляясь в полемику, что элементы формализованного, в том числе математического анализа, давно применяются и в филологии.

Особенно интенсивное развитие таких методов наблюдается с 1960-х годов, когда А. Н. Колмогоров в рамках своих семинаров обозначил перспективы математического стиховедения (Семёнов 2009). Одним из наиболее значимых инструментов в этом направлении стал статистический анализ, позволяющий исследовать редкие ритмические модели, характерные для различных эпох, авторов и поэтических школ. Кроме того, значительное внимание уделялось изучению ударных структур в стихотворной речи (Bailey 1979; Maslov, Nikitina 2019; Nagy 2019; Agirrezabal, Alegria, Hulden 2017).

Нельзя обойти вниманием поэта и теоретика Андрея Белого, сыгравшего фундаментальную роль в истории русской мысли и сформулировавшего идеи для упомянутого выше всплеска интереса к формализованным методам анализа поэзии.

Под его руководством при издательстве «Мусагет» был организован «Кружок экспериментальной эстетики» (1910–1912), деятельность которого была сосредоточена на исследовании ритма и метра. Именно идеи А. Белого легли в основу ряда положений, впоследствии развитых А. Колмогоровым, чьи семинары в определённой степени воспроизводили атмосферу и исследовательскую направленность Кружка. Концептуальные положения, сформулированные А. Белым в его программных работах – «Лирика и эксперимент» (1909), «Опыт характеристики русского четырёхстопного ямба» (1909), «Сравнительная морфология ритма русских лириков в ямбическом диметре» (1910), — по праву рассматриваются как предшественники современных точных подходов к анализу поэтического текста.

Тем не менее, одна из обозначенных А. Белым исследовательских линий по сей день остаётся практически неразработанной. Речь идёт о фонематическом анализе, впервые заявленном в уже упомянутой статье «Лирика и эксперимент» (1909), где А. Белый писал: «От изучения ритмического скелета слов, от изучения словесной инструментовки, как бы облекающей этот скелет мускулами, мы могли бы переходить и к выбору слов; выбор слов индивидуален у каждого поэта; должны бы существовать словари к каждому поэту; но, конечно, таких словарей не существует» (Белый 1910: 285). Отдельные попытки анализа фонем в рамках поэтических произведений с целью более глубокого осмысления образной системы предпринимались, однако полноценная реализация этой исследовательской программы остаётся задачей будущего. Или ближайшего настоящего?

Одним из главных препятствий на этом пути является неясность целей и интерпретационных стратегий при работе с полученными звуковыми данными. Даже ритмико-метрический анализ, несмотря на очевидную демонстративность результатов, нередко оказывается трудно сочетаемым с семантическим анализом текстов. В случае фонематического уровня сложностей становится ещё больше: прежде всего встаёт вопрос о том, в каком теоретическом и методологическом ключе следует интерпретировать звуковой материал. В следующей части статьи мы попытаемся предложить возможные направления решения этих задач.

2. ЦИФРОВАЯ ФОНОСЕМАНТИКА

На данном этапе важно вновь обратиться к творчеству О. Мандельштама, поскольку именно в его поэтической и теоретической практике, как мы полагаем, можно найти основания для постановки и, в перспективе, решения задачи математизации фонетического уровня поэтического текста.

Музыка и звучание занимают центральное место в системе художественных образов О. Мандельштама — как в его поэзии, так и в прозе и критических текстах. Звук у него выступает не только как эстетическая категория, но и как базовый элемент смыслообразования: «Но я забыл, что я хочу сказать, // И мысль бесплотная в чертог теней вернётся...» (Мандельштам 1993: т.1, 146). Мысль, лишённая слова и звука, оказывается бессильной, а мир — беззвучным, безжизненным, омертвлённым. Звук в этом контексте – не просто физическое явление, но основа поэтической образности. Эту роль звука в создании стихотворений мужа подчёркивает и Н. Я. Мандельштам в своих «Воспоминаниях»: «...в ушах звучит назойливая, сначала неоформленная, а потом точная, но еще бессловесная музыкальная фраза. Мне не раз приходилось видеть, как О. М. пытался избавиться от погудки, стряхнуть ее, уйти... Он мотал головой, словно ее можно было выплеснуть, как каплю воды, попавшую в ухо во время купания. Но ничто ее не заглушало — ни шум, ни радио, ни разговоры в той же комнате» (Мандельштам 1989: 64).

Общее для многих поэтов ощущение звучания как первоисточника образа находит в поэтике О. Мандельштама особое выражение – в представлении мира как творческой игры между художником и Творцом. В этом контексте О. Мандельштам выступает как один из наиболее тонко чувствующих участников этой игры: его поэтика предельно текстоцентрична, а сам процесс письма подчинён внутренней логике звучащего слова — правилам самого объекта.

Однако позволяет ли всё сказанное говорить о «контрапунктности» поэтики О. Мандельштама и о «партитурной» природе его текстов – в том смысле, в каком эти категории применимы к поэтическим экспериментам В. Мнацкановой, Г. Сапгира, а также конкретной и саунд-поэзии? Или же уместнее рассматривать его в русле «симфонических» текстов А. Белого?

Корректнее, на наш взгляд, будет утверждать следующее: поэтическое мышление О. Мандельштама тяготеет к синтезу формы и содержания на уровне глубинных, смыслообразующих структур. В основе этих структур – интуитивное, а потому отчасти бессознательное стремление поэта вписать слово, ассонанс и аллитерацию в порядок звучащей «извне» гармонии или, точнее, «изнутри» текста.

Поэтическая «игра» О. Мандельштама восходит к предельным единицам смыслового формирования – фонемам. Как справедливо отмечает Л. Р. Городецкий: «...любая работа по семантике М-текста имеет смысл, если она сколько-нибудь помогает решению конкретных задач, т.е. продвижению в расшифровке «темных мест»» (Городецкий 2012: 11). В этом контексте наша работа направлена на формулирование возможного подхода к дешифровке текста на базе уровня его фонетической организации.

Подобно тому, как уже были предприняты попытки систематизации семантического пространства поэзии О. Мандельштама (Городецкий 2012; Черашняя 2003), мы предлагаем рассмотреть возможность структурированного анализа фоносемантического слоя его текстов.

Теоретическим основанием для такого подхода, помимо уже упомянутой программной цитаты, служит текст «Разговор о Данте» (в том числе его черновой вариант), в котором язык О. Мандельштама – это не только способ интерпретировать Данте, но и инструмент для саморефлексии. Так, в черновике появляется характерное суждение: «Дант может быть понят лишь при помощи теории квант» (Мандельштам 1994: т.3, 402). А в опубликованной версии читаем: «Творенье Данте есть прежде всего выход на мировую сцену современной ему итальянской речи – как целого, как системы [с ритмико-фонетической точки зрения, — наше примечание] <...> Поэму насквозь пронзает безостановочная формообразующая тяга. Она есть строжайшее стереометрическое тело, одно сплошное развитие кристаллографической темы. Немыслимо объять глазом или наглядно себе вообразить этот чудовищный по своей правильности тринадцатитысячегранник» (Мандельштам 1994: т.3, 219).

Таким образом, в анализируемом фрагменте формулируются своего рода законы «тела» поэтического текста – той самой биологически-организованной сущности, к исследованию которой О. Мандельштам настойчиво призывал: «Будущее дантовского комментария принадлежит естественным наукам, когда они для этого достаточно изошрятся и разовьют свое образное мышление» (Мандельштам 1994: т.3, 230). В данной модели «квант» поэтического текста следует понимать как минимальную смысловую единицу – семантический эквивалент фонемы. «Формообразующая тяга» – это интуитивно осязаемая мелодия, возникающая в момент поэтического вдохновения; «кристаллографическая тема» – совокупность взаимосвязей между этими квантами, формирующих сначала молекулярные структуры (лексемы), а затем – более сложные единицы: синтаксические конструкции, строфические блоки, в конечном итоге – целостное произведение.

Почему именно образ кристалла оказывается уместным для описания поэтической формы? Всё дело в том, что его суть кроется не только в высокой степени упорядоченности и симметрии внутренней структуры (кристаллической решётки), но и в способности многогранно отражать свет. Упомянутый О. Мандельштамом «тринадцатитысячегранник» становится метафорой поэтической конструкции, в которой сочетаются, казалось бы, несовместимые характеристики: потенциальная семантическая бесконечность – «любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны» (Мандельштам 1994: т.3, 226) – и структурная герметичность поэтического текста. Концепт кристалла объясняет возможность сосуществования этих признаков: как и текст, кристалл является замкнутой, самогенерирующей системой, в которой каждый элемент находится в отношениях отражения и соотнесённости с другими. При этом эстетическая ценность такой структуры реализуется благодаря внешнему источнику – «свету» читателя, способного актуализировать скрытые в тексте смыслы.

Композитор А. Лурье, близкий друг поэта, писал: «Как память строит форму в музыке, так история строила форму в поэзии Мандельштама: в ней – музыка чисел и образов» (Воспоминания о серебряном веке 1993: 279). Это суждение позволяет наметить важную и точку соприкосновения между числовыми построениями и гармонией поэтического текста.

Действительно, предпринимались отдельные попытки осмысления семантического веса фонем в поэзии О. Мандельштама (яркий пример – рассмотрение звукосмысловой структуры образа «Франсуа» (Видгоф 2010: 125-132)). Однако эти исследования в основном оставались в рамках традиционной гуманитарной методологии. Между тем многомерная модель кристалла открывает возможность для более сложного, векторного описания звукосмысловых связей, что позволяет рассматривать текст как систему, поддающуюся математическому моделированию.

Возникает закономерный вопрос: каким образом следует обращаться с категориями, не предполагающими наличия четкого набора правил и законов? В рамках настоящего исследования нас интересует изучение устойчивых закономерностей и корреляций между элементами – «квантами» – поэтического текста О. Мандельштама. Цель этого подхода заключается в возможности более точного и содержательного анализа произведений на уровне их фонетической организации. Хотя выражение «более глубокий анализ» стало уже своего рода штампом, в данном контексте оно приобретает вполне конкретное значение: объективное сужение потенциально бесконечного поля смыслов, а значит и более точный и глубокий их анализ, возможно лишь посредством точной науки, к которой О. Мандельштам апеллирует сам.

Использование статистического алгоритма позволяет зафиксировать конкретное состояние постоянно изменяющегося семантического пространства текста, его «срез» в момент рецепции — своего рода проекцию квантового объекта в момент его наблюдения. Здесь уместна аналогия как с опытом двойственной природы света (волна/корпускула), так и с образом Протея, постоянно меняющего форму. Но в любом случае ключевым понятием остаётся квант, использованный О. Мандельштамом, то есть минимальная единица, позволяющая построить описание фонетической системы.

Учитывая текстоцентричность поэтики Мандельштама, наиболее адекватной представляется работа с его текстом как с замкнутой, но самоорганизующейся структурой, обладающей внутренними закономерностями.

Основой предлагаемого алгоритма анализа является идея кластеризации определённых элементов художественного текста. В лингвистике и смежных областях методы кластеризации обычно применяются для выделения тематически или семантически связанных фрагментов текста, а также для определения скрытых паттернов в корпусах. Однако, насколько нам известно, кластеризация фонетических элементов с целью анализа семантики поэтического текста (в том ключе, о котором подробнее в «Выводе») до сих пор не становилась предметом отдельного научного исследования.

Ближе всего к нашему подходу стоит статья «Semantics of European poetry is shaped by conservative forces: The relationship between poetic meter and meaning in accentual-syllabic verse» (Šeļa, Plecháč, Lassche 2022), где изучается связь между метрической организацией и семантической структурой поэтических текстов. Это исследование фокусируется прежде всего на взаимодействии метра и значения, не затрагивая внутреннюю взаимосвязанность фонетических единиц как самостоятельного объекта анализа. Поднятый в нашей статье вопрос также изучался и в работе Векшина Г.В., Герцева М.Н., Лоскота Я.Е. (Векшин, Герцев, Лоскот 2021), однако там были рассмотрены локальные относительно всей структуры стихотворения явления, мы же предлагаем посмотреть на фонемы в поэтическом тексте как на единый цельный организм.

3. АЛГОРИТМ

Прежде чем приступить к разработке алгоритма, необходимо определить, какой именно результат от него предполагается получить, или, иными словами, какие исследовательские задачи он позволяет решать. В этом контексте уместно обратиться к уже упоминавшейся статье А. Белого «Лирика и эксперимент», в которой содержится концептуально важное для нас наблюдение: «Явно, что содержание переживания гармонически соединено со словесной инструментовкой; сила переживания увеличивается от того, что оно отражается даже в выборе звуков; если бы нашли здесь соответствие между инструментовкой и ритмом, то имели бы возможность неуловимую прелесть стиха (его музыку) представить в отчетливой форме; но не существует теории ритма, как не существует теории инструментовки; и мы обречены здесь на дилетантизм» (Мандельштам 1993: т.2, 285). Именно в этом фрагменте и формулируется цель предлагаемой работы: выработка инструмента, позволяющего подступиться к формализации поэтической инструментовки – к анализу её влияния на восприятие поэтического текста. Если исследователи начала XX века, по словам А. Белого, были «обречены на дилетантизм», то современные, скажем мы, – «на цифровизацию». Современные вычислительные технологии позволяют обрабатывать объемы данных и осуществлять операции, которые ранее были либо практически невозможны, либо чрезвычайно трудоёмки.

Определив исследовательские цели, перейдём к описанию теоретических оснований и этапов практической реализации, а также к тем трудностям, с которыми мы столкнулись на текущем этапе работы.

Теоретическую основу разрабатываемого алгоритма составляют постулаты, выдвинутые О. Мандельштамом, а также концепции Московской филологической школы, работы М. В. Панова и других исследователей (Лекант, Диброва, Касаткин, Клобуков 2021; Панов 1967; Реформатский 1996). В качестве объекта анализа выбрано поэтическое творчество О. Мандельштама по причине его методологической релевантности, описанной выше. В перспективе предполагается расширение разработанного алгоритма до универсального инструмента анализа поэтических текстов.

Прежде чем перейти к техническому описанию алгоритма, необходимо уточнить текущее состояние его разработки. В соответствии с логикой, предложенной А. Белым, на первом этапе нами был реализован уровень анализа согласных. Это решение опирается и на наблюдение М. В. Панова, изложенное в его труде «Русская фонетика»: «В русской речи каждый из согласных встречается в среднем реже, чем каждый из гласных. В каком-то слове оказались слышны только гласные: [и...о...а]. По этому ряду звуков невозможно угадать произнесенное слово. Но если бы услышать только согласные этого слова [ч...щ...б...], то нетрудно бы догадаться, что сказано:

чащоба» (Панов 1967: 19). Поэтому на первом этапе разработки алгоритма мы сосредоточились на анализе именно согласных фонем. Этот уровень представляется нам основополагающим, но отнюдь не исчерпывающим. Разработка алгоритма анализа гласных требует уточнения набора признаков, подлежащих векторизации, и формализации схемы их кодировки для последующего машинного считывания. Эти задачи выходят за рамки настоящего исследования, однако являются предметом наших нынешних разработок.

Отдельно следует отметить, что текущая версия алгоритма направлена на подготовку данных к последующей кластеризации, которая, в свою очередь, также требует отдельного описания. Метод кластеризации в нашем случае трактуется не просто как технический приём, а как способ выявления скрытых структур в поэтическом тексте, что мы подробно рассмотрим после описания самой модели.

Шаг 1: Загрузка и обработка текстовых данных. Цель: подготовка поэтического текста к фонетическому анализу, путём выделения и сохранения только согласных фонем.

- Функция `get_one_text_from_files()`:
 - Загружает текст из файла `text1.txt`.

Пример текста (представленный в фонетической транскрипции):

«Давольнэ кукс<<sns>>ицэ: бумаг<<sns>>и ф стол засун<<sns>>им!
 Й<<sns>>а нын<<sns>>ч<<sns>>и славнэм бесэм абуй<<sns>>ан.
 Как бутэ: ф кор<<sns>>ин<<sns>> голэву шампун<<sns>>им
 Мн<<sns>>е вымэл пар<<sns>>ихмах<<sns>>ир франсуа.

Д<<sns>>иржу пар<<sns>>и, што й<<sns>>а иш<<sns>>о н<<sns>>и ум<<sns>>ир,
 И, как жакей<<sns>>, руч<<sns>>ай<<sns>>ус<<sns>> гэлавой<<sns>>,
 Што й<<sns>>а иш<<sns>>о могу наб<<sns>>идакур<<sns>>ит<<sns>>
 На рыс<<sns>>истэй<<sns>> дарошк<<sns>>и б<<sns>>игавой<<sns>>.

Д<<sns>>иржу в ум<<sns>>е, што нын<<sns>>ч<<sns>>и
 т р << s n s >> и ц а т << s n s >> п е р в << s n s >> ы й << s n s >> ,
 Пр<<sns>>икрасный<<sns>> гот ф ч<<sns>>иромухэх цвет<<sns>>от,
 Што вазмужал<<sns>>и дажд<<sns>>ивый<<sns>>э ч<<sns>>ер<<sns>>в<<sns>>и,
 И ф<<sns>>с<<sns>>а маскава на й<<sns>>аликэх плив<<sns>>от.

Н<<sns>>ивэлнэвацэ. Н<<sns>>ит<<sns>>ирп<<sns>>ен<<sns>>й<<sns>>э – роккаш,
 Й << s n s >> а п а с т << s n s >> и п << s n s >> е н н э
 с к о р а с << s n s >> т << s n s >> р а з а в << s n s >> й << s n s >> у –
 Халоднэм шагэм вый<<sns>>д<<sns>>им на дарóшку,
 Й<<sns>>а сохран<<sns>>ил д<<sns>>истанц<<sns>>ий<<sns>>у май<<sns>>у»¹.

- Производится очистка текста от символов переноса строк (`\r`, `\n`), после чего текст преобразуется в единую строку.
 - Функция `clean(text_)`:
- Удаляет все символы, кроме русских согласных, сохраняя как строчные, так и прописные формы.
- Приводит согласные к нижнему регистру (например, строка «Привет, как дела?» преобразуется в «првтккдл»).

1 Здесь специальный маркер `<<sns>>` обозначает мягкость предшествующего согласного и будет использоваться далее на этапе анализа характеристики мягкости/твердости (см. шаг 3, пункт 3). В текущей версии алгоритма гласные обозначены схематически, поскольку не участвуют в расчетах и не влияют на результаты текущего этапа. В будущем предполагается разработка формализованной системы знакового представления гласных для машинной обработки.

Шаг 2: Формирование пар согласных. Цель: выделить пары соседствующих согласных как минимальные единицы анализа.

Что делает программа:

- Функция `made_pairs()`:
 - Формирует уникальные сочетания последовательных согласных (повторы исключаются).
 - Пары сортируются по алфавиту. Например: [«дв», «вл», «лн»].
- Функция `made_pairs_not_unique()`:
 - Формирует список всех встречающихся в тексте пар согласных, включая повторяющиеся, например: [«дв», «вл», «вл», «лн»].
 - Используется позже для подсчёта частоты пар.

Шаг 3: Анализ сочетаний согласных фонем. Цель: оценка звуковых пар с точки зрения их внутренней сочетаемости и фонетической «гармоничности».

Как работает:

- Функция `analyze_consonant_pairs()` перебирает все возможные пары из множества `made_pairs()` и передаёт их на сравнительный анализ.
- Каждая пара обрабатывается функцией `compare_consonant_pairs()`. Передаётся информация о мягкости/твёрдости первой фонемы (на основе <<sns>>). Производится поиск всех вхождений первой фонемы в тексте в заданной артикуляционной форме. Для каждой такой позиции извлекается последующий согласный звук (вторая фонема пары) для последующего анализа.
- Каждая фонема анализируется по следующим признакам:
 - Месту образования шума (например: губная, зубная и т.д.);
 - Способу образования шума (например: взрывной, щелевой и т.д.);
 - Акустическому признаку (например, шумная глухая, сонорная и т.д.);
 - Палатализации (твёрдость/мягкость).

Шаг 4: Формирование рейтинга фонем. Цель: количественно оценить, насколько вторая фонема в паре соответствует фонетическому «профилю» текста.

Что делает программа:

- Подсчитывает частотность каждого фонетического признака среди встречающихся в тексте вторых фонем.
- Формирует рейтинг признаков на основе частотности.
- С помощью `calculate_scores_for_base_phonemes()` каждой фонеме присваивает балл: 1-е место в рейтинге — 3 балла (2, если мягкая); 2-е место — 2 балла (1, если мягкая); 3-е место — 1 балл.
- Суммирует балл.

Шаг 5: Слияние результатов. Цель: объединить собранные данные и представить их в виде итогового оценочного словаря.

Что делает программа:

- Функция `merge_results()` объединяет результаты анализа и формирует словарь вида: { «вл»: 7, «лн»: 10, «дв»: 4, ... }.
- Дополнительно создаётся частотный словарь `frequency_dict`, отражающий количество вхождений каждой пары (на основе данных из `made_pairs_not_unique()`).

Шаг 6: Визуализация и экспорт результатов (опционально). Цель: представление и сохранение результатов анализа в наглядной форме.

- Функция `print_grouped_scores()` — выводит в консоль группы согласных сочетаний, отсортированные по баллам и частоте.
- Функция `print_grouped_scores_table()` — отображает таблицу с результатами в графическом интерфейсе (с помощью библиотеки `tkinter`).

Функция `export_grouped_scores_to_excel()` экспортирует данные в Excel-файл `группы_по_баллам.xlsx`, где каждая колонка соответствует количеству баллов (от 11 до 0), а строки — сочетаниям согласных и их частотам.

Алгоритм позволяет выявить наиболее типичных и устойчивых сочетаний согласных в поэтическом тексте; выделить скрытые фонетические закономерности на основе артикуляционно-акустических характеристик; оценить степень сочетаемости и «естественности» согласных пар и подготовить данные для последующей кластеризации и анализа фоносемантического уровня текста.

11 баллов		10 баллов		9 баллов		8 баллов		7 баллов		6 баллов		5 баллов	
сочетание	частота	сочетание	частота	сочетание	частота	сочетание	частота	сочетание	частота	сочетание	частота	сочетание	частота
ст	5	вй	6	шт	4	рн	3	нв	3	кк	3	нч	2
др	4	нм	5	нй	3	вт	2	тр	3	бг	1	тп	2
лв	4	кр	4	вм	2	мй	2	кб	2	нг	1	мр	1
пр	4	тн	4	мш	2	мн	2	рк	2	нр	1		
рс	4	лд	3	рж	2	рв	2	см	2	рм	1		
йд	3	рш	3	сн	2	хр	2	вф	1				
йш	3	ск	3	вз	1	бд	1	дк	1				
нн	3	тй	3	гт	1	вц	1	лк	1				
пн	3	кй	2	дм	1	вш	1	лп	1				
вл	2	мб	2	дс	1	гв	1	нб	1				
вн	2	нс	2	кв	1	гф	1	нц	1				
гл	2	тф	2	мж	1	жл	1	пс	1				
дв	2	шк	2	нт	1	кх	1	рп	1				
йн	2	бй	1	пл	1	мв	1	хх	1				
йп	2	бт	1	рт	1	мл	1	шй	1				
йр	2	гм	1	рх	1	мм	1						
йс	2	дн	1	рц	1	нд	1						
лн	2	жв	1	сд	1	рч	1						
мг	2	жк	1	сл	1	сг	1						
мх	2	кж	1	сс	1	сх	1						
нк	2	кш	1	сц	1	тт	1						
фс	2	мп	1	тв	1	тш	1						
чр	2	рз	1	шг	1	цй	1						
шм	2	фк	1	шн	1								
бм	1	фр	1										
бс	1	хп	1										
гн	1	хц	1										
дж	1	цн	1										

Рис. 1. Здесь представлена таблица, показывающая степень гармоничности сочетаний согласных в рамках стихотворения «Довольно кукситься, бумаги в стол засунем» (1931) О.Э. Мандельштама.

Следующим этапом предлагаемого алгоритма является кластеризация полученных фонетических данных. Если А. Белый использовал графики для визуализации ритмической структуры стихотворения, то в данном исследовании аналогичную наглядность обеспечивает

именно кластеризация – как инструмент для структурирования и интерпретации фонетических сочетаний в тексте.

Тем не менее, в рамках настоящей статьи кластеризация рассматривается лишь на концептуальном уровне. Это обусловлено как неразработанностью темы в научном дискурсе, так и многообразием возможных подходов к обработке подобных данных. Здесь мы лишь намечаем векторы для дальнейших исследований и описываем возможные направления кластеризации.

Первый подход напрямую опирается на уже сформированные рейтинги фонетических характеристик. В этом случае каждое сочетание согласных представляется в виде числового вектора, в который входят следующие параметры: балл по месту образования шума, балл по способу образования шума, балл по акустическому признаку, балл по мягкости/твердости, балл по частоте встречаемости. Таким образом, каждое сочетание моделируется как точка в пятимерном пространстве признаков, после чего применяется алгоритм кластеризации, например, KMeans. Это позволяет объединить пары, схожие по своему фонетическому «профилю», в группы. Результаты кластеризации можно визуализировать, например, с помощью проекции признаков в двумерное или трёхмерное пространство.

Другой вариант основан на формировании объединённого рейтинга признаков согласных по всему стихотворению и построении векторов на основе этого усреднённого профиля. Здесь возможны два направления: а) учитывать характеристики обеих согласных в паре; б) сохранять акцент только на второй согласной (в соответствии с исходной логикой алгоритма).

Выбор между этими подходами пока остаётся открытым, так как вопрос требует ряда экспериментов. Однако именно современные методы машинного анализа позволяют восполнить ощутимый пробел в этой области и открыть новые перспективы в изучении математической фонетики.

4. ПОТЕНЦИАЛ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КЛАСТЕРНЫХ ДАННЫХ

Возникает вопрос: какова практическая ценность кластеризации и статистического анализа фонетических сочетаний? Мы полагаем, что они открывают возможность для объективного описания феномена, который можно условно обозначить как «гомофония поэтического текста».

Под гомофонией здесь понимается явление, аналогичное музыкальному принципу, при котором один голос становится ведущим, а другие — подчёркивают и оттеняют его, формируя общее звуковое поле. Согласно нашей гипотезе, стихотворный текст также организован вокруг таких «голосов» — фонетических доминант, структурирующих и связывающих образы.

Сегодня возможно интуитивное выявление подобных «голосов» — например, через внимательное прочтение с опорой на психолингвистическое восприятие. Так, в стихотворении О. Мандельштама «Бежит волна — волной волне хребет ломая» мы можем субъективно выделить главный голос: «щелевые с, в / сонорные м, н, л + лабиализованные у, о». Однако только формализованный статистический подход способен подтвердить (или опровергнуть) такие наблюдения, сформировав карты фонетических голосов, применимые к анализу текстов и образов с опорой на их звуковую структуру.

Итак, мы выходим за рамки простой количественной обработки: предлагаемый алгоритм открывает путь к точному, методологически обоснованному фоносемантическому анализу поэтической речи, переводя, по словам В.В. Вейдле, «гуманитарную дисциплину» (Вейдле 2001: 132-133) в разряд междисциплинарной области, науки, сочетающую цифровые технологии, литературоведение и психолингвистику. Именно в этом направлении, по нашему убеждению, следует развивать исследование звуковой поэтики, расширяя рамки традиционного гуманитарного знания.

ЛИТЕРАТУРА

- Agirrezabal M., Alegria I., Hulden M. (2017). A Comparison of Feature-Based and Neural Scansion of Poetry // *Recent Advances in Natural Language Processing*. pp. 18–23.
- Bailey J. (1979). The Russian Linguistic-Statistical Method for Studying Poetic Rhythm: A Review Article // *The Slavic and East European Journal*. 23(2), pp. 251–261. <https://doi.org/10.2307/308116>
- Maslov B., Nikitina T. (2019). Rhyme in European Verse: A Case for Quantitative Historical Poetics // *Comparative Literature*. 71(2), pp. 194–212. <https://doi.org/10.1215/00104124-7339149>
- Nagy B. (2019). Metre as a stylometric feature in Latin hexameter poetry // *Digit. Scholarsh. Humanit.* 36, pp. 999-1012.
- Šeja A., Plecháč P., Lassche A. (2022). Semantics of European poetry is shaped by conservative forces: The relationship between poetic meter and meaning in accentual-syllabic verse // *PLoS ONE*. 17(4): e0266556. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0266556>
- Белый А. (1910). Лирика и эксперимент // Белый А. «Символизм». М.: Мусагет, С. 231–285.
- Вейдле В.В. (2001). *Эмбриология поэзии*. М.: LVS, 2001.
- Векшин Г.В., Герцев М.Н., Лоскот Я.Е. (2021). Автоматическое выявление звуковых повторов в стихе: реализация силлабоцентрического подхода в программе Phonotext // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. Т. 12. №3. С. 597–618.
- Видгоф Л.М. (2010). *Статьи о Мандельштаме*. М.: РГГУ.
- Воспоминания о серебряном веке* (1993). М.: Республика.
- Городецкий Л.Р. (2012). *Квантовые смыслы Осипа Мандельштама: семантика взрыва и аппарат иноязычных интерференций*. М.: Таргум.
- Лекант П.А., Диброва Е. И., Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В. (2000). *Современный русский язык. Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Филология»*. М.: Дрофа.
- Мандельштам Н.Я. (1989). *Воспоминания*. М.: Книга.
- Мандельштам О.Э. (1993). *Собрание сочинений: в 4 томах*. М.: ТЕРРА-TERRA. Т. 2: Стихи и проза 1921—1929 гг.
- Мандельштам О.Э. (1993). *Собрание сочинений: в 4 томах*. М.: ТЕРРА-TERRA. Т. 1: Стихи и проза 1906—1921 гг.
- Мандельштам О.Э. (1994). *Собрание сочинений: в 4 томах*. М.: ТЕРРА-TERRA. Том 3: Стихи и проза 1930—1937 гг.
- Панов М.В. (1967). *Русская фонетика*. М.: Просвещение.
- Реформатский А.А. (1996). *Введение в языковедение*. М.: Аспект-пресс.
- Семёнов В.Б. (2009). Статистические методы в русском стиховедении XX века: Андрей Белый и А. Н. Колмогоров // *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/statisticheskie-metody-v-russkom-stihovedenii-hh-veka-andrey-belyu-i-a-n-kolmogorov> (дата обращения: 24.05.2025).
- Черашняя Д.И. *Частотный словарь лирики О. Мандельштама: субъектная дифференциация словоформ*. – Ижевск: Б. и.

Izvorni znanstveni rad/Original scientific paper
UDK 821.161.1.02 Postmoderna

Погорелова Ирина Юрьевна

Пятигорский государственный университет, Россия
lady_balaze@mail.ru

РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется исторический дискурс в его художественном осмыслении в литературе русского постмодернизма. Наибольшее внимание к теме датируется 1997-2007 гг. ввиду социально-политических изменений в России. Автор обосновывает тезис, что в эпоху постмодернизма история продолжает выполнять воспитывающую функцию, но идейная составляющая смещается с национально-патриотических доминант на общечеловеческие ценности высокой духовности и гуманизма, достигаемые посредством сохранения культуры.

Ключевые слова: русская литература, постмодернизм, тема истории, культура

Restoration of historical reality in modern Russian literature

ABSTRACT

The article analyzes historical discourse in its artistic interpretation in the literature of Russian postmodernism. The greatest attention to the topic dates back to 1997-2007 due to socio-political changes in Russia. The author substantiates the thesis that in the era of postmodernism, history continues to perform an educational function, but the ideological component shifts from national-patriotic dominants to universal human values of high spirituality and humanism, achieved through the preservation of culture.

Keywords: Russian literature, postmodernism, historical theme, culture

В современной социо-политической ситуации в России, которая характеризуется напряженными отношениями с многими западными странами, с одной стороны, и глубокой внутрисполитической и культурной рефлексией (возвращением к вопросам национального самосознания, поиском и вербализацией национальной идентичности), с другой, общественную значимость приобретает анализ прошлого страны.

Особенно актуальной становится проблема исторической памяти, равно как и ценности истории в ее максимально возможном объективном изложении. Неоднократно в политических дебатах и СМИ поднимался вопрос переписывания событий прошлого, в первую очередь – произошедшего в XX веке.

Показательно, что художественный дискурс в России обращается к данной теме неактивно. Из недавно опубликованных крупных произведений рассматриваемой тематики можно назвать, пожалуй, новые тома «Истории российского государства» Б. Акунина: «Том VII. Первая сверхдержава», 2019 г. (о событиях в Российской Империи в первой половине XIX в.); «Том VIII. Лекарство для империи. Царь-освободитель и царь-миротворец», 2021 г. (вторая половина XIX в.); «Том IX. После тяжелой продолжительной болезни. Время Николая II», 2022 г. (рубеж XIX-XX вв.); «Том X. Разрушение и воскрешение империи. Ленинско-сталинская эпоха (1917-1953)», 2024 г. (СССР в первой половине XX в.).

Но и данные тексты целесообразно оценивать именно как развитие, продолжение проекта, задуманного автором еще в 2000-е годы (Решетников, 2005), и начатого быть реализованным в 2013 г., когда вышла первая книга – «Том I. От истоков до монгольского нашествия. Часть Европы».

Для Г. Чхартишвили (настоящая фамилия писателя, публикующегося среди прочего под псевдонимом Борис Акунин) «История российского государства» – коммерческий проект, с одной стороны, и часть его авторской стратегии, с другой (именно потому данная серия издается под псевдонимом, см. подробнее: Снигирева, Подчиненов, Снигирев, 2016: 162-171), поэтому вне зависимости от обстоятельств (например, потери авторского интереса к проекту) монументальный труд должен быть закончен. Следовательно, справедливее датировать «Историю российского государства» временем возникновения замысла семихудожественной (текст содержит фрагменты fiction и non-fiction-литературы) реставрации российской истории серединой – концом нулевых годов XXI в.

Приблизительно в тот же период публикуется ряд других знаковых для темы настоящего исследования произведений: «Чапаев и Пустота» В. Пелевина (1996 г.), «Кысь» Т. Толстой (2000 г.), «Живите в Москве» Д. Пригова (2001 г.) и «День опричника» В. Сорокина (2006 г.).

Перечисленные тексты являются знаковыми в контексте постмодернистской переоценки прошлого России, позднее интерес к данной проблематике снижается. Отчасти такое неоднородное во временном плане внимание к исторической тематике объясняется словами критика П. Корчагина: «прошло пассионарное поветрие» (Корчагин, 2013), но, на наш взгляд, намного ближе наблюдение Е. Замятина, высказанное им, правда, о 1914-1923 гг.: автор начала XX века назвал тот период «столетнее десятилетие», имея в виду, что именно тогда «произошла коренная смена основополагающих ценностей» (Замятин, 2004: 28). Аналогичная ситуация наблюдалась в России рубежа XX-XXI вв., когда и были опубликованы произведения, обозначенные в данной статье как материал для анализа.

Смена социальной и экономической парадигм, сопряженная с отменой цензуры и открытием границ для новых культурных веяний, не только западных, но и дальневосточных (популярными становятся философские и религиозные учения Индии, Китая, Японии), обусловила глубокую писательскую рефлексию, макропереосмысление вектора эволюции человечества и отдельных наций, в частности, в контексте именно диахронического развития.

Притом влияние постмодернистской концепции прослеживается в идейном подходе к исторической тематике. Если раньше (начиная со «Слова о полке Игореве» и в не меньшей степени в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, «Капитанской дочке», «Медном всаднике» А.С. Пушкина и т.д.) доминируют ценности народного единства, служения родине, позднее – выбора между личным и общественным/государственным, между долгом и личной

свободой, личным счастьем, то в начале XXI века особую значимость получают проблемы невежества и бездуховности, которые читаются в глобалистском, наднациональном понимании, что типично для философии постмодернизма, намеренно стирающей любые ментальные границы, но трепетно относящейся к «ремифологизации культурных руин» (термин Н.Л. Лейдермана, М.Н. Липовецкого, 2003). Это прослеживается на всех уровнях организации художественного целого, в первую очередь в персонажной системе и образном ряду.

Главный герой / протагонист теперь редко оказывается выразителем духа своей страны, ее бравым защитником, движимым чувством патриотизма. На смену ему приходят трикстер (персонаж с множеством масок из вставной повести «Бох и Шельма» в «Истории российского государства»), эскапист (Бенедикт из «Кыси», избегающий реальности в красочном мире книг), гедонист (Андрей Комяга из «Дня опричника», в котором наибольшие чувства вызывают психотропные вещества и простые физиологические удовольствия), экзистенциалист (Петр из «Чапаев и Пустота», занятый вопросами смысла жизни и бытия).

Подчеркнуто философская, общечеловеческая проблематика произведений усиливается сложной мифопоэтикой: архетипом мудреца-проводника в пространстве вечности (Чапаев и Юнгерн из «Чапаев и Пустота»), мифологемами табу, призрачной мечты и суетности мира (кысь, князя птица Паулин и мышь соответственно из «Кыси»), неантропоморфными существами (монстры идеологии из «Живите в Москве») и т.д.

Итак, исторический дискурс реализуется в парадигме коллективного бессознательного К. Юнга – в категориях, универсальных для любого государства и любого столетия.

Сказанное подтверждается трансформацией хронотопа: в большинстве анализируемых текстов нет реального пространства-времени.

Время движется циклично: в романах Т. Толстой и В. Сорокина политические катаклизмы – ядерный взрыв и прекращение отношений с западным миром соответственно – фактически возвращают Москву в средневековье, в тексте В. Пелевина метафорически обыгрывается колесо Сансары, у Д. Пригова временная ось представлена как замкнутая цепь непрерывных бедствий вне вектора эволюции человечества. В итоге время воспринимается как вечное настоящее / непреходящее настоящее / настоящее вневременное.

Пространство в данных произведениях либо ограничено (в «Кыси» оно замкнуто географическими преградами, как в типичной антиутопии; в «Дне опричника» лейтмотивом становится новый «железный занавес»), либо фрагментарно (в «Чапаев и Пустота» в сознании героя всплывают осколочные воспоминания об отдельных локациях в СССР, России 90х и некоем космическом пространстве), либо дискретно (в «Живите в Москве» столица то смещается, например, смешивается с Эстонией, то сужается до размеров отдельной части города и Подмоскovie, то теряет свои границы как топографического объекта). У Б. Акунина исторический модус трансформируется посредством анахронизмов, например, упоминания виндсерфинга в отношении Древней Руси (Акунин, 2014: 110).

Хронотоп таким образом подвергается деконструкции через элементы алогизма и абсурдизма, функционирующие среди прочего на лингво-стилистическом уровне (что вообще характерно для языка постмодернизма).

Таковую же функцию в произведениях выполняют вставные элементы: у Б. Акунина – художественные тексты, разрушающие концепцию non-fiction, у Д. Пригова – авторские отступления фэнтезийного содержания, противоречащие жанру мемуаров, у В. Сорокина – былины, диссонирующие с реалиями XXI столетия, у В. Пелевина – мотивы сна, иррациональная природа которого неуместна в текстах аналитического плана.

Обобщая, фиксируем замену историографического дискурса культурологическим в современных постмодернистских текстах, направленных на рефлексивную оценку событий прошлого России.

Однако авторы неслучайно обращаются к исторической ретроспективе для выражения своих идей: временной размах и широкий пространственный охват, а также культурный капитал предшествующих эпох, задействующий механизмы эмоционального интеллекта (сюжетно или аллюзийно писателями затрагиваются именно периоды значительного психологического

напряжения: опричнина, гражданская война 1917-1922 гг., 90-е гг. XX в. и др.), способствуют масштабированию проблематики и активации сотворческой интенции реципиента.

Неоднократно поднимаемая ранее вечная тема воспитывающей роли истории получает постмодернистское толкование. Актуально звучат слова Б. Акунина о том, что в XXI веке история не пересказывается, она интерпретируется, читатель заинтересован не в фактографичности, а в квалифицированной оценке прошлого (Чхартишвили, 1999). Принципиально важными становятся общения и умозрительный подход, глубокая рефлексия; безапелляционная объективность уступает место продуктивному созидательному анализу, допускающему плюрализм мнений и смещающему фокус на систему нравственных координат.

В таком контексте объяснимо вытеснение патриотического подхода глобалистским: цель автора при обращении к исторической тематике теперь заключатся не столько в воспитании народа в почтении к своим предкам, славе своей страны, ее национальной самобытности, сколько в аккумуляции энергии прошлого для сохранения непреходящих общечеловеческих ценностей – глубокой духовности, гуманизма, мудрости, просвещенности, стремления к обретению новых знаний и сбережению культуры.

Ведь согласно постмодернистской философии именно из осколков культурных достижений прежних эпох человек формирует собственную морально-нравственную систему, определяет индивидуальный путь самосовершенствования, историческая реконструкция начинает рассматриваться как векторно ориентированная база личностной рефлексии.

ЛИТЕРАТУРА

Акунин Б. (2014). *Часть Европы. История Российского государства. От истоков до монгольского нашествия*. М.: АСТ.

Замятин Е.И. (2004). *О сегодняшнем и современном* / Замятин Е.И. Сочинения. Том 3. Лица. М.: Русская книга.

Корчагин П. (2013). Карамзин для бедных и ревнители официальной народности // *Филолог*. № 25. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_25_541 (дата обращения 12.10.2024).

Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. (2003). *Современная русская литература 1950-1990-е годы*. Т. 1. М.: Изд. центр «Академия».

Решетников К. (2005). Интервью с Г. Чхартишвили «Я могу варить из исторических сухофруктов любой компот» // *Moscow University Alumni Club*. URL: <http://www.peoples.ru/art/literature/prose/detectiv/akunin/interview3.html> (дата обращения 12.10.2024).

Снигирева Т.А., Подчиненов А.В., Снигирев А.В. (2016). Специфика дискурсивных практик в проекте Б. Акунина «История Российского государства» // *Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание*. Т. 15. № 3. С. 162-171.

Чхартишвили Г. (1999). Если бы я был газетным магнатом // *Неприкосновенный запас*. №2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/1999/2/esli-by-ya-byl-gazetnym-magnatom.html> (дата обращения: 12.01.2024).

Izvorni znanstveni rad/ Original scientific paper

UDK 821.163.4(497.16)32"1916/1941"

821.163.4(497.16)09 Lopičić, N.

Dušanka Popović

Univerzitet Crne Gore, Filološki fakultet, Crna Gora

dusankap@ucg.ac.me

NIKOLA LOPIČIĆ I CRNOGORSKA REALISTIČKA PRIPOVIJETKA IZMEĐU DVA SVJETSKA RATA

SAŽETAK

Dvadesetih i tridesetih godina XX vijeka u Evropi i na Balkanu, pa i u Crnoj Gori pojavio se pokret socijalne literature čiji su autori u središte svojih pripovijesti postavili svakodnevni život crnogorskog sela za vrijeme dubinskih društvenih promjena donoseći realističku sliku života u okolnostima društvene tranzicije koja je seljaka i njegov dom postavila u sasvim nezavidan položaj. Svojim realističkim prosedeom i jedinstvenom poetikom, oplemenjenim specifičnošću podneblja, oni su crnogorsku stvarnost prenijeli u svoje pripovijesti formirajući razvijeniju pripovijetku i prvi roman. Neke specifičnosti ove proze razmotrili smo na primjeru pripovijetke *Nevjesta* Nikole Lopičića, usmjeravajući se na patrijarhalne konstante i njihov status u vremenu burnih društvenih promjena i način na koji pisac gradi narativni tok priče, kao i neoromantičarski pripovjedni postupak konekcije psiholoških previranja i snažnih emocija junaka s prirodom i njenim mijenama. Pripovjedači ovog perioda dali su značajan doprinos razvoju pripovjedne proze u crnogorskoj književnosti i predstavljaju važan korak u njenom napredovanju.

Ključne riječi: socijalna literatura, crnogorka realistička pripovijetka, gradacijska pripovjedna struktura, društvene promjene

Nikola Lopovic and the Montenegrin realistic short story between the two world wars

ABSTRACT

In the 1920s and 1930s, a movement of social literature emerged in Europe, the Balkans, and Montenegro as well. Writers in Montenegro focused on the daily life of the Montenegrin peasant amid profound social change, that placed the peasant and his home in a completely unenviable position, portraying such hardships with realism and unique poetics. With their realistic medium, ennobled specificity of the climate and unique poetics, they conveyed Montenegrin reality into their stories, forming a more developed narrative, and the first novel. The specifics of the prose we examined through the example of Nikola Lopičić's story *Bride*, focusing on patriarchal constants and their status in a time of turbulent social changes, as well as on the way the writer gradates the narrative flow of the story by applying compositional gradation as a type of textual device, along with the neo-romantic narrative technique that connects the protagonist's psychological turmoil with nature and its changes. Writers of this period significantly contributed to Montenegrin narrative prose, marking an important step in its literary evolution.

Keywords: social literature, Montenegrin realistic short story, gradational narrative structure, social changes

Period između dva svjetska po mnogo čemu je poseban te i danas intrigira istraživače i stvaraoce na različitim poljima. Društvene okolnosti nastale kao odjek Oktobarske revolucije u gotovo svim evropskim zemljama podstakle su drugačija promišljanja mladih naprednih snaga, pa i radnika i seljaka, o sopstvenom položaju i izazvale pobune i otpore u gotovo svim evropskim zemljama. Odnos prema vladajućem društvenim poretku, nedavno okončan rat i stravične posljedice koje je ostavio, ohrabрили su borbu za mir, ravnopravnost i vjeru da socijalizam kao novi društveni poredak, može donijeti boljitak. Početno oduševljenje, međutim, relativno brzo je splaslo – konsolidacija antirevolucionarnih snaga u gotovo svim probuđenim proleterijatima, usporila je ili trajno uništila revolucionarne promjene utemeljene ili samo začete na tlu Evrope.

Energija koja se iznjedrila iz takvih društvenih okolnosti uticala je da se pokrenu i razviju različiti pravci u umjetnosti, pa književnoumjetničko stvaralaštvo toga doba karakteriše značajan broj složenih stilskih formacija. Pokret socijalne literature¹ bio je njihov zapažen dio, kako po samoj poetici, tako i zbog odnosa s ekspresionizmom, nadrealizmom, pa i s avangardom – na polju lirike. Ideja je bila da pokret socijalne literature, prije svega, podrži revolucionarna zbivanja i društvenu stvarnost prenese u umjetnost, ali i da doprinese njenom mijenjanju na bolje, dakle da bude društveno angažovana. Klasna komponenta umjetnosti eksplicitno se naglašavala, što je značilo da literatura i kultura uopšte, treba da zastupaju najaktivniji odnos prema stvarnosti kako bi se mijenjala i, u konačnom, izmijenila (Vujačić 1978). Veoma kompleksna društvena i književna klima toga vremena produkovala je različite stavove i odnose prema aktuelnim pravcima u književnosti, njihovim poetikama i suštini, ali i stvaraoce koji su, na određenim prostorima tadašnje Jugoslavije, bili prekretnica u književnom stvaralaštvu.

Pralalelno s navedenim dešavanjima stasavala je generacija mladih i obrazovanih crnogorskih intelektualaca² školovanih u evropskim centrima, najčešće u Beogradu, gdje su bili ne samo studenti, već i aktivni učesnici književnih kružoka i večeri organizovanih na fakultetima, saradnici naprednih časopisa u kojima su objavljivali svoje prve tekstove, diskutovali i polemicali o aktuelnim političkim previranjima i književnim temama – zastupajući revolucionarnu misao, slobodu i prava za sve. Pritom, nosili su svježna sjećanja na život u zavičaju, na zemljoradničke porodice iz kojih su ponikli i uvijek prisutan strah da sredstava za život, možda – neće biti.

Više je, dakle, bilo razloga, da se mladi i obrazovani ljudi u burnim vremenima dubokih društvenih promjena na tlu Balkana oglase, posebno u društvima koja su još uvijek patrijalne norme i duh ratničkih vremena držala za žive zakone. Neprilagođeni izmijenjenim društvenim okolnostima, u vrtlogu starog i sve teže primjenljivog i novog za, obične ljude, nerazumljivog i gotovo neprihvatljivog, mlada generacija crnogorskih pisaca progovorila je kroz, za crnogorske prilike, nove književne forme kakva je razvijenija pripovjetka, a zatim i roman, a na polju lirike – kroz moderniji poetski izraz.

Iako je pokret socijalne literature programski zahtijevao potiranje individualnosti, talenta i bilo koje druge inspiracije osim krajnjeg cilja tj. promjene društvenog poretka, značajan broj stvaralaca smatrao je da se suština umjetnosti ne mora niti može osporiti zarad praktičnih ciljeva³, te da je u književnost moguće uvesti realističko-kritičke prikaze stvarnosti čija će poetika ostati u ravni prave umjetnosti.

Pripovjedačima tog perioda u Crnoj Gori prethodile su prozne forme s kraja XIX vijeka u kojima se čuvala naglašena epska, folkrolna, etnosociološka i jezička tradicija, sa usvojenim raznovrsnim žanrovima usmene književnosti, nijansiranom kolokvijalnom leksikom, folkrolističkim elementima i istorijskom i etnografskom građom apsorbovanom iz postulata epskog načina pričanja i pripovijedanja i tradicionalnih oblika života koje su primjenjivali stvaraoци toga vremena (Nikčević 2012). Posebno značajne pojave u crnogorskoj književnosti druge polovine XIX vijeka, na čiju su se tradiciju oslanile

1 Nazivan i socijalna književnost, socijalistički realizam (Rusija, 1934), socijalno angažovana književnost i dr.

2 Risto Ratković, Nikola Lopičić, Dušan Đurović, Radovan Zogović i dr.

3 Krleža i sukob na književnoj ljevici.

nove generacije pripovjedača bili su Stjepan Mitrov Ljubiša⁴ i Marko Miljanov⁵. Ljubišinu pripovjednu prozu karakteriše uvođenje neobičnih tema i motiva u odnosu na dotadašnje, preplitanje romantičarsko-realističkih elemenata te ekspresivan i bogat jezički izraz. Njegove pripovijesti usmjerene su na značajna historijska zbivanja na crnogorskom tlu i pisane s namjerom da se sačuva i prikaže dio historije, ali i ljepota i moć vlastitog jezika (Vuković 2019). Marko Miljanov je živio u drugačijim okolnostima istog perioda, a svoja prozna djela stvarao je u formi hronike i kratke priče čije kazivanje često odgovara usmenom obliku pripovijedanja. Kao primjere čojstva i junaštva zapisivao je istinite događaje iz naroda, pa njegovo djelo, iako romantičarsko po suštini i vremenu, posjeduje realističke elemente.

Početakom XX vijeka, posebno u periodu između dva svjetska rata, društveni kontekst postaje središte interesovanja socijalne literature i samim tim izvorište i uvir kompletne arhitektonike tadašnjih proznih ostvarenja, ali i mnogih drugih koji su ga pratili s manje mimetičkih poduhvata. Po suštini svog stvaralačkog prosedeja, pripovijetke mladih crnogorskih pripovjedača, pripadnika tog pokreta, konceptualno su realističke, no njihova proza ne zrcali stvarnost samo u njenom izvornom obliku. Gradeći posebnu poetiku, sinhronizujući prirodna dešavanja s psihološkim previranjima pojedinaca, što upućuje na neoromantičarske pripovjedne postupke, u značajno promijenjenim društvenim okolnostima formiranim između dvije ratne pošasti, oni u svoju prozu pretaču upečatljive slike društvenih dešavanja i unutrašnjih nemira svojih sunarodnika. Stoga pripadnost pokretu socijalne literature i poetike zasnovane na realizmu i ideji društvene angažovanosti ne mora značiti da je djelo ovih autora isključivo ideološko i samo angažovano. Mladim intelektualcima i stvaraocima pokret je, zapravo, otvorio mogućnost da se svojom zemljom i narodom u njoj, u svom spisateljskom zamahu – suštinski bave.

Kao pripadnika tog razdoblja izdvojili smo Nikolu Lopičića (1909–1945), profesora književnosti i pripovjedača, koji je crnogorsku kratku prozu približio klasicima ove forme, stavljajući u njeno središte zemljake, ljude koji se na crnogorskom kršu bore da prežive, u društvenom kontekstu koji nije nudio mnogo prilika za opstanak. U realističkom maniru prožetom neoromantičarskim elementima, Lopičić je poetsko-kritički predstavio sumorni trenutak crnogorske historije – gubitak stare države i državnu zajednicu bez crnogorskog imena, novi društveni poredak – kapitalizam i sve ono što su takve promjene značile u zemlji ratnika organizovanih u plemenskim zajednicama, čije su funkcionisanje još uvijek uređivale patrijarhalne norme i tradicionalni moralni kodeks.

Lopičićeve pripovijesti objedinjene u zbirci *Glad i kamen* (1965)⁶, podijeljene su u tri cjeline: *Seljaci*, *Naše djetinstvo* i *Lomovi*. Naslovi cjelina jasno govore o tematici priča u njima okupljenim, pa prvoj grupi pripadaju one u čijem fokusu se nalazi težak život seljaka s precizno oslikanim uzročnicima, u drugoj su pripovijesti čiji se sadržaj odnosi na djetinstvo u godinama austrougarske okupacije i tjeskobne uspomene na siromašno dječastvo, dok se u trećoj cjelini nižu priče u kojima događaji, likovi i njihove odluke odudaraju od patrijarhalnih standarda i uzusa crnogorske plemenske zajednice najavljujući neko novo vrijeme i posve drugačije običaje. Ambijent zavičaja nameće ključne motive koji osvjetljavaju prostor i vrijeme Lopičićevih priča – suša, glad, kamen i sirotinja, koja, po prirodi stvari, tragično utiče na čovječnost urušavajući međuljudske odnose, pa i samu porodicu.

U tekstu smo se posebno osvrnuli na Lopičićevu pripovijest *Nevjesta* (387) smještenu u poglavlju *Lomovi*, u kojoj su uočljivi pripovjedni postupci koje bismo mogli nazvati književnim manirizacijom stvaralaca toga vremena: početak sporog i teškog procesa odustajanja od patrijarhalnih normi i pravila čije

4 Stjepan Mitrov Ljubiša (1824–1878), književnik i političar iz Crne Gore, bio je predsjednik Dalmatinskog sabora od 1870. do 1877. godine, kao dugogodišnji bokeljski predstavnik. Kao poslanik u Carevinskom vijeću u Beču zalagao se protiv italijanizacije Dalmacije i ostvario značajne ustupke za stanovnike Boke. Svoj prvi rad, historijsko-etnografski spis „Opštinstvo Paštrovsko u okružju Kotorskom” objavio je 1845. godine u „Srpsko-dalmatinskom magazinu”, a 1866. i svoje jedino poetsko djelo, epsku pjesmu u desetercu „Boj na Visu”. U književnosti poznat je po zbirkama pripovjedaka „Pripovijesti crnogorske i primorske” i „Pričanja Vuka Dojčevića” koje je napisao u posljednjoj deceniji života.

5 Marko Miljanov Popović (1833–1901), bio je perjanik, vojskovođa, vojvoda i pisac iz plemena Kuči. Nakon oslobođenja Podgorice (1878) bio je gradonačelnik. Opismenio se u pedesetoj godini života i ostavio značajne zapise iz historije i narodnog života na tlu Crne Gore („Primjeri čojstva i junaštva”, „Pleme Kuči”, „Život i običaji Arbanasa”), kako se ne bi zaboravili i kako bi svoje sunarodnike podučio i na dobro podstakao.

6 Grafički zavod iz Titograda objedinio je i objavio u ediciji *Luča*, šezdesetih godina XX vijeka, cjelokupnu crnogorsku književnost, pa je objavljena i zbirka pripovjedaka Nikole Lopičića pod nazivom *Glad i kamen*.

su posljedice često tragične, snažna povezanost između psiholoških previranja junaka i prirode i opisi koji najavljuju duboke prevrate i promjene društvenog konteksta. Dodajmo tome i ambijent crnogorskog sela, suženi specifičan prostor iz kojeg pak zrače svezremene, opšteljudske univerzalije kojima Lopičićevo djelo nadilazi granice svog zavičaja.

Prozno stvaralaštvo Nikole Lopičića kao predstavnika međuratne generacije pripovjedača, u crnogorskoj književnoj kritici određuje se uglavnom kao niz pripovjedaka (Vujačić 1978, Stojović 1987, Radović 2002, Vojinović 2005, Vuković 2019 i dr.). Pripovijetku kao pripovjednu formu Solar (2008) po dužini i određenim karakteristikama pozicionira između novele i romana, ističući da može sadržavati postupke karakteristične za novelu, ali i one svojstvene romanu u nešto manjem opsegu⁷. Njena pripovjedna obrada je nešto duža, sadrži više likova i nešto razvijeniju fabulu, dok novelu karakteriše kratkoća, postupci sažimanja i postizanja dramske napetosti, a često i poentu s iznenadnim i neobičnim završetkom. U Lešićevom razmatranju ovih formi bajka i novela prihvataju se kao nazivi za kraće pripovjedne forme definisane kao „funkcionalni, pretežno prozni narativi, strukturirani na osnovu jedne razvijene priče koja u sebe uključuje slijed više događaja i prisustvo više ličnosti“ (2008: 349, 350), te se u daljem tekstu koristi samo termin novela. S obzirom na to da se u većini Lopičićevih pripovjedaka javlja duža pripovjedna obrada, da se u njima pojavljuje i egzistira više likova, da je fabula razvijenija, a da se atmosfera djela često dočarava kroz dijaloge i opise, ali se zadržava i temeljna dramska napetost, Lopičićeve priče mogli bismo pozicionirati kao formu između pripovijetke i novele, pa ćemo i u daljem tekstu zadržati naziv pripovijetka.

U odabranoj pripovijeci prepliću se dva paralelna pripovjedna toka (primarni i sekundarni) povezana s glavnom junakinjom, koji se spajaju u tragičnom činu njene pogibije. Prateći ih, analizirali smo način na koji pisac gradi pojednostojnost primjenjujući kompozicionu gradaciju kao vid figure na nivou teksta svojstvenu kratkoj pripovjednoj formi, koja može imati više funkcija: naglasiti emocije, pojačati patetičnost u tekstu, ukazati na apsurdnost neke situacije ili njenu komičnu stranu (Katnić Bakaršić 1996), čime se postiže i karakteristična dramska napetost kratke priče. I dok Ljubiša, u nastojanju da predstavi što širu sliku istorijskih događaja i ličnosti, u svoje pripovijesti interpolira sirovu etnografsku i leksičku građu u većoj mjeri nego što jednoj pripovjednoj epizodi pripada (Vuković 2019), Lopičić gradi svoje pripovijetke dosljednije primarnoj strukturi, dajući im određenu svježinu i savremeniju notu.

Slijedeći navedeno, u primarnom pripovjednom toku sagledali smo patrijarhalne hijerarhijske konstante i početak urušavanja njihovog statusa u vremenu burnih društvenih promjena koje se u priči gradacijski smjenjuju: Jovan, mladi učitelj, oženiće Đurđu uprkos neslaganju roditelja i opšteg stava starijih članova društvene zajednice da je za njihovu kuću neprihvatljivog porijekla; mlada nevjesta verbalno i fizički suprotstaviće se muževljevim roditeljima nakon kontinuiranog zlostavljanja u njihovom domu; nevjestini roditelji prihvatiće njen povratak u rodnu kuću; Jovan će odlučiti da nakon dolaska iz vojske napusti roditeljski dom i nastavi život s Đurđom. Navedeni segmenti pripovijetke čijim se nizanjem gradacijski razvija njena narativna struktura, jasan su prikaz smjelog kršenja strogih patrijarhalnih normi i početak urušavanja tradicionalne plemenske zajednice na tlu stare Crne Gore.

Priča se odvija u župskom selu na nivou jezera, „u kamenitoj blistavoj kotlini, niz koju vru potoci, rastu divlji šipci i kupine, (...) s džade se vide u kotlini kuće među stablima smokava i murava, vinova loza na međama...“ (388)⁸. U prologu pripovijetke susreće nas bukolički opis pitomog proljećnog pejzaža župske udoline i sela u njoj, idilična seoska slika s crkvom i školom iz čijeg krova „rijedak kao magla, diže se u nebo dim“. Na scenu, zatim, stupaju glavni akteri pripovijesti – Jovan i Đurđa i njihove porodice. Pop Bogdan, Jovanov otac, „sojlija“ i „kućić“ i Ilija, Đurđin otac, ni po čemu drugačiji od ostalih seljana, učesnik ratova i pošten čovjek, ali ni od „kućića“ ni od „odžakovića“, naprotiv – njegovi preci su prvi u selo donijeli nakovanj i mijeh. I taj kontrast između potomaka nekadašnjeg župskog kneza Vuka i onih čije se porijeklo vezuje za skitače i neznane naseljenike iz kamenitog dijela župe gdje su se nastanili i gdje žive, usmjeriće tok čitave priče, događaja i sudbine likova u njoj.

7 Pripovijetku kao pripovjednu formu Solar (2008) obrazlaže i objašnjava odvojeno od novele kako u svojoj „Teoriji književnosti“, tako i u „Rječniku književnoga nazivlja“.

8 Navodi preuzeti iz Lopičićeve pripovijetke *Nevjesta* kroz čitav tekst označeni su samo brojem stranice iz zbirke *Glad i kamen*, 1965.

Prikaz diskrepance između porodičnog porijekla glavnih aktera u početku unosi blagi nespokoj u seosku idilu najavljujući motiv od sredine neprihvaćene ljubavi dvoje mladih i prvi je stepen u gradaciji događaja koji će svoj klimaks dostići u tragičnom završetku.

Obrazovan, samosvjestan mladi intelektualac učitelj Jovan ne prihvata i ne mari za pritisak porodice, „sojlja“ i „kućica“ da se ne ženi „djevojkom s kamena“, kćerkom „nikogovića“ i „skitača“ davno prispijelih u njihovo selo. On cijeni i uvažava vrijednog i poštenog seljaka i ratnika Iliju, Đurđinog oca, i ne razumije zašto bi se njegovo i Đurđino zajedništvo osporavalo. Prvo otvoreno suprotstavljanje utvrđenim normama i odustajanje od nepisanih, ali ustaljenih pravila, baciće mladi par u nemilost starijih članova zajednice, uplašanih od promjena koje se najavljuju i vremena koje dolazi.

Naredni gradacijski stepen jeste otvorena reakcija sela, potekla i podržana od žitelja „plemenitog“ porijekla: „Ma nije, čočo, ni da bog zagleda' se u ta' neso, sin onakvoga čojka, još učitelj?“ (391), kao i snažan otpor Jovanovih roditelja da im kći skitača nepoznatog korijena dođe u kuću i bude snaha: „De ti Ciganku da uzmeš, znaš li ti da su to kovači, da su oni prvu cigansku mješinu u selo donijeli?“ (405)

U proljećnom ruhu, uprkos sinergijskom nastojanju starijih članova seoske zajednice da je zaustave, zahuktava se ljubav između mladog učitelja Jovana i lijepe Đurđe i oni će, u kontekstu kakav jeste, uspjeti da svoju namjeru ostvare. Mlađarija u selu, pak, ovom „nepočinstvu“ mladog para daje duhovitu notu začikujući starce zbog njihovih zastarjelih stavova zasnovanim na legendama i starim predanjima i nepisanim, a za mlade ljude krajnje ograničavajućim pravilima: „Sve što je bilo mlade u selu radovalo se toj svadbi i namjerno su zadirkiivali Šaka Jovova“ (407). Kroz čitavu pripovijetku se, zapravo, nagovještava određeni bunt i drugačiji odnos mladih generacija prema utvrđenim tradicionalnim pravilima i očekivanim ponašanjima u okviru patrijarhalne zajednice.

Okoštali regulatori funkcionisanja tadašnjeg crnogorskog društva pozicioniraju nevjestu i u novom domu – za nju nema lijepe i tople riječi, niti mirna dana, uprkos njenoj posvećenosti kući i okućnici. Na mladu snahu prenose se svi teški domaćički (pa i domaćinski) poslovi, i van kuće i u kući, a prate ih prigovaranja i uvrede kada nema svjedoka.

Burne događaje u hronotopu priče i već vidljive naznake dubinskih promjena društvenog konteksta koje prate dešavanja u prirodi, najčešće kao najava ili slikovit odraz psiholoških previranja u ljudskoj jedinki, možemo sagledati kao neoromantičarski postupak u kojem su priroda i njene pojave, bez obzira na vrstu emocije koju likovi ispoljavaju, podržavajuće i čovjeku naklonjene. Svijet Lopičićevih pripovjedaka stoga je uzburkano jedinstvo prirodnih i društvenih mijena, koje se kroz pripovjedno tkivo prepliću i međusobno uslovljavaju.

Bolna istina da će u novom domu teško opstati, posebno nakon Jovanovog odlaska u vojsku, nevjesti postaje sve bliža, no dah proljeća ipak budi radost i pokreće nadu:

„Tada je u kamenju, u toplom župskom selu, proljeće bilo u velikom jeku. Već su bile izorane i zemljine brazde. Iz njih se, u zraku, pušio topli dim, koji je izbijao iz zemlje, lagano kao oblak lepšao na žbunovima i kamenju. Jaki miris kestinja, bilja šipkova, paprati, trave i dudova, napunio je bio zrak, koji je mirisao na mlado vino. Kamene strane međa zagrlile široke granate smokve, ispod kojih je, na meku i vlažnu zemlju, slijetala u jatima ptica“ (414).

Proljećno raspoloženje transponuje se i u enterijer doma, pa je „sunce udarilo u zidove popove kuće, zavuklo se ispod cigala i topal miris od smokava i šipkova širio se po sobama kao miris pitomih ruža (...) i ona Đurđa, radeći, osjetila je pjesmu u srcu. Radila je i pjevala“ (414). Ispoljena radost uzrokovana buđenjem prirode izazvaće prekor, a sukob kulminirati novim uvredama i upućivanjem nevjeste da izađe i dočeka „stričeve“ i „rođake“, skitače i putnike, koji su netom stigli u selo – tada je prvi put shvatila zašto je progonjena u Jovanovom domu. Neočekivan i silovit odgovor mlade žene izazvan pogaženim ponosom i svega što ona zapravo jeste, bio je kulminacija gorčine koju je u novom domu sakupila. Nakon što napadne kako bi se odbranila, ona bježi iz doma, ne znajući kuda – jer, nepisani zakoni nalažu da se odbjegla nevjesta u rod ne vraća.

Duševno stanje glavne junakinje pripovjedač konektuje s još uvijek hladnom proljećnom noći kroz koju se dala u bijeg i našla dlanovima na zemlji osjećajući da je i „ta zemlja hladna, hladna kao dno

potoka i da ta hladnoća struji kroz njene žile, penje se preko prstiju i zglobova, obuzima ruke, ramena i kao teški kamen pritiska na njenu glavu..." (420).

„Na studeni sivi kamen već je pukao mrak. Skoro se o žbunje vješala plava magla, lepršajući po njima i kršu kao dim negdje skrivena duboko u zemlju zapaljena ognja. Prostrana dolina nad poljem drhtala je u večernjoj hladnoći gdje su se s osvita na plavom pojasu neba palile kao svijeće jedna po jedna zvijezda. Vlažna večernja hladnoća izbijala je iz zemlje, kamena i vode, ulazila u njene nozdrve i povraćala joj svijest..." (420).

Priroda se sjedinjuje s nevjestinom patnjom i pretače u motive sivila, kamena, mraka, magle i hladnoće, koja će joj, u konačnici, od neprijatelja postati saveznik i pomoći da se okrijepi i sabere.

Dramatičnom slikovitošću ključnih scena i detalja, Lopičić u svojim pripovijestima dočarava čitav spektar psiholoških stanja i situacija u kojima se njegovi junaci zatiču, te su one zahvaljujući takvim pasažima i socijalno-psihološke studije pojedinaca i društvenog konteksta uslovljene hronotopom u kojem bitišu (Stojović 1987). Smjene godišnjih doba, dana i noći, svjetla i tame, bure i zatišja, predjeli zavičaja – pejzaž i ambijent, postaju odjeci i pratioci ličnih slutnji i nemira, strahova i radovanja tj. psiholoških previranja likova. Stoga su, kako ističe isti autor, pejzaži u Lopičićevoj prozi prije *slike* i *simboli*, nego samo dekoracija i scena na kojoj se priča odvija, što ovog stvaraoca povezuje, kako smo prethodno pomenuli, s neoromantizmom prisutnim i u pjesničkom izrazu crnogorskih stvaralaca istoga perioda¹⁰, u okviru kojeg se stvarnost više ne slika, već se produhovljava i preoblikuje u simbol.

Pripovjedač dirljivo opisuje Đurđino dvoumjljenje da se, nemajući kuda, vrati u roditeljski dom i tako još jednom prekrši nepisana pravila zajednice. Dočekana roditeljskim nezadovoljstvom, mirno i dostojanstveno je saopštila zašto je došla prepuštajući im odluku o njenoj sudbini. Roditeljski bijes pretočio se u zamuklost, a zatim u mržnju i želju za osvetom. Time su se u jedno spojila dva neočekivana otklona od petrificarne patrijarhalne norme: nevjestino napuštanje novog doma i odluka roditelja da njen povratak prihvate. Gotovo podjednako odjeknula je u selu i šire Jovanova namjera da, nakon što završi vojnu obavezu, napusti roditelje i sagradi svoj dom, u kojem će nastaviti život s Đurđom.

Drugi pripovjedni tok oskudnije je prisutan, ali prati i osnažuje ključnu nit priče uvodeći novog akatera. U njegovom središtu nalaze se motivi neuzvraćene ljubavi, povrijeđene sujete i prokletstva ženske ljepote, čime se, uprkos njihovoj univerzalnosti, dodatno određuje sudbina žene u opisanom hronotopu. Nekadašnja simpatija glavne junakinje pojaviće se u selu, a blizina, stas i ljepota djevojke konstatno će buditi nemire u mladom čovjeku. Opredjeljenje za učitelja uprkos svemu što se desilo, vrijeđa sujetu odbačenog prosca, pa on luta selom u nadi da će je sresti i pri svakom susretu insistira da opet budu zajedno.

Četiri susreta u priči graduiraju silinu mladićevih emocija: na doksatu njegove kuće kada se proslavljao povratak iz vojske i gdje je saznao da je Đurđa „na oro“ došla zbog Jovana, a ne zbog njega; na njenoj svadbi kada je čuo posljednji odgovor da „ide“ za Jovana; dok je silazila s gore s bremenom drva na leđima, kada se opet ponudio mladoj ženi i kada je konačno odbijen; četvrti i posljednji put kada su okolnosti ukazale na drugačiji tok događaja: mrak i grubost kojom je sprečavao da nastavi put i bijes koji je ispoljio kulminirali su tragičnim završetkom njihovog susreta. U činu Đurđinog ubistva – prijeki sud povrijeđene sujete i neuzvraćene ljubavi utemeljen na pravu jačeg presudio je nevjesti:

„...i ne čekajući ni trenutak on izvadi iz suknene čarape nož i silovito zamahnu jedanput, drugiput i trećiput u njene pleći (...) Na putu, mrtva, ubijena, nevjesta je ostala sve do zore. Tek ujutru rano nađoše je čobanice..." (439).

Iako nevjestinu pogibiju sagledavamo kao posljednji stepen ključnog događaja, a nju kao tragičnu junakinju ove pripovijesti, priča se okončava još jednim činom osvete: njen otac Ilija, povrijeđen lažnim saučešćem, ubija Jovanovog oca, popa Bogdana. Motivom dvostruke osvete iznjedrene iz dva pripovjedna toka koja se u epiloškoj granici pripovijetke tragično spajaju, gradacija je dobiti svoj klimaks.

10 Vučković (2002) ističe kontrolisanu emociju lirskog subjekta prisutnu u poeziji Rista Ratkovića, ali i kult forme koji odgovara neoromantičarskoj praksi, konstatujući da je njegova pjesnička slika više simbolistička nego romantičarska.

Kako navodi Radović (2002), motiv osvete često se javlja u Lopičićevoj prozi i to na dva načina: u formi psihološkog i organskog razvijanja tog motiva u sklopu priče kao cjeline i u okviru jednog određenog događaja, smatrajući da je bit kazivanja i neposredno zbivanje u prvoj formi dobro izvedeno (npr. u pripovijeci *Krv*), dok u drugoj obično ima slabosti. Završetak priče dvostrukim činom osvete u pripovijeci *Nevjesta* čvrsto je povezan sa središnjim dešavanjem, akterima pripovijesti i njihovim ulogama – klica osvete u oba pripovjedna toka začeta već u prvoj polovini priče, razvila se i eruptirala u samoj završnici.

Gradacija se kao poznat pripovjedni postupak na nivou teksta i kraćoj narativnoj formi svojstven pripovjedački postupak dosljedno razvija u pripovijeci *Nevjesta*, kroz poentiranje ključnih tačaka događaja, isticanje emocija koje ih prate te njihov razvoj i kulminaciju shodno dešavanjima u priči. Takođe, u nastojanju da se predoči apsurdnost određenih situacija, posebno naglašena u sekundarnom pripovjednom toku.

Osim motiva osvete, javljaju se i motivi ženske ljepote i njenog prokletstva preuzeti iz folklorne tradicije i veoma prisutni u svim periodima književnog stvaralaštva, pa i u Lopičićevoj prozi, što bi se moglo posebno istražiti.

Kratak prikaz Lopičićeve poetike na primjeru odabrane pripovijetke pokazuje da navedenu grupu pripovijesti odlikuje realističnost s elementima neoromantizma, racionalizam i najava društvenih promjena u odnosu na patrijahalne norme društvene zajednice. Socijalna komponenta u smislu materijalnog položaja seljaka i zemljoradnika značajna je konstituenta pripovjedaka raspoređenih u cjelini *Seljaci* i o njima se u dosadašnjoj književnoj kritici mnogo više pisalo.

Lopičićevo pripovjedno stvaralaštvo u cjelini, kako navodi Minić (2002), nije ostalo u ravni skice ili crtice – to su cjelovite forme izuzetnog kompozicionog sklada s precizno izloženom poentom u kojima „priroda čini okvir i psihološki upotpunjuje ličnosti i njihove postupke“ (Cerović 2003: 109). Njegovo poetiziranje stvarnosti kritičko je i realistično, a lirizam u njima „počiva na slikovitosti pripovijedanja, usklađenosti ambijenta i atmosfere s emotivnim životom junaka...“ (Stojović 1987: 56) što smo u našoj analizi i potvrdili.

U njegovim pripovjetkama prepoznatljivi su primjeri zaokreta od uspostavljenog kanona u normiranju karaktera svojstvenih sočrealizmu, a posebno u poimanju psihološke i idejno-vrednosne tačke ženskih likova, čime se njihova uloga u književnom djelu usložnjava, proširuje polje njihovog djelovanja i urušava mit o trajnim paradigmatima u njihovom slikanju (Komatina Vojičić 2014). Scenu svojih pripovjedaka Lopičić je, dakako, „otvorio“ ženskim likovima, realistički slikajući njihove tragične sudbine i prikazavši, istovremeno, mnoge tanane psihološke prelive svojstvene ženskoj duši i ženstvenosti, ponudivši drugačiji pristup suštastvenom ženskom bitisanju (Popović, Bogojević 2022).

Oslonjeni na poetiku socijalne literature i sočrealizma, pripovjedači ovog perioda posjeduju i izvjesne specifičnosti koje ih izdvajaju iz dotadašnjeg proznog književnog stvaralaštva na tlu Crne Gore, a moguće i šire. Lopičićevo djelo, ali i djelo njegovih savremenika, pokazuje da usmjerenost na socijalnu problematiku i društveni kontekst, ne podrazumijeva nužno i isključivo usmjerenje na zadatak ili ideologiju, iako su, posebno u starijoj kritici, navedena dva činioca bila glavno sredstvo pomoću kojeg se ta poetika tumačila i najčešće osporavala (Tutnjević 2011). Upravo zbog prethodno navedenog stava prema socijalnoj literaturi, koja samim svojim nazivom nosi negativnu konotaciju, djela ovih pripovjedača dugo su i nepravedno ostala u pozadini jugoslovenske i crnogorske književne scene.

Imajući u vidu sve prethodno rečeno, razvijenija pripovijetka koju je, dvadesetih i tridesetih godina prošlog vijeka, oblikovala mlada generacija crnogorskih pripovjedača, zasigurno je realističkog tipa s više ili manje zastupljenim elementima socijalne literature i njoj svojstvene angažovanosti, ali i neoromantizma, kao stilske formacije koja nije postojala kao škola, već više kao „talas“ izvjesne grupe pjesnika i književnika koji svoju pažnju usredsređuju na „pokrivanje“ tema, preuzimajući od svih škola određene tehnike, u skladu s ličnim izborima (Ratković¹¹, 1929, u: Ivanović, 1990).

11 Risto Ratković (1903–1954) napisao je kratak esej „Novi Romantici“ koji je uvršten u knjigu „Čutanja o književnosti“ (Beograd, 1928), u kojem precizira pojmove stil i metod, a nakon toga i ogled „Duh nove poezije i njena tehnika“ (1929) u kojem izlaže svoje viđenje neoromantizma.

Iako je riječ o realizmu i prihvatanju realističkog modela književnog stvaranja kojim se želi ukazati na društvena previranja i predstaviti slika svijeta onakvog kakav on odista jeste i koji, u načelu, ispunjava socijalno-analitičku funkciju, stvaraoci u okviru ovog pravca istovremeno poetiziraju zbilju, kako to navodi Flaker (2011), zauzimajući sopstveni stav i unoseći posebnu emociju u svoje pripovijesti, te gradeći u skladu s time specifičnu poetiku, koja ni savremenog čitaoca ne ostavlja ravnodušnim. Budući da je jezik, prema Vintgenštajnu, meta okvir pamćenja, te da pamtiti znači pričati i da, prema psiholozima i neurolozima, procesi pamćenja imaju u osnovi narativni obrazac (Kuljić 2006), njihove priče postale su važan dio kulture sjećanja na jedan burni period evropske, balkanske i crnogorske tradicije i istorije.

IZVOR

Lopičić, Nikola (1965). *Glad i kamen*. Titograd: Grafički zavod

LITERATURA

Cerović, Vuk (2003). *Nikola Lopičić*. Novi Sad: Zmaj

Flaker, Aleksandar (2011). *Periodizacija, razdoblje, stil*. Beograd: Službeni glasnik.

Ivanović, Radomir (1990). *Poetika Rista Ratkovića*. Nikšić: Univerzitetaska riječ.

Katnić Bakaršić, Marina (1996). *Gradacija. Od figure do jezičke kategorije*. Sarajevo: Međunarodni centar za mir, GZ BiH.

Kuljić, Todor (2006). *Kultura sjećanja: teorijska objašnjenja upotrebe prošlosti*. Beograd: Čigoja štampa.

Komatina Vojičić, Olga (2014). Oblikovanje ženskih likova u crnogorskom romanu (M. Lalić, M. Bulatović, Ć. Sijarić). *Riječ*, nova serija, br. 11, 143–153.

Lešić, Zdenko (2008). *Teorija književnosti*. Beograd: Službeni glasnik.

Minić, Vojislav (2002). Lopičić – tvorac jedinstvene književne antropologije. *Crnogorska književnost u književnoj kritici V, Tradicionalna, avangardna i socijalna književnost* (S. Kalezić, Ed.). Podgorica: Univerzitet Crne Gore, 378–384.

Nikčević, Milorad (2012). *Crnogorska književnost od 1852. do 1918*. Podgorica: Institut za crnogorski jezik i književnost.

Popović, Dušanka i Dragan Bogojević, (2022). Tri koncepta ženskog bivanja u pripovijetkama Nikole Lopičića. *Književna smotra*, časopis za svjetsku književnost, LIV / 2022, br. 204 (2), 29–39.

Radović, Đuza (2002). *Studije i ogledi*. Podgorica: CANU.

Rečnik književnih termina. Beograd: Institut za književnost i umetnost u Beogradu, Nolit, 1984.

Solar, Milivoj (2012). Teorija književnosti sa rječnikom književnoga nazivlja. Beograd: Službeni glasnik.

Stojović, Milorad (1987). *Nadmoć ljudskosti II*. Titograd: Pobjeda.

Tutnjević, Staniša (2011). Poetika socijalističkog realizma (1945–1952): pitanje književnog dis(kontinuiteta). *Desničini susreti 2009. Zbornik radova*. Zagreb: Filozofski fakultet, 44–56.

Vojinović, Vladimir (2005). Socijalna literatura i Nikola Lopičić. *Bibliografski vjesnik*. God. XXXIV 2005, br. 1–2–3, 85–109.

Vučković, Radovan (2002). Neoromantizam Rista Ratkovića. *Crnogorska književnost u književnoj kritici V* (prir. S. Kalezić). Podgorica: Univerzitet Crne Gore.

Vujačić, Slobodan (1978). *Crnogorska socijalna literatura*. Titograd: NIO Pobjeda.

Vuković, Novo (2019). *Pripovijedanje kao opsesija*. Podgorica: Matica srpska – društvo članova u Crnoj Gori.

Izvorni znanstveni rad/Original scientific paper

UDK 821.161.1(571.1/.5)

821.161.1.09 Astafjev, V.

Разумовская Вероника Адольфовна

Сибирский федеральный университет, Россия

veronica_raz@hotmail.com

ВИКТОР АСТАФЬЕВ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ИНСАЙДЕР И ЕГО ТЕКСТЫ В ПОЛИСИСТЕМЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АННОТАЦИЯ

Статья обращается к сибирскому тексту, содержащему культурную информацию и память об обширном российском регионе и обладающему свойствами этнотекста. Материалом исследования стали тексты В. П. Астафьева, описывающие культурные и духовные ценности родной для автора Сибири и комплементарно сочетающие свойства русскости и сибирскости, что обеспечивает им особый статус сибирских текстов русской литературы. С учетом параметров содержания и авторства рассматривается ряд критериев, позволяющих отнести астафьевские тексты к категории сибирских. В рамках дихотомии «инсайдер-аутсайдер» выделены два типа авторов сибирских текстов. Как бесспорный автор-инсайдер, Астафьев владеет уникальным сибирским культурным кодом и воссоздает в творчестве региональную семиотику.

Ключевые слова: сибирский текст, писатель-сибиряк, идиостиль, художественный перевод, культурная информация

Victor Astafyev as cultural insider and his texts in the world literature polysystem

ABSTRACT

The article refers to a Siberian text which contains cultural information and memory about a vast Russian region and possesses ethnic text properties. The research material is V. P. Astafyev's literary texts, which describe the cultural and spiritual values of native to the author Siberia and complementarily combine the Russianness and Siberianness which imbue them with a special status of Siberian texts of Russian literature. Considering the content and authorship parameters, criteria for recognition an artistic work as a Siberian text are proposed. Within the framework of "insider-outsider" dichotomy, two possible types of Siberian texts authors are described. As an undisputed author-insider, Astafyev owns a unique Siberian cultural code and reconstructs regional semiotics in his creations.

Keywords: Siberian text, Siberian writer, idiostyle, literary translation, cultural information

Произведения сибирских авторов представляют неотделимую часть литературного и культурного пространства России. Наряду с произведениями писателей из различных регионов многоязычной и мультикультурной страны тексты писателей-сибиряков тесно связаны с таким свойством русской культуры как литературоцентризм, в соответствии с которым художественные произведения служат для представителей как «своей», так и «чужих» культур регулярным источником информации о России. Крайне важно, что литературоцентризм обеспечивает передачу исторического и культурного опыта поколений через тексты литературы и способствует осознанию представителями «своей» культуры национальной идентичности. В первую очередь, литературоцентризм проявляется в «сильных» художественных текстах, обладающих высокой культурной и эстетической ценностью, известных как в «своей» культуре, так и далеко за ее пределами, а также включенных в каноны различных образовательных уровней и выступающих регулярными объектами перевода и переперевода.

Обращаясь к «сильным» текстам русской литературы важно учитывать следующее важное обстоятельство: отраженная в них русская культура (осмысленная и переданная их авторами как результат индивидуального восприятия) обладает как инвариантными, так и вариативными чертами, которые напрямую обусловлены территориальным, культурным и языковым разнообразием страны. Русская культурная информация и память, представленные в «сильных» художественных текстах, обеспечивают их ингерентную русскость. При этом доминирующей в понятии русскости, которое ни в коей мере не тождественно понятию русскоязычности, является не этническая или территориально-региональная, а духовная составляющая, традиционно признаваемая инвариантной для русской культуры.

С учетом параметра территориальности гипероним «русскость» также включает такие гипонимические понятия, как «московскость», «самарскость», «пермскость», «алтайскость» или «уральскость», присутствие которых в гуманитарном дискурсе свидетельствует о наблюдаемой тенденции к децентрализации русской культуры, значимых динамических изменениях, происходящих в культурном ландшафте страны. В гипонимах, отражающих языковые, культурные, исторические, географические, этнографические и многие другие представления о конкретной территории страны, прослеживается тесная связь не только с общенациональной, но и с регионально-территориальной идентичностью жителей. Необходимо отметить, что в соответствии с текстологической концепцией русской культуры приведенные понятия-гипонимы коррелируют с соответствующими локальными текстами – московским, петербургским и т.д. Отметим, что гипероним «русскость» не только включает перечисленные выше и другие гипонимические понятия, но также и образует с ними оппозиции. Регулярной признается оппозиция «русскость – сибирскость», поскольку по территориальному принципу в гетерогенном культурном пространстве России представлена сибирская культура. Сибирь – это тоже Россия, но при этом Россия во многом «другая» и имеющая значительные отличия от традиционной русской культуры. Сибирь одновременно является географическим, историческим, культурным, а также геополитическим понятием. Но не только у жителей России, но даже у самих сибиряков нет единства в понимании ее границ и представлении ее пространства. В диахронном измерении «сибирскость» стала онтологической категорией, объединяющей различные, порой крайне противоречивые и неоднозначные представления о регионе.

В соответствии с принципом литературоцентризма русской культуры сибирская культура также находит отражение в художественной литературе и, прежде всего, в сибирских художественных текстах, ставших популярными объектами гуманитарного анализа. Исходя из содержания и с учетом авторства к категории сибирского текста можно отнести: (1) литературные тексты, созданные авторами из различных регионов страны и мира, повествующие о Сибири или местом действия которых является Сибирь и отражающие представление о Сибири жителей различных регионов страны и мира; (2) литературные тексты, авторами которых стали жители Сибири и которые отражают их представления о «своем» регионе. Если авторы текстов первого вида по параметру их нахождения за пределами региона могут быть условно определены как писатели-аутсайдеры, то авторов текстов второго

вида можно считать бесспорными писателями-инсайдерами, которые по личному опыту и в связи с обстоятельствами их жизни и творчества хорошо знакомы с сибирской природой и культурой, обладают сибирским хронотопическим мышлением, а также сформированным в процессе длительного пребывания в особом географическом, климатическом, культурном и геополитическом регионе самосознанием, которое тесно связано с их региональной идентичностью. Авторы-инсайдеры владеют уникальным сибирским культурным кодом, генерируемым на основе (этно)культурных кодов народов, появившихся в Сибири в результате присоединения региона к Российскому государству, а также кодов коренных этносов региона, являющихся в большинстве случаев малочисленными. При этом необходимо отметить, что уникальный сибирский культурный код ни в коей мере не может рассматриваться как простая сумма региональных этнокодов многочисленной этнографической и субэтнической группы русских, имеющих общую этническую историю, коренных сибирских народов и других жителей региона, имеющих различную этническую принадлежность. Сложившаяся за несколько веков уникальная гибридная культуры Сибири позволяет определить соответствующий региону культурный код как синкретическое культурное явление с набором общесибирских, а также и вариативных черт. Авторы-инсайдеры в силу имеющегося у них собственного культурного опыта, знакомства с культурной информацией и памятью сибиряков распознают, декодируют и интерпретируют сложную семиотику сибирского культурного пространства, которая часто служит для них источником вдохновения.

Уникальная культурная семиотика Сибири, основой которой являются культурные универсалии региона, представлена в литературном творчестве писателей-инсайдеров и находит широкое отражение в их текстах. Обращаясь к культурным универсалиям, характерным для Сибири и представленным в вербальной культуре, исследователи пришли к важному выводу о том, что «вербальная культура представляет собой целостное образование, имеющее три пласта “глубины”: язык, фольклор и художественную литературу, а также этнотерриториальное положение, связывающее ее с соседними культурами (территориальный аспект), генетически и типологически близкими культурами (этноструктурный аспект)» (Дампилова и др. 2020: 14). К разряду культурных универсалий принадлежат культурные константы, на основе которых создается картина мира субъектов, принадлежащих к конкретной культуре, и соответствующие культурные коды, представляющие собой совокупность знаков (символов), смыслов, а также их комбинаций, заключенных в объектах материальной и духовной деятельности человека и отраженных в культуре вербальной. Культурные константы и коды признаются важнейшими характеристиками культуры, сохраняемыми на протяжении жизни многих поколений и представляющими собой ядро культурной информации и памяти, а также служащими ключом к пониманию культуры в целом или к ее отдельным проявлениям. Обращение к культурным универсалиям в свете идей этнографического и антропологического эволюционизма этнолога и культуролога Э. Тайлора позволяет рассматривать этноконцепты как синтез культурных и этнических констант. Для каждого этноса характерны «свои» этноконстанты и, соответственно, «в этноконцептах культуры, образующих изоморфно-инвариантную систему, происходит “сгущение” культурных ценностей, чувств, представлений, взглядов, идеалов, идей, теоретических воззрений, символов, стереотипов, благодаря чему индивид и осознает, и “ощущает” мир культуры, осваивает и творит его» (Зязиков 2005: 13).

В отношении сибирской культуры, обладающей большой гетерогенностью и сложностью в силу проживания в регионе многочисленных народов и этносов, можно отметить, что сибирские культурные универсалии представляют синтез культурных и этнических констант, а также различных культурных кодов, существующих в виде иерархически организованных культурных конструктов, ставшими новыми объектами современной гуманитаристики. «Антропологи и этнологи все больше осознают феномен растущей культурной сложности, где этничность переплетается с другими коллективными идентификациями и лояльностями до такой степени, что исчезает понятие группы как социальной и даже социологической целостности» (Тишков 2016; 7).

Наличие в художественном тексте сибирских культурных констант и культурного кода сигнализирует о его принадлежности к категории сибирского. Исследователями томской научной школы было предложено следующее определение: «Сибирский текст – понятие безусловно хронотопическое. Его пространственная характеристика имеет огромный семиотический потенциал, но формирующийся во времени, в процессе постижения истории Сибири как характерной семиосферы. Осмысление пространственных границ Сибири, ее природы, топосных моделей органично входило в тот комплекс идей, которые можно определить как региональное самосознание» (Янушкевич 2004: 227). Связь сибирского текста русской литературы с концептом и хронотопом Сибири отмечает и В.И. Тюпа: «К XIX столетию Сибирь была не только освоена Российской империей геополитически, но и усвоена русской культурой в качестве некоторого концепта. Сибирь с ее каторгами, пересыльными тюрьмами, принудительными поселениями и одновременно искателями счастья (переселенцами) в национальном сознании мифологизировалась, стала достоянием “доксы”, общепонятным хронотопическим образом некоторого способа присутствия человека в мире» (Тюпа 2002: 27). Сибирский текст напрямую обращается к образам сибирского культурного «ландшафта» и предполагает художественное осмысление бескрайнего пространства Сибири.

Бесспорную методологическую важность имеет стало понимание сибирского текста как историософской и культурологической дихотомии, а также и признание того, что в диахронии два подхода к сибирскому тексту (извне и изнутри) неразделимы и взаимодополняемы (Янушкевич 2004).

Наиболее известным инсайдером русской литературы Сибири, бесспорно, является В. П. Астафьев (1924-2001). Как сибиряк по рождению и воспитанию, он сделал сибирскую тему центральной в своем творчестве. Астафьев, проживший часть жизни за пределами родного края и испытавший по данной причине внутренний конфликт, считал «неправильностью» необходимость жить вне Сибири, но писать о ней (Разувалова 2010). Что в итоге и определило его возвращение на берега Енисея.

Большинство произведений, представленных в творческом наследии писателя-сибиряка, посвящено людям, природе и культурным ценностям его родной Сибири. Примечательно, что и после смерти автора его тексты не утратили своей актуальности и культурной ценности для российских читателей и продолжают вызывать постоянный интерес и пользоваться заслуженным признанием за пределами России. Представители «других» языков и культур современного мира в большинстве случаев знакомятся с творчеством Астафьева посредством вторичных текстов его произведений, созданных в результате межъязыкового, а также в некоторых случаях и межсемиотического переводов. Проведенное исследование позволило сформулировать основные проблемы изучения творчества Астафьева в переводоведческом контексте как определение стратегий и конкретных приемов реконструкции и сохранения во вторичных иноязычных версиях астафьевских текстов сибирской культурной информации и памяти. Внимание также должно быть уделено этноединицам, передающим сибирский колорит произведений и создающим авторский идиостиль, а также стратегиям их перевода.

В соответствии с особенностями содержания, астафьевские тексты могут быть отнесены к двум неокатегориям современной гуманитаристики – сибирскому тексту и этнотексту. Произведение, отражающее представления писателя о регионе, признается сибирским текстом в соответствии с тем, что автор обращается к Сибири, описывает жизнь сибиряков и сибирскую природу. Астафьевский текст обретает и ряд черт этнотекста в силу наличия в нем информации о различных этносах, проживающих на территории Сибири. Таким образом, астафьевский текст, сочетающий в себе по комплементарному принципу основные параметры сибирского текста и этнотекста, и представленная в нем культурная информация и память которые организованы в соответствии с классической оппозицией «свой – чужой», может быть определен как текст мультикультурный.

По аналогии с понятиями «ближней» и «дальней» антропологии, впервые использованными в научном дискурсе второй половине XX века французскими исследователями, и признавая важность изучения области «ближней» антропологии, отражающей смещение этнографического

интереса к близким культурам (Rogers 2001), встречающиеся в текстах Астафьева культуры можно отнести к разряду «ближних». Обращаясь к проблематике «ближней» антропологии М. Абелес, образно называет антрополога «энтомологом своего собственного общества» (Абелес 2012: 74). Отмечая бесспорную сибирскость большинства произведений Астафьева и используя «энтомологическую» метафору, можно с полным правом охарактеризовать писателя-сибиряка как «энтомолога» сибирской культуры, бесспорно ставшей глубинной текстопорождающей доминантой его творчества и релевантным признаком идиостиля. Так, А. И. Разуvalова отмечает, что «становление творческого самосознания Астафьева в значительной степени шло через осмысление своей “сибирской” творческой сущности и способов ее выражения в тексте» (Разувалова 2010: 202).

Произведения писателя-сибиряка обретают и сохраняют свою популярность за пределами России преимущественно в форме вторичных иноязычных текстов. Перед переводчиками астафьевских текстов стоит сложная задача воссоздания в переводах идиостиля писателя-сибиряка, свойственного оригиналам в силу присутствия в них сибирской культурной информации. В оригиналах Астафьева содержится и этническая информация. Наличие культурной и этнической информации в текстах литературы в полной мере соответствует феномену растущей культурной сложности и не позволяет переводчикам астафьевских текстов ограничиться только стратегиями доместикации и форенизации, поскольку этносоставляющая произведений требует учета при принятии решений на перевод также и основных категорий и техник этнопереводоведения, целью которого признается перевод этнокультурно «чужого» для принимающих языка и культуры (Разумовская 2021).

Как объекты художественного перевода астафьевские тексты обладают тремя категориями «чужого»: (1) русское «чужое», связанное с культурой и языком текста оригинала, что традиционно для межъязыкового перевода любого произведения русскоязычной литературы; (2) сибирское «чужое», которое делает астафьевский текст сибирским текстом русской литературы; (3) «этночужое», представляющее «следы» различных этнокультур народов, проживающих в сибирском регионе.

В контексте признания «чужого» как объектом, так и единицей перевода сибирского текста и этнотекста, плодотворной является понятие остранения, введенное в литературоведческий научный дискурс В. Б. Шкловским и активно используемое в современной гуманитаристике. Использование автором единиц с «чужой» информации создает эффект остранения. Развитие понимания остранения как приема и как закона искусства позволило выдвинуть гипотезу об остранении как стратегии художественного перевода, расширяющей категориальную парадигму современного переводоведения (Разумовская, Валькова 2017). Применение стратегии остранения позволяет сохранить «чужость»/«этночужость» культурно маркированной и культурно значимой единицы оригинала во вторичном тексте и фиксировать на ней внимание читателей переводов. Таким образом, стратегия остранения позволяет решить следующие задачи: сохранение первичного эффекта остранения, присутствующего в оригинале; создание вторичного эффекта остранения в иноязычной версии оригинала.

Посредством астафьевских текстов, содержащих уникальный культурный код, сибирскую семиотику, представители русской культуры, проживающие за пределами региона, а также носители культур мира знакомятся с уникальной сибирской культурой. Используемые писателем-инсайдером разнообразные культуронимы, среди которых широко представлены типонимы, гидронимы, фитонимы, этнонимы, антропонимы, имеют яркую региональную специфику и не всегда понятны даже русскоязычным читателям из других российских регионов. Сибирские культуронимы нередко представляют трудность и для переводчиков, что требует герменевтического подхода к декодированию культурной информации и памяти.

Российский прозаик и литературный критик Р. Сенчин, биографически связанный с Сибирью и повествующий о ней в своем творчестве, пишет: «Вообще мне сложно объективно оценивать прозу Астафьева. Дело в том, что я сам уроженец той самой енисейской Сибири. И это великое счастье, когда в книгах встречаешь странные, необычные для городского мира слова, которые

произносили твои бабушки. Названия речек, деревень, гор, где бывал сам, описание ягоды кызырган, которая растет в Саянах, тугунка, рыбки, водящейся в Енисее...» (Сенчин 2019).

Сохранение сибирскости астафьевского текста следует признать главной задачей, стоящей перед переводчиком, решение которой связано с преодолением им культурных, этнических и языковых трудностей. В случае В. П. Астафьева и его творчества сибирскость стала категорией, играющей центральную роль как а астафьевском литературоведении и переводоведении, так и астафьеведении в целом. И нельзя не согласиться с тем, «... что перед нами не только сформулированное писателем обобщенное представление о “сибирском” в литературе, но и идеальный “автопортрет”, в котором актуализированы черты, определяющие “сибирскость” собственного самосознания и манеры» (Разувалова 2010: 207).

Астафьев как автор-инсайдер создавал не только художественные произведения, среди которых наиболее известны сборники «Стародуб» и «Царь-рыба», но также и эссе, публицистику, сценарии. Идеи и воззрения писателя-сибиряка нашли отражение и в эго-документах, представленных его перепиской с писателями, критиками и деятелями науки и искусства. Став ярким представителем русской литературы, признанным классиком, Астафьев нередко воспринимался в культурах, на языки которых были переведены его произведения, прежде всего, как сибирский автор, что стало возможным в результате работы переводчиков.

ЛИТЕРАТУРА

- Абелес, М. (2012). Об антропологии во Франции / М. Абелес // *Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы*. – М.: Новое литературное обозрение. – С. 68–77.
- Дампилова, Л.С., Силантьев, И.В., Ким, И.Е., Кузьмина, Е.Н., Шатин, Ю.В. (2020). Универсалии вербальной культуры: в поисках общего понятия / Л.С. Дампилова, И.В. Силантьев, И.Е. Ким, Е. Н. Кузьмина, Ю.В. Шатин // *Сибирский филологический журнал*. № 4. – С. 9–28.
- Зязиков, М.М. (2005). Этноконцепты культуры: синтез культурных и этнических констант / М. М. Зязиков // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. № 2. – С. 10–15.
- Разувалова, А.И. (2010). «Сибирский текст» в прозе В.П. Астафьева (к постановке проблемы) / А.И. Разувалова // *Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве*. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета. – С. 201–223.
- Разумовская, В.А., Валькова, Ю.Е. (2017). Доместикация, форенизация и остранение в переводе: исторический аспект / В.А. Разумовская, Ю.Е. Валькова // *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова*. Вып. 40. – С. 111–123.
- Разумовская, В.А. (2021). Этнопереводоведение как новое пограничье / фронт переводов / В.А. Разумовская // *Эпосоведение*. № 4. – С. 44–52.
- Сенчин, Р. (2019). Сила Сибири: Виктор Астафьев как проповедник от литературы [Электронный ресурс] // *Известия*. 1 мая 2019 года. [сайт]. – URL.: <https://iz.ru/874059/roman-senchin/sila-sibiri-viktor-astafev-kak-propovednik-ot-literatury> (дата обращения 05.12.24).
- Тишков, В.А. (2016). От этноса к этничности и после / В.А. Тишков // *Этнографическое обозрение*. № 5. – С. 5–22.
- Тюпа, В. И. (2002). Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы / В.И. Тюпа // *Сибирский филологический журнал*. № 1. – С. 27–35.
- Янушкевич, А.С. (2004). Сибирский текст: взгляд извне и изнутри / А.С. Янушкевич // *Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства*. – Иркутск: Изд-во Иркутского госуниверситета. – С. 227–235.
- Rogers, S. C. (2001). Anthropology in France / S. C. Rogers // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 30. P. 481–504.

Izvorni znanstveni rad/Original scientific paper
UDK 821.161.3.09 Strotsev, D

Александр Распопов

Университет им. Адама Мицкевича в Познани, Польша
arasp@amu.edu.pl

СТАНОВЛЕНИЕ ЖАНРА ПОЭТИЧЕСКОГО РЕПОРТАЖА В ТВОРЧЕСТВЕ ДМИТРИЯ СТРОЦЕВА

АННОТАЦИЯ

В статье на материале творчества Дмитрия Стротсева рассматривается проблема становления жанра поэтического репортажа и его соотношение с белорусской традицией литературы факта, ярчайшими представителями которой являются Алесь Адамович и Светлана Алексиевич. Анализируя историю становления поэтического репортажа, автор показывает, что Дмитрий Стротцев синтезирует и развивает основные поэтические установки вышеуказанных авторов в сфере поэзии, привнося элементы личной рефлексии и особенности личного восприятия, что способствует образованию единой непрерывной жанровой традиции в русскоязычной литературе Беларуси.

Ключевые слова: Дмитрий Стротцев, поэтический репортаж, жанр, литература факта, «время свидетельствования»

The formation of the genre of poetic reportage in the work of Dmitry Strotsev

ABSTRACT

The article, based on the works of Dmitry Strotsev, examines the issue of the formation of the poetic reportage genre and its correlation with the Belarusian tradition of literature of fact, with prominent representatives being Ales Adamovich and Svetlana Alexievich. Analyzing the history of the development of poetic reportage, the author shows that Dmitry Strotsev synthesizes and develops the key poetic principles of the aforementioned authors within the realm of poetry, introducing elements of personal reflection and individual perception, which contributes to the formation of a unified, continuous genre tradition in Russian-language literature of Belarus.

Keywords: Dmitry Strotsev, poetic reportage, genre, literature of fact, the era of testimony

1. ВВЕДЕНИЕ

Предметом исследования в настоящей статье является процесс формирования жанра поэтического репортажа в творчестве Дмитрия Строцева - явления, до сих пор недостаточно изученного в современном литературоведении. В работе анализируются истоки возникновения данного жанра, прослеживается история его становления и развития, выявляются его специфика и культурное значение. Основным корпусом текстов служит двуязычный (польско-русский) сборник *Reportaż poetycki / Поэтический репортаж* (2024), представляющий собой репрезентативный материал для анализа¹.

Дмитрий Строцев (род. 1963, Минск) – белорусский поэт и издатель, преимущественно пишущий на русском языке. Он является директором издательства *hochroth Minsk*, редактором и издателем поэтической серии и альманаха «Минская школа», членом Международном союзе белорусских писателей и Белорусского ПЕН-центра. Поэт удостоен ряда международных наград, среди которых премия Норвежского союза писателей «За свободу слова» (2020), премия Ciampi-Valigie Rosse (2020), премия Фонда библиотеки Вацлава Гавела (2021), премия им. Курта Тухольского (2021), премия им. Алеся Адамовича (2021). Произведения Строцева переведены на восемнадцать языков. Биография поэта неотделима от его творчества. 21 октября 2020 года он был задержан в Минске и приговорён к административному аресту за участие в протестных акциях. С 2022 года Строцев находится в эмиграции (Германия, Литва), где продолжает литературную и издательскую деятельность.

Поэтическая вселенная Строцева основана на метафизическом восприятии мира, соединяющем элементы христианской и иудейской традиций. Он тяготеет к философии диалога – одному из самых недооценённых интеллектуальных течений двадцатого века. В поэтическом творчестве Дмитрия Строцева отчётливо прослеживаются неомодернистские тенденции, а также формы и приёмы неоавангардной поэтики, находящиеся в прямой связи с литературными практиками предшественников. В частности, обращение к поэтике абсурда соотносится с традицией Александра Введенского², особое восприятие времени – с поэтикой Осипа Мандельштама, а метафизический аспект поэтической речи – с творчеством Ольги Седаковой. Существенное значение для формирования поэтики Строцева имеет также опыт минских нонконформистов - Вениамина Айзенштадта, Алексея Жданова, Григория Трестмана. Важной инновацией поэта стала техника «поэтические танцев» – театральных декламаций-перформансов, предвосхитивших рождение жанра поэтического репортажа.

2. НОНКОНФОРМИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОЭТИКЕ СТРОЦЕВА

Становление поэтики Строцева неразрывно связано с культурной атмосферой минского андеграунда, центром которого в 1960-е – 1980-е годы был Ким Хадеев (1929–2001) – интеллектуал, антикоммунистический диссидент и один из идейных лидеров минского андеграунда. Ещё в 1949 году, будучи студентом, Хадеев был арестован за публичные антисталинские высказывания и осуждён. Второй приговор последовал в 1962 году – за хранение и распространение московского самиздата. Наказание он отбывал в Ленинградской специальной психиатрической больнице тюремного типа. Несмотря на постоянное наблюдение со стороны государственных органов, квартира Хадеева в Минске стала центром притяжения для представителей неофициальной художественной среды, в первую очередь писателей. Здесь обсуждались философские вопросы, знакомились с диссидентской литературой, слушали запрещённую музыку, а также активно читались и анализировались произведения самих участников. Подобная культурная среда формировала особый тип неофициального литературного общения, сыгравший важную роль в развитии белорусского андеграунда.

1 Strocew D., *Reportaż poetycki*, wyd. KEW, Wrocław-Wojnowice 2024. Первая польская книга, наиболее широко представляющая творчество Дмитрия Строцева в период с 2008 по 2023 гг.

2 Скоропанова И., Поющие поэты, в: Минская школа. Альманах поэзии, вып. 1, изд. «Новые мехи», Минск 2009, с. 75.

По воспоминаниям Строщева, атмосфера встреч у Хадеева характеризовалась духом нонконформизма и своеобразной карнавальской хаотичностью. Влияние оказал также язык произведений авторов этого круга: их русский отличался «фонетической плотностью» и особой образностью, что создавало впечатление «перевода с оригинала». Эти особенности придавали речи своеобразное несовершенство, угловатость и провинциальность, которые, однако, становилась источником новой художественной выразительности.³

Позднее Строщев осознал, что значительная часть писателей из окружения Хадеева принадлежала к числу русскоязычных евреев. Они были родом из Беларуси, по-русски говорили и писали только в первом поколении. Их родители были представителями великой европейской цивилизации, связанной с языком и культурой идиша. Ее уничтожили нацизм и сталинизм.⁴ В этом культурно-историческом контексте формировался и поэтический язык самого Строщева, что в дальнейшем позволило ему ввести понятие «минская школа», объединяющее данное направление в неофициальной белорусской культуре. Этот проект посвящен диссидентам и протестной поэзии советского времени в Беларуси.

3. ИСТОРИЯ ВОПРОСА

В отечественном и зарубежном литературоведении накоплен ряд ценных наблюдений, касающихся особенностей поэтики Дмитрия Строщева. Так, Татьяна Светашёва отмечает, что в сборнике «38» (1990)⁵ центральное место занимает феномен игры, проявляющийся «в намеренной деконструкции стандартов путем их нарушения, игнорирование, либо, наоборот, доведения их до абсурда и создания комического эффекта»⁶. По мнению Ольги Маркитантовой, поэтика сборника «Остров Це» (2002) основана на принципах живописного письма, при этом цветообозначения играют ключевую роль в создании метафоры, отличающейся богатой символикой и многоплановостью контекста⁷. Евгения Сулова, анализируя сборник «Газета» (2012), демонстрирует характерную особенность поэтического метода Строщева. По ее словам, это «опыт практической и активной поэтической памяти. Быть в поле политического означает помнить и связывать в целое»⁸. Сергей Толстов отмечает, что после выхода сборника «Газета» в 2012 году произошел «отход от метафизики небес к физике протестов...», а Строщев «показал себя как поэта, способного говорить о политическом: в его арсенале появились лаконичные и зубастые верлибры, полные неожиданной горечи и прямо проговаривающие народную травму»⁹. Алла Горбунова в рецензии на книгу Шаг (2015) акцентирует гражданскую тональность и морально-философский пафос поэзии Строщева. Критик подчёркивает, что его поэтический корпус «распадается на две линии: одна из них — начавшаяся в «Газете» и представляющая собой верлибры на болезненные социальные темы, другая – по-прежнему продолжающаяся

3 Strozew D, Минская школа: Внутренний перевод и миссия, [Электронный ресурс] «TOLEDO-Journale» https://www.toledo-programm.de/cities_of_translators/5109/n-a (дата обращения: 10.05.2025)

4 Strozew D, Минская школа: Внутренний перевод и миссия, [Электронный ресурс] «TOLEDO-Journale» https://www.toledo-programm.de/cities_of_translators/5109/n-a (дата обращения: 10.05.2025)

5 Строщев Д. Тридцать восемь: Стихотворения, пьеса. — Минск: Белорусское общество «Книга», РЭМЦ «Ориентир», 1990.

6 Светашёва, Т.А. Игровые приемы в раннем творчестве Д. Строщева (Сборник «38») / Т.А. Светашёва // Русскоязычная литература Беларуси конца XX — начала XXI века: сб. науч. ст. / редкол.: С.Я. Гончарова-Грабовская (отв. ред) и др. — Минск: РИВШ, 2010. с. 120.

7 Маркитантова О., Цветовое пространство в поэзии Дмитрия Строщева (на материале сборника стихов «Остров Це»), Русскоязычная литература Беларуси конца XX — начала XXI века: сборник научных статей / [редколлегия: С. Я. Гончарова-Грабовская (ответственный редактор), И. С. Скоропанова, У.Ю. Верина]. Минск 2010, с. 95

8 Сулова Е., Обратная жизнь памяти, или бешеной повести свидетель (о «Газете» Дмитрия Строщева), Литературный журнал «Номо Легенс» № 4 / 12, 2012, с. 140.

9 Толстов С., Диковинный поэтический гибрид Дмитрия Строщева, [Электронный ресурс] Журнал «Prosodia» (27.10.2021) <https://prosodia.ru/catalog/shtudii/dikovinnyu-poeticheskiy-gibrid-dmitriya-strotseva/> (дата обращения: 10.05.2025)

экстатическая, легкая, танцующая лирическая линия»¹⁰. Польский исследователь Бартош Осевич в своих статьях анализирует поэзию протеста¹¹ и мотив надежды в новейшей поэзии Дмитрия Строчева. По его мнению, именно надежда в стихах поэта раскрывает «хрупкость» и «преходящность» зла, становится утешением для переживших утрату и помогает не поддаваться отчаянию. Теоретической основой анализа послужили размышления о надежде французского философа Габриэля Оноре Марселя и польского священника Йозефа Тишнера¹².

4. «ВРЕМЯ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ» И «ЭПОХА СВИДЕТЕЛЯ»

Современные гуманитарные исследования всё чаще обращаются к понятию свидетельства и фигуре свидетеля, значение и статус которых в последние десятилетия значительно возросли. В рамках культурологического и литературоведческого анализа актуализируется необходимость расширения исследовательских перспектив. Так, Шошана Фелман ввела понятие «время свидетельствования» (*the era of testimony*)¹³, а Аннетт Вьевиорка - термин «эпоха свидетеля» (*l'ère du témoin*)¹⁴, акцентируя внимание на исторической динамике свидетельских практик. Принято выделять несколько «волн» свидетельской литературы: первая связана с воспоминаниями участников Первой мировой войны, вторая – с корпусом свидетельств о Холокосте и Второй мировой войне, третья – с многочисленными свидетельствами геноцидов, катастроф, миграционных и изгнанных процессов, начиная с 1970-х годов и по настоящее время.¹⁵ Эта эпоха характеризуется не только беспрецедентным количеством свидетельств, но и их усложнением, рефлексивностью и полемичностью.¹⁶

Фуюки Курасава подчёркивает, что свидетельские нарративы, фиксирующие массовые страдания и несправедливость, приобретают глобальное измерение. Они касаются как опыта колониализма и рабства, так и трагедий Холокоста, ГУЛАГа, армянского и камбоджийского геноцидов, китайской «культурной революции», апартеида в Южной Африке, Хиросимы и диктатур Латинской Америки¹⁷. По словам исследователя, публичные пространства во всем мире «превратились в настоящие машины по производству свидетельских дискурсов и показаний визуального, устного или текстуального типа»¹⁸. Подобная практика получила широкое распространение в связи с тем, что «структуры власти или гражданского общества слишком часто не хотят или не могут публично признавать наличие ситуативного или структурного насилия, предпринимать шаги по залечиванию ран прошлого и привлекать виновных к

10 Горбунова А., Евангельская тьма (Рец. на кн.: Строчев Д. Шаг. Минск, 2015), [Электронный ресурс] «Новое литературное обозрение» 3'16, (режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/139_nlo_3_2016/article/11976/) (дата обращения: 15.02.2025)

11 Osiewicz B., Od Prospektu Zwycięzców do aresztu Okrestino – Dmitrija Strocewa poezja protestu, W: Od powstania ślucckiego po białoruską rewolucję (1920–2020). Dyskurs oporu / Rasapou Aliaksandr, Moskwin Andriej (red.), 2024, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, s. 223 – 246.

12 Osiewicz B., Motyw nadziei w najnowszej poezji Dmitrija Strocewa. „Studia Rossica Posnaniensia”, vol. XLVIII/1: 2023, pp. 111–124.

13 Felman S., Laub D. *Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis, and History*. New York; London: Routledge, 1992. P. 206.

14 Wieviorka A., *L'Ère du témoin*. Paris: Plon, 1988.

15 Nycz R, *My, świadkowie*, „Teksty drugie” 2018, nr 3, s. 7.

16 Givoni M, *Witnessing / Testimony**, „Mafté'akh” issue 2e /2011, pp. 158

17 Курасава Ф., «Послание в бутылке»: свидетельство как транснациональная практика. Перевод с английского Екатерины Иванушкиной, [Электронный ресурс] „Неприкосновенный запас”, номер 5, 2019 (<https://magazines.gorky.media/nz/2019/5/poslanie-v-butylke-svidetelstvovanie-kak-transnacionalnaya-praktika.html>) (дата обращения: 17.02.2025)

18 Курасава Ф., «Послание в бутылке»: свидетельство как транснациональная практика. Перевод с английского Екатерины Иванушкиной, [Электронный ресурс] „Неприкосновенный запас”, номер 5, 2019 (<https://magazines.gorky.media/nz/2019/5/poslanie-v-butylke-svidetelstvovanie-kak-transnacionalnaya-praktika.html>) (дата обращения: 17.02.2025)

ответственности”¹⁹. Современные российская и белорусская диктатуры органично вписались в один ряд с авторитарными режимами Северной Кореи, Ирана и ряда стран Латинской Америки.

Согласно наблюдениям Михалы Гивони, «свидетельство – это речевой акт, который создаёт моральных и политических субъектов, порой даже вопреки их собственной воле. Это один из наиболее распространённых сегодня механизмов, с помощью которых люди осознают свои моральные обязательства»²⁰. Таким образом свидетельствование является одним из ключевых механизмов моральной и политической субъективации, формируя осознание ответственности перед обществом и историей. В таком понимании свидетельство не ограничивается фиксацией событий: оно соединяет память о прошлом с предвосхищением будущего, приобретая терапевтическое, но в то же время критическое измерение²¹. При этом простое присутствие при событии и его описание оказываются необходимыми, но недостаточными условиями²². Чтобы стать подлинным свидетелем, требуется способность к моральному и политическому осмыслению пережитого.

Беларусь, в силу своей исторической и геополитической специфики, активно включилась в развитие литературы свидетельства и значительно обогатила эстетику передачи опыта катастрофы. В своей нобелевской лекции Светлана Алексиевич приводит слова Теодора Адорно, утверждавшего, что «писать стихи после Освенцима – это варварство»²³. Эти слова являются ключом к пониманию этического выбора автора в ситуации, когда традиционные формы художественного высказывания оказываются бессильны перед масштабом человеческих страданий. Алесь Адамович, учитель белорусской нобелевской лауреатки, разделял это убеждение, полагая, что «писать прозу о кошмарах XX века кошунственно»²⁴. В этой ситуации нет места для художественной литературы и в подобных обстоятельствах «говорить должен свидетель»²⁵. Согласно Адамовичу, императивом писателя становится стремление зафиксировать истину, что требует особого нравственного и творческого усилия – «сверхлитературы», понимаемой как «сверхусилие» таланта, «сверхнапряжение» совести и личная «сверхответственность» за судьбы человечества. Собственные документальные проекты Адамовича — Я из огненной деревни... и Блокадная книга – он не относил к области художественной прозы, рассматривая их как собрания подлинных свидетельств очевидцев и выживших. Эти тексты, по его замыслу, должны были не столько воспроизводить факты, сколько сохранять человеческую память о трагедиях войны, превращаясь в пример той самой «сверхлитературы» – литературы предельного человеческого опыта, нравственного напряжения и гуманистической направленности. Итак, говорить должен свидетель — тот, кто пережил и способен засвидетельствовать истину времени.

Продолжая эту традицию, Светлана Алексиевич создаёт в жанре, который она сама называет «романом голосов» – многоголосной формы на стыке литературы, репортажа и устной истории. Её произведения представляют собой полифоническое свидетельство эпохи, где подлинные голоса складываются в эпическую картину коллективного опыта и эмоциональной памяти. Тем самым Алексиевич развивает идеи Адамовича, воплощая в документальной прозе его идеал «сверхлитературы», превращая документ в многоголосое свидетельство эпохи. Как отмечают Ярослава Ананко и Генрих Киршбаум, «минчан Алексиевич и Строчева вообще объединяет

19 Курасава Ф., «Послание в бутылке»: свидетельствование как транснациональная практика. Перевод с английского Е. Иванушкиной, [Электронный ресурс] «Неприкосновенный запас», номер 5, 2019 (<https://magazines.gorky.media/nz/2019/5/poslanie-v-butylke-svidetelstvovanie-kak-transnacionalnaya-praktika.html>) (дата обращения: 17.02.2025)

20 Givoni M., Witnessing / Testimony*, „Mafté'akh” issue 2e /2011, pp. 148

21 Givoni M., Witnessing / Testimony*, „Mafté'akh” issue 2e /2011, pp. 152

22 Givoni M., Witnessing / Testimony*, „Mafté'akh” issue 2e /2011, pp. 157

23 Алексиевич С., *Нобелевская лекция Светланы Алексиевич*. Лауреат Нобелевской премии по литературе за 2015 год, [Электронный ресурс] „Svenska Akademien”, https://www.nobelprize.org/uploads/2018/06/alexievich-lecture_ru.pdf (дата обращения: 10.04.2025)

24 Алексиевич С., *Нобелевская лекция Светланы Алексиевич*. Лауреат Нобелевской премии по литературе за 2015 год, [Электронный ресурс] „Svenska Akademien”, https://www.nobelprize.org/uploads/2018/06/alexievich-lecture_ru.pdf (дата обращения: 10.04.2025)

25 Алексиевич С., *Нобелевская лекция Светланы Алексиевич*. Лауреат Нобелевской премии по литературе за 2015 год, [Электронный ресурс] „Svenska Akademien”, https://www.nobelprize.org/uploads/2018/06/alexievich-lecture_ru.pdf (дата обращения: 10.04.2025)

многое, начиная с постсоветской географии голосов, но различия не менее существенны. Алексиевич, как этнограф, документирует коллективные травмы, многоголосицу судеб эпохи секунд-хенд. Для Строцева же травма – не алиби. Никакая общая боль, уводящая в прошлое, не снимает личной этической ответственности за происходящее здесь и сейчас»²⁶.

Дмитрий Строцев продолжает и трансформирует эту традицию, перенося её в поэзию. Его лирика превращается в пространство поэтического свидетельства, где документальная достоверность сочетается с нравственной рефлексией и художественным осмыслением человеческого опыта. В рамках собственной поэтической практики Строцев вырабатывает и реализует уникальный механизм «производства свидетельств». Практика свидетельства предполагает, что простого присутствия при событиях и их описания недостаточно²⁷: для того чтобы стать подлинным свидетелем ужаса и сохранить его в слове, необходимо внутреннее соучастие и глубокое переживание происходящего. Для Строцева такими конститутивными элементами свидетельства становятся «потрясённость и вовлечённость»²⁸ участника в событие, задающие этическое и эмоциональное измерение его поэтического высказывания.

5. РОЖДЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО РЕПОРТАЖА

В середине 2000-х годов в поэтике Строцева произошел радикальный поворот. Поэтический язык, сформировавшийся в девяностые годы, оказался слишком ограниченным, чтобы давать литературные свидетельства о катастрофических событиях современности. Перелом произошел под влиянием событий, связанных с погромом и героической обороной палаточного городка на Октябрьской площади в Минске в 2006 году. Со временем их стали рассматривать как символ протеста против фальсификации результатов президентских выборов в марте того же года. Поэт ощутил несоответствие сложной метафорической образности, свойственной предыдущему этапу его художественного творчества, новой реальности, сложившейся в Беларуси. По словам Генриха Киришбаума, Строцев, «в стихах которого и до этого светлая эстетическая игра никогда не заглушала разговоров о главном, сильно поменялся. Прежние эфонические эффекты превратились в аффекты с публицистическим рикошетом. Газетная заметка и псалмодическая молитва смешались, получалась мучительная мозаика частного и общего – общего горя, бессилия и бесстрашия перед лицом большой беды»²⁹.

Произведения Дмитрия Строцева последних лет представляют собой серию поэтических репортажей, выросших из опыта и убеждений автора. С формальной точки зрения все произведения объединяет творческий метод Строцева, одноименный поэтический репортаж, а тематически – исследование современного ада, массовых страданий, несправедливости, геноцида, который нынешняя Россия, ненасытный Левиафан, устроила Грузии (2008), Украине (2014, 2022) и Беларуси (2020).

Первые признаки тектонических изменений в мировоззрении и поэтике Строцева появились в двух текстах 2008 года, посвященных событиям российско-грузинской войны, которая произошла в августе того же года:

26 Ананко Я., Киришбаум Г., Арифметика насилия. Об аресте Дмитрия Строцева, [Электронный ресурс] «Colta.ru», 30 октября 2020, <https://www.colta.ru/articles/specials/25809-yaroslava-ananko-genrih-kirshbaum-arest-dmitriy-strotsev> (дата обращения: 07.02.2025)

27 Givoni M., Witnessing / Testimony*, „Maŭte’akh” issue 2e /2011, pp. 157.

28 Строцев Д., Поэтический репортаж, Анлайн-сустрэча з лаўрэатам Прэміі імя Аляся Адамовіча (2021) паэтам Дзмітрыем Строчавым, [Электронный ресурс] «PEN Belarus», Канал «Youtube», 03.10.2022, <https://www.youtube.com/watch?v=E0oPGsu5YyQ> (дата обращения: 17.10.2025)

29 Ананко Я., Киришбаум Г., Арифметика насилия. Об аресте Дмитрия Строцева, [Электронный ресурс] «Colta.ru», 30 октября 2020, <https://www.colta.ru/articles/specials/25809-yaroslava-ananko-genrih-kirshbaum-arest-dmitriy-strotsev> (дата обращения: 07.02.2025)

ОБЪЯВЛЕНИЕ ³⁰	ВОЕННЫЙ ТУРИСТ ³¹
хочу величия нестерпимо	я
плачу кровавыми слезами	провинциал
срочно	не бывал за границей
	а тут предложили
родина-мать	место в танке
	не удержался
	2008
	побывали
	поубивали
	цхинвали гори поти
	какие горы
	какое море
	какое горе
	а это уже на всю жизнь
	впечатлени
	я

13.09.2008

Эти стихи демонстрируют лаконизм, документальность и отказ от метафорической усложнённости. Эти же изменения можно обнаружить также в тематизирующей беларуские реалии Лоскутной оде, из поэтического сборника Газета (2012). Уже название сборника отсылает к более важным событиям и проблемам повседневной жизни и предопределяет жанр и композицию поэтического высказывания.

Интерииоризация внелитературных форм является одним из способов расширения поэтического инструментария, особенно в литературе переломных периодов, когда культурно-социальный контекст определяет её задачи и формы. В творчестве Строцева это проявляется через ассимиляцию журналистских жанров — отчёта, заметки, интервью, репортажа — что позволило создать поэтический (лирический) репортаж как новый жанр, соединяющий документальность и художественное осмысление. Поэтический репортаж сочетает фрагментарность и образность прозы с тематической направленностью и аутентичностью журналистики, отражая синтез личного и коллективного опыта, лирического и политического измерений, индивидуального высказывания и хроники общественных событий. Так рождается поэтический репортаж — синтез документальности и художественного осмысления, личного и коллективного опыта, хроники и исповеди. Итак, творчество Строцева неразрывно связано с культурной и политической практикой свидетельствования: его тексты функционируют не только как лирические высказывания, но и как речевые акты, формирующие пространство

30 Strocew D., *Reportaż poetycki*, wyd. KEW, Wrocław-Wojnowice 2024, с. 14.

31 Strocew D., *Reportaż poetycki*, wyd. KEW, Wrocław-Wojnowice 2024, с. 16.

коллективной памяти и утверждающие субъектность поэта как свидетеля исторических событий.

После сборника Газета (2012) хроники, комментарии, полемика и поэтические репортажи эстетически и этически заняли центральное место в творчестве Строцева и в конечном итоге позволили окончательно преодолеть авторский поэтический канон девяностых. Начал формироваться новый поэтический жанр, который позднее обретет название поэтического репортажа.

После российско-грузинской войны еще одной важной цезурой в жизни и творчестве Строцева стал украинский Майдан 2013 года. Поэт следил за новостями с точки зрения Беларуси, но также дважды, с украинскими друзьями, побывал на баррикадах в Киеве. Опыт и осознание катастрофических последствий этих событий укрепили его веру в то, что его долг как человека и художника – писать и говорить об этом. На этом этапе становления поэтики репортажа Строцев придумал форму некоторые черты прозы, отказался от сложных эпитетов, строгих правил построения стихотворения, пунктуации.

Сложный, неоднозначный язык, стремящийся к эффектным обобщениям, приводит в результате к отвлечению от реального события³² – так объясняет свою трансформацию автор. Такой язык не позволяет в движении помещать в текст запечатленные жесты, детали, имена³³. Гармоничный, повторяющийся ритм перестал соответствовать рвущейся реальности. События требовали их немедленной регистрации, предоставления свидетельств на ходу, не оставляли времени на длительные поиски совершенной формы речи³⁴. Поэтому новые стихи отличались определенной схематичностью, демегафоризацией, суггестивностью, вытекающей из программной прямолинейности.

Стремительное развитие интернета позволило поэту публиковать собственные произведения в социальных сетях, например, Live Journal и Facebook, не дожидаясь долгих месяцев книжных публикаций, отзывов редакторов и решений цензуры. Художники получили новый инструментарий, позволяющий рассказать о событии *in statu nascendi* (в процессе его рождения). Новые технологии передачи шли рука об руку с литературным открытием: отныне можно писать из «эпицентра события». Исчезла необходимость ставить живой эпизод в историческую перспективу, пытаться давать преждевременную оценку³⁵. Поэтический репортаж становится формой живого свидетельствования.

По мнению Строцева, возможность говорить изнутри события или одновременно с событием в состоянии потрясения, сокрушения требует от говорящего непреклонности, дисциплины и решительности. Поэтический репортаж не пишется на заказ. Автору невозможно навязать тему. Такой репортаж возникает из состояния ослепления, потрясенности, захваченности событием. Поэтический репортаж не имеет ничего общего с журналистскими расследованиями или холодной аналитикой³⁶. Поэтический репортаж – это проявление сочувствия, попытка сопереживать, сострадать наиболее нуждающимся. Иногда поэт пытается разделить

32 Строцев Д., Поэтический репортаж, Анлайн-сустрэча з лаўрэатам Прэміі імя Алеся Адамовіча (2021) паэтам Дзмітрыем Строцавым, [Электронны ресурс] «PEN Belarus», Канал «Youtube», 03.10.2022, <https://www.youtube.com/watch?v=E0oPGsu5YyQ> (дата обращения: 17.10.2025)

33 Строцев Д., Поэтический репортаж, Анлайн-сустрэча з лаўрэатам Прэміі імя Алеся Адамовіча (2021) паэтам Дзмітрыем Строцавым, [Электронны ресурс] «PEN Belarus», Канал «Youtube», 03.10.2022, <https://www.youtube.com/watch?v=E0oPGsu5YyQ> (дата обращения: 17.10.2025)

34 Строцев Д., Поэтический репортаж, Анлайн-сустрэча з лаўрэатам Прэміі імя Алеся Адамовіча (2021) паэтам Дзмітрыем Строцавым, [Электронны ресурс] «PEN Belarus», Канал «Youtube», 03.10.2022, <https://www.youtube.com/watch?v=E0oPGsu5YyQ> (дата обращения: 17.10.2025)

35 Строцев Д., Поэтический репортаж, Анлайн-сустрэча з лаўрэатам Прэміі імя Алеся Адамовіча (2021) паэтам Дзмітрыем Строцавым, [Электронны ресурс] «PEN Belarus», Канал «Youtube», 03.10.2022, <https://www.youtube.com/watch?v=E0oPGsu5YyQ> (дата обращения: 17.10.2025)

36 Строцев Д., Поэтический репортаж, Анлайн-сустрэча з лаўрэатам Прэміі імя Алеся Адамовіча (2021) паэтам Дзмітрыем Строцавым, [Электронны ресурс] «PEN Belarus», Канал «Youtube», 03.10.2022, <https://www.youtube.com/watch?v=E0oPGsu5YyQ> (дата обращения: 17.10.2025)

невыносимую тяжесть бытия. Он пытается спасти достоинство человека, оскверненного, униженного и раздавленного машиной репрессий.

Эти принципы воплотились в сборнике Шаг (2015). В нем кристаллизовались новые чувствительность и поэтика белорусского автора. Благодаря этому Стронец как писатель был готов столкнуться с белорусскими событиями 2020 года. В результате в Минске была издана книга Беларусь опрокинута (2021). Стихи этого цикла стали нравственно точной записью эпохи, сопоставимой по значению с документальной хроникой. Ниже приводится текст, давший название поэтическому сборнику:

беларусь опрокинута
 пробегающим взводом
 по земле растекается
 кровь

24.09.2020³⁷

Книга Беларусь опрокинута, вошедшая в сборник *Reportaż poetycki*, это выражение реакции на новую реальность, наступившую после 9 августа 2020 года³⁸. Стронец был в эпицентре белорусской революции, участвовал в акте национального неповиновения. Стихи белорусского поэта, которые тогда были написаны, являются более вместительной, точной и эмоциональной записью этих дней, чем многие журналистские репортажи. Произведения Стронеца из этого цикла навсегда войдут в историю новой, свободной Беларуси.

Особое место занимает последняя, третья, часть рассматриваемой книги – цикл Украинские иконы. Он посвящён жертвам и героям войны, развязанной оккупационными войсками России против Украины, и представляет собой поэтическое свидетельство о мужестве и достоинстве украинского народа, о стойкости человеческого духа перед лицом насилия и разрушения. Представляется, что задача автора заключается не только в описании военных реалий, главным образом преступлений российской армии, но и в передаче нравственной и духовной правды происходящего, в выражении опыта страдания, сострадания и солидарности. Название цикла Украинские иконы указывает на сакрализацию героического противостояния украинцев и на стремление поэта придать голосу свидетеля этическое и метафизическое измерение. В этом поэтическом пространстве ощутимо также присутствие белорусской темы. Стронец пишет о судьбах белорусских беженцев в Польше, скрывающихся от репрессий, вызванных несогласием с результатами выборов и предоставлением территории для нападения на Украину. Белорусский диктатор вовлекает Беларусь в войну и делает ее соагрессором, а на изувеченный режимом белорусский народ навлекает очередные бедствия. Здесь свидетельство приобретает сакральное измерение: страдание и солидарность с украинцами, вынужденными покинуть свою страну, становятся актами духовного сопротивления:

37 Strocew D., *Reportaż poetycki*, wyd. KEW, Wrocław-Wojnowice 2024, с. 124.

38 Хаданович А. «Беларусь опрокинута»: поэтическая хроника Дмитрия Стронеца (послесловие переводчика), в: Стронец Д., Беларусь опрокинута, Минск 2021, с. 130.

белорусские беженцы
принимают украинских беженцев
на польских вокзалах
эстафета насилия
эстафета страдания
эстафета любви

06.05.2022³⁹

Поэтическое свидетельство Строцева работает на стыке документальной точности и символической рефлексии: оно фиксирует реальность гуманитарного кризиса, вызванного репрессиями в Беларуси и войной в Украине, и одновременно осмысляет их этически и эмоционально. Повторение слова «эстафета» в трёх контекстах формирует ритмическую и семантическую структуру, где пережитый опыт передаётся как моральная и эмоциональная солидарность и ответственность.

Последнее стихотворение в этом цикле Будущее выйдет из украинского подвала (2022) также демонстрирует синтез документальности и символизма, противопоставляя мрак и свет, угнетение и свободу, страх и надежду – хронику катастрофы и веру в возрождение:

будущее выйдет
из украинского подвала
и зажмурится от света

02.03.2022⁴⁰

Образ «украинского подвала» выступает здесь не только метафорой укрытия, где народ переживает тьму войны, но и символом потенциального возрождения – места, из которого выйдет обновлённое будущее. В этом контексте стихотворение приобретает метафизическое измерение: Украина становится пространством, где решается судьба не только отдельного народа, но и будущего Европы и мира. Победа украинского сопротивления предстает как условие восстановления человеческого достоинства и утверждения универсальных ценностей свободы, справедливости и света, способных преодолеть мрак насилия и лжи. Таким образом, финальный текст цикла воплощает веру автора в историческую миссию Украины – вывести человечество из подвала страха к пространству света и надежды.

Выводы

Творчество Дмитрия Строцева представляет собой значительный этап в развитии белорусской и европейской литературы факта и эстетики свидетельства. Продолжая этическую и эстетическую линию Алеся Адамовича и Светланы Алексиевич, поэт переносит её в пространство современной поэзии, где документальность становится формой передачи духовного опыта. В поэтическом репортаже Строцева свидетельство превращается в акт нравственного сопротивления, а слово — в инструмент сохранения человеческого достоинства в условиях катастрофы. Через жанр поэтического репортажа Строцев утверждает новую модель поэтического высказывания, объединяющую документальную точность, эмоциональную вовлечённость и сакральное

39 Strocew D., *Reportaż poetycki*, wyd. KEW, Wrocław-Wojnowice 2024, c. 260.

40 Strocew D., *Reportaż poetycki*, wyd. KEW, Wrocław-Wojnowice 2024, c. 328.

измерение памяти. Поэтический репортаж Строщева следует воспринимать как форму этического и художественного противостояния пропаганде и отклика на вынужденное молчание – индивидуальное и коллективное, историческое и метафизическое. Именно в этом контексте свидетельство приобретает многозначность и может быть осмыслено как моральный долг, как способ внутреннего выживания, как акт сопротивления и как стратегия предотвращения будущих катастроф. Такое понимание свидетельства позволяет рассматривать поэтическую практику Строщева не только в литературном, но и в антропологическом измерении – как форму сохранения человечности в эпоху глубочайших потрясений и испытаний.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексиевич, С. (2018). *Нобелевская лекция Светланы Алексиевич. Лауреат Нобелевской премии по литературе за 2015 год*, [Электронный ресурс] „Svenska Akademien”, https://www.nobelprize.org/uploads/2018/06/alexievich-lecture_ru.pdf (дата обращения: 10.04.2025)
- Ананко, Я., Киршбаум, Г. (2018). «Билингвальное расстройство». ИмPLICITный (не)читатель и (бело)русский субъект в «Лоскутной оде» Д. Строчева, [Электронный ресурс] «НЛО» 2018/2 (150), <https://magazines.gorky.media/nlo/2018/2/bilingvalnoe-rasstrojstvo.html> (дата обращения: 07.02.2025)
- Ананко, Я., Киршбаум Г. (2020). Арифметика насилия. Об аресте Дмитрия Строчева, [Электронный ресурс] «Colta.ru», 30 октября 2020, <https://www.colta.ru/articles/specials/25809-yaroslava-ananko-genrih-kirshbaum-arest-dmitriy-strotsev> (дата обращения: 07.02.2025)
- Горбаневская, Н. (2012). Дмитрий Строчев. Газета, [Электронный ресурс] «Colta.ru», 10/05/2012 <https://os.colta.ru/literature/events/details/36890/?expand=yes#expand> (дата обращения: 10.02.2025)
- Горбунова, А. (2015). Евангельская тьма (Рец. на кн.: Строчев Д. Шаг. Минск), [Электронный ресурс] «Новое литературное обозрение» 3'16, https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/139_nlo_3_2016/article/11976/ (дата обращения: 15.02.2025)
- Курасава, Ф. (2019). «Послание в бутылке»: свидетельство как транснациональная практика. Перевод с английского Екатерины Иванушкиной, [Электронный ресурс] «Неприкосновенный запас», номер 5, (<https://magazines.gorky.media/nz/2019/5/poslanie-v-butylke-svidetelstvovanie-kak-transnacionalnaya-praktika.html>) (дата обращения: 17.02.2025)
- Маркитантова, О. (2010). Цветовое пространство в поэзии Дмитрия Строчева (на материале сборника стихов «Остров Це»), *Русскоязычная литература Беларуси конца XX–начала XXI века: сборник научных статей* / [редколлегия: С. Я. Гончарова-Грабовская (ответственный редактор), И. С. Скоропанова, У. Ю. Верина]. Минск, С. 95
- Светашёва, Т.А. (2010). Игровые приемы в раннем творчестве Д. Строчева (Сборник «38») / Т.А. Светашёва // *Русскоязычная литература Беларуси конца XX – начала XXI века: сб. науч. ст.* / редкол.: С.Я. Гончарова-Грабовская (отв. ред) и др. Минск: РИВШ, с. 113–120.
- Строчев, Д. (1990). *Тридцать восемь: Стихотворения, пьеса*. Минск: Белорусское общество «Книга», РЭМЦ «Ориентир».
- Строчев, Д. (2012). *Газета: Стихотворения, предисловие Андрея Анпилова*. М.: «Новое литературное обозрение».
- Строчев, Д. (1997). *Виноград (стихи)*. Минск: Виноград.
- Строчев, Д. (2020). *Туда и обратно*. Издательство «Новые Мехи», Минск.
- Строчев, Д. (2015). *Шаг*. Минск: «Новые мехи».
- Строчев, Д. (2021). *Монах Вера: гневопея*. Москва: «Медленные книги», 215 с.
- Строчев, Д. (2021). *Беларусь опрокинута*. Минск.
- Строчев, Д. (2022). Поэтический репортаж, Анлайн-сустрэча з лаўрэатам Прэміі імя Алеся Адамовіча (2021) паэтам Дзмітрыем Строчавым, [Электронный ресурс] «PEN Belarus», Канал «Youtube», 03.10.2022, <https://www.youtube.com/watch?v=E0oPGsu5YyQ> (дата обращения: 17.10.2025)
- Сулова, Е. (2012). Обратная жизнь памяти, или Бешеной повести свидетель (о «Газете» Дмитрия Строчева). *Литературный журнал «Ното Legens», № 4 / 12, с. 136-140.*
- Толстов, С. (2021). Диковинный поэтический гибрид Дмитрия Строчева, [Электронный ресурс] *Журнал «Prosodia»* (27.10.2021) <https://prosodia.ru/catalog/shtudii/dikovinnyu-poeticheskiy-gibrid-dmitriya-strotseva/> (дата обращения: 10.05.2025)

- Хаданович, А. (2021). «Беларусь опрокинута»: поэтическая хроника Дмитрия Стrocева (послесловие переводчика), в: Стrocев Д., *Беларусь опрокинута*, Минск.
- Felman S. and Laub D. Testimony (1992). *Crisis of witnessing in literature, psychoanalysis, and history*. Routledge, New York and London.
- Givoni M. (2011). Witnessing / Testimony*. *Mafté'akh* issue 2e, pp. 147-170
- Mach A. (2013). Poetyka postpamięci i etyka świadkowania w badaniach Marianne Hirsch. *Teksty Drugie*, nr 4, s. 106.
- Nycz R. (2018). My, świadkowie. *Teksty drugie*, nr 3, s. 7–17 DOI: 10.18318/td.2018.3.1
- Osiewicz B. (2023). Motyw nadziei w najnowszej poezji Dmitrija Strocеwa. *Studia Rossica Posnaniensia*, vol. XLVIII/1, pp. 111–124.
- Osiewicz B. (2024). Od Prospektu Zwycięzców do aresztu Okrestino – Dmitrija Strocеwa poezja protestu, W: *Od powstania śluckiego po białoruską rewolucję (1920–2020). Dyskurs oporu / Распапов Аляксандр, Москвін Андзей (red.)*, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, s. 223 – 246.
- Strozew D. *Минская школа: Внутренний перевод и миссия*, [Электронный ресурс] «TOLEDO-Journale» https://www.toledo-programm.de/cities_of_translators/5109/n-a (дата обращения: 10.05.2025)
- Strocев D. (2024). Reportaż poetycki, wyd. KEW, Wrocław.
- Wieviorka A. (1988). *L'Ere du témoin*. Paris: Plon.

Izvorni znanstveni rad/Original scientific paper
UDK 821.35(082)

Шульженко Вячеслав Иванович

Пятигорский государственный
университет, Россия
slawick.shulzhenko@yandex.ru

Сумская Марина Юрьевна

Филиал Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова в г. Пятигорске, Россия
sumskaya-m@yandex.ru

«АНТОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА» КАК ОБРАЗЕЦ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ЮГО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ

АННОТАЦИЯ

Событием в юбилейный для А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова 2024 год стал выход в свет первых томов «Антологии литератур народов Северного Кавказа». Задуманная еще двадцать лет назад истинными просветителями из Пятигорского государственного университета она стала не только первой столь масштабной публикацией главных произведений, созданных поэтами и писателями более двадцати проживающих здесь народов, но и своеобразным художественным посланием всему миру из юго-востока Европы.

Ключевые слова: юбилей классиков, антология, автохтонные языки, перевод

**“Anthology of Literature of the Peoples of the North Caucasus” as an example
of interculturalism**

ABSTRACT

The first volumes of the “Anthology of Literatures of the Peoples of the North Caucasus” were published in 2024, the anniversary year for A. S. Pushkin and M. Y. Lermontov. Conceived twenty years ago by true educators from Pyatigorsk State University, it became not only the first such large-scale publication of major works created by poets and writers of more than twenty peoples living here, but also a kind of artistic message to the world from the south-east of Europe.

Keywords: anniversary of the classics, anthology, autochthonous languages, translation

Апофеозом двух крупнейших литературных событий 2024 года в России – 225-летию А. С. Пушкина и 210-летию М. Ю. Лермонтова, главных русских поэтов, воспевших Кавказ, стала подготовка и издание пятитомной «Антологии литературы народов Северного Кавказа» (далее АЛНСК). Именно Александром Сергеевичем расположенная рядом с Пятигорском гора Бештау была названа «Новым Парнасом», ознаменовавшим рождение великого феномена русской литературы, названной Т. Манном «святой». И именно здесь Михаил Юрьевич изрек знаковые для русского человека слова: «Как сладкую песню отчизны моей, люблю я Кавказ».

Напомним, что в прошлом докладе на аналогичной конференции в Пуле мы говорили о начавшихся еще в конце XVIII века посещениях европейцами этого самого мрачного и загадочного уголка Старого Света, откуда началась, собственно, история многих ставших столь заметными на континенте языков, в частности, иберийских.

Благодаря этим поездкам Кавказ стал ближе и понятливее образованной Европе, его открытие, в отличие от прежде существовавших других путешествий «на Восток», отличались совершенно иной, нежели прежде, коммуникативной интонацией, иным прагматико-культурным результатом. Думается, во многом опираясь и на полученные здесь палеонтологические факты великий Гумбольдт создал свою языковую теорию. Более того, как уже писали, можно без особого преувеличения сказать, что Европа своим главным открытием Кавказа обязана путешественникам, вернее, оставленным ими путевым запискам, всякого рода дневникам и заметкам, дорожным зарисовкам, которые есть в высшей степени полезное чтение, способствующее не только формированию полноценных географических образов далеких земель, но и обнаружению цитат, удивительно созвучных тому, что происходит в мире в век глобалистики.

Иными словами, судьбы юго-восточной оконечности Европы, составляющей всего лишь 1% площади Российской Федерации, но на которой при этом проживает около 50 национальностей, не могут быть безразличными всему европейскому сообществу. Поликультурная среда северокавказского региона, расовое, конфессиональное и этнокультурное многообразие продолжает оставаться серьезным препятствием для реализации крупномасштабных задач, которые и возможно решить только в пространстве развитой межкультурной коммуникации. Во многом именно недооценкой феномена межкультурной коммуникации в самых разных проявлениях мы склонны объяснять ее провал во внешне вполне благополучных районах в самых разных местах Европы.

Как нам представляется, стратегия межкультурной коммуникации должна в нашем регионе строиться на обеспечении и гармоничном взаимодействии трех культурных потоков (северокавказского, русского и европейского). Главным направлением культурно-языковой политики должно быть повсеместное развитие национально-русского двуязычия как единственной формулы обеспечения дальнейшей модернизации и интеграции кавказцев в общероссийскую культуру и через неё – в европейскую.

Далее следует подчеркнуть одну из весьма существенных миссий Пятигорского государственного университета, коей является никогда не терявшая своей крайней востребованности функция посредника между кавказскими и русской культурами, роль, которую вуз взял на себя в 1939 году с самого начала своего ныне уже 85-летнего пути. Видимо, сыграло свою роль и то обстоятельство, что в Пятигорске до 1937 года работал легендарный Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт, где были разработаны национальные алфавиты для большинства региональных языков, составлены их грамматики, благодаря чему, в конечном счете, и была создана литература на 23 языках, тюркских, иранских и других языках, что в целом сыграло колоссальную роль в становлении отечественного кавказоведения.

Общеизвестно, сколько за эти годы в ПГУ было подготовлено высококлассных специалистов по разным направлениям гуманитарного знания. Вместе с тем, другая сторона этой деятельности – постоянное стремление университета держать всероссийского читателя в курсе истории литературы народов Кавказа – сыграла свою исключительную роль в расширении общественных представлений об этом феномене младописьменных литератур.

Новый импульс придала этой деятельности профессор Альмира Казиева – главный редактор издания. По ее инициативе в начале нового века была разработана концепция антологии северокавказской литературы, первой том которой увидел свет в 2003 году. Даже сейчас, когда с тех пор минуло более двадцати лет, перечень лиц, принявших участие в ее появлении, внушает уважение. В нем не только имена ученых, но и глав всех субъектов Северного Кавказа того времени, что до сих пор признается уникальным фактом совместной работы университетских интеллектуалов, художников слова и высших представителей региональной власти.

Однако по целому ряду причин публикация оставшихся томов была приостановлена.

Новое явление антологии произошло в начале 2020-х годов. Все крупнейшие писатели региона определили это событие самым значимым фактом не только в литературной, но и культурной жизни всей России, и даже не потому, что это оказалось самым полным изданием северокавказской литературы за все время ее существования. Специалисты высоко оценили переводы, которые прекрасно передают специфические кавказские ритмы, максимально соответствующие размерам подлинников, благодаря чему удалось гораздо ярче и полнее передать прежде скрытые стороны кавказской поэзии.

Антология являет собой бесценное хранилище лучших литературных произведений, которые талантливые авторы, представляющие двадцать один кавказский народ (абазины, аварцы, агульцы, адыги, балкарцы, даргинцы, ингуши, кабардинцы, карачаевцы, кумыки, лаки, лезгины, ногойцы, осетины, русские, рутульцы, табасаранцы, таты, цахуры, черкесы, чеченцы), создавали на протяжении многовековой истории своих народов – от первых творческих прозрений до творений нулевых и десятых годов XXI века. Они представлены, как уже было сказано, в переводах на русский язык, являясь образцами национального литературного творчества в самых разных жанровых модификациях.

Так, например, раздел «Осетинская поэзия» включает 85 имен, список которых открывает основоположник осетинской литературной традиции Иуане Ялгузидзе, издавший двести лет назад первый букварь и катехизис на осетинском языке, написавший также «Поэму об Алгузе», а замыкает это шествие славных имен Чермен Дудаев, современный молодой поэт. Составителями реализован важнейший принцип такого рода изданий – стремление показать богатство и многогранность национальной литературы, включив наиболее яркие произведения осетинских авторов, сопроводив при этом раздел примечаниями и биографическими справками.

Инициаторы АЛНСК в отличие от обожавшего антологии советского андеграунда не акцентировали внимания «на новых неординарных формах смысловой репрезентации текстов в многозначной семантике заглавий, в архитектонике сборников» (Баженова 2010: 22), но зато предельно рафинировано подошли к его структуре. Она включает пять томов. Первый – «Поэзия»; второй – «Проза» – состоит из трех; третий – «Драматургия»; четвертый – «Детская литература»; пятый – «Русская литература о Северном Кавказе».

Состав и композиция АЛНСК свидетельствует о том, что составителям в целом удалось поместить в нее истинно ценное, не допустить смешения с ним чего-то случайного и лишнего, что успешно выполняет задачу – дать всероссийскому читателю необходимое представление о литературе одного из самых многонациональных и, вместе с тем, притягательных регионов страны. Что касается перспектив, то нам уже видится некий специализированный Центр по изучению АЛНСК, в котором будут работать студенты из разных республик Северного Кавказа. На его базе возникнут новые каталоги и будут также проводиться исследования, скажем, связанные с анализом поэтических произведений с точки зрения сверхтекстовых единств, что уже сейчас представляется проблемой в контексте АЛНСК, в частности, с проблемой рецепции стихотворений такой незаурядной поэтессы XIX века, коей была «аварская Сафо» Анхил Марин (1840-1905). О ее лирических, любовных стихотворениях много говорят в последнее время, ибо мало кто на Кавказе столь громко и яростно заявлял о правах женщины, о ее чувствах, р критике общественных порядков. Так, например, ответила она тем, кто пытался ее оклеветать и приписать ей поступки, которые она не совершала:

На кручи взлечу, поселюсь вдалеке
От пестрых ворон и всезнающих улиц,
На сваях жилище построю в реке,
Чтоб сплетен не слышать кудахчущих куриц.
Шипящие гадины, долго иль нет
Вонзать в мое имя вы будете жала?
Пусть пальцами тычет в меня хоть весь свет,
Пройду не сугулясь: кремневой я стала.

Такого рода литературные источники, без всякого сомнения, уже в ближайшее время будут подвергнуты тщательному систематическому изучению и осмыслению.

Тут самое время напомнить, что древнерусская литература в свой состав включала и немало антологий, носившими названия «изборники» и «пчелы». В конце же XX–начале XXI вв. в России большую популярность получают разного рода антологии, которые рассматриваются одним из эффективных средств, дающих возможность произвести наиболее качественный отбор, хранение и аккумуляцию текстов, классифицируемых по тому или иному признаку. Две наиболее известные диссертации последнего времени по этому вопросу – В. В. Баженова и Ю. В. Смирнова, защищенные соответственно в Новосибирске и Москве – называют главные критерии таких текстов: ценность, значимость, итоговость. Последний критерий, подразумевающий временную дистанцию, якобы более весомо гарантирующий ценность и значимость произведения, в нашем случае реализован не был, так как понятия итога вообще не фигурировало в целях инициаторов проекта.

АЛНСК представляет классический тип антологии несмотря на то, что на протяжении тысячелетий «содержательное наполнение понятия становится всё свободнее и разнообразнее» (Верина 2016: 75). Нашему случаю не подходит и когда-то выверенное М. Л. Гаспаровым опоминавшееся выше свойство - мощно звучащий характер итога. Да, если говорить о доминирующем объеме материалов, то это, действительно, некий итог. Но, с другой стороны, сколько здесь молодых имен, олицетворяющих связь столетий, неразрывность национальных традиций, трепетное сохранение новым поколением художников культурного кода и концептуальных метафор, определяющих оригинальность художественного видения. Но в кавказской антологии есть определяющие ее жанр признаки. И среди них главный - все вошедшие в нее произведения принадлежат авторам рожденных одной землей и под одним небом. Благодаря этому признаку мы можем рассматривать «полученное целое как сверхтекстовое единство, поскольку в соответствии с общим свойством циклизации наделяет каждый входящий в него текст дополнительным значением, выявляет в нем смыслы, неявные или отсутствующие в других изданиях» (Верина 2016: 80). Только что процитированная У. Ю. Верина при этом ссылается на М.Н. Дарвина и В.И. Тюпу, которые и антологию относят к определенной форме циклизации, что позволяет ее рассматривать как-то самое искомое «сверхтекстовое единство» (Дарвин 2001: 52).

АЛНСК, действительно, в этом смысле не является исключением, ее, на наш взгляд, можно представить как отдельное произведение, имеющее и свой собственный замысел и специально разработанную структуру, единицей которой «является не слово, не предложение, не художественный образ» (Голубкова 2011: 200), а сама антология как целостный текст, имеющий собственную модальность, значительно расширенный до уровня взаимоотношений абстрактного автора и читателя.

Уникальность АЛНСК как памятника литературы состоит еще и в присущих только такому типу книжных изданий целого ряда факультативных признаков, среди которых важнейший – широта кругозора. Эта широта помогает обнаружить столь характерные именно для

северокавказского региона тематические переклички и превратить всю многожанровую и полисубъектную природу антологии «в связанное идейно-художественное единство литературы» (Киселёв 2006: 30), что и создает, в конечном счете, столь впечатляющее панорамное отражение региональной художественной специфики.

В то же время основополагающее место в АЛНСК мы отвели стратифицирующей функции, под которой подразумевается отбор литературных произведений по определенному принципу и игнорирование литературных явлений, не соответствующих этому принципу. Благодаря такого типа стратификации проводится резкая граница между антологией и, скажем, типичным коллективным сборником. Есть и другое отличие: антологии не свойственно продолжение, она – единственная в своем роде, что не свойственно присущей альманахам регулярности. Вот поэтому, думается, нашей антологии ощутимо не хватает предисловия. Это особенно осознаешь, когда читаешь тексты малоизвестных поэтов прошлых времен и не знаешь об академической оценке каждого из них в развитии национальной поэзии. Предисловие также позволило бы уточнить мотивы выбора того или иного автора, а также его произведений, особенно если им пережита достаточно сложная творческая эволюция.

Антология представляет собой целостную картину, состоящую из отдельных мозаически фрагментов. Расположенный в ней ценнейший материал даст широкое поле деятельности для утратившего в последние времена свой некогда серьезный статус отечественного кавказоведения. В нем сегодня крайне важен герменевтический и феноменологический подход, а также проблематика времени и субъективного опыта вместо еще сохраняющую свою силу системе внутренней дискурсивной власти, ориентированной, что греха таить, на старые идеологемы. Нам, представителям регионального гуманитарного сообщества, давно пора дать ответ на совсем еще недавно столь модные постколониальные исследования, к которым сегодня особый интерес проявляют американские и европейские специалисты по истории культуры России. Подчеркнем в этом смысле ценность именно «кавказского» материала, примечательного созданием благодатной почвы для целого ряда инновационных проектов, предоставляющих широкие, практически неограниченные возможности и для «нового историзма», и «новой интеллектуальной истории», и концепции «человека в истории», и «исторической антропологии», и цивилизационного метода в истории, и гендерных исследований, и микроистории, и многого другого, попадающих в сферу эпистемологических новаций новоевропейского гуманитарного знания. Достижению этих целей будет способствовать уникальной материал антологии, и на ее базе, без сомнения, возникнут десятки самых разных междисциплинарных проектов.

А вот на что действительно следует посетовать, так это крайне тяжелое положение в переводческой сфере. Немалое количество талантливых произведений не смогло войти в антологию из-за отсутствия их переводов на русский язык. Подготовка переводческого дела с национальных языков поставлена в регионе из рук вон плохо, а ведь это особый вид творчества, когда-то достигший в стране небывало высокого уровня. Но теперь об этом приходится только с горечью вспоминать. Скопилось немало драматургических произведений, которые ждут своего переводчика. Парадокс, в национальных театрах пьесы идут с большим успехом, а русскоязычному зрителю они остаются недоступными в едином для всех нас культурном пространстве! Проект со всей остротой оголил эту комплексную проблему. Некоторые произведения пришлось разместить в переводах самих авторов, а агульскую, рутульскую и цахурскую поэзию экстренным порядком переводили впервые для издания антологии.

Отдельная проблема – творчество русскоязычных писателей, к которому на Северном Кавказе крайне противоречивое отношение. Так, скажем, патриарх осетинского литературоведение Н. Джусойты уверен, что любой пишущий не на родном языке не может считаться национальным автором. Но тогда как быть с тем, что в последние пятнадцать лет русскоязычная литература кавказских народов России переживает невиданный подъем, сравнимый с культурным расцветом 70-80-х годов прошлого века. В литературу пришла плеяда талантливых молодых художников, представляющих многие народы Северного Кавказа. Это осетины Б. Бицоев и Т. Тадтаев, чеченцы М. Ахмадов, А. Хасавов, В. Эбиев, дагестанцы М. Ахмедова, А. Ганиева, Р. Гаджиев, Хачилав, кабардинец А. Макоев, ингуш Р. Цуров и многие другие, избравшие русский

язык инструментом своей творческой деятельности. О каждом из них можно сказать, что он живёт в континуумах бытия и социума, воплощая их не только в произведениях, но и лично, на уровне быта, в проживаемой каждым из них весьма специфичной этнокультурной ситуации и пространственно-временном модусе, во многом детерминированном архетипичными и мифо-религиозными представлениями.

Абсолютное большинство из них убеждены в том, что погружение в другой языковой космос, в данном случае – русский, по их собственным многочисленным признаниям, есть абсолютно естественное для художника стремление полнее выразить богатство и разнообразие окружающей реальности, превосходящей изобразительные возможности любого отдельно взятого языка. В российском контексте этот культурный феномен тем более представляется естественным и где-то предсказуемым с исторически сложившимся статусом русского языка, поликонфессиональностью говорящих на нем издавна народов и вектором действия российской культуры, издревле направленным вовне. Любой из писателей-билингвов, бесспорно, принадлежит как минимум к двум национальным культурам, но их произведения, связанные с кавказской тематикой и материалом, хотя и являются русскими по языковым особенностям, но воплощают языковую картину мира, характерную для этноса, к которому они принадлежат по рождению. Правда, на трактовке, что русскоязычие (или двуязычие) есть часть программы русификации и советизации (федерализации), несущей угрозу полноценному сохранению родного национального языка, и в прошлую эпоху, и нередко сегодня оппонентами билингвов делается преднамеренно негативный акцент.

Поистине не ограничены возможности этой литературы по расширению исторического контекста национального самосознания, и это, прежде всего, подтверждается нередко спецификой изображения в ней образа литературного героя. Это довольно колоритная группа персонажей, весьма драматическая по своим нравственно-психологическим и социальным характеристикам, которую мы в соответствии с отечественной художественной традицией назвали бы «обрусевшими» кавказцами, носителям маргинального, как сейчас говорят, сознания. Родившиеся в разных республиках постсоветского Кавказа, они, из-за разного рода обстоятельств, оказались прочно привязанными к России, и все, что связано с понятием «русское» для каждого из них не является экзотическим или чуждым.

Тем не менее, АЛНСК отныне можно считать не только отдельным, но и главным произведением северокавказской литературы, имеющим свой собственный замысел и специально разработанную структуру. Она становится прецедентом, символизирующим общность и тысячелетние связи живущих здесь народов, их традиции, ибо, являясь модусом существования народа, именно традиция с наибольшей выразительностью и психоэмоциональной достоверностью воплощается в литературе. «Встроенная в «национальный образ мира, – пишет Казбек Султанов, – она и формирует его, стимулирует и пропагандирует историко-культурную субъективность народа и межпоколенческую солидарность» (Султанов 2020: 15).

АЛНСК своим появлением в человеческом сообществе еще раз подтверждает великую истину о том, что несмотря на смену времен, на калейдоскоп обрушившихся на нас историко-культурных трансформаций и общественно-политическую эквилибристику, традиция способна сохранять устойчивость и ценность для людей. Залог этого – наша общая память, которую бережно сохраняет наша литература, несмотря на травматический опыт прошлых эпох.

ЛИТЕРАТУРА

Баженова, В.В. (2010). *Русский литературный сборник середины XX – начала XXI века как целое: альманах, антология: автореф. дисс. ... канд. филол. наук* / В.В. Баженова. – Новосибирск, – 27 с.

Верина, У.Ю. (2016). Современная поэтическая антология: генезис, типология / У.Ю. Верина // *Ученые записки Орловского государственного университета*. №1 (70). С.74 –81.

Голубкова А. (2011). Время собирать / А. Голубкова // *Новый мир*. № 10. – С. 198 –201.

Дарвин М.Н., Тюпа В.П. (2001). *Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания*. // М.Н. Дарвин, В.П. Тюпа. – Новосибирск: Наука. – 293 с.

Киселев В.С. (2006). *Метатекстовые повествовательные структуры в русской прозе конца XVIII - первой трети XIX века: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук* / В.С. Киселев. Томск. – 47 с.

Султанов К.К. (2020). Трудное вхождение в современность: традиция как проблема и национальный нарратив / К.К. Султанов // *Вопросы литературы*. №5. – С. 15.

**METODIKA NASTAVE STRANIH
JEZIKA U DIGITALNOM PROSTORU**

**METHODS OF TEACHING FOREIGN
LANGUAGES IN THE DIGITAL SPACE**

**МЕТОДИКА И ПРАКТИКА
ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ
ЯЗЫКОВ В ЦИФРОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

Stručni rad/Professional paper

UDK 811.161.1'243:795

821.161.1.09 Dostojevski, F. M.

Rafaela Božić

Sveučilište u Zadru, Odjel za rusistiku, Hrvatska

rbozic@unizd.hr

Vanda Božić

Sveučilište Algebra, Hrvatska

vanda.bozic@predavaci.algebra.hr

EDUKATIVNI POTENCIJAL PRIMJENE VIDEOIGARA TEMELJENIH NA KNJIŽEVNIM KLASICIMA U NASTAVI STRANIH JEZIKA (NA PRIMJERU RUSKOGA JEZIKA I VIDEOIGRE „ZLOČIN I KAZNA. TKO JE PODMETNUO RASKOLJNIKOVU“)

SAŽETAK

U posljednje vrijeme primjećuje se porast broja videoigara temeljenih na djelima klasične književnosti. Iako klasična književnost nije primarni izvor leksičkoga sadržaja tijekom učenja stranih jezika, suvremena metodika priznaje joj važnu ulogu ne samo u ovladavanju leksičkim materijalom već i kao izvrsnoj podlozi za upoznavanje kulturološke razine, bez koje se, kako se ističe u suvremenoj metodici poučavanja stranih jezika, ne može govoriti o adekvatnom ovladavanju stranim jezikom. U radu se daje primjer videoigre temeljene na djelu ruske klasične književnosti, romanu F. M. Dostojevskog „Zločin i kazna“ te se daje analiza leksičkoga i kulturološkoga materijala danoga u navedenoj videoigri kako bi se ilustrirao edukativni potencijal primjene videoigre u nastavi stranih jezika.

Ključne riječi: F. M. Dostojevski, „Zločin i kazna“, ruski kao strani jezik

The educational potential of using video games based on literary classics in foreign language teaching (based on the example of the Russian language and the video game “Crime and Punishment. Who framed Raskolnikov”)

ABSTRACT

Recently, there has been an increase in the number of video games based on works of classical literature. Although classical literature is not the primary source of lexical content when learning foreign languages, modern methodology recognizes its important role not only in mastering lexical material but also as an excellent basis for familiarizing oneself with the culture of the learned language, without which, as emphasized in the modern methodology of teaching foreign languages, one cannot speak of adequate mastery of a foreign language. The paper provides an example of a video game based on a work of Russian classical literature, the novel “Crime and Punishment” by F. M. Dostoevsky, and offers an analysis of the

lexical and cultural material provided in the aforementioned video game, to illustrate the educational potential of using video games in teaching foreign languages.

Keywords: F. M. Dostoevsky, "Crime and Punishment", Russian as a foreign language

1. UVOD

Posljednjih više od pola stoljeća obilježava snažan razvoj digitalnih platformi, koji u zadnja dva desetljeća poprima gotovo dramatične razmjere. Iako takav razvoj često prate različiti oblici strahova, znatno je korisnije i potrebnije razraditi oblike korištenja digitalnih platformi u svim sferama života, pa tako i u sferi poučavanja stranih jezika. Možemo slobodno reći da je naše vrijeme još uvijek vrijeme pionirskih radova i razrade metodologije primjene novih digitalnih platformi u nastavi stranih jezika – posebice ako imamo u vidu korištenje videoigara.

Kao što s pravom ističe Ljubov' Kjustutisovna Orlova „digitalni naraštaj učenika zahtijeva prelazak na nove oblike poučavanja stranih jezika“ (2020: 146)¹, a „suvremeni učitelj stranih jezika mora vladati teorijskim znanjima o različitim intenzivnim informacijsko-komunikacijskim tehnologijama te ih znati primjenjivati u svojoj pedagoškoj praksi“ (2020: 146). Međutim, kako ističu Fadli Amin i Achmad Yudi Wahyudin „videoigre u svijetu obrazovanja rijetko se koriste kao aktivnosti učenja i poučavanja jer učitelji imaju predrasudu da je uloga videoigara po njihovoj prirodi upravo igra, tj. oruđe zabave“ (2022: 75).

Naravno, već je i prije razvoja videoigara uočeno da se najlakše uči kroz zabavu – pa nema nikakvog razloga da se videoigre ne iskoriste upravo u svrhu učenja. Čini se, međutim, da je tržište prije same škole uočilo ovaj potencijal pa se pruža mnogo videoigara kroz koje se mogu učiti jezici, poglavito engleski (v. Stimola 2023 ili Young 2021).

Istraživanje koje su proveli Pia Sandqvist i Liss Kerstin Sylven pokazalo je da švedski dječaci govore tjedno 11,5 sati na engleskom jeziku izvan školskoga programa (Sundqvist i Sylven 2012: 189-208; prema Sibirjakov 2015: 201). Polovica toga vremena odnosi se na *online* videoigre, a to značajno doprinosi razvoju znanja razgovornoga i pisanoga engleskog jezika (isto). I Sara Brodarić Šegvić ističe da se u razredu jezične kompetencije onih učenika izloženijih medijima na engleskom jeziku znatno razlikuju od kompetencija učenika koji manje koriste prednosti koje im može pružiti medijska sveprisutnost engleskoga jezika (2019: 20). Naravno, upotreba engleskoga jezika znatno se ističe, ali ovi primjeri dokazuju da bi se prednosti novih medija mogle i trebale iskoristiti i kod učenja drugih jezika, a produkcija videoigara na ruskom jeziku vrlo je bogata i nema razloga da se neke od njih ne primijene i u nastavne svrhe.

Lj. K. Orlova analizirala je osobitosti primjene videoigara žanra avanture (kvest) u procesu poučavanja stranoga jezika. Taj žanr videoigara posebice je zanimljiv jer u njima posebnu važnost ima samostalno formiranje narativa (za razliku od nekih drugih žanrova, tipa akcijske igre ili strategije) (Orlova 2020: 148). Stoga, kako ističe Orlova, kod takvoga tipa igara „jezik postaje ne samo objekt učenja već i mehanizam koji razvija pamćenje, pažnju i razmišljanje učenika koji uči u uvjetima videoigre“ (isto). Ta je vrsta igara vrlo popularna uglavnom u uzrastu od 14 do 20 godina (isto). Takve igre imaju udobno pregledno sučelje (interfejs), omogućuju da igrač utječe na siže, uči novi leksik i gramatiku te razvija različite jezične vještine, primjerice vještinu analitičkoga čitanja (Orlova 2020: 149).

Orlova također ističe da je u uvjetima informatizacije i sve intenzivnijega obrazovanja na stranim jezicima poučavanje stranih jezika usmjereno na:

- formiranje komunikativne kompetencije na stranom jeziku, u svim vidovima jezične djelatnosti (čitanje, govorenje, slušanje, pisanje)
- formiranje međukulturne kompetencije
- razvoj motivacije učenika za učenje stranih jezika i njihovom korištenju za stjecanje i razmjenu informacija s predstavnicima drugih zemalja i kultura s pomoću inovativnih tehnologija uopće i videoigara konkretno
- razvoj sposobnosti samostalnoga učenja

1 Svi su prijevodi u tekstu naši, ako nije drukčije navedeno.

- aktiviranje kognitivne aktivnosti učenika
- razvoj refleksivne aktivnosti učenika (Orlova 2020: 147).

Primjena videoigara omogućuje razvijanje svih navedenih aspekata, ističe Orlova (2020: 147). Neke vrste videoigara, primjerice žanra MMORPG (engl. *massively multiplayer online role-playing game*) omogućavaju međusobnu interakciju među učenicima u različitim zemljama. Tako videoigre pomažu ne samo ostvarenju osnovnoga cilja – stjecanja komunikacijskih kompetencija na stranom jeziku – već i formiranju međukulturne kompetencije, tj. sposobnosti komunikacije s predstavnicima drugih zemalja i kultura (Orlova 2020: 148).

Ovisno o tipu videoigre, razlikovat će se njihova primjena u nastavnome procesu. Također, tip igara zavisit će i od uzrasta učenika. Stariji polaznici zahtijevat će složenije videoigre sa znatno više utjecaja samoga igrača na scenarij videoigre te znatno složenije sižee od polaznika mlađega uzrasta.

U ovome radu analizirat ćemo mogućnosti korištenja videoigre „Zločin i kazna. Tko je podmetnuo Raskoljnikovu“ temeljene na slavnom ruskom književnom klasiku F. M. Dostojevskog.

2. ANALIZA

Igru „Zločin i kazna. Tko je podmetnuo Raskoljnikovu“ (2010) (rus. *Преступление и наказание. Кто подставил Раскольникова*²) na tržište je pustila kompanija Fly Wheel Games iz ruskoga grada Jaroslavlja³, a na tržištu se pojavljuje i pod firmom Big Fish Games Studios. Autorski tim koji je osmislio igru predvodi Evgenij Kolobov.

To je jedna od igara koje su nastale prema književnom predlošku, što je sve češći trend u produkciji videoigara, a što je svakako trend koji smatramo pozitivnim. Evo nekih primjera iz svjetske i ruske književnosti: „Evgenij Onegin“ (Dreamlore Games, 2009), „Mumu“ (Herocraft, 2009), „Životinjska farma“ (Nerial, 2020), „Alisa u zemlji čudesa“ („American McGee’s Alice“ proizvođača Rogue Entertainment, 2000), „Preobražaj“ (Ovid Works, 2020) ili čak „Patnje mladoga Werthera“ (Mad Cream Games, 2023) (Božić i Božić 2024: 180). Različite igre u različitoj su mjeri bliske izvornim tekstovima, a neke se od svojih izvornika poprilično razlikuju (isto).

„Zločin i kazna. Tko je podmetnuo Raskoljnikovu“ jest videoigra koja je u grafičkom dizajnu sada već pomalo i zastarjela⁴, ali pruža dobar uvid u to kako se mogu iskoristiti videoigre u nastavi stranih jezika. Ona nije pretjerano zahtjevna i može se proći za dva do tri sata (Božić i Božić 2024: 182), ali ako se poveže s nastavom stranoga jezika (u ovom slučaju ruskoga, iako se može raditi i na engleskoj inačici), igra/učenje može trajati znatno duže. Zadatci su mahom traženje predmeta po različitim lokacijama u igri, rješavanje nekoliko slagalica i razbijanje nekoliko šifri. Igra ne pruža velike mogućnosti utjecanja igrača na tijek same igre, ali to nam u ovom slučaju nije vrlo važno.

Radnja igre odvija se oko nastojanja agenata/detektiva iz budućnosti (Alex i Ket) da utvrde je li za ubojstvo stare lihvarice i njezine sestre uistinu odgovoran Rodion Raskoljnikov ili mu je netko podmetnuo zločin. Igra nas vodi kroz različite lokacije u Sankt-Peterburgu, što omogućuje učenicima ne samo da savladaju određeni leksički materijal (o čemu više u nastavku), nego da se upoznaju i s nekim povijesnim i kulturnim elementima Rusije 19. stoljeća.

Primjerice na samom početku igre igrač mora izabrati vrijeme i mjesto na koje agenti odlaze. Iz ponuđenih slika različitih gradova igrač mora prepoznati fotografiju Sankt-Peterburga (u ovom slučaju to će biti katedrala sv. Isakija). Također, scene se odvijaju u dijelu Sankt-Peterburga u kojem se odvijaju

2 Postoji i engleska verzija: *Crime and Punishment: Who Framed Raskolnikov*.

3 Prema popisu firmi u ruskom gradu Jaroslavlju koji nalazimo na poveznici <https://jaroslavl.catalogxy.ru/firms/www.flywheelgames.com.htm>. No čini se da tvrtka više nije aktivna.

4 Napravljena je za starije operativne sustave (Windows 7 i Vista), pa nije potpuno prilagođena suvremenim sustavima. Pripada „point-and-click adventure“ žanru.

i scene romana, pa je to prilika za svojevrsnu virtualnu šetnju (ekskurziju), ne samo slavnim romanom već i „sjevernom prijestolnicom“ Rusije⁵.

U scenama se pojavljuje i velik broj mikrolokacija (primjerice Raskolnikovljeva soba, lihvaričin stan, krčma, Sijenski trg, stan glavnoga isljednika) s likovima u odgovarajućoj odjeći 19. st., namještajem i karakterističnim zvukovima. Iako taj dio igre možemo usporediti s filmskom umjetnošću, ipak ona nudi znatno više interakcije i vremena da se učenik upozna s nekim kulturnim osobitostima Rusije. Također, za razliku od filma, koji u nekim fazama učenja jezika može za učenike biti prezahtjevan (vještinu slušanja također treba razvijati, a izgovor u filmovima često je za učenike prebrz i stoga nerazumljiv što može dovesti do frustracije), ova videoigra nudi učenicima mahom pisani tekst, koji zbog svoje povezanosti s igrom nudi i dinamičnost kakvu ne srećemo u klasičnim pisanim tekstovima. Nakon igranja mogu se pogledati i odabrani dijelovi ruske televizijske serije „Zločin i kazna“ na koju se vizualno ova igra snažno naslanja (radi se o ekranizaciji romana iz 2007. režisera Dmitrija Svetozarova). Na to prije i nakon igranja videoigre nastavnik može upozoriti učenike te nakon igranja o tome povesti i diskusiju.

Što se tiče jezičnih kompetencija, videoigra nudi nekoliko vrsta jezičnih sadržaja, koji se mahom odnose na vještinu čitanja.

Prva je vrsta teksta razgovor likova u videoigri. To su prvenstveno agenti Alex i Ket, ali i Profesor te antagonist doktor Korbin za kojega se ispostavlja da je naveo Raskolnikova na navedene postupke. Navodimo primjer s početka videoigre u kojem Profesor zadaje zadatak agentima Alexu i Ketu:

Профессор: Пришло время проверить вас в серьезном деле. Вы должны расследовать мотивы одного из самых загадочных преступлений XIX века.

Это случилось в Санкт-Петербурге. Бывший студент Родион Раскольников убил старушку процентщицу, нажившую капитал на процентах от вкладов.

Единственное, что нам достоверно известно – убийство было совершено при помощи обычного топора, остальное вам предстоит выяснить.

Машина времени в вашем распоряжении. (1:00 – 1:30⁶)

Već prvi primjer jasno nam ukazuje na to da se ova videoigra može koristiti tek na nešto višim razinama učenja (od razine B1 na više i za učenike koji su minimalno polaznici srednjih škola)⁷. Svakako bi bila korisna i za studente (posebice filologe) s kojima bi se ovaj potencijal igre mogao maksimalno iskoristiti.

Kao što vidimo, prvi tip teksta predstavlja vezani tekst, odnosno riječi povezane sintaktički. Tako se učenici upoznaju s određenim strukturama na koje nastavnik može posebno obratiti pozornost te osmisliti vježbe za utvrđivanje takvih struktura (ili iskoristiti postojeće u udžbeniku koji koristi, a koje može povezati s videoigrom). Posebno se to odnosi na konstrukcije različite u dvama jezicima (materinski jezik učenika, u našem slučaju hrvatski, i ruski jezik).

Navodimo tri primjera različite upotrebe prijedloga.

U rečenici: *Машина времени в вашем распоряжении.* (hrv. *Vremenski stroj vam je na raspolaganju.*) (1:21) u konstrukciji *в вашем распоряжении* vidimo upotrebu različitoga prijedloga no što je to slučaj u hrvatskom jeziku: *na raspolaganju*.

5 Različite lokacije u centru Sankt-Peterburga gdje se radnja romana originalno odvija u velikoj mjeri prate pojedine epizode romana, iako ne doslovno (primjerice, u romanu ne postoji vidovnjakinja Violeta Balalajkina kao ni prostorija u kojoj ona radi). Svaka lokacija (na neke se višekratno vraćaju) predstavlja posebno poglavlje igre s posebnim zadacima, a svaka je popraćena i citatom iz romana (na ruskom u ruskoj varijanti igre, na engleskom u engleskoj varijanti igre).

6 Oznaka u zagradama je minuta u izvoru na Youtubeu.

7 Razine jezične kompetencije (A1, A2, B1, B2 C1, C2) određene i opisane prema Zajedničkom europskom referentnom okviru za jezike – ZER0J (2005).

U rečenici: *Заперто на ключ. (8:37)* vidimo upotrebu prijedloga *на*, što se razlikuje u odnosu na hrvatski jezik gdje ćemo reći samo *Zaključano je*.

U rečenici: *Найдено ювелирных украшений и золотых предметов на сумму в 728 рублей и 73 копейку (11:15)* (hrv. *Nađeno je zlatarske robe i zlatnih predmeta u iznosu od 728 rubalja i 73 kopjejeke.*), vidimo čak dvije različite upotrebe prijedloga u ruskom jeziku u odnosu na hrvatski u konstrukciji *на сумму – и износу* i u konstrukciji *в 728 рублей и 73 копейку – од 728 рубалја и 73 копјејеке*.

S obzirom na to da upravo upotreba različitih prijedloga u jezicima predstavlja jedan od većih izazova pri savladavanju stranoga jezika, ovakvi su primjeri vrlo korisni.

Druga vrsta teksta citati su iz romana *Zločin i kazna* (Slika 1). U videoigri daju se čak 23 citata iz romana i iako se radi o samo 1 % ukupnoga teksta romana, izabrani citati prate najznačajnije trenutke romana. Citatima nije manipulirano, radi se upravo o izvornim citatima iz romana, koji su na nekim mjestima samo djelomično skraćeni – na što se uredno ukazuje pravopisnim znakom (trotočje)⁸, a ovdje donosimo primjer kako je u videoigri naveden sam uvod romana:

В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С — м переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К — ну мосту. Он благополучно избегнул встречи с своею хозяйкой на лестнице. Каморка его приходилась под самую кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру. Квартирная же хозяйка его, у которой он нанимал эту каморку с обедом и прислугой, помещалась одною лестницей ниже, (nedostaje: в отдельной квартире, и каждый раз, при выходе на улицу, ему непременно надо было проходить мимо хозяйкиной кухни, почти всегда настезь отворенной на лестницу. И каждый раз молодой человек, проходя мимо, чувствовал какое-то болезненное и трусливое ощущение, которого стыдился и от которого морщился.) Он был должен кругом хозяйке и боялся с нею встретиться. (Dostojevski 1866) (2:57)

Čitanje je jedna od kompetencija koja se kod učenja stranih jezika treba razvijati, no u posljednje je vrijeme zanemareno s obzirom na to da se prednost daje komunikacijskim kompetencijama (vidi Knežević 2023). No, smatramo da je to izuzetno važna kompetencija i da je zato upravo ovaj dio igre posebno značajan. On na vrlo ograničenom materijalu daje uvid u originalan tekst romana što omogućuje učenicima vježbu u čitanju teksta koji se nalazi na popisu srednjoškolske lektire. Pročitati cijeli roman, naročito roman takve složenosti kao što je to *Zločin i kazna*, ali i takvoga jezičnog materijala, zasigurno je težak zadatak i na materinskom jeziku. Međutim, upoznavanje s izvornikom, makar i u ograničenom obujmu, daje učenicima dojam postignuća nakon kojega se mogu hrabrije upustiti u čitanje književnih klasika na jeziku originala.

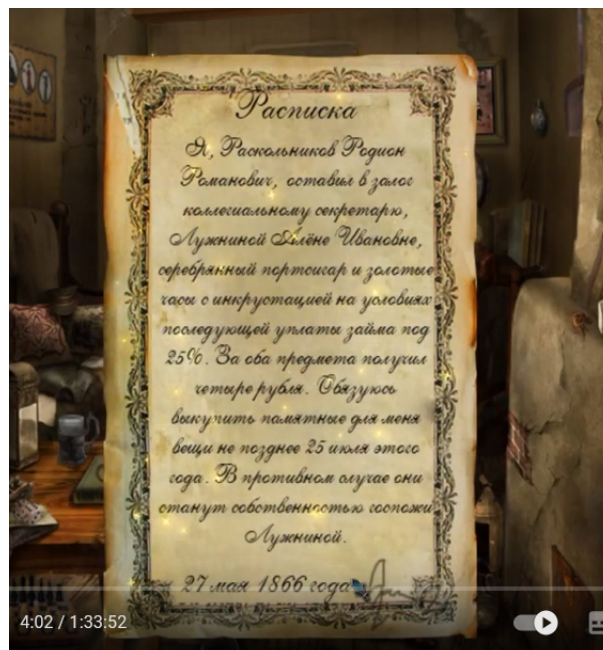
8 Najveći je dio ispuštenoga teksta u sceni ubojstva koja je važna, ali koja je u romanu dugačka čak nekoliko stranica, što nije prikladno za prikazivanje u igri.

Slika 1.

Treća vrsta teksta jesu upute koje navode igrače što je potrebno u igri činiti. Te upute obiluju imperativima, pa su izvrstan materijal za obradu ove gramatičke jedinice. Evo nekoliko primjera: *Найдите предметы с этого спуска* (2:36) (hrv. *Nađite predmete s ovoga popisa.*); *Составьте правильно изобрана руску повijest ili književnost*, kao primjerice: *пенсне* (hrv. *cviker*).

Napomenimo da u toj videoigri vrlo često pronalazimo oznake datuma i sata. S obzirom na to da se u hrvatskom jeziku oni označavaju drukčije, na, prvi dolazak u sobu Raskoljnikova: *7 июля, 18:00, 1866 г.* (2:15) ili datum na založnici: *27 мая 1866 года* (4:02). Jasnо je vidljivo da se ni dan ni godina prema ruskom pravopisu ne označavaju točkom (Slika 2).

Slika 2.

3. ZAKLJUČAK

Upotreba videoigara u nastavi stranih jezika još nije dovoljno iskorištena ni znanstveno i stručno obrađena u literaturi. Ona se još uvijek odnosi prvenstveno na neformalno usvajanje jezika, posebice ako se radi o engleskom jeziku. Međutim, i što se poučavanja ruskoga jezika ti. Upotreba videoigara svakako će u budućnosti biti nezamjenjiv dio poučavanja stranih jezika jer nosi značajne koristi. Na primjeru igre „Zločin i kazna. Tko je podmetnuo Raskoljnikovu“ jasno smo pokazali da se videoigra može koristiti na nekoliko razina i da na kraju učenici mogu:

- napredovati u jezičnoj kompetenciji
- napredovati u poznavanju ruske kulture i običaja
- napredovati u čitalačkim kompetencijama
- upoznati jedno od najznačajnijih svjetskih književnih djela na izvorniku.

Već samo razumijevanje zadataka koji se postavljaju pred igrače u videoigri svakako je jedan od važnih poticaja u savladavanju teksta na stranom jeziku.

Iako se radi o svega 1 % izvornoga teksta romana, s obzirom na to da je namijenjeno učenicima, smatramo da je i ta količina teksta koju učenici tijekom igre savladavaju iznimno važna. Ona im omogućuje ne samo da se upoznaju s konkretnim tekstom već i da steknu samopouzdanje u čitanju lektire na stranom jeziku, što je vrijedna kompetencija koja se u naše vrijeme često zanemaruje.

Iako leksik povezan s ruskom kulturom nije uređen prema zahtjevima metodike poučavanja stranih jezika – s obzirom na to da analizirana videoigra nije primarno zamišljena kao nastavno sredstvo poučavanja ruskoga jezika – smatramo da prednosti korištenja, čak i nastavi neprilagođene igre, nadjačavaju mane. Nastavnici u radu mogu izabrati videoigre koje su (više ili manje) prilagođene njihovim potrebama, a i tijekom igre, ovisno o polaznicima nastave, nastavnici mogu usmjeriti pažnju svojih učenika na one elemente koje smatraju važnijima.

Isto možemo reći i za nastavu leksika. U ovoj igri koriste se i riječi koje izlaze izvan okvira koje možemo smatrati leksikom neophodnim u komunikaciji 21. stoljeća, bilo u privatnoj, bilo u poslovnoj sferi. Međutim, na aktivnoj upotrebi tih riječi ne treba inzistirati. Izbor se može učiniti zabavnijim i tako da se učenicima samima pruži izbor da sami odluče što smatraju od ponuđenoga leksika korisnim i zašto.

Videoigra se također može iskoristiti i kao platforma za diskusiju – bilo da se radi o razgovoru o samom romanu ili pojedinim scenama videoigre. Tako učenici mogu dodatno razvijati svoje komunikacijske vještine.

Naravno, učenje stranoga jezika ne može se potpuno oslanjati na tehnologiju, a posebno ne na videoigre, no u njima svakako imamo značajno pomoćno sredstvo koje bi trebalo više koristiti.

IZVORI

- Dostojevski, Fjodor Mihajlovič (2022). *Zločin i kazna*. Zagreb. Bodoni. (prev. Tatjana Radmilo)
- Достоевский, Федор Михайлович (1866). *Преступление и наказание*. (URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0060.shtml?ysclid=lxangqbna3629602317) (12. 4. 2024).
- Kazual'nyj mir: *Prestuplenie i nakazanie. Kto postavil Raskol'nikova*. (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nS1m9KPKkf4>) (12. 4. 2024).

LITERATURA

- Amin, Fadli i Achmad Yudi Wahyudin (2022). The Impact of Video Game: Age of Empires II" toward Students' Reading Comprehension on Narrative Text. *Journal of English Language Teaching and Learning*, 3(1), str. 74-80.
- Božić, Rafaela i Vanda Božić (2024). Primjena videoigara u nastavi školske lektire (na primjeru romana *Zločin i kazna* i videoigre „*Zločin i kazna*“). *Tko je podmetnuo Raskoljnikovu*. *Magistra ladertina*, 19/1, str. 175-191.
- Brodarić Šegvić, Sara (2019). Neformalno usvajanje engleskog vokabulara putem medija kao neizostavan faktor uspješnosti u formalnoj nastavi engleskog kao stranog jezika. *Školski vjesnik*, 68 (1), str.19-32. (URL: <https://hrcak.srce.hr/230621>) (13. 4. 2024).
- Knežević, Andrea (2023). *Ovladanost pisanim jezikom prvostupnika ruskog jezika i književnosti na Sveučilištu u Zadru* (Doktorski rad). Zadar: Sveučilište u Zadru. (URL: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:162:785936>) (11. 4. 2024).
- Орлова, Любовь Кястутисовна (2020). Формирование иноязычной коммуникативной компетенции с помощью компьютерных игр. *Содержание и технологии образования*, 4, str. 145-152 (URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-inoazychnoy-kommunikativnoy-kompetentsii-s-pomoschyu-kompyuternyh-igr/viewer>) (11. 4. 2024).
- Poljanec, Radoslav Franjo i Serafima M. Madatova-Poljanec (1973). *Rusko-hrvatski rječnik*. Zagreb. Školska knjiga.
- Сибиряков, Андрей Викторович (2015). Использование видеоигр при обучении английскому языку. *Уникальные исследования XXI века*, 8 (8), str. 200-204.
- Sundqvist, Pia i Liss Kerstin Sylven (2012). World of VocCraft: Computer games and Swedish learners' L2 vocabulary. *Digital Games in Language Learning and Teaching* (ed. H. Reinders). Basingstoke. Palgrave Macmillan, str. 189-208. (https://link.springer.com/chapter/10.1057/9781137005267_10) (12. 4. 2024).
- Stimola, Maureen (2023). 41 Video Games You Can Play to Learn a Foreign Language (URL: <https://www.fluentu.com/blog/learn/language-learning-video-games/>) (11. 4. 2024).
- Young, Paul (2021). *ESL Games for Kids and Adults: 50 Fun Activities for Teaching English as a Second Language*. ESL Books for Teaching and Learning English: Independently published.

Stručni rad/Professional paper

UDK 811.111'243:378

Ivana Grabar

Sveučilište Sjever, Hrvatska

igrabar@unin.hr

Izidora Radek

Veleučilište kriminalistike i javne sigurnosti, Hrvatska

iradek@fkz.hr

Pia Orešković

Sveučilište Sjever, Hrvatska

poreskovic@unin.hr

UČESTALOST I NAVIKE KORIŠTENJA STRUČNE LITERATURE NA ENGLISKOM JEZIKU MEĐU STUDENTIMA

SAŽETAK

Danas je dobro poznavanje engleskoga jezika ključno za učinkovito sudjelovanje na međunarodnoj znanstvenoj i poslovnoj sceni te je engleski dominantni jezik u znanstvenom publiciranju. Iz pregleda dostupnih nastavnih planova i programa slučajno odabranih visokoškolskih ustanova vidljivo je da se u raznim stručnim kolegijima literatura na engleskome jeziku često koristi kao obvezna ili preporučena. Slijedom navedenog provedeno je istraživanje putem online upitnika među studentima Sveučilišta Sjever i Veleučilišta kriminalistike i javne sigurnosti o učestalosti i načinima korištenja literaturom na engleskome jeziku. Cilj rada je utvrditi u kojoj mjeri su određene ispitane varijable povezane s učestalošću čitanja stručnih publikacija na engleskome jeziku. Rezultati prikazani u radu mogu ponuditi relevantna saznanja o navikama današnjih studenata, a time i korisne zaključke za nastavnike stranog jezika struke na visokoškolskim institucijama.

Ključne riječi: engleski jezik, stručne publikacije, visoko obrazovanje, navike čitanja na engleskome, stručni kolegiji

Frequency and habits of reading professional literature in English among students

ABSTRACT

Nowadays, a good knowledge of the English language is essential for effective participation in the international scientific and business scene, while English is the dominant language in scientific writing. From the review of the available syllabi of randomly selected higher education institutions, it is evident that literature in English is often used as mandatory or recommended in various professional subjects. As a result, research was conducted through an online questionnaire among students of University North and the University of Applied Sciences in Criminal Investigation and Public Security on the frequency and ways of using literature

in English. The aim of the paper is to determine the extent to which certain examined variables are related to the frequency of reading professional publications in English. The results presented in the paper could offer relevant knowledge about the habits of today's students, and therefore useful conclusions for LSP teachers at higher education institutions.

Keywords: English language, professional publications, higher education, habits of reading in English, professional subjects

1. UVOD

Dobro poznavanje engleskoga jezika ključno je za učinkovito sudjelovanje na međunarodnoj znanstvenoj i poslovnoj sceni. Bolonjskim procesom, kojem je Hrvatska pristupila 2001. godine, potaknuta je reforma visokoga obrazovanja na razini Europe, a jedan je od ciljeva reforme i promicanje studentske mobilnosti. Boravak studenata izvan matične države podrazumijeva dobro znanje stranoga jezika struke kako bi uspješno pohađali nastavu i sudjelovali u aktivnostima institucije koja ih je prihvatila. Osim praktičnih razloga tijekom studija, razvoju i sve većoj potražnji za usavršavanjem u području stranoga jezika struke doprinijele su i intenzivne promjene na tržištu rada potaknute globalizacijom, internacionalizacijom obrazovanja, imigracijom, multikulturalizmom i tehnologijom. Naime, navedeni trendovi povećali su potražnju za tečajevima i programima stranoga jezika struke na sveučilištima diljem svijeta (Uber Grosse i Voght 2012: 191). Strani jezik struke ne samo da je prisutan u visokoškolskom prostoru u sklopu zasebnih kolegija već je zastupljen na gotovo svim kolegijima u vidu obavezne ili preporučene literature. U znanstvenom diskursu dominira literatura na engleskom jeziku (Ferguson i sur. 2011; Nature Human Behaviour 2023), a korištenje literature i produkcija vlastite temelj su izgradnje akademskoga identiteta. Međutim, treba naglasiti da se baš zbog dominacije engleskoga jezika često javljaju i jezični problemi. Amano i sur. (2023) istražuju implikacije jezičnih barijera u znanstvenoj komunikaciji. Navode da, iako je literatura na engleskom jeziku prepoznata kao visokokvalitetan izvor znanstvenoga znanja, dodatni napor potreban za pristup i razumijevanje te literature može predstavljati značajno opterećenje. Zhang i sur. (2019) ističu poteškoće s kojima se susreću studenti medicine pri korištenju biomedicinske literature zbog jezičnih barijera, naglašavajući nužnost ciljanih obrazovnih intervencija. Time se izražava potreba za obrazovnim okvirima koji studentima daju vještine potrebne za učinkovito snalaženje u znanstvenim tekstovima. Takav je primjer vidljiv u kontekstu obrazovanja medicinskih sestara o čemu pišu Wang i sur. (2023) koji su se u svom istraživanju bavili akademskim engleskim te su otkrili da strukturiranost kolegija može poboljšati vještine čitanja, pisanja i izražavanja studenata na engleskom jeziku, čime se poboljšava njihov angažman u znanstvenoj literaturi relevantnoj za njihovo područje.

Pisanjem eseja i završnih radova studenti dokazuju svoju kompetentnost profesorima i spremnost za uspon na akademskoj ljestvici (Flowerdew i Wang 2015). Hodak i Bošnjak Terzić (2023) smatraju da je motivacija jedan od ključnih elemenata koji olakšavaju učenje općega stranog jezika i stranoga jezika struke. Autorice navode da kolegij stranoga jezika struke osposobljava studente za korištenje jezika, usvajanje i prenošenje tehničkih i kontekstualnih informacija, no stručnost koju u konačnici postižu uvelike ovisi o praksi, odnosno o njihovom čitanju tehničke literature na engleskom jeziku (Hodak i Bošnjak Terzić 2023: 172).

Navike čitanja stručnih tekstova na stranome jeziku, načini pristupa stranoj literaturi i potrebe studenata bile su predmet nekoliko istraživanja, pa tako Hodak (2022) zaključuje da većina studenata često koristi stručnu literaturu na engleskom jeziku, posebno oni s boljim znanjem engleskoga i studenti diplomskih studija, a najčešće joj pristupaju putem interneta (Hodak 2022). Labo-Popoola (2018) ispituje čitalačke navike studenata sveučilišnih studija i njihov odnos prema akademskom uspjehu te utvrđuje da studenti koji čitaju češće i dulje vrijeme imaju više prosječne ocjene. Slično tome, rezultati o češćem korištenju literature kod studenata boljega predznanja podudaraju se s istraživanjem Huang (2006) koja smatra da visoko motivirani studenti dobroga znanja engleskoga jezika postupno stječu napredne vještine čitanja na engleskome jeziku unatoč činjenici da ne govore ili ne pišu engleski tečno. Drugi studenti, usred svojega dugog i usamljenog nastojanja, gube povjerenje i interes da drže korak i na kraju se okreću prevedenoj verziji tekstova kako bi „preživjeli” ispite.

Čitalačke navike studenata istraživale su i Hodak i Bošnjak Terzić (2023) koje naglašavaju da je poznavanje engleskoga jezika struke neophodno za studente s obzirom na brz razvoj znanosti i tehnologije te činjenicu da se velika većina znanstvenih i stručnih radova objavljuje na engleskom. Njihovi ispitanici rijetko koriste tehnički engleski jezik, iako su svjesni njegove važnosti za karijeru, a glavna motivacija za korištenje jest obavezna literatura za stručne kolegije.

Razlike u korištenju literature na engleskome jeziku vidljive su i na različitim studijskim smjerovima što je ovisilo o brzini razvoja znanstvenoga područja i dostupnosti recentnih prijevoda. Jedan od problema

poučavanja jezika struke i kreiranja suvremenih sadržaja jest raskorak prakse i teorije, što je utvrdila Jerković (2017). Naime, studenti i predavači smatraju engleski jezik struke nedovoljno zastupljenim, dok inženjeri tehnologije ističu potrebu za njegovim čestim korištenjem u poslu, uz prijedlog redefiniranja nastavnih planova i povećanja satnice stranih jezika. Na problem interdisciplinarnе suradnje, koja bi olakšala modernizaciju programa, ukazali su i Uber Grosse i Voght (2012) jer je to vrlo intenzivan i zahtjevan proces koji često nije prepoznat ni primjereno nagrađen na visokom učilištu.

Uočivši da engleski jezik dominira kao jezik pisanja stručnih i znanstvenih publikacija te da je u stručnim kolegijima literatura na engleskome jeziku često obvezna ili preporučena, ali i potaknute višegodišnjim iskustvom u radu na visokoškolskoj ustanovi, autorice su vođene proučenom literaturom odlučile provesti vlastito istraživanje kako bi ispitale učestalost i načine korištenja literature na engleskome jeziku na dvjema visokoškolskim ustanovama. Tako je cilj ovoga istraživanja utvrditi u kojoj su mjeri pojedine ispitane varijable povezane s učestalošću čitanja stručne literature na engleskome jeziku. Na temelju toga formirana su i dva istraživačka pitanja i postavljene hipoteze:

1. Ima li razlike među studentima koji čitaju i studentima koji ne čitaju na engleskome jeziku?

H1: Ne postoji statistički značajna razlika među studentima koji čitaju i studentima koji ne čitaju na engleskom jeziku prema spolu, razini položene mature i ocjeni, korištenju engleskoga jezika na radnome mjestu, slušanju kolegija Engleski jezik struke i korištenju literature na engleskome jeziku izvan kolegija Engleski jezik struke.

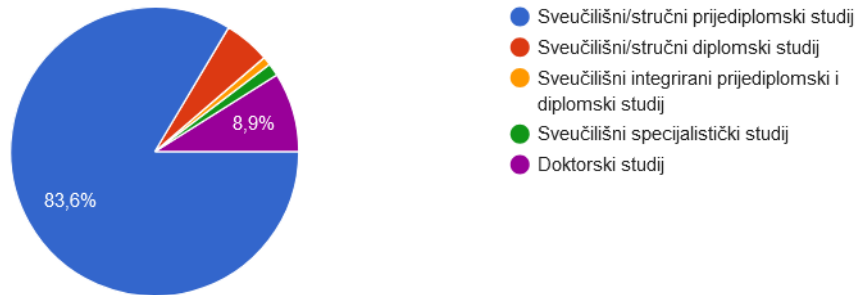
2. Ima li razlike u učestalosti korištenja materijala na engleskome jeziku na drugim kolegijima u odnosu na razinu studija?

H2: Ne postoji statistički značajna razlika u učestalosti korištenja materijala na engleskome jeziku na drugim kolegijima u odnosu na razinu studija.

2. METODOLOGIJA

Na temelju zaključaka u postojećoj literaturi te kako bi se dobili odgovori na istraživačka pitanja i testirale postavljene hipoteze, u Google obrascima kreiran je anketni upitnik koji se sastoji od 20 pitanja (višestruki odabir, Likertova skala i kratki odgovor) koji se osim od sociodemografskih varijabli (spol, dob, završena srednja škola, razina položene mature, razina studija) sastoji i od varijabli koje se odnose na čitanje na engleskome jeziku, korištenje engleskoga jezika u radnoj okolini, učestalost korištenja materijala na engleskome jeziku na kolegijima koji nisu Engleski jezik struke, poticaj za čitanje na engleskome jeziku, vrsta literature na engleskome jeziku. Ispunjavanje upitnika u potpunosti je bilo anonimno i sudjelovanje u istraživanju dobrovoljno te su predajom upitnika ispitanici pristali na sudjelovanje. Prije provedbe istraživanja dobiveno je odobrenje Etičkoga povjerenstva za odobravanje istraživanja Sveučilišta Sjever i Veleučilišta kriminalistike i javne sigurnosti.

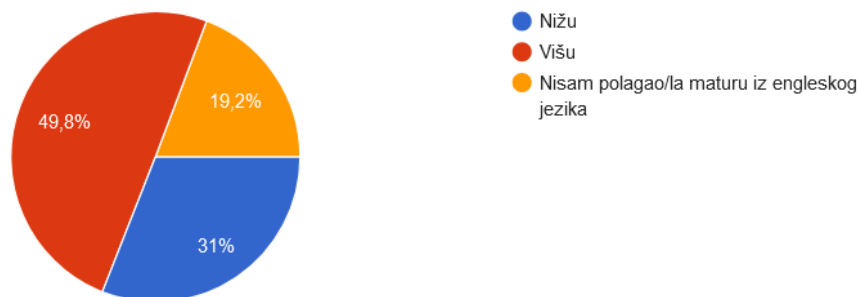
Istraživanje je provedeno od 28. svibnja do 2. srpnja 2024. godine sa studentima prijediplomske, diplomske i poslijediplomske razine studija na Sveučilištu Sjever i Veleučilištu kriminalistike i javne sigurnosti koji su tako predstavljali prigodni uzorak. Njih 213 ispunilo je *online* upitnik. Iz demografskih podataka vidljivo je da je većina ispitanika ženskoga roda (64,8 %) i da se većim dijelom radi o studentima sveučilišnih ili stručnih prijediplomskih studija (Slika 1).

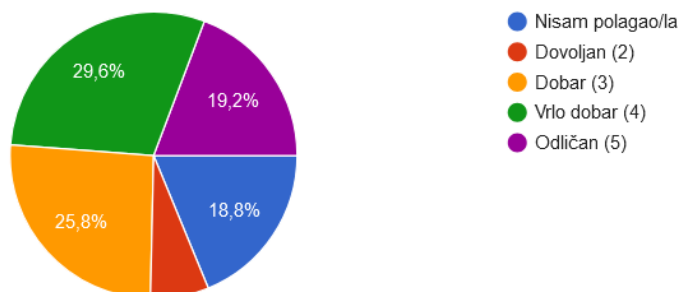
Slika 1. Razina studija

Najveći broj ispitanika (njih 61) ima 20 godina, njih 22 ima 19 godina te njih 28 ima 21 godinu, što je u skladu s činjenicom da se radi o studentima prijediplomskih studija. Većina sudionika u istraživanju završila je srednju strukovnu školu (njih 60,1 %), nešto manje gimnaziju (37,6 %) te vrlo malen broj umjetničku (2,3 %).

Podatak o polaganju niže ili više razine mature i predmeta Engleski jezik govori da je gotovo polovica ispitanika polagala višu razinu te ih je najveći broj položio s ocjenom vrlo dobar (4) (Slike 2 i 3).

Slika 2. Razina položene mature iz Engleskog jezika

Slika 3. Ocjena iz mature Engleskog jezika

Prema prikupljenim podacima, Engleski jezik na studiju sluša 75,1 % studenata i za njih 77,5 % radi se o obveznom kolegiju.

Prikupljanjem i analizom podataka dobio se uvid u karakteristike ispitanika, a kako bi se utvrdilo u kojoj su mjeri pojedine varijable ispitane u upitniku kroz preostala pitanja povezane s učestalošću čitanja stručne literature na engleskome jeziku te potvrdile ili opovrgnule postavljene dvije hipoteze (*Ne postoji statistički značajna razlika među studentima koji čitaju i studentima koji ne čitaju na engleskome*

jeziku prema spolu, razini položene mature i ocjeni, slušanju kolegija *Engleski jezik struke i korištenju engleskoga jezika na radnome mjestu* i *Ne postoji statistički značajna razlika u učestalosti korištenja materijala na engleskome jeziku na drugim kolegijima u odnosu na razinu studija*), podatci su analizirani SPSS-om te su predstavljeni u sljedećim odlomcima.

3. REZULTATI I RASPRAVA

Na postavljeno pitanje *Čitate li na engleskome jeziku?* potvrdno je odgovorilo 77,9 % ispitanika, dok ih je 22,1 % izjavilo da ne čita na engleskome jeziku. Grupi koja je potvrdno odgovorila na to pitanje postavljeno je i dodatno pitanje *Što čitate na engleskome jeziku?* Studenti najviše čitaju internetske i/ili novinske portale (87,3 %), zatim stručne tekstove za izradu seminara (50,6 %) i beletristiku (27,1 %), dok su ostale vrste literature zastupljene u manjim postotcima (nastavni materijali, stručni tekstovi za pripremu ispita, stručni tekstovi za praćenje nastave, igrice, memeovi...). Razvidno je da se literatura na engleskome čita prvenstveno u slobodno vrijeme, a studenti za stručnom literaturom posežu kada je ona uvjet za ispunjavanje studentskih obveza poput pisanja seminara. Zanimljiv je i podatak da od studenata koji čitaju stručnu literaturu na engleskome jeziku za potrebe studiranja (N=137), njih 73 % to čini samoinicijativno, 12,4 % na poticaj profesora, a 13,9 % i samoinicijativno i na poticaj profesora.

U svrhu utvrđivanja postoje li statistički značajne razlike između dvije grupe (grupa koja čita na engleskome jeziku i grupa koja ne čita na engleskome jeziku), provedeni su t-testovi nezavisnih varijabli te analiza varijance (ANOVA). U odnosu na zavisnu varijablu *Čitate li na engleskome jeziku?* testiran je niz nezavisnih varijabli koje se odnose na spol, razinu mature iz engleskoga jezika, ocjenu iz engleskoga jezika na maturi, odslušan kolegij iz engleskoga jezika tijekom studiranja, korištenje literature na engleskome jeziku izvan kolegija *Engleski jezik struke i korištenje engleskoga jezika na radnome mjestu* (Tablica 1).

Tablica 1. Čitanje na engleskome jeziku prema spolu

			Spol		Ukupno
			m	ž	
čitanje_eng	da	N	66	100	166
		% čitanje na engleskom jeziku	39,8%	60,2%	100,0%
	ne	N	9	38	47
		% čitanje na engleskom jeziku	19,1%	80,9%	100,0%
Ukupno		N	75	138	213
		% čitanje na engleskom jeziku	35,2%	64,8%	100,0%
			Value	df	Asymptotic Significance (2-sided)
Pearson Chi-Square			6,820 ^a	1	,009
Continuity Correction ^b			5,947	1	,015

Interpretacijom rezultata distribucije po spolu i čitanju, iz Tablice 1 vidljivo je da od onih koji čitaju na engleskome (166 ispitanika), 66 su muškarci (39,8 %) i 100 su žene (60,2 %). Od onih koji ne čitaju na engleskome, 9 su muškarci (19,1 %) i 38 su žene (80,9 %). Prema ukupnoj distribuciji po spolu, od

svih muškaraca, 35,2 % čita na engleskome, a 64,8 % ne čita. Od svih žena, 64,8 % čita na engleskome, a 35,2 % ne čita. Rezultati pokazuju da postoji statistički značajna povezanost između spola i čitanja engleskoga jezika. Žene u ovom uzorku značajno češće čitaju engleski jezik od muškaraca.

Tablica 2. Čitanje na engleskome jeziku prema razini engleskoga jezika na maturi

			Razina mature			Ukupno
			viša	niža	nisam polagao	
čitanje_eng	da	N	89	43	34	166
		% čitanje na engleskom jeziku	53,6%	25,9%	20,5%	100,0%
	ne	N	17	23	7	47
		% čitanje na engleskom jeziku	36,2%	48,9%	14,9%	100,0%
Ukupno		N	106	66	41	213
		% čitanje na engleskom jeziku	49,8%	31,0%	19,2%	100,0%
			Value	df	Asymptotic Significance (2-sided)	
Pearson Chi-Square			9,105 ^a	2	,011	

Tablica 2 prikazuje odnos između čitanja na engleskome jeziku i razine engleskoga jezika na maturi (viša, niža, nisam polagao/la). Slično kao i u prethodnoj tablici, prikazani su podaci o frekvencijama, postotcima i rezultatima χ^2 testa. Ukupna distribucija po razini mature ukazuje na to da od svih koji su polagali višu razinu, 49,8 % čita engleski, od svih koji su polagali nižu razinu, 31,0 % čita engleski, dok od svih koji nisu polagali, 19,2 % čita engleski. Slijedom navedenoga može se zaključiti da postoji statistički značajna povezanost između razine mature iz engleskoga jezika i čitanja engleskoga jezika. Osobe koje su polagale višu razinu mature češće čitaju na engleskome jeziku od onih koji su polagali nižu razinu ili nisu polagali maturu iz engleskoga.

Tablica 3. Čitanje na engleskome jeziku prema ocjeni iz engleskoga jezika na maturi

			Ocjena na maturi				Ukupno
			2	3	4	5	
čitanje_eng	da	N	39	34	53	40	166
		% čitanje na engleskom jeziku	23,5%	20,5%	31,9%	24,1%	100,0%
	ne	N	15	21	10	1	47
		% čitanje na engleskom jeziku	31,9%	44,7%	21,3%	2,1%	100,0%
Ukupno		N	54	55	63	41	213
		% čitanje na engleskom jeziku	25,4%	25,8%	29,6%	19,2%	100,0%
			Value	df	Asymptotic Significance (2-sided)		
Pearson Chi-Square			19,920 ^a	3	,000		

Uvidom u podatke prikazane u Tablici 3, vidljivo je da su ispitanici podijeljeni u četiri skupine prema ocjeni iz engleskoga jezika na maturi: dovoljan (2), dobar (3), vrlo dobar (4) i izvrstan (5). Nadalje, podijeljeni su u dvije grupe: u one koji čitaju na engleskome (*da*) i one koji ne čitaju (*ne*) na engleskome. Budući da je p-vrijednost manja od 0,05 ($p < 0,05$), zaključujemo da postoji statistički značajna povezanost između ocjene iz engleskoga jezika na maturi i čitanja na engleskome jeziku. Čini se da osobe s višim ocjenama (posebno 4 i 5) češće čitaju na engleskome od onih s nižim ocjenama (2 i 3). Zanimljivo je primijetiti da je postotak onih koji čitaju na engleskome najviši kod onih s ocjenom 4. Vrlo mali broj ispitanika s ocjenom 5 ne čita engleski.

Tablica 4. Čitanje na engleskome jeziku prema odslušanom kolegiju Engleski jezik

			Odslušan engleski jezik		Ukupno
			da	ne	
čitanje_eng	da	N	130	36	166
		% čitanje na engleskom jeziku	78,3%	21,7%	100,0%
	ne	N	30	17	47
		% čitanje na engleskom jeziku	63,8%	36,2%	100,0%
Ukupno		N	160	53	213
		% čitanje na engleskom jeziku	75,1%	24,9%	100,0%
			Value	df	Asymptotic Significance (2-sided)
Pearson Chi-Square			4,111 ^a	1	,043
Continuity Correction ^b			3,373	1	,066

U Tablici 4 prikazan je odnos između čitanja na engleskome jeziku i pohađanja kolegija Engleski jezik. Od svih koji su odslušali kolegij, 75,1 % čita na engleskome, dok od svih koji nisu odslušali kolegij, 24,9 % čita na engleskome. Budući da je p-vrijednost manja od 0,05 ($p < 0,05$), koristeći Pearsonov χ^2 test, može se zaključiti da postoji statistički značajna povezanost između pohađanja kolegija iz engleskoga jezika i čitanja na engleskome jeziku. Međutim, Pearsonov χ^2 test pokazuje statistički značajnu povezanost ($p = ,043$), dok test s korekcijom za kontinuitet to ne pokazuje ($p = ,066$), što je svojevrsno upozorenje da taj rezultat treba uzeti s oprezom. Slijedom toga, može se zaključiti da nema dovoljno čvrstih dokaza za statistički značajnu povezanost.

Tablica 5. Čitanje na engleskome jeziku prema korištenju engleskoga jezika na radnome mjestu

			Korištenje engleskog jezika na poslu		Ukupno
			da	ne	
čitanje_eng	da	N	63	26	89
		% čitanje na engleskom jeziku	70,8%	29,2%	100,0%
	ne	N	8	10	18
		% čitanje na engleskom jeziku	44,4%	55,6%	100,0%
Ukupno		N	71	36	107
		% čitanje na engleskom jeziku	66,4%	33,6%	100,0%
Value			df		Asymptotic Significance (2-sided)
Pearson Chi-Square			4,654 ^a	1	,031
Continuity Correction ^b			3,548	1	,060

Specifičnost je Tablice 5 u činjenici da je broj ispitanika manji nego u prethodnim tablicama, što sugerira da su ti podatci prikupljeni od manjega podskupa originalnoga uzorka ili da neki ispitanici nisu odgovorili na pitanje o korištenju engleskoga na poslu. I ovdje se susrećemo sa situacijom gdje Pearsonov χ^2 test pokazuje statističku značajnost ($p = ,031$), dok test s Yatesovom korekcijom za kontinuitet to ne pokazuje ($p = ,060$). Stoga, iako Pearsonov test sugerira povezanost, korekcija za kontinuitet upozorava nas da taj rezultat treba uzeti s rezervom. Na temelju rezultata može se zaključiti da nema dovoljno čvrstih dokaza za statistički značajnu povezanost između korištenja engleskoga na poslu i čitanja engleskoga jezika u ovome uzorku.

Tablica 6. Čitanje na engleskome jeziku prema korištenju literature na drugim kolegijima izvan kolegija Engleski jezik

			Korištenje strane literature izvan kolegija Engleski jezik		Ukupno
			da	ne	
čitanje_eng	da	N	116	50	166
		% čitanje na engleskom jeziku	69,9%	30,1%	100,0%
	ne	N	21	26	47
		% čitanje na engleskom jeziku	44,7%	55,3%	100,0%
Ukupno		N	137	76	213
		% čitanje na engleskom jeziku	64,3%	35,7%	100,0%
Value			df		Asymptotic Significance (2-sided)
Pearson Chi-Square			10,135 ^a	1	,001
Continuity Correction ^b			9,066	1	,003

Tablica 6 prikazuje analizu povezanosti između čitanja na engleskome jeziku i korištenja strane literature (na engleskome jeziku) na drugim kolegijima izvan kolegija Engleski jezik. U ovome slučaju, oba testa (Pearsonov χ^2 i test s korekcijom za kontinuitet) daju p-vrijednost manju od 0,05 ($p < 0,05$). To znači da postoji statistički značajna povezanost između korištenja strane literature na drugim kolegijima i čitanja na engleskome jeziku. Ta je povezanost prilično jaka, s obzirom na nisku p-vrijednost. Podaci sugeriraju da ispitanici koji se koriste stranom literaturom na drugim kolegijima značajno češće čitaju na engleskome jeziku. To je logično jer se pretpostavlja da studenti koji se služe stranom literaturom, vjerojatno i aktivno čitaju na tom jeziku kako bi razumjeli te materijale.

Slijedom svega navedenog, može se konstatirati da su rezultati pokazali da na engleskom jeziku više čita ženski spol, studenti koji su položili višu razinu mature, studenti koji su na maturi ostvarili vrlo dobar uspjeh i studenti koji koriste literaturu na engleskome jeziku za potrebe studiranja izvan kolegija Engleski jezik. Prema dobivenim rezultatima, hipoteza H1 (*Ne postoji statistički značajna razlika među studentima koji čitaju i studentima koji ne čitaju na engleskom jeziku prema spolu, razini položene mature i ocjeni, korištenju engleskog jezika na radnom mjestu, slušanju kolegija Engleski jezik struke i korištenju literature na engleskom jeziku izvan kolegija Engleski jezik struke*) djelomično je prihvaćena.

Za testiranje druge hipoteze (*Ne postoji statistički značajna razlika u učestalosti korištenja materijala na engleskom jeziku na drugim kolegijima u odnosu na razinu studija*) korištena je analiza varijance. Od ukupnoga broja ispitanika, 64,3 % (N=137) ispitanika izjavilo je da se koristi stručnom literaturom na engleskome jeziku za potrebe studiranja izvan kolegija engleskoga jezika. Iz daljnega testiranja uklonjen je integrirani studij zbog maloga broja ispitanika koji su na prethodno pitanje odgovorili s *da* (N=1). Kako bi se konkretno utvrdilo između kojih parova skupina postoji statistički značajna razlika u prosjecima, korišten je post hoc test za homogene varijance (Tukeyev test).

Skupine čija je učestalost korištenja materijala na engleskome jeziku za potrebe studiranja izvan kolegija engleskoga jezika bile su: studenti sveučilišnoga/stručnoga prijediplomskog studija, sveučilišnoga/stručnoga diplomskog studija, studenti sveučilišnoga specijalističkog studija i studenti doktorskoga studija (Tablica 7).

Tablica 7. Učestalost korištenja materijala na engleskome jeziku na drugim kolegijima

	N	Mean	Std. Deviation	Std. Error
prijediplomski	103	2,7184	1,08842	,10725
diplomski	10	3,1000	,73786	,23333
specijalistički	3	4,0000	1,00000	,57735
doktorski	18	3,6667	1,18818	,28006
Ukupno	134	2,9030	1,12970	,09759

Analizom varijanci (Tablica 8) utvrđuje se da je p-vrijednost manja od 0,05 (Sig=0,002 < 0,05). Zaključuje se da postoji statistički značajna razlika u učestalosti korištenja materijala na engleskome jeziku između barem dvije od promatranih razina studija.

Tablica 8. Učestalost korištenja materijala na engleskome jeziku na drugim kolegijima

	Sum of Squares	df	Mean Square	F	Sig.
Između grupa	18,004	3	6,001	5,142	,002
Unutar grupa	151,735	130	1,167		
Ukupno	169,739	133			

Tukeyev test (Tablica 9) pokazao je da postoji značajna razlika među studentima sveučilišnoga/ stručnoga prijediplomskog i studentima doktorskoga studija (Sig 0,004<0,05) prema učestalosti korištenja materijala na engleskome jeziku za potrebe studiranja izvan kolegija engleskoga jezika.

Tablica 9. Razlika između pojedinih razina studija prema učestalosti korištenja materijala na engleskome jeziku za potrebe studiranja izvan kolegija engleskoga jezika

(I) razina studija 2	(J) razina studija 2	Mean Difference (I-J)	Std. Error	Sig.
prijediplomski	diplomski	-,38155	,35784	,711
	specijalistički	-1,28155	,63277	,184
	doktorski	-,94822*	,27600	,004
diplomski	prijediplomski	,38155	,35784	,711
	specijalistički	-,90000	,71118	,586
	doktorski	-,56667	,42610	,546
specijalistički	prijediplomski	1,28155	,63277	,184
	diplomski	,90000	,71118	,586
	doktorski	,33333	,67373	,960
doktorski	prijediplomski	,94822*	,27600	,004
	diplomski	,56667	,42610	,546
	specijalistički	-,33333	,67373	,960

Može se zaključiti da studenti na doktorskom studiju značajno češće koriste materijale na engleskome jeziku na drugim kolegijima u usporedbi sa studentima na prijediplomskom studiju. Kod ostalih parnih usporedbi ne postoje statistički značajne razlike ($p > 0,05$). Slijedom toga može se ustvrditi da je hipoteza H2 (*Ne postoji statistički značajna razlika u učestalosti korištenja materijala na engleskom jeziku na drugim kolegijima u odnosu na razinu studija*) odbačena. Iako ne postoje statistički značajne razlike između svih parova razina studija, postoji značajna razlika između doktorskoga i prijediplomskoga studija, što je dovoljno da se odbaci nulta hipoteza da nema nikakve razlike.

4. ZAKLJUČAK

Analizom prikupljenih podataka dobivenih odgovorima na pitanja u *online* upitniku u svrhu ispitivanja koliko često i kako studenti dvije visokoškolske ustanove koriste literaturu na engleskome jeziku dobio se uvid u kojoj su mjeri pojedine ispitane varijable povezane s čitanjem na engleskome jeziku i učestalosti korištenja materijala na engleskome jeziku za potrebe studiranja izvan kolegija engleskoga jezika.

Prvo i osnovno pitanje bilo je čitaju li studenti općenito na engleskome jeziku i rezultati su bili zadovoljavajući, s obzirom na to da je više od tri četvrtine ispitanika dalo pozitivan odgovor na to pitanje. Vrsta literature koju ispitanici čitaju pokazala je da se najviše čitaju internetski i novinski portali, što je u skladu s očekivanjima u doba digitalizacije. Nakon toga slijede stručni materijali za izradu seminara, beletristika te nastavni materijali na raznim kolegijima. Može se zaključiti da studenti stručnu literaturu na engleskome jeziku čitaju prvenstveno u slobodno vrijeme i to u pragmatične svrhe.

Nadalje, činjenica da velik broj studenata koji čitaju na engleskome jeziku čita stručnu literaturu samoinicijativno može se protumačiti visokom motivacijom za uspjeh na pojedinom kolegiju i svijesti o važnosti zadane literature, čija inačica na materinskome jeziku ne postoji ili nije dovoljno relevantna za područje studiranja.

Usporedbom s podacima koji su spomenuti u literaturi, vidljivo je da je stupanj čitanja na engleskome jeziku općenito visok. Uočena je statistički značajna razlika na varijablama spol, razina državne mature i ocjena iz Engleskoga jezika, korištenje literature na engleskome jeziku za potrebe studiranja izvan kolegija Engleski jezik. Tako se može zaključiti da određene demografske skupine (žene u prvom slučaju, oni koji su polagali višu razinu mature u drugom) češće čitaju na engleskome jeziku. Rezultat prema kojemu studentice čitaju na engleskome više od njihovih kolega podudara se s istraživanjem Hu i sur. (2024) koji su zaključili da studentice preferiraju tradicionalne papirne izvore informacija i koriste više formata, da više vremena provode čitajući u slobodno vrijeme te da čitaju beletristiku i časopise češće od studenata.

Nadalje, rezultati sugeriraju da viša ocjena iz engleskoga jezika na maturi korelira s većom vjerojatnošću čitanja na engleskome jeziku, odnosno da oni koji su polagali višu razinu češće čitaju. Ovo je očekivano jer se pretpostavlja da osobe s boljim znanjem jezika češće koriste taj jezik, uključujući i u svrhu čitanja, odnosno da su čitanju na engleskome jeziku skloniji studenti koji, barem formalno, imaju bolje predznanje iz engleskoga jezika i oni koji su obvezni koristiti se literaturom na engleskome jeziku na drugim kolegijima. Tako se rezultati ovoga istraživanja podudaraju s nalazima prethodnih studija koje su istraživale povezanost jezičnih vještina i korištenja literaturom. Slično zaključku kojeg je predstavila Hodak (2022), ovo istraživanje pokazuje da se studenti s boljim znanjem engleskoga jezika češće koriste literaturom na tom jeziku. Taj rezultat u skladu je sa zaključcima Huang (2006), koja ističe da visoko motivirani studenti s dobrim znanjem engleskoga jezika razvijaju napredne vještine čitanja na engleskome jeziku.

S druge strane, rezultati sugeriraju da bi pohađanje kolegija iz engleskoga jezika moglo utjecati na vjerojatnost čitanja engleskoga jezika, ali zbog granične *p*-vrijednosti nakon korekcije, to se ne može sa sigurnošću tvrditi. Isto tako, korištenje engleskoga jezika na radnome mjestu moglo bi utjecati na vjerojatnost čitanja engleskoga, ali zbog granične *p*-vrijednosti nakon korekcije, ni to se ne može sa sigurnošću tvrditi.

U svrhu odgovora na pitanje ima li razlike u učestalosti korištenja materijala na engleskome jeziku na drugim kolegijima u odnosu na razinu studija i potvrđivanja hipoteze da ne postoji statistički značajna razlika u učestalosti korištenja materijala na engleskome jeziku na drugim kolegijima u odnosu na razinu studija, nakon analize dogovora, hipoteza je odbačena s obzirom na to da su rezultati ANOVA testa pokazali da postoje statistički značajne razlike u učestalosti korištenja materijala na engleskome jeziku na drugim kolegijima s obzirom na razinu studija. Statistički značajna razlika među grupama je ona između sveučilišnoga/stručnoga prijediplomskog i doktorskoga studija. Može se zaključiti da se studenti najviše razine studija češće koriste literaturom na engleskome jeziku za potrebe studiranja u usporedbi sa studentima na prijediplomskom studiju.

Rezultat je također u skladu s očekivanjima zbog prirode studiranja na poslijediplomskim studijima koja podrazumijevaju mnogo samostalnoga istraživanja i korištenje recentne literature iz pojedinoga područja. Pregledom programa doktorskoga studija Mediji i komunikacije na Sveučilištu Sjever u Opisu modula/predmeta među obaveznom i dopunskom literaturom najzastupljeniji su izvori na engleskome jeziku i to u znatnom postotku.

Ograničenja i smjernice za buduća istraživanja

Najznačajnije što je utvrđeno tijekom ovoga preliminarnog (pilot) istraživanja jest da svi analizirani podatci ukazuju na postojanje povezanosti između različitih faktora vezanih za učestalost i navike korištenja stručne literature na engleskome jeziku među studentima, što upućuje na to da su ti faktori važni prediktori čitanja na engleskome jeziku. Međutim, važno je uzeti u obzir kontekst istraživanja i specifičnosti studijskih programa pri interpretaciji rezultata (možda neki studijski programi više koriste literaturu na engleskome jeziku od drugih).

Provođenjem istraživanja na dvije ustanove s prigodnim uzorkom može se reći da su rezultati reprezentativni za populaciju od interesa u istraživanju i istraživanje je poslužilo za testiranje metodologije prije provođenja opsežnijega istraživanja. Predstavljeno istraživanje i dobiveni rezultati mogu se iskoristiti u svrhu unaprjeđenja upitnika kao mjernoga instrumenta sa svim njegovim aspektima. Također, veličina uzorka u nekim analizama (posebno korištenje engleskoga jezika na poslu) manja je, što ograničava generalizaciju rezultata te je stoga za generalizaciju na širu populaciju potrebno provesti istraživanje na većem i reprezentativnijem uzorku. Slijedom navedenoga, planira se provesti istraživanje u ljetnome semestru akademske godine 2024./2025., te bi bilo korisno izračunati i mjere veličine efekta kako bi se procijenila praktična važnost povezanosti koje su spomenute ranije u radu jer, iako su neke povezanosti statistički značajne, to ne mora nužno značiti i uzročnost. Daljnjim bi se istraživanjem utvrdilo jesu li ti faktori uzroci ili samo korelati čitanja na engleskome jeziku.

LITERATURA

- Amano, T., Berdejo-Espinola, V., Akasaka, M., et al. (2023). The role of non-English-language science in informing national biodiversity assessments. *Nature Sustainability*, 6(8), 845-854. <https://doi.org/10.1038/s41893-023-01087-8>
- Ferguson, G., Pérez-Llantada, C. i Plo, R. (2011). English as an international language of scientific publication: A study of attitudes. *World Englishes*, 30(1), 41-59.
- Flowerdew, J. i Wang, S. H. (2015). Identity in academic discourse. *Annual Review of Applied Linguistics*, 35, 81-99. doi: 10.1017/S026719051400021X
- Hodak, J. (2022). Navike korištenja stručnih izvora na engleskom jeziku studenata zdravstvenih studija. U S. Kereković & B. Bošnjak-Terzić (ur.), *Conference Proceedings: Contemporary Challenges in LSP Teaching* (pp. 121-134). Udruga nastavnika jezika struke na visokoškolskim ustanovama.
- Hodak, J. i Bošnjak Terzić, B. (2023). Engineering students' use of technical literature in English and attitudes towards ESP. *Strani jezici*, 52(2), 171-195. <https://doi.org/10.22210/strjez/52/2/1>
- Hu, J., Yan, G., Wen, X., & Wang, Y. (2024). Gender differences in reading medium, time, and text types: Patterns of student reading habits and the relation to reading performance. *Reading and Writing*, 37(8), 1879-1904.
- Huang, S. C. (2006). Reading English for academic purposes – What situational factors may motivate learners to read?. *System*, 34(3), 371-383.
- Jerković, J. M. (2017). Analiza potreba studenata tehnoloških fakulteta u Srbiji u nastavi engleskog jezika. *Methodical Perspectives*, 7(7), 377-401. <https://doi.org/10.19090/mv.2016.7.377-401>
- Labo-Popoola, S. O. (2018). Reading habits amongst university undergraduates: Implications for academic performance. *International Journal of Learning and Development*.
- Scientific publishing has a language problem. (2023). *Nature Human Behaviour*, 7(7), 1019-1020. <https://doi.org/10.1038/s41562-023-01679-6>
- Über Grosse, C. i Voght, G. M. (2012). The continuing evolution of languages for specific purposes. *The Modern Language Journal*, 96(1), 190-202.
- Wang, J. J., Chen, Q., Duan, Y. D., Lin, B. L., Wang, S. S., Mei, Y. X. i Wang, P. P. (2023). Chinese nursing postgraduates' views on implementing outcome-oriented academic English course: a descriptive study†. *Frontiers of Nursing*, 10(1), 73-79. <https://doi.org/10.2478/fon-2023-0008>
- Zhang, X., Qiu, J., Yang, B., et al. (2019). Evaluation of factors influencing the guide to read biomedical english literature course for chinese new medical postgraduates – a multiple regression analysis. *BMC Medical Education*, 19(1). <https://doi.org/10.1186/s12909-019-1731-7>

Stručni rad/Professional paper

UDK 811.161.1'243:791

Natallia Kabiak

School of Languages and Linguistics,
University of Melbourne, Australia
nkabiak@unimelb.edu.au

СОВРЕМЕННЫЕ КОРОТКОМЕТРАЖНЫЕ ФИЛЬМЫ НА УРОКЕ РКИ (НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ *LEARN RUSSIAN THROUGH CONTEMPORARY SHORT FILM*)

Аннотация

В статье представлены возможные пути работы с современными короткометражными фильмами на занятиях по РКИ на примере учебного пособия *Learn Russian through Contemporary Short Film* ("Изучаем русский язык с помощью короткометражных фильмов"). Перечислены требования к отбору видеоматериалов, предложены наиболее эффективные упражнения, направленные на активизацию речевой деятельности иностранных учащихся и на формирование лингвострановедческой компетенции вне языковой среды.

Ключевые слова: Русский язык как иностранный, аутентичные видеоматериалы, короткометражный фильм, лингвострановедческая компетенция

Modern short films in the Russian-as-a-foreign-language classroom (based on the example of a textbook *Learn Russian through Contemporary Short Film*)

ABSTRACT

The paper presents productive approaches to utilizing modern short films in the Russian-as-a-foreign-language classroom. These approaches are based on the *Learn Russian through Contemporary Short Film* textbook. The paper lists criteria for selecting video materials; it offers the most effective exercisers aimed at advancing speaking competency of foreign students, as well as developing country knowledge competency outside the linguistic environment.

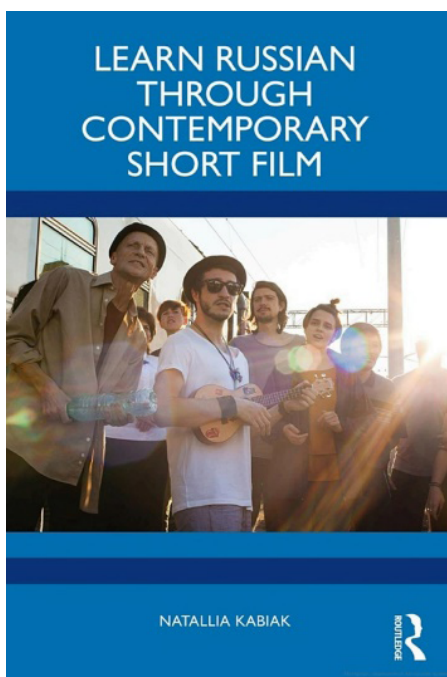
Keywords: Russian as a foreign language, authentic videos, short film, country knowledge competency

1. АУТЕНТИЧНЫЕ ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ НА УРОКЕ РКИ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРОТКОМЕТРАЖНЫХ ФИЛЬМОВ

В практике преподавания русского языка как иностранного не ослабевает интерес к использованию аутентичных видеоматериалов. В условиях нехватки учебных часов экранные средства дают возможность преподавателям обучать студентов-иностранцев одновременно четырём видам речевой деятельности: аудированию, говорению, чтению и письму. В методической литературе неоднократно отмечался лингвострановедческий и лингвокультурологический потенциал аутентичных видеоматериалов, повышающий мотивацию и активность учащихся, особенно в отсутствие языковой среды (Назаренко, Халявина 2014; Николенко, Иванова 2013; Рудольф, Волкова 2020). На продвинутом этапе владения языком в последние годы в качестве дидактического материала широко используются современные короткометражные фильмы, которые дают иностранным студентам наглядное представление о жизни и традициях страны, а также позволяют наблюдать коммуникативно-речевые модели поведения людей, для которых русский является родным.

Короткометражные фильмы относятся к аутентичным материалам, которые, по определению Азимова и Щукина, «используются в реальной жизни страны» (Азимов, Щукин 2009: 25); это материалы, предназначенные для носителей русского языка. С одной стороны, аутентичные видеоматериалы неадаптированы и, следовательно, являются более сложными для восприятия, чем учебные материалы, специально разработанные для студентов-иностранцев. С другой стороны, они содержат объёмный лексический материал и являются для учащихся источником фоновых знаний. Диалоги в аутентичном видео приближены к естественному речевому общению. Работая с такими видеоматериалами, студенты учатся преодолевать трудности, связанные с восприятием на слух индивидуальных особенностей голоса и речи носителей языка. Лучше усваиваются интонационные конструкции, разговорная лексика, которой, как правило, нет в учебниках, но с которой учащиеся сталкиваются в реальной жизни. Просмотр аутентичного короткометражного фильма и понимание того, что происходит на экране, значительно повышает самооценку студентов. Реплики героев фильма могут стать основой для заданий на развитие коммуникативных навыков и умений учащихся, а проблемы современного общества, затронутые в фильме, – стимулом для дискуссии в аудитории или темой для сочинения после просмотра фильма.

При использовании короткометражных фильмов в качестве дидактического материала на продвинутом этапе обучения языку у преподавателя есть возможность показать фильм в рамках одного урока и выполнить задания на развитие коммуникативных навыков и умений в соответствии с целями и задачами конкретного курса обучения. Короткометражные фильмы позволяют разнообразить занятия, добавить визуальный компонент в основной учебный материал или обсудить несколько аспектов жизни современного российского общества в краткие сроки. Некоторые методические приёмы и упражнения в процессе работы с короткометражными фильмами на занятиях по РКИ представлены в данной статье на примере учебного пособия Н. Кабяк *Learn Russian through Contemporary Short Film* (2025).

Учебное пособие Н.В. Кабяк *Learn Russian through Contemporary Short Film*. London, 2025

Пособие включает 12 короткометражных фильмов, созданных на протяжении последних десяти лет (2014 – 2022) в России и Казахстане:

1. «Собеседование» (режиссёр Константин Фарадьян)
2. «Вдох» (режиссёры Ж. Мищенко, А. Красноцветов)
3. «Москва-Владивосток» (режиссёр Иван Соснин)
4. «Разные судьбы» (режиссёр Мария Рябинина)
5. «Соседи» (режиссёр Юрий Цай)
6. «Выдающийся оливье» (режиссёр Воля Медведев)
7. «Большая восьмёрка» (режиссёр Иван Соснин)
8. «Продавец грёз» (режиссёр Илья Бородин)
9. «Урок экологии» (режиссёр Иван Соснин)
10. «8» (режиссёр Анна Меликян)
11. «Чернильное море» (режиссёр Иван Соснин)
12. «Варя» (режиссёр Ника Горбушина).

В фильмах отображаются актуальные проблемы российского общества, звучит живая разговорная речь. Каждый короткометражный фильм представляет собой целостное художественное произведение, взгляд на современную действительность отдельного режиссёра. Пособие адресовано иностранным учащимся, владеющим русским языком в объёме первого сертификационного уровня (B1), и может быть использовано в качестве основного на занятиях по русскому языку и страноведению в вузах, на вечерних курсах русского языка, в старших классах зарубежных школ в процессе подготовки к выпускным экзаменам по русскому языку

(например, *VCE* в Австралии, *Leaving Certificate* в Ирландии), а также в качестве дополнительного материала к основному курсу, посвящённому современной России.

2. КРИТЕРИИ ОТБОРА КОРОТКОМЕТРАЖНЫХ ФИЛЬМОВ

При отборе фильмов в качестве дидактического материала учитывались интересы студентов Мельбурнского университета, а также продолжительность фильмов, их доступность. Так, фильмы, включённые в пособие, делятся от восьми до двадцати четырёх минут, их герои близки по возрасту студентам, которые изучают русский язык как иностранный. Принимались во внимание сюжет фильма, актуальность употребляемой в нём лексики, дикция актёров, а также воспитательная составляющая фильма. Например, фильмы «Москва-Владивосток», «Урок экологии» и «Большая восьмёрка» являются частью киноальманаха «Иваны, помнящие родство», в который входит серия фильмов о фундаментальных ценностях человека. Фильм «Соседи» является частью проекта «Добрые истории», что говорит само за себя.

Кроме этого, обращалось внимание на наличие в фильме конфликта для дальнейшей дискуссии, на страноведческую и социокультурную ценность фильма, позволяющую познакомить студентов с различными аспектами жизни и культуры России. Тем не менее, следует отметить, что один из фильмов, включённых в пособие («Соседи»), снят в Казахстане и является экранизацией рассказа современного российского писателя Александра Райна. Это обусловлено повышенным интересом иностранных учащихся к странам бывшего СНГ, куда они едут изучать русский язык как иностранный по программам студенческого обмена, например, из вузов Великобритании. В данном случае, фильм «Соседи» способствует пониманию явлений культуры, с которыми студенты могут столкнуться во время поездки в Казахстан (*Салам алейкум!* – приветствие в Казахстане; *баурсаки* – казахское национальное блюдо из теста) (Kabiak 2025: 43).

3. ЭТАПЫ РАБОТЫ НАД ФИЛЬМОМ

Каждая глава пособия посвящена отдельному фильму и включает ряд заданий, которые способствуют подготовке к сдаче субтестов по аудированию, говорению, чтению и письму сертификационных экзаменов ТРКИ-2 и ТРКИ-3, а также подготовке к выпускным экзаменам по русскому языку в старших классах зарубежных школ. Предлагаемый порядок фильмов обусловлен не временем их создания, а сложностью предлагаемого материала. Методические разработки к каждому фильму построены по принципу избыточности материала, возможно выборочное его изучение в соответствии с конкретными учебными целями и задачами урока. Большая часть языковых заданий снабжена ключами, данными поурочно, для студентов, которые изучают русский язык самостоятельно. В отдельную главу в начале пособия («Говорим о короткометражных фильмах») вынесена лексика, включающая слова и словосочетания, необходимые в процессе обсуждения фильма.

Алгоритм работы над каждым короткометражным фильмом включает задания перед просмотром фильма, самостоятельный или аудиторный просмотр фильма и задания после просмотра фильма. Остановимся более подробно на каждом этапе работы над фильмом.

4. ЗАДАНИЯ ПЕРЕД ПРОСМОТРОМ ФИЛЬМА

В начале каждой главы пособия вниманию учащихся предлагается кадр из фильма и информация о его создателях. В большинстве фильмов, включённых в пособие, задействованы известные талантливые актёры и музыканты: Александр Лазарев, Леонид Агутин, Ингеборга Дапкунайте, Владимир Вдовиченков, Евгений Цыганов, Ирина Пегова, Катерина Шпица, Варвара Шмыкова и другие. Перед просмотром фильма учащиеся знакомятся и с новыми именами в области современного киноискусства: Иваном Сосниным, Марией Рябининой, Ильёй Бородиным, Никой Горбушиной. Кроме этого, студентам предлагается поработать с названием фильма. Как

правило, название содержит информацию, которая позволяет составить предварительный прогноз о содержании фильма и подготовиться к его восприятию. Уточняющие вопросы к некоторым названиям фильмов помогают студентам справиться с данной задачей. Например, обсуждая название фильма «Выдающийся оливье», студенты отвечают на вопрос о том, когда в России обычно готовят салат оливье, а также подбирают синонимы к прилагательному «выдающийся» (Kabiak 2025: 53).

Следующее задание перед просмотром фильма – это знакомство с краткой информацией о нём: учащиеся читают небольшой текст о фильме и объясняют, как они понимают слова или словосочетания в тексте, которые могут вызвать затруднения во время просмотра фильма. Например, это фразеологизм «свернуть горы» («Разные судьбы»), словосочетания «лестничная площадка» («Соседи»), «пожарная часть», «начальник части» («Варя») (Kabiak 2025: 33, 43, 117).

Перед просмотром фильма отрабатывается новая лексика, которая во время просмотра фильма проясняется при помощи видеоряда. Особый интерес учащихся вызывает разговорная, разговорно-сниженная и жаргонная лексика, представленная в лексическом минимуме III сертификационного уровня (C1) и рекомендованная только для рецепции: *качалка* (тренажёрный зал, ср. – качаться – заниматься физкультурой, бодибилдингом); *фигня* (в значении ерунда) (Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень. Общее владение 2019: 195, 198). При знакомстве с данной лексикой необходим комментарий преподавателя об уместности её употребления в речи.

К некоторым фильмам предлагаются дополнительные задания. Например, перед просмотром фильма «Москва-Владивосток» студенты ищут на карте России Москву и Владивосток, составляют маршрут следования поезда между этими городами и отвечают на вопросы о том, сколько километров необходимо проехать из Москвы во Владивосток, сколько дней может длиться такая поездка, в каких крупных городах останавливается поезд по пути во Владивосток (Kabiak 2025: 21).

В двух последних фильмах пособия («Чернильное море» и «Варя») встречаются термины, употребляемые в речи моряков и в речи пожарных (например, *отстоять вахту*, *боевая готовность*, *состав караула*). Данный пласт лексики особенно востребован при обучении языку специальности будущих военных. Сначала учащиеся знакомятся с новыми словами и выражениями, а потом – с репликами героев фильма, которые включают незнакомые слова и словосочетания. При необходимости значение новых лексических единиц уточняется в словаре.

5. ЗАДАНИЯ ВО ВРЕМЯ ПРОСМОТРА ФИЛЬМА

Во время просмотра фильма студенты могут сделать заметки в тетрадях для дальнейшего обсуждения фильма, например, записать имена героев, однако на данном этапе необходимо дать учащимся возможность воспринять фильм как целостное художественное произведение. Предлагаемые в пособии короткометражные фильмы длятся не более 24 минут, поэтому каждый фильм рекомендуется смотреть целиком, без остановок.

6. ЗАДАНИЯ ПОСЛЕ ПРОСМОТРА ФИЛЬМА

Задания после просмотра фильма начинаются с обсуждения первых впечатлений учащихся: им предлагается отметить, что в фильме больше всего запомнилось, что понравилось, а что не понравилось. Далее следуют вопросы на понимание сюжета и задания на описание характера и поведения героев. Например, в главе, посвящённой фильму «Собеседование», студентам необходимо выписать характеристики, которые главный герой фильма Виктор даёт себе сам и не проходит собеседование (например, *привлекательный*), а потом подумать о том, что хотят услышать от Виктора работодателя (например, *исполнительный*, *пунктуальный*, *ответственный*) (Kabiak 2025: 3).

Кадр из филма «Собеседование» (режиссёр Константин Фарадьян, 2018)
Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=3VQSgiuKjHE&t=59s>

После обсуждения героев фильма учащиеся выполняют задания на словообразование, лексико-грамматические и грамматические упражнения, где представлены самые актуальные аспекты грамматики: падежные формы существительных, прилагательных, местоимений и числительных, вид глаголов, глаголы в форме повелительного наклонения, глаголы движения, образование и употребление причастий и деепричастий, употребление союзов и союзных слов.

За грамматическими заданиями следуют речевая практика и дискуссия, целью которых является вовлечение учащихся в активную речевую деятельность. В этих разделах предлагается восстановить телефонные разговоры в фильме, обсудить эмоции и чувства, которые герои испытывают в разных эпизодах фильма, составить диалоги в ситуациях, расположить кадры из фильма в порядке их следования и пересказать диалоги к каждому кадру, провести исследование и подготовить доклад в группе на затронутую в фильме тему.

В процессе дискуссии учащимся предлагается разделить на две группы и обсудить вопрос полемического характера (например, «Можно ли родителям решать за детей, какую профессию им выбрать?») (Kabiak 2025: 78). Одна группа приводит доказательства за, а другая – против. После дискуссии студенты обсуждают, почему создатели фильма дали ему определённое название, можно ли предложить другое название фильма, насколько удачным является постер к фильму.

Постер к фильму «Варя» (режиссёр Ника Горбушина, 2020)

Кроме этого, частью дискуссии является задание на ознакомление как с положительными, так и отрицательными отзывами носителей языка на каждый короткометражный фильм на сайтах youtube.com, ivi.tv, kinopoisk.ru, kino-teatr.ru и других. Учащимся предлагается согласиться или не согласиться с отзывами и аргументировать свою точку зрения. Обучение умению вести дискуссию особенно актуально для старшеклассников Австралии во время подготовки к выпускному экзамену по русскому языку VCE, так как вторая часть устного экзамена предполагает раскрытие темы детального изучения и дискуссию с экзаменатором, а письменные задания предполагают написание доклада, рассматривающего преимущества и недостатки определённого явления (VCAA Russian Language Examination specifications and sample materials).

В качестве письменного задания учащимся предлагается написать отзыв о фильме, письмо, доклад или эссе на одну из предложенных в пособии тем. В докладах после просмотра фильмов «Урок экологии» и «Большая восьмёрка» студентам необходимо предложить эффективные меры по решению экологических проблем в родном городе и рассказать о том, как в их родной стране государство решает проблему бездомных животных (Kabiak 2025: 91, 69).

Во время заключительного этапа работы учащиеся выполняют тест для внимательных зрителей по структуре схожий с заданиями, предлагаемыми на экзаменах ТРКИ-2 и ТРКИ-3. Для выполнения теста студентам, возможно, потребуется посмотреть фильм ещё один или несколько раз.

Выбирая короткометражные фильмы и методы работы с ними на уроке РКИ, преподаватель учитывает множество факторов, среди которых уровень подготовки учащихся и их интересы. Практика показывает высокую эффективность работы с короткометражными фильмами в процессе формирования навыков и умений речевой деятельности иностранных студентов, их лингвострановедческой компетенции, а также в процессе повышения самооценки учащихся и их мотивации к изучению русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Азимов Э. Г., Щукин А. Н. (2009). *Новый словарь методических терминов и понятий*. М. *Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень. Общее владение* (2019). / под ред. Н. П. Андриюшиной. СПб.
- Назаренко Е. Б., Халявина Д. В. (2014). Современные фильмы на уроках РКИ. «Питер ФМ» // *Русский язык за рубежом*. №2. С. 41-47.
- Николенко Е. Ю., Иванова О. В. (2013). Система работы с художественным фильмом на уроках РКИ // *Русский язык за рубежом*. №4. С. 43-52.
- Рудольф С., Волкова Л. Б. (2020). Короткометражный фильм В. Подгорецкого «Не мой» как средство обучения РКИ // *Русский язык за рубежом*. №3. С. 99-112.
- Kabiak N. (2025). *Learn Russian through Contemporary Short Film*. London.
- VCAA *Russian Language Examination specifications and sample materials* (<https://www.vcaa.vic.edu.au/assessment/vce-assessment/past-examinations/Pages/russian.aspx>), accessed 20.12.2024

RECENZIJA

BOOK REVIEW

РЕЦЕНЗИЯ

Новикова Виктория Викторовна

Центр русского языка, Лондон, Великобритания
novikovavic@gmail.com

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ «ЛЮБИМЫЕ СОВЕТСКИЕ ФИЛЬМЫ НА УРОКЕ РКИ» И «LEARN RUSSIAN THROUGH CONTEMPORARY SHORT FILM», АВТОР Н. В. КАБЯК

Учебные пособия «Любимые советские фильмы на уроке РКИ» и «Learn Russian through Contemporary Short Film» предназначены для широкого круга иностранных учащихся, владеющих русским языком на уровне В1 и выше. Оба пособия могут быть использованы в преподавании русского языка, культуры, советской и современной истории в университетах, языковых школах, старших классах зарубежных школ, для подготовки к сдаче экзаменов ТРКИ-2 и ТРКИ-3. Они также подходят для самостоятельного изучения благодаря наличию четкой системы пред-, при- и послепросмотровых заданий и ключей к ним.

Для учебного пособия «Любимые советские фильмы на уроке РКИ» (издательство «Флинта», 2022) автором было отобрано 10 советских кинолент, снятых в период 1960-1980-х гг. Леонидом Гайдаем, Эльдаром Рязановым, Георгием Данелия, Владимиром Меньшовым и Геральдом Бежановым. Каждый фильм отражает определённый период жизни в СССР, что позволяет использовать их в качестве дополнительного материала к изучению курса советской истории и культуры.

Каждый раздел включает предпросмотровые задания, направленные на снятие лексических трудностей и обеспечивают знакомство учащихся с историческими, культурными и географическими реалиями; задания при просмотре фильма фокусируют внимание учащихся на основных вехах сюжета, именах героев и др.; задания после просмотра фильма включают детальную работу с ключевыми диалогами и полилогами фильма, вопросы для обсуждения, а также задания по словообразованию, грамматике, лексике и фразеологии, письму и речевой практике. Задания можно выполнять как последовательно, так и выборочно, что значительно облегчает работу преподавателя с пособием, так как позволяет адаптировать его материал для самых разных учебных целей.

Отдельно стоит отметить задания по работе с крылатыми фразами из фильмов: автор максимально погружает учащихся в тот контекст, в котором эти фразы были использованы в фильме, а затем предлагает задания, в которых крылатые выражения звучат в контексте повседневной жизни русскоговорящих и задания на подстановку этих фраз в диалоги и полилоги.

Неоценимым достоинством пособия являются задания по работе с интонацией, иллюстрацией к которым являются фрагменты изучаемых фильмов. Такая работа очень важна для студентов, готовящихся к сдаче экзаменов на Второй и Третий сертификационные уровни ТРКИ (B2 и C1 по шкале CEFR).

Используемые автором методические приемы и подходы к презентации и отработке материала фильмов позволяют учащимся достичь максимально глубокого понимания как самого фильма, так и эпохи, в которую он был создан, и создают основы устойчивой мотивации к дальнейшему знакомству с советским и российским кинематографом.

Изданное британским издательством Routledge в 2024 году учебное пособие «Learn Russian through Contemporary Short Film» состоит из 12 разделов, в основе каждого раздела – современный короткометражный фильм. Все короткометражные фильмы были выпущены между 2014-2002 гг. в России и Казахстане, их тематика отражает повседневную жизнь, общение, традиции и культуру постсоветского времени.

В самом начале учебного пособия находится очень полезный раздел «Говорим о короткометражных фильмах», где собраны слова и выражения, которые студенты могут использовать при обсуждении фильма и его содержания, его создателей и актёров и дать оценку как самому фильму, так и исполнителям главных и второстепенных ролей. Раздел также содержит список наиболее часто употребляемых фраз для участия в дискуссии, согласия или несогласия с собеседником.

Содержание каждого следующего раздела способствует погружению в реалии изучаемого фильма с помощью заданий, позволяющих понять не только эксплицитно выраженную информацию, но и подтекст, который в силу недостаточного опыта общения в языковой среде часто ускользает от иностранных учащихся.

Структура каждого раздела схожа со структурой заданий пособия «Любимые советские фильмы на уроке РКИ», но в данном пособии автор уделяет большое внимание работе с различными стилями современного русского языка, включая разговорный и официально-деловой, анализируя и предлагая использовать в различных контекстах устойчивые выражения, характерные для повседневного общения.

Задания учебного пособия «Learn Russian through Contemporary Short Film» дают студентам возможность поработать над всеми видами речевой деятельности: учащимся предлагается подумать над вопросами, ответы на которые могут быть совсем неочевидны или даже неоднозначны, принять участие в дискуссии, написать рецензию на просмотренный фильм, соотнести полученные впечатления с собственным жизненным опытом и даже поучаствовать в ролевой игре по мотивам изучаемого фильма. В конце каждого раздела учащимся предлагается ознакомиться с отзывами на короткометражные фильмы, взятыми из комментариев на Youtube и других видеохостингов, что позволяет увидеть широкую палитру мнений, зачастую совершенно неожиданных.

Студенты могут работать по пособию как самостоятельно (в нём есть вся необходимая информация и ключи к заданиям), так и с преподавателем, в группе или индивидуально.

Для преподавателя РКИ это учебное пособие, построенное по принципу «избыточности материала», является полезнейшим источником разнообразных видов работы, которые можно адаптировать под любую длину курса, уровень языковой компетенции студентов и их интересы.

«Тест для внимательных зрителей», который завершает каждый раздел (такие тесты есть в обоих рецензируемых пособиях), является одной из лучших находок автора. По отзывам учащихся, такой способ завершения работы над фильмом даёт чувство удовлетворения от глубокого понимания содержания фильма либо мотивирует пересмотреть какие-то фрагменты, чтобы освежить в памяти детали фильма или реплики героев.

Таким образом, учебные пособия «Любимые советские фильмы на уроке РКИ» и «Learn Russian through Contemporary Short Film» Н.В. Кабяк являются, на наш взгляд, уникальными среди пособий похожей тематики благодаря сочетанию в них традиционных методических подходов с творческими и новаторскими способами подачи и анализа материала и могут быть рекомендованы для использования в широком спектре курсов по русской культуре, российской и советской истории, советскому и современному российскому кино, особенно вне русской языковой среды.

ORGANIZATORI I PARTNERI KONFERENCIJE / CONFERENCE ORGANIZERS AND PARTNERS

Sveučilište Jurja Dobrile u Puli / Juraj Dobrila University of Pula

Filozofski fakultet / Faculty of Humanities

Katedra za strane jezika

Filozofski fakultet u Puli

BALTIC
INTERNATIONAL
ACADEMY
LATVIAN REPUBLIC

SPONZORI / SPONSORS

Istarska županija
Region of Istria

ISTARSKA REGIONE
ŽUPANIJA ISTRIANA

Arheološki muzej Istre
Archaeological
Museum of Istria

Turistička zajednica Grada Pule
Tourism Office Pula

Svijet biljaka d.o.o.

Vinari
The Winemakers

KALAOJNA

ISBN 978-953-377-101-4

Publikacija nije namjenjena prodaji
The publication is not intended for sale